

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Москва, 19-21 марта 2013 г.

МОСКВА 2013

УДК 902/903
ББК 63.4
Н76

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

к.и.н. В.И. Балабина, к.и.н. А.Н. Ворошилов, к.и.н. В.А. Гаиров, к.и.н. Л.А. Голофаст,
к.и.н. Н.Д. Двуреченская, д.и.н. М.В. Добровольская, д.и.н. А.А. Завойкин, к.и.н. И.Е. Зайцева,
к.и.н. С.Д. Захаров, к.и.н. О.В. Зеленцова, к.и.н. И.В. Исланова, к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н.
Д.С. Коробов, к.и.н. Г.Г. Король, к.и.н. С.В. Кузьминых, к.и.н. Е.В. Леонова, к.и.н. Н.В. Лопатин,
д.и.н. А.М. Обломский, к.и.н. И.А. Сапрыкина, к.и.н. Н.Н. Фараджева, к.и.н. З.Х.-М. Царикаева,
д.и.н. Ю.Б. Цетлин

Ответственные редакторы и составители

к.и.н. В.Е. Родинкова,
А.Н. Федорина

Новые материалы и методы археологического исследования:
Н76 Материалы II Международной конференции молодых ученых. – М.: ИА
РАН, 2013. – 204 с.: илл.
ISBN 978-5-94375-146-2

В сборник включены материалы к докладам, прочитанным молодыми учеными на II Международной научной конференции «Новые материалы и методы археологического исследования», прошедшей в Институте археологии РАН 19–21 марта 2013 г. Тематика охватывает широкий спектр проблем современной археологии.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей.

УДК 902/903
ББК 63.4

В оформлении обложки использована иллюстрация к докладу П.С. Успенского

ISBN 978-5-94375-146-2

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2013
© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И ПАЛЕОРЕКОНСТРУКЦИИ

Ожерельев Д.В. Исследования раннепалеолитического памятника Мухкай II в Дагестане (методы и открытия).....	9
Ветров В.С. Нижнепалеолитические местонахождения с кварцитами в Среднем Подонцовье.....	10
Чеха А.М. Местонахождения с бифасами в Северном Приаралье: периодизация и корреляция.....	12
Доронищева Е.В. Изучение каменного сырья в палеолите: методы, результаты, интерпретации.....	13
Кандыба А.В. К вопросу о периодизации культур в палеолите Юго-Восточной Азии (по материалам памятников Вьетнама).....	15
Бессуднов А.А. III культурный слой Костенок 14 и проблема малодиагностичных индустрий в Костенках.....	16
Медведев С.П. Клад из верхнего культурного слоя позднепалеолитической стоянки Каменная Балка II.....	18
Еськова Д.К. Реконструкция процесса расщепления камня на стоянке Зарайск В.....	20
Солдатова Т.Е. Обработка костяного сырья на памятниках ранней поры верхнего палеолита Европы: к постановке проблемы.....	22
Павленок К.К. Технологические варианты мелкопластинчатого производства в верхнем палеолите Северо-Западного Тянь-Шаня: стоянка Кульбулак.....	23
Шнайдер С.В. Мезолит западного Памиро-Тянь-Шаня (по материалам памятника Туткаул).....	25
Павленок Г.Д. Техники микропластинчатого производства на юге Западного Забайкалья в финальноплейстоценовое время.....	27
Козликин М.Б. Технология первичного расщепления в период перехода от среднего к верхнему палеолиту (по материалам восточной галереи Денисовой пещеры).....	28
Белоусова Н.Е. Ранневерхнепалеолитические каменные индустрии Горного Алтая: пространственный анализ.....	30
Александрова О.И., Антипушина Ж.А., Чернышева Е.В. Комплексные исследования пещеры Двойная: предварительные результаты.....	31
Дудо Д.А. Стоянка Талицкого: перспективы изучения.....	33
Андреев К.М., Шалапинин А.А. Каменный инвентарь стоянки Чекалино IV в Самарском Заволжье.....	34
Вилисов Е.В. Специфика каменного инвентаря святилища Кокшаровский холм.....	36
Шорина А.А. Юрьинское поселение эпохи неолита: стратиграфия и планиграфия керамических комплексов.....	37
Куличков А.А. Орнаменты эпох неолита – ранней бронзы в лесостепном Подонье.....	39
Цветкова Н.А. Ранний неолит Верхней Волги и источники его изучения.....	42

Барацков А.В. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия	43
Жамбалтарова Е.Д. Комплекс раннеолитических погребений Фофоновского могильника	44
Хорошун Т.А. К вопросу изучения керамики позднего неолита – раннего энеолита (по материалам памятников в бассейне Онежского озера)	46
Зардарян Д.Э. Расписная посуда конца V – начала IV тыс. до н.э. из пещеры Арени-1	49
Корнева Т.В. Место орнаментики Мальты в верхнем палеолите Восточной Европы и Сибири (применение культурно-исторического подхода при изучении палеолитического орнамента).....	51
Кашина Е.А. Родство в финале каменного века лесной зоны Восточной Европы и Финляндии (по материалам лепной антропоморфной скульптуры).....	52
Пальцева А.Н. Культовые предметы в погребении детей со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника.....	53
Ткач Е.С. Влияние культур шнуровой керамики на материальную культуру населения Ловатско-Двинского междуречья (III – начало II тыс. до н.э.)	54
Василаке М.Ю. Поселения этапа кукутень А – Триполье VI в Пруто-Днепровском междуречье: проблемы и перспективы исследования	56
Терёхина В.В. Значение комплексных исследований специализированных поселений трипольской культуры (на примере поселения-мастерской Бодаки).....	57

КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ:

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Мелихова М.А. Погребение с костяной рогатковидной булавкой из Восточного Крыма	59
Файзуллин А.А. Погребальный комплекс как источник информации о социальной структуре ямного общества Южного Приуралья	60
Кузнецова-Фетисова М.Е. Новые и традиционные методы исследования материальной культуры поздней столицы династии Шан (XVI-XI вв. до н.э.) в Китае	62
Федорук А.С. Система жизнеобеспечения поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3	64
Федорук О.А. Совместные захоронения в погребальном обряде андроновской культуры Алтая	66
Раиткина Ю.Ю. Анализ погребальной практики ирменского населения Алтайского Приобья (на основе данных статистического анализа)	67
Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье (результаты технико-технологического анализа).....	69
Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье	70
Умрихин С.М. Предварительная характеристика погребальных комплексов могильника Ушкаттинский I	72
Хаванский А.И. Керамика могильника Ушкаттинский I.....	74
Файзуллин И.А. Хозяйственные и бытовые постройки срубной культуры с территории Западного Оренбуржья	75
Морозова Т.В. Керамические сосуды в погребальном обряде эпохи поздней бронзы (по материалам могильника Бестамак).....	77

Лошакова Т.Н. Поселенческие комплексы эпохи бронзы Северо-Восточного Устьюрта	78
Шарина Г.А. Абашевская керамика сахтышских стоянок ивановской области (из собрания археологического музея ИВГУ).....	79
Михайлов Д.С. Памятники воронежской культуры на Среднем и Верхнем Дону: общее и особенное	81
Никитин А.П. Орнаментация псалиев староюрьевского типа с территории Верхнего и Среднего Подонья	82
Загородняя О.Н. К вопросу о функциональном назначении орудий из кости картамыша (эпоха поздней бронзы).....	83
Наджафов Ш.Н. Результаты археологических раскопок на поселении Сарвантепе в 2010-2012 годах.....	85
Сырбу М.А. Пруто-Днестровское междуречье в период поздней бронзы: культурный комплекс Ноуа-Сабатиновка.....	87
Сырбу Л.В. Особенности раннегальштатского керамического комплекса памятников Северо-Молдавского плато (на примере поселения Тринка–Изворул луй Лука)	89

АНТИЧНЫЙ МИР И МИР ВАРВАРОВ: ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ

Ворошилов А.Н. Об одном типе клинкового оружия ранних скифов.....	91
Сеитов А.М. Вооружение кочевников Тургая сарматского времени	92
Марченко Ю.В. Два погребения скифского времени Нартанского могильника, Республика Кабардино-Балкария (к вопросу определения пола по археологическим данным).....	95
Батасова А.В. Греки и меоты (сравнение хозяйственной жизни на ранних этапах греческой колонизации Таманского полуострова).....	97
Гречко Д.С. О кризисе греко-варварских отношений конца первой трети III в. до н.э. (По материалам Северо-Западного Крыма)	98
Красникова Е.А. Греко-варварский синтез в создании образа человека на боспоре римского времени.....	101
Тюрин М.И. Новые открытия в Юго-Западном Крыму: античное поселение на высоте 120 в нижнем течении р. Бельбек	103
Грицик Е.В. Эллинистический зольник Мирмекия	105
Кузьмина Ю.Н. Комплекс находок из общественного здания эллинистического времени на южной окраине Фанагории	107
Строков А.А. Обувь населения Фанагории IV-V вв. н.э.	108
Ворошилова О.М. Новая находка двухкамерного склепа в фанагории.....	110
Застрожнова Е.Г. Археологические раскопки XIX столетия на территории Фанагории в контексте современных исследований городища.....	111
Мезенцева И.В. Художественные изделия из свинца из раскопок Ольвии 1935-1939 гг. в коллекции Национального музея истории Украины	112
Вдовченков Е.В. Тамги как источник изучения взаимодействия сарматов и оседлого населения Танаиса	114
Чурбанов М.О. Кувшин с тамгами из позднеантичного Танаиса.....	115
Лисовский А.В. Проблемы религиозного синкретизма в Малой Азии на примере культа фригийской Матери богов Кибелы.....	117
Тихонов Р.В. Терракотовая статуэтка с городища Дабилькурбан в Северной Бактрии	118

Мызгин К.В. Римская власть и варварская знать: нумизматический аспект....	119
Хомякова О.А. Комплекс деталей ожерелий (подвесок) культуры Доллькайм-Коврово (самбийско-натангийской) римского времени как источник для изучения ее контактов	121

ЧЕЛОВЕК В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВ И ТЕРРИТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Плавинский Н.А. Хронология археологических памятников Среднего Подвинья и Двинско-Неманского междуречья конца I тыс. н.э.: Состояние и перспективы исследований.....	123
Зозуля С.С. Погребения 100 и 459 из Тимерева. К вопросу о появлении камерного обряда погребения на территории Ярославского Поволжья.....	124
Степанова М.И. Бусы в мужских курганных погребениях на территории Полоцкой земли: вопросы функциональной атрибуции	125
Линденков Д.Н. Керамика в погребальном обряде Моховского могильника X-XI вв. на юго-востоке Беларуси.....	127
Кудрявцев А.А. Замки и ключи из курганов Гнёздова	129
Красникова А.М. Исследования погребальных памятников Суздальского Ополья (по материалам могильника Шекшово 9)	130
Терехова Н.В. Стекланные бусы Крюковско-Кужновского могильника	132
Доброва О.П. Бусы из раскопок центрального городища Гнёздова 2004-2012 гг.	133
Стефутин С.А. Коллекция костяных и роговых изделий из раскопок Большого Горнальского городища	134
Колосницын П.П. Средневековые деревянные бирки из раскопок в Старой Руссе: хронология, топография, функции	135
Григорьева Н.В. Бронзолитейное и ювелирное производства по материалам раскопок последних лет в южной части земляного городища Старой Ладogi.....	137
Ларионова Е.Л. Обработка цветных металлов в бассейне р. Чепцы в эпоху средневековья: источники и перспективы исследований.....	138
Кузнецова В.Н. О стиле бронзовых подвесок прикамья начала II тыс. н.э.	139
Попов А.А. Набор украшений XI – начала XII в. севера Верхнего Поочья (по опубликованным материалам)	141
Остапенко А.А. Начало изучения древнерусской мелкой христианской пластики в России.....	142
Кокорина Н.А. История развития нагрудных крестов и ее отражение в материалах археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника	143
Горлов В.А., Шувалова Н.В. Исследования средневековых слоев Фанагории (по материалам раскопок «Верхнего города» в 2008-2012 гг.)	145
Григорьева О.В. О «богатых жилых домах» Древней Руси.....	146
Угланов А.С. Средневековые постройки Белоозера: проблемы реконструкции и компьютерные технологии.....	148
Милованов С.И. Исследования Ивановского вала Печерного города Владимира на Клязьме: стратиграфия и хронология.....	149
Скинкайтис В.В. Керамика древнерусского времени Семилукского городища (сравнительный анализ)	150
Нерушин И.А. Керамический комплекс поселений хазарского времени в Среднем Поволжье.....	152

Никитина А.В. Керамика прикамско-приуральского облика на памятниках именьковской культуры Самарской Луки	153
Суханов Е.В. Крымский керамический импорт в материалах селища-1 у с. Архангельское салтово-маяцкой культуры	155
Нуретдинова А.Р. Техническая керамика из усадьбы ремесленников-кузнецов (раскоп V) Билярского городища	156
Успенский П.С. Хронологическая дифференциация погребений по обряду трупосожжения VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе	157
Мельникова А.А. Погребения поздних кочевников в ладьевидных колодах ...	159
Матюшко И.В. Социально-имущественная дифференциация кочевников XIII–XIV вв. на Южном Урале (по материалам погребений).....	160
Харламов П.В. Комплекс вооружения знатного воина из II Шумаевского курганного могильника в Оренбургской области	162
Плавинский В.А. О времени распространения арбалета на территории Беларуси.....	164
Халмуминов У.Р. Новые данные по ранней истории Илака	165
Ломов П.К. Образ коня в средневековой мелкой глиняной пластике Обь-Иртышского междуречья.....	167
Баранова Н.С. Находки украшений на могильнике Черталы-III в Тарском Прииртышье: новые материалы	169
Ахметов В.В. Источники по изучению погребальной обрядности бохайской элиты	171

НА СТЫКЕ НАУК:

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Панов В.С., Петрожицкий А.В., Сушенцева Н.Н., Усламин Е.А. Радиоуглеродное датирование методом ускорительной масс-спектрометрии в ЦКП «Геохронология кайнозоя»: новые методы и первые результаты	173
Сушенцева Н.Н., Панов В.С., Усламин Е.А. Реконструкция диеты древнего человека методом изотопной масс-спектрометрии	174
Горлова Е.Н. Морские зверобои Чукотки и белый медведь: история двух тысячелетий	176
Бабенко А.Н., Киселева Н.К. Применение комплексного подхода для реконструкции динамики аридных экосистем (на примере изучения зоогенного отложения Ацмаут, пустыня Негев, Израиль)	177
Кириченко Д.А. Обычай трепанации черепа на территории Кавказа и Анатолии (энеолит – эпоха бронзы)	178
Березина Н.Я Решетова И.К. Новые краниологические материалы из могильников Северного Кавказа и Среднего Подонья	181
Решетова И.К. Характеристика палеоантропологических материалов могильников у с. Маяки на Северском Донце.....	182
Клещенко Е.А. Кремационные погребения могильника раннего железного века Чагода I: предварительные итоги исследования.....	184
Чаукин С.Н. Изучение системы расселения в бассейне Москвы-реки в железном веке с помощью методов пространственного анализа	186
Федорова Н.А. Поселения раннего железного века на Верхней Волге: пространственный анализ	188
Федорина А.Н. Пространственная структура средневековых памятников Суздальского Ополя по данным археологии и геофизики	190

Ланг Е.А. Реконструкция исторической топографии Ольвийского городища и некрополя при сопоставлении планов XIX – первой половины XX в. и результатов применения современных технологий.....	192
Акимов В.О. Самодельный аэростат в маловысотной аэрофотосъемке (перспективы использования для разведки акватории Фанагории)	193
Ольховский С.В., Жуковский М.О. Применение фотограмметрии в подводных археологических исследованиях Фанагории	194
Угулава Н.Д. Керамика раннеаланского поселения Энергетик (технико-технологический анализ)	195
Столярова Д.А. Исследование техники изготовления и химического состава золотых украшений из Бесланского (Зильгинского) могильника III в. н.э.....	197
Щербаков В.Л. Технологические особенности изделий из черного металла из коллекции селища Весь-5 в Суздальском Ополье	198
Ахмид С.С. К вопросу о становлении охраны античных памятников Северо-Западного Причерноморья	200
Пономарева И.А. Неопубликованные изображения и разночтения в копиях петроглифов Нижнего Амура: по материалам Ф. № 1099 Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук	202

**ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ
И ПАЛЕОРЕКОНСТРУКЦИИ**

Д.В. Ожерельев

Институт археологии РАН, Москва, dim_as_oj@mail.ru

**ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА
МУХКАЙ II В ДАГЕСТАНЕ (МЕТОДЫ И ОТКРЫТИЯ)**

Раннепалеолитический памятник Мухкай II находится в среднегорной полосе Внутреннего Дагестана, в Акушинском р-не. Он был открыт Х.А. Амирхановым в 2006 г. (Амирханов, 2007). Место исследований представляет собой крупную межгорную котловину, основные формы рельефа здесь – долины двух рек, Акуша и Усиша. Геоморфологическая позиция памятников Внутреннего Дагестана связана с 220-ти метровым террасовым уровнем водораздельной гряды рр. Акуша и Усиша. Мощность раннеплейстоценовых отложений с культурными слоями в районе стоянки Мухкай II достигает своего максимума и составляет не менее 80 м. Данные отложения имеют преимущественно пролювиальный генезис и представляют собой фрагменты позднеплиоценовой поверхности выравнивания.

Многослойный памятник Мухкай II является уникальным палеолитическим объектом с огромной культуросодержащей толщей, которая формировалась в эпоху раннего плейстоцена, на протяжении сотен тысяч лет, и содержит многочисленные слои с инвентарем доашельского (олдованского) облика. Учитывая это, было принято решение в первую очередь получить полный стратиграфический разрез всей мухкайской толщи. Беспрецедентные по масштабу и информативности исследования на Мухкае II продолжаются в течение пяти лет (2008–2012 гг.). За это время разведочными траншеями вскрыто 68 м раннеплейстоценовой толщи, выделено 128 литологических и 35 культурных слоев.

В ходе исследований широко используются различные естественнонаучные методы, имеющие целью уточнить датировку памятника в рамках эоплейстоцена, выявить генезис и структуру всей его толщи вообще и отдельных слоев в частности, а также восстановить палеогеографические условия обитания здесь древнего человека. Например, палеопочвоведческие работы позволили выявить горизонты с признаками почвообразования в слоях 60, 78, 88, 123а. Палеомагнитное обследование памятника показывает обратную намагниченность всей толщи, характерную для эпохи Матуяма (2,6–0,78 млн. л.н.), с минимум двумя положительными эпизодами на глубине 10–15 м и 27–28 м. Другие методы, которые активно используются на Мухкае II, **связаны с изучением геологии и геоморфологии района работ, литологическим анализом отложений всех слоев толщи памятника.** Большое место анализ (крупная и мелкая фауна позвоночных, малакофауна) (Амирханов и др., 2012).

Насыщенность Мухкай II культурными слоями позволяет выделять среди них отдельные стратоединицы, каждая из которых может быть отдельной стоянкой либо фрагментом стоянки.

Работы последних трех лет установили наличие в толще двух основных категорий стоянок. Критерием выделения этих категорий является характер культурного слоя и особенности залегания каменного материала. Первая категория связана с находками каменных изделий в литологических слоях, где они, по всей вероятности, фиксируются не в первоначальном залегании, а были перенесены на небольшое расстояние временными водотоками с других участков и уровней. Кремневые изделия здесь несут на себе незначительные следы физического воздействия потоков и переносимого ими крупнофракционного материала. Таких культурных слоев большинство (например, слой 25, 34, 74, 82 и т.д.). Согласно классификации М.Д. Лики, исследовавшей первые подобные стоянки в Олдувайском ущелье, они определяются как места «с рассеянным в слое материалом» («sites with diffused material») (Leakey, 1971).

На памятнике недавно открыты и непереотложенные (либо минимально смещенные) уровни обитания, где обработанные кремни располагаются *in situ*, в четкой стратиграфической связи с костными останками древних животных – пищевыми отходами обитателей стоянки. Это стоянка Мухкай II, слой 80. М.Д. Лики относит подобные местонахождения к стоянкам с сохранившимся уровнем обитания («living floor») (Leakey, 1971; Plummer, 2004. P. 127).

На сегодняшний день стоянка категории «living floor» в слое 80 Мухкай II изучена на площади 44 кв. м. Собрана коллекция из 892 кремневых изделий, содержащая находки чопперов и пиков как руководящих форм и многочисленных отщепов и обломков из кремня, скребков, ножей, орудий с шипами и т.д. (Ожерельев, 2012. С. 110, 111). Методом сравнительной типологии определена принадлежность инвентаря к олдованской эпохе. В стратиграфическом контексте с орудиями обнаружена и богатейшая фаунистическая коллекция, состоящая из более чем 300 фрагментированных и целых костей раннеплейстоценовых млекопитающих. Видовой их состав следующий: этрусский волк (*Canis etruscus*), мелкая лисица (*Vulpes alopecoides*), саблезубая кошка (*Megantereon cultridens*), древняя гиена (*Pliocrocuta perrieri*), южный слон (*Archidiskodon meridionalis*), древний жираф (*Palaeotragus priasovicus*), стеновая лошадь (*Equus (Allohippus) stenonis*), сложнорогий олень (*Eucladoceros cf. Senezensis*) винторогая антилопа (*Gazellospira torticornis*), горалоподобная антилопа (*Gallogoral meneghini*). Животные приведенного списка являются обитателями открытых и полуоткрытых пространств (Амирханов и др., 2012. С. 16-18).

Таким образом, памятник Мухкай II содержит богатейшие источники информации по ранее известному только на территории Африки и близлежащих территорий отрезку человеческой истории – эпохе олдована. Современная научная парадигма, подкрепленная реальными открытиями и находками, подразумевает, что древнейшие предки современного человека (*Homo erectus*, *Homo ergaster* и др.) появились в Евразии (Кавказ, Ближний Восток, Западная Европа) не позже 1,8 млн. л.н.

Амирханов Х.А. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М., 2007.

Амирханов Х.А., Грибченко Ю.Н., Ожерельев Д.В. и др. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008-2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры. М., 2012.

Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., Саблин М.В. Фауна млекопитающих стоянки Мухкай II (по результатам раскопок 2009-2010 гг.) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Матер. Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012.

Ожерельев Д.В. Изучение многослойного памятника раннего палеолита Мухкай II в 2008-2011 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Матер. Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012.

Leakey M.D. Olduvai Gorge: Excavations in beds I & II, 1960–1963. Cambridge, 1971.

Plummer T. Flaked stones and old bones: biological and cultural evolution at the dawn of technology // Yearbook of Physical Anthropology. 2004. № 47.

В.С. Ветров

Институт археологии НАН Украины, Киев, vet@iteam.net.ua

НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ С КВАРЦИТАМИ В СРЕДНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ

В последние годы была открыта и первично обследована серия нижнепалеолитических местонахождений Среднего Подонцовья, расположенная на востоке Украины в пределах Станично-Луганского и Краснодонского р-нов Луганской обл. Местонахождение у с. Вишневы Дол выявлено В.А. Скориковым в 2006 г, местонахождения у с. Макарово выявлены В.С. Ветровым в 1990 г., местонахождения у с. Пионерское выявлены в 2011-2012 гг. В.С. Ветровым, В.А. Скориковым при участии геологов В.И. Маничева и С.П. Кармазиненко, местонахождения у с. Красный Деркул выявлены В.С. Ветровым в 2012 г.

Вишневы Дол. Материал, из которого изготовлены обнаруженные предметы, представлен преимущественно средне- и мелкозернистым окварцованным, изредка трещиноватым песчаником (кварцитом) коричневого цвета. Также встречается коричневый и красный крупнозернистый песчаник, серый мелкозернистый песчаник в виде небольших плиток. На местонахождении Вишневы Дол обнаружены два крупных нуклеуса бессистемного снятия. Нуклеусы представляют собой массивные конкреции коричневого кварцита, с которых снимались отщепы размером 20-40 см. В собранной коллекции кроме нуклеусов из кварцита имеются многочисленные обломки плиток серого песчаника с негативами одного или нескольких отщепов.

Характерной чертой рубящих орудий (рис. 1, 1, 2, 3) Вишневого Дола является наличие на большинстве из них естественного либо искусственно сформированного обушка, асимметричность форм, а также присутствие на некоторых орудиях плечика, отделяющего широкую базаль-

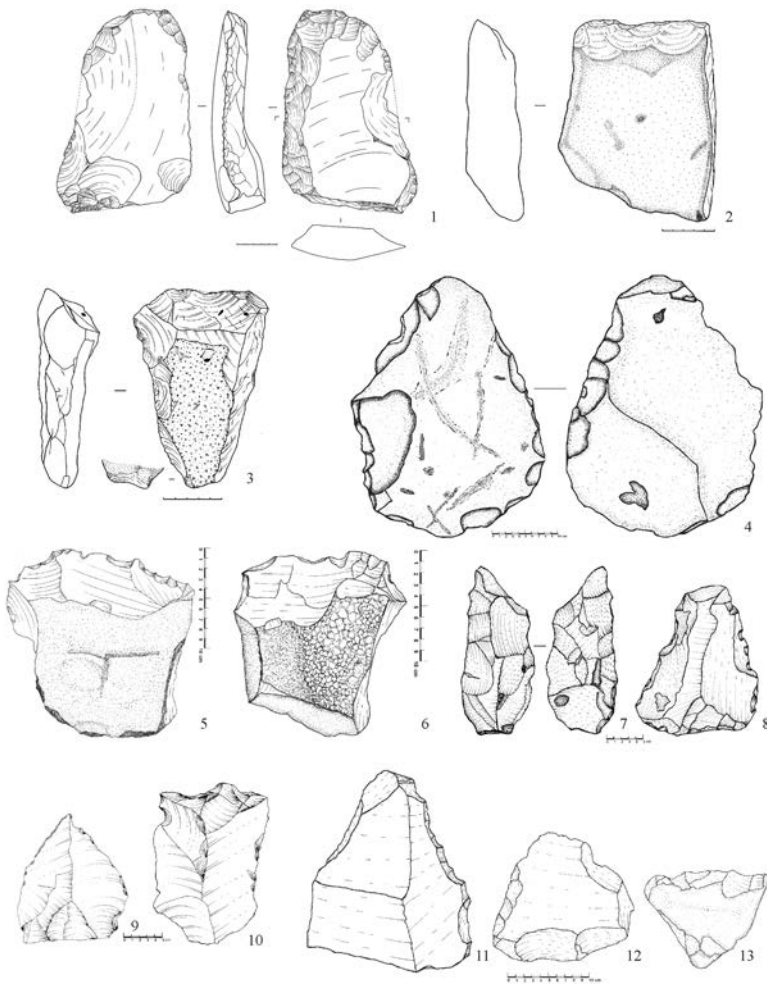

Рис. 1. Кварцитовые орудия нижнепалеолитических местонахождений Среднего Подонья. 1-3 – Вишневый Дол; 4-6 – Макарово; 7-10 – Пионерское; 11-13 – Красный Деркул.

ную часть корпуса орудия от более узкой дистальной. Ведущее положение в коллекции занимают разнообразные чопперы, меньшим числом представлены скребла, присутствуют многочисленные небольшие по размерам орудия, в том числе и зубчатые на долечных отщепках. В целом комплекс Вишневый Дол характеризуется ярко выраженным раннепалеолитическим типологическим составом орудий, отсутствием леваллуазской и пластинчатой техник расщепления камня. Крупные рубящие орудия сформированы односторонней оббивкой на массивных первичных отщепках либо плитчатых кусках кварцита. Значительным количеством более мелких орудий представлена долечная техника расщепления камня. Таким образом, мы можем предположительно отнести местонахождение Вишневый Дол к ашельским памятникам с редкими рубилами (ашель односторонний).

Макарово. Материал, из которого изготовлены

обнаруженные предметы, представлен средне- и мелкозернистым окварцованным, изредка трещиноватым песчаником (кварцитом) преимущественно серого, реже коричневого цвета. Представляется очевидным, что весь материал для изготовления орудий был принесен на стоянку ее обитателями. Судя по геологической съемке этого района, ближайшие участки палеогеновых отложений с кварцитами удалены от местонахождений Макарово на 10-15 км.

Местонахождения у с. Макарово характеризуются техникой расщепления, основанной на первичном дроблении больших конкреций и блоков кварцита с последующей сортировкой обломков и приданием крупным наиболее подходящим кускам формы законченных орудий. В комплексах преобладают грубые рубящие орудия крупных размеров: чопперы, чоппинги (рис. 1, 5, 6) и разнообразные скребла, преимущественно сформированные грубой оббивкой. Отдельно следует отметить крупное рубящее орудие (размеры 39 x 28 см), изготовленное на первичном краевом сколе округлой конкреции кварцита (рис. 1, 4). Грубой краевой оббивкой заготовке была придана миндалевидная форма, после чего рабочая часть была подправлена крупной двусторонней приострающей оббивкой. В комплексе присутствуют разнообразные формы зубчатых орудий. Поверхность артефактов слегка прилощена, патина на разных изделиях (в зависимости от типа кварцита) варьирует от белесой до матовой, на некоторых артефактах присутствует известковый налет. В целом материал макаровских местонахождений имеет несколько более архаичный облик по сравнению с Вишневым Долем и типологически относится к ашельской эпохе.

Пионерское. Серия местонахождений в районе с. Пионерское расположена на правом берегу Северского Донца, на плато водораздела и в верхней части склонов. Некоторые пункты связаны с выходами окварцованных песчаников (кварцитов), залегающих на этом участке в палеогеновых песках. В связи с большим количеством доступного кварцитового сырья часть раннепалеолитических местонахождений представлена мастерскими.

Материал характеризуется крупными отщепами (наибольший имеет размеры 57 x 30 x 10 см), хотя основная масса отщепов – более скромных размеров (в пределах 20-40 см). При общем сравнении материалов Макарово и Вишневого Дола с местонахождениями вблизи Пионерского видны некоторые отличия техники расщепления. При тех же значительных размерах отщепы из Пионерского, как правило, имеют более тонкое поперечное сечение и хорошо ограненную спинку.

Немногочисленные орудия (рис. 1, 7, 8, 9, 10) представлены крупными рубящими изделиями, массивными скреблами, выемчатыми орудиями, отщепами с ретушью. Рубящие орудия изготовлены на отщепе, ширина которых в среднем в 1,5 раза превосходит длину. Иногда грубой оббивкой им придавалась симметричная в плане форма, близкая к миндалевидной, хотя следует отметить, что форма орудий неустойчива. Часто удалялся ударный бугорок в пятке орудия. Часть орудий, вероятно, имеет незаконченную форму. Некоторые секачи и колуны имеют вполне симметричную форму и законченный вид. В целом орудия местонахождений вблизи Пионерского отличаются большей симметричностью, хотя реализовывалась она экономной и часто грубой обработкой. В материалах некоторых местонахождений присутствуют элементы леваллузской техники, пластинчатые отщепы, небольшие рубила. Такие местонахождения, вероятно, относятся к среднему палеолиту (памятникам типа Деркул, Герасимовка, Титовка), однако значительная часть местонахождений, судя по технике расщепления и типологическому составу орудий, в котором присутствуют рубила, чопперы, скребла, относятся к концу раннего палеолита.

Красный Деркул. Местонахождения расположены на правом берегу Деркула на плато водораздела и в высокой части водораздельных склонов. Несколько пунктов связаны непосредственно с выходами кварцитов, залегающих в палеогеновых песках.

Техника расщепления преимущественно основана на первичном дроблении крупных кусков кварцита и последующем снятии отщепов с наиболее подходящих фрагментов. Материал представлен крупными отщепами (размерами до 20-30 см). Часть изделий с вторичной обработкой (рис. 1, 11, 12, 13), в целом сходная с местонахождениями Макарово, представлена массивными чопперами на крупных отщепе и природных обломках кварцитов. Рабочий край сформирован грубой регулярной оббивкой. Имеются массивные скребла и выемчатые орудия.

А.М. Чеха

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
chekhandrej@yandex.ru*

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ С БИФАСАМИ В СЕВЕРНОМ ПРИАРАЛЬЕ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И КОРРЕЛЯЦИЯ

В 1998-1999 гг. в ходе разведочных работ совместной Российско-Казахстанской экспедиции в Западном Казахстане, на северном побережье Аральского моря, были обнаружены 12 местонахождений поверхностного залегания артефактов (Арал-1-8, Арал А-Д). **Найденные археологические материалы** по морфологическим, технико-типологическим признакам и степени сохранности поверхности артефактов носили явно разновременный характер. В связи с этим коллекции пунктов были разделены на четыре группы по степени сохранности поверхности артефактов (сильнодефлированная, среднедефлированная, слабодефлированная и недефлированная).

Среди материалов открытых местонахождений особого внимания заслуживают бифасиально обработанные изделия. В общей сложности был обнаружен 91 экз. целых бифасов и их фрагментов. По степени сохранности поверхности они разделяются на среднедефлированные (18 экз.), слабодефлированные (62 экз.) и недефлированные (11 экз.) изделия.

В среднедефлированной группе присутствуют девять дистальных фрагментов двусторонне обработанных изделий, среди которых имеются подовальные и подтреугольные формы. Семь предметов начальной стадии оформления характеризуются значительными необработанными участками, наличием крупных центростремительно направленных сколов. Следы дополнительной подработки более мелкими сколами практически отсутствуют. Два бифасиальных изделия заключительной стадии оформления листовидной в плане формы являются двояковыпуклыми в сечении, их боковые стороны в плане и профиле извилистые. В дополнение наблюдается подправка лезвий в виде эпизодических, чешуйчатых, средних и мелких фасеток ретуши.

В слабодефлированной группе насчитывается семь фрагментов двусторонне обработанных изделий, которые объединяют технические приемы обработки. Большая часть оформлена крупными сколами, направленными от краев к центру, которые формируют неровную поверхность и

извилистые боковые края. Бифасиальные изделия начальной стадии оформления представлены 19 экз. Все изделия характеризуются наличием крупных центростремительно направленных сколов, без дополнительной подработки. Бифасы заключительной стадии оформления в количестве 36 экз. характеризуются двояковыпуклыми и уплощенными симметричными листовидными формами. Все изделия первоначально оформлялись крупными центростремительно направленными сколами и в дальнейшем подработаны эпизодической чешуйчатой средне- и мелкофасеточной ретушью.

К недефлированным изделиям относятся бифасиальные орудия заключительной стадии оформления – 11 экз. Первые три изделия представлены одним средним и двумя крупными экземплярами удлиненной формы. Боковые стороны орудий извилистые, оформление изделий происходило от краев к центру. Следующие восемь предметов средних размеров имеют подтреугольную и листовидную форму. Все артефакты двояковыпуклые в сечении, лезвия в плане и профиле извилистые. На всех изделиях наблюдается дополнительная подправка краев в виде эпизодических средне и мелкофасеточных снятий.

В пределах Казахстана палеолитические местонахождения с бифасами обнаружены в районе Мугоджарских гор (Деревянко и др., 2001), на п-ве Мангышлак, в Северном Прибалхашье (Семизбугу, пункт 2) (Медоев, 1970; 1982), на юго-западе и северо-востоке Казахского мелкосопочника (Жаман-Айбат-4, Вишневка-3) (Клапчук, 1976; Волошин, 1988) и на левобережье Павлодарского Прииртышья (Кудайколь) (Медоев, 1968). В составе этих индустриальных комплексов наряду с двусторонне обработанными изделиями разных типов присутствуют продукты леваллуазского расщепления.

На территории Монголии бифасиально оформленные изделия зафиксированы среди материалов сильно-, средне- и слабодефлированных комплексов Кремневой Долины (Деревянко и др., 2002).

В Горном Алтае индустрии начальной поры верхнего палеолита с листовидными бифасами обнаружены на палеолитических памятниках Усть-Каракол-1, Тюмечин-4, Денисова пещера (Деревянко, Шуньков, 2005).

Таким образом, основываясь на делении материала по степени сохранности поверхности, можно предположить, что бифасиальные изделия среднедефлированных комплексов относятся к заключительной стадии среднего палеолита. Изменения в орудийном наборе здесь не столь существенны, хотя появились новые типы орудий.

Бифасы слабодефлированных комплексов по аналогиям соотносятся с начальной стадией верхнего палеолита, так как здесь наблюдается рост количества верхнепалеолитических изделий.

Бифасиальные изделия недефлированного комплекса хотя и характеризуют заключительную стадию верхнего палеолита, но по общему характеру оформления близки к бифасиальным формам слабодефлированного комплекса.

Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. 1988. № 4. *Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д. и др.* Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). Новосибирск, 2002.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск, 2001.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005.

Клапчук М.Н. Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат-4 в Центральном Казахстане // СА. 1976. № 3. *Медоев А.Г.* Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.

Е.В. Дороничева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
edoronicheva@hotmail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В ПАЛЕОЛИТЕ: МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Изучению характера использования каменного сырья на разных этапах палеолита уделяется сегодня большое внимание как в работах отечественных исследователей (Любин, Беляева, 2009; Беляева, 2006), так и зарубежных (Brantingham, 2003; Andrefsky, 2009; Dibble et al., 2005). На основе исследования его источников, транспортировки и использования делаются заключения о

мобильности населения, территориях обитания, социальных сетях и распространении культурных ареалов.

Современная методика изучения каменного сырья включает в себя несколько этапов.

1. Визуальное изучение состава каменного сырья археологических коллекций и отбор образцов разных его видов. В результате выделяются основные группы каменных пород на основе цвета, толщины желвачной корки, органогенных включений и текстуры.

2. Определение источников происхождения каменного сырья, изучение месторождений. Отбираются серии образцов всех визуально отличимых видов сырья в пределах месторождения.

3. Изучение образцов каменного сырья со стоянок и месторождений, применение специальных анализов. Петрографическое исследование позволяет получать детальные описания минерального состава образцов, выявлять микровключения в камне, структурные и текстурные особенности. Недостатком метода является уничтожение или частичное разрушение образца. Геохимический анализ позволяет определять химический состав и содержание микроэлементов. К отрицательным сторонам можно отнести разрушение образца и проблемы с определением содержания разных элементов, отсутствие характерных элементов. Рентгеноструктурный метод позволяет выделять основные элементы, составляющие горную породу, анализировать их структуру. Недостатки: отсутствие показательных элементов, уничтожение образца. Пока этот метод используется только как дополнительный.

4. Составление эталонной коллекции каменного сырья месторождений. Позволяет работать с археологическими коллекциями без привлечения специальных анализов всех материалов.

5. Всесторонний анализ археологических коллекций: типологический анализ каменных индустрий, выявление закономерностей оформления орудий в зависимости от вида сырья, изучение влияния сырья на технологию, выявление стратегий его использования.

Нами была использована комплексная методика изучения каменного сырья для стоянок среднего и позднего палеолита Северо-Западного Кавказа (Doronicheva et al., 2012). Доказано, что в среднем палеолите обычно использовались местные ресурсы, находящиеся не более чем в 5 км от стоянки, даже если они были низкого качества. Приносное сырье транспортировалось в виде готовых изделий и сколов на расстояния 20-100 км и более. В верхнем палеолите, напротив, преимущественно употреблялось высококачественное приносное сырье, транспортируемое в виде нуклеусов и пре-нуклеусов. Увеличивается число использовавшихся месторождений, отмечена селекция качественного каменного сырья для изготовления определенных типов изделий.

Вопросы мобильности человеческих коллективов в палеолите обычно решаются на основе резидентных и логистических моделей (Binford, 1980). Большинство исследователей сходятся на том, что мобильность зависит от распределения ресурсов в окружающей среде (Binford, 2001).

Этнографические исследования показывают, что добыча сырья могла быть связана с передвижениями человеческих коллективов в ходе годового цикла, перемещениями на новые территории, а также с обменом. Предполагая, что добыча сырья включена в базовые стратегии жизнеобеспечения, можно сделать вывод, что расстояние, на которое перемещались с этой целью, будет связано с зонами освоения ресурсов, необходимыми для существования коллектива (Roebroeks et al., 1988). Связь между стоянками и месторождениями сырья в данном случае будет представлять «археологические корреляции к стратегиям мобильности» (Rensink et al., 1991. P. 145).

Беляева В.И. Сырье и стоянки верхнего палеолита // Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения. Матер. тематич. науч. конф. СПб., 2006.

Любин В.П., Беляева Е.В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб., 2009.

Andrejsky W.Jr. The analysis of stone tool procurement, production and maintenance // Journal of Archaeological Research. 2009. № 17.

Binford R.L. Willow Smoke and Dogs' Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation // American Antiquity. 1980. № 45.

Binford R.L. Constructing frames of reference: An analytical method for archaeological theory building using ethnographic and environmental data sets. Berkeley, 2001.

Brantingham P.J. A neutral model of stone raw material procurement // American Antiquity. 2003. № 68.

Dibble H., Schurmans U.A., Iovita R.P., McLaughlin M.V. The Measurement and Interpretation of Cortex in Lithic Assemblages // American Antiquity. 2005. № 70 (3).

Doronicheva E., Kulkova M., Grégoire S. La grotte Mézmayaskaya (Caucase de Nord): exemple de l'utilisation des matières premières lithiques au Paléolithique Moyen et Supérieur // L'anthropologie. 2012. № 116.

Roebroeks W., Kolen J., Rensink E. Planning Depth, Anticipation and the Organization of Middle Palaeolithic Technology: The "Archaic Natives" meet Eve's Descendants // Helinium. 1988. № XXVIII/1.

Rensink E., Kolen J., Spieksma A. Patterns of Raw Material Distribution in the Upper Pleistocene of Northwestern and Central Europe // Raw Material Economies Among Prehistoric Hunter-Gatherers. 1991.

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР В ПАЛЕОЛИТЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ВЬЕТНАМА)**

Важнейшими проблемами в палеолите Юго-Восточной Азии являются проблема формирования человека современного типа и изучение сопутствующих изменений в археологических культурах на транзитных территориях. Пещера Конмонг с ее культурными слоями представляет собой ключевой памятник для понимания биологической и культурной эволюции доисторического человека во Вьетнаме и, в целом, в Юго-Восточной Азии. Это подтверждается непрерывностью существования индустрий галечных орудий и антропологического материала, которые представлены во всех культурных комплексах Шонви, Хоабинь и Бакшон.

Изучение пещерных комплексов Конмонг и Манчин позволило проследить динамику развития каменных индустрий в течение перехода от позднего палеолита к раннему неолиту. До открытия пещеры Конмонг наиболее древние памятники, относящиеся к шонвинской культуре, были с поверхностным и/или смешанным залеганием артефактов. Также было известно мало хорошо стратифицированных памятников со слоями, сопоставимыми с хоабиньским периодом во Вьетнаме и, в целом, в Юго-Восточной Азии. Благодаря стратиграфии пещеры Конмонг было подтверждено появление шонвинского (поздний палеолит) культурного комплекса до индустрии Хоабинь и определена дальнейшая хроностратиграфическая последовательность развития археологических культур. Первый и второй культурные периоды (комплексы Шонви и Хоабинь) относятся к галечным индустриям. Галечные орудия типа чопперов и суматралитов встречаются в обоих комплексах. Период Хоабинь отмечается появлением в каменной индустрии характерных топоров так называемого хоабиньского типа. Прямой переход от позднего палеолита к раннему неолиту происходил в пещере Конмонг без появления микролитических традиций. Все материалы и палеоэкологические признаки указывают на долговременное интенсивное заселение пещеры в тропических муссонных условиях во время перехода от плейстоцена к голоцену. Третий культурный период, представленный самыми верхними слоями с бакшонскими артефактами, соотносится с ранним неолитом и характеризуется появлением шлифованных топоров и керамики. Данные, полученные при изучении пещеры Конмонг, демонстрируют существование археологических культур (Шонви, Хоабинь, Бакшон), которые отражают переход от палеолита к неолиту в период от середины 17000 тыс. лет до 10000 тыс. лет в северном Вьетнаме.

Новые открытия захоронений и человеческих костей, относящихся к австрало-меланезийскому фенотипу, в позднепалеолитических слоях демонстрируют, что ритуал захоронения людей с согнутыми в коленях ногами относится к периоду, более древнему, чем неолит. Остеологический материал из пещеры Манчин представлен в основном костями человека. Скопления человеческих костей, принадлежавших приблизительно девяти индивидам, являются собой небольшие, часто сильно обожженные, раздробленные остатки. Из целых экземпляров имеется только череп сапиентного вида. Все находки человеческих останков приурочены к нижней пачке слоя и образуют скопления, непохожие на захоронения. В качестве версии можно предположить присутствие ритуального каннибализма. Ориентировочный возраст данного местонахождения, определенный на основании корреляции каменной индустрии с культурными слоями пещеры Конмонг, 10-15 тыс. лет, что соответствует культурно-историческому диапазону позднего Шонви – раннего Хоабинь.

Костные останки животных, относящихся, в основном, к копытным видам, позволяют выдвинуть предположение об активной охотничьей деятельности, причем фаунистический состав пещерных комплексов не менялся на протяжении всех трех культурно-хронологических периодов. В целом археологические материалы пещер Конмонг и Манчин позволяют предположить, что культурные изменения на рубеже плейстоцена-голоцена, характерны для всей территории сегодняшнего Куянгонгского национального парка и в целом карстового района нагорья Чыонгшон в северном Вьетнаме. Проведенные исследования свидетельствуют о расселении в изучаемом регионе человека современного анатомического вида и о каменных индустриях, по своему облику соотносимых с индустриями, характерными для раннего палеолита. Это убедительно подтверждает гипотезу о том, что эволюционное развитие каменной индустрии и самого человека на рассматриваемой территории происходило в основном на автохтонной основе.

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу и др. Предварительные итоги исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2010-2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу и др. Результаты полевых исследований пещеры Манчин (Вьетнам) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2012. Новосибирск, 2012. Т. XVIII.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Цыбанков А.А. Древнейшие этапы освоения человеком Юго-Восточной Азии: археологические и палеоэкологические данные // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Матер. Всероссийской науч. конф. М., 2012.

А.А. Бессуднов

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
bessudnov_a22@mail.ru*

III КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ КОСТЕНОК 14 И ПРОБЛЕМА МАЛОДИАГНОСТИЧНЫХ ИНДУСТРИЙ В КОСТЕНКАХ

Принципиальными вопросами с момента обнаружения III культурного слоя Костенок 14 в 1953 г. (Рогачев, 1955) являлись: 1) проблема соотношения уровня залегания культурного слоя и обнаруженного под ним погребения «негроида» и 2) таксономическая позиция коллекции каменного инвентаря. Если на первый вопрос однозначный ответ найти едва ли удастся (так как вопрос о стратиграфической позиции объектов всегда решается в полевых условиях), то определение/уточнение культурной атрибуции становится возможным лишь с увеличением численности коллекции каменного инвентаря.

Предположение А.А. Сеницына (1982) о возможном отнесении инвентаря III слоя к городцовской археологической культуре основывалось не на сходстве орудийных форм, а на противопоставлении коллекции раннему граветту типа II культурного слоя Костенок 8. По мере накопления новых материалов становится ясно, что проблема принадлежности III культурного слоя городцовской культуре при отсутствии ведущих для этой культуры типов (костяных лопаточек, «архаичных» типов орудий и др.) еще далека от однозначного решения. Это осложняется общей редуцированностью коллекции: основу типологического набора составляют малодиагностичные изделия, а также обломки орудий и обожженные формы.

В последнее десятилетие силами Костенковской археологической экспедиции ИИМК РАН (руководитель – А.А. Сеницын) проводились целенаправленные работы по изучению нижних культурных слоев Костенок 14. На участке наибольшей концентрации находок III культурного слоя (западная часть мыса) было вскрыто порядка 70 кв. м. В результате работ была установлена восточная граница основной концентрации материала и обнаружены по крайней мере три очажно-углистых пятна.

Коллекция каменного инвентаря за все годы исследований насчитывает около 9000 экз. Основу сырьевой базы составляют кварцит различных цветов и цветной кремнь, в меньшей степени использовался окремненный известняк и черный меловой кремнь. Важной составляющей коллекции являются ожелезненные конкреции и песчаниковые плитки. Стоит отметить, что большинство изделий со вторичной обработкой выполнены из высококачественного мелового кремня.

Нуклеусы в коллекции маловыразительны, в большом количестве присутствуют нуклеидные предметы с единичными сколами, не образующими систему. Единственный в коллекции торцовый нуклеус для снятия микропластинок (рис. 1, 19), возможно, является инородной примесью, так как подобные заготовки в коллекции встречаются редко (рис. 1, 17). В коллекции также имеется серия микронуклеусов, снятие с которых происходило в контрударной технике (рис. 1, 6). Техника расщепления в целом определяется как пластинчатая, хотя большинство пластин и орудий на них представлены фрагментами (рис. 1, 3, 4, 7, 9, 10, 14-16, 18). Часть пластин имеет массивные в профиле пропорции (рис. 1, 7, 15).

Во вторичной обработке характерно присутствие разновеликой, часто нерегулярной ретуши. Притупляющая ретушь применялась преимущественно для оформления скребковых лезвий, в некоторых случаях – для притупления краев заготовки. Техника резцового скола развита слабо.

Изделия со вторичной обработкой и их обломки насчитывают менее 2% от общего числа находок. Около половины морфологически законченных изделий составляют долотовидные изделия (рис. 1, 1, 2, 5). Среди них выделяются желобчатые и чешуйчатые подчетыреугольные орудия

(рис. 1, 2). Долотовидным орудиям морфологически близка группа переменных изделий с двусторонней чешуйчатой подтеской, полученной в ходе использования (рис. 1, 10). Многочисленна группа пластин с ретушью, встречаемых в основном в обломках (рис. 1, 3, 4, 7, 14, 19), также в значительном количестве присутствуют отщепы и осколки с ретушью (рис. 1, 12). Единичными формами представлены скребки, среди которых выделяется высокий двулезвийный скребок на ретушированной пластине (рис. 1, 15), преимущественно многофасеточные резцы (рис. 1, 11) и обломки орудий с полной или частичной двусторонней обработкой (рис. 1, 8, 13).

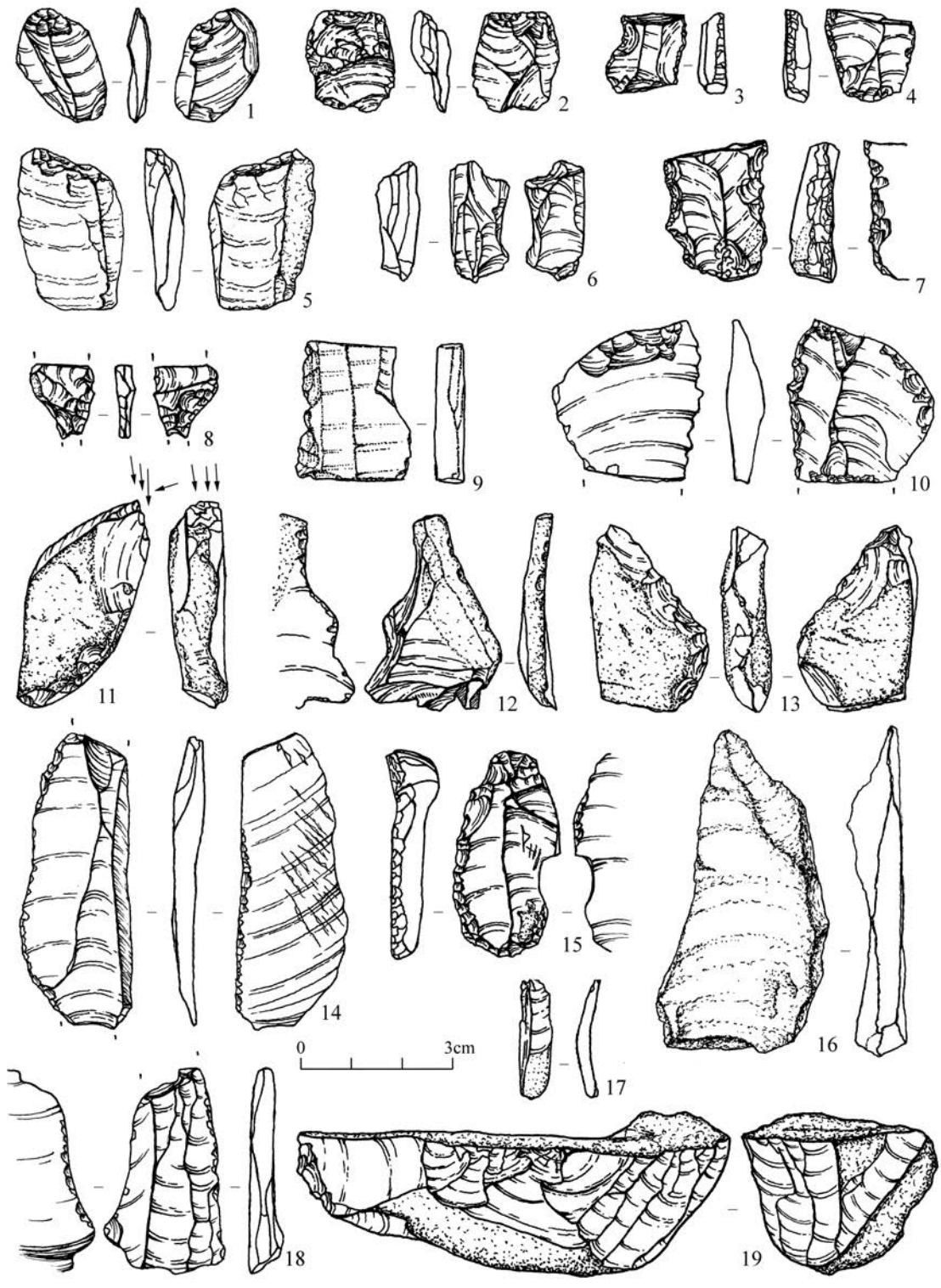

Рис. 1. Каменный инвентарь III культурного слоя Костенок 14 (раскопки 2011-2012 гг.). 9, 16 – кварцит, остальное – кремнь.

Костяной инвентарь состоит из нескольких фрагментов стержней подчетырёхугольного сечения и двух миниатюрных острий.

Несмотря на увеличение коллекции каменного инвентаря в последние годы, типологический облик индустрии практически не изменился (Рогачев, Сеницын, 1982). Значительно пополнилась «пластинчатая» составляющая, более разнообразным стал набор долотовидных изделий. Коллекция оставляет впечатление неполноты, что частично может объясняться смещением отдельных участков культурного слоя и/или сортировкой находок (отсутствие микропластинок, крупных костей и т.д.). Вероятно, на облик инвентаря также в значительной мере повлияло использование сырья низкого качества.

Имеющиеся в типологическом наборе изделия малодиагностичны и имеют аналогии с материалами большинства геологически одновременных памятников верхней гумусированной толщи в Костенках. С одной стороны, присутствуют долотовидные орудия и единичные двусторонне обработанные формы, что характерно для городцовой культуры. В то же время в коллекции нет «архаичных» орудий и городцовских костяных лопаточек. С другой стороны, в индустрии имеется выраженный пластинчатый компонент, а также единичные формы, характерные для более раннего ориньяка (многофасеточные резцы, высокий скребок и т.д.). Стоит подчеркнуть отсутствие элементов, сходных с ранним граветтом типа II культурного слоя Костенок 8. Таким образом, индустрия III культурного слоя содержит отдельные формы городцовой археологической культуры и, возможно, ориньяка, однако окончательные выводы о культурной принадлежности стоянки пока преждевременны.

Автор выражает благодарность А.А. Сеницыну за возможность пользоваться неопубликованными материалами.

Рогачев А.Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина гора) // Советская этнография. 1955. № 1.

Рогачев А.Н., Сеницын А.А. Костенки 14 (Маркина гора) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979 гг. Л., 1982.

Сеницын А.А. Городцовская позднепалеолитическая культура и ее место в палеолите Русской равнины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.

С.П. Медведев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
stas-roi@mail.ru*

КЛАД ИЗ ВЕРХНЕГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II*

Комплекс стоянок и местонахождений Каменная Балка располагается по бортам одноименной балки в окрестностях хут. Недвиговка (Мясниковский р-н Ростовской обл.). Памятники относятся к каменнобалковской культуре верхнего палеолита и исследуются уже более 50 лет.

Наиболее полно изучена многослойная стоянка Каменная Балка II, в культурных слоях которой исследователи выделяют жилые площадки, специализированные хозяйственные зоны, очаги, скопления кремневых артефактов и костей животных. Кроме этого на памятнике встречаются и специфические виды скоплений, залегающие ниже древних поверхностей обитания. Условия, характер их залегания, а также качественный и количественный состав указывают на неслучайность совместного нахождения артефактов и позволяют трактовать их как «клады» – комплексы предметов, «сознательно исключенных их пользователями из обихода и спрятанных» (Леонова, 2008. С. 87).

Объектом нашего исследования стал клад кремневых предметов, раскопанный на стоянке в 1979 г. (рис. 1). Он представляет собой очень компактное скопление кремня, где затеки вмещающей породы между кремнями были незначительны. Видимо, во время сокрытия он был помещен в какую-то мягкую емкость и закопан в небольшую ямку неправильно-овальной формы (размеры 15 x 18 x 12,5 см). В нижней части содержимое клада было обильно окрашено красной охрой. На дне ямки отчетливо прослеживались известковые отпечатки кремней. По условиям залегания комплекс не может быть точно соотнесен ни со вторым, ни с третьим культурным слоем стоянки. Он располагался на уровне первого (верхнего) культурного слоя и был отделен от второго стерильной прослойкой в 23 см (Леонова, 1979. С. 10, 11). Не исключено, что клад был зарыт во время существования поселения первого слоя, но, может быть, его сокрытие произошло и позже.

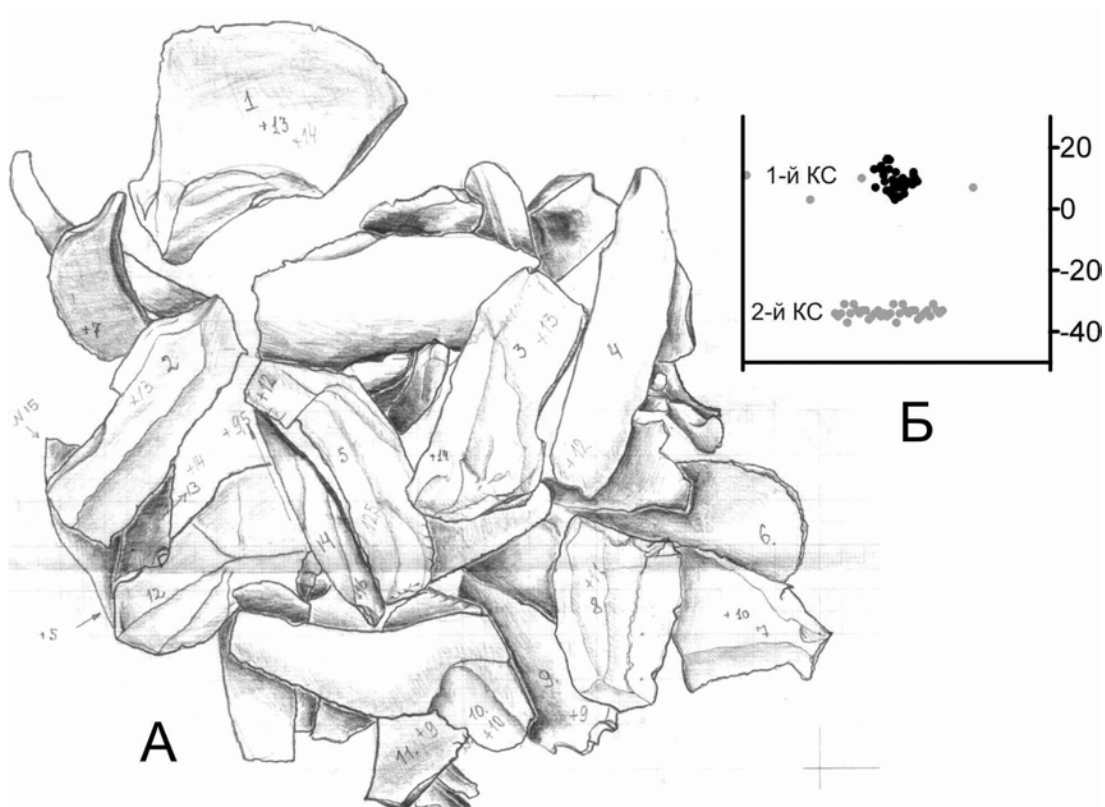

Рис. 1 План (А) и схема (Б) залегания клада.

Клад содержит 48 кремневых предметов: первичных сколов, сколов оживления нуклеуса, пластинчатых сколов, дебитажа (табл. 1).

Среди орудий преобладают зубчато-выемчатые формы и пластинчатые сколы с участками ретуши или следами использования. Также определены скребок на отщепе и орудие, которое, по данным трасологического анализа, можно интерпретировать как скобелец. Какие-либо характерные изделия, позволяющие относить клад к инвентарю определенного слоя, отсутствуют.

Предметы из комплекса изготовлены из мелового кремня нескольких разновидностей: серого матового непрозрачного, светло-серого прозрачного, темного прозрачного. Все эти виды сырья характерны для каменнобалковской культуры.

Наиболее часто встречающейся категорией находок в кладе являются пластинчатые сколы, кроме того, 9 из 13 орудий были также изготовлены на пластинчатых заготовках. Они представлены в основном целыми экземплярами, всего 25% фрагментированы, но их длина составляет не менее 2/3 длины первоначальной заготовки. Большинство пластинчатых сколов имеют длину от 5 до 7 см (для целых предметов). По ширине они равномерно распределяются в пределах от 1,5 до 3,5 см, по толщине – 0,5-1,5 см. Таким образом, все пластинчатые сколы (кроме одной микропластинки) относятся к двум категориям: пластинам и крупным пластинчатым отщепам.

Сравнительный анализ качественного и количественного состава категорий кремневых находок из клада и верхнего культурного слоя еще раз подчеркивает особый характер рассматриваемого комплекса. Кремневые артефакты первого слоя относятся к разным этапам работы с нуклеусом и изготовления орудий, образующим последовательную цепочку. Клад же состоит из орудий и заготовок для них. В нем заметно выше содержание орудий и пластинчатых сколов, чем в слое. Что касается орудий, то наиболее часто встречающимися их категориями в слое являются резцы и скребки, в то время как в кладе представлен только один скребок. Содержание зубчато-выемчатых орудий в слое низкое, при том, что в кладе их относительно много (Медведев, 2012. С. 61, 62, 65)

В рассматриваемом комплексе выделяется большая группа предметов, несущих на себе следы использования (Леонова, 1979. С. 12). О.И. Александровой был проведен трасологический анализ нескольких артефактов, который дал интересные результаты: было выделено три орудия для работы с различными материалами (резание кожи/шкур, скобление и строгание дерева и скобление кости/рога). В трех случаях из пяти на краях заготовок были встречены фасетки крупной ретуши и плоская заполировка, которые квалифицируются как механические повреждения поверхности орудий, возникшие не в результате их использования.

Таблица 1. Качественный и количественный состав клада.

категория	кол-во	%	категория орудия	кол-во	%
первичный скол	6	12,50%	пластина с участком ретуши и следами использования	6	46,15%
скол оживления нуклеуса	4	8,33%	зубчато-выемчатое орудие	5	38,46%
пластинчатый скол	17	35,42%	скребок	1	7,69%
пластинчатый отщеп	9		скребло	1	7,69%
пластина	7		Всего	13	100,00%
микропластина	1				
отщеп	7	14,58%			
осколок	1	2,08%			
орудие	13	27,08%			
Всего	48	100,00%			

Анализируемый комплекс имеет сходство с кладом 1970 г. из основного слоя Каменной Балки II. Их объединяет высокий процент содержания орудий (более 20%), в том числе относительно высокая численность зубчато-выемчатых орудий (43,3% в кладах 1970 г.). (Гвоздовер, Леонова, 1977. С. 133)

Таким образом, условия и характер залегания артефактов, отобранность их в составе зафиксированного в 1979 г. скопления (крупный размер, большое количество орудий) указывают на неслучайность их совместного нахождения и позволяют интерпретировать скопление как клад. Особенности стратиграфического положения клада, характер сырья и морфология предметов позволяют отнести его к верхнепалеолитической каменнобалковской культуре.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00479.

Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // **Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы**. Л., 1977.

Леонова Н.Б. Отчет Донской экспедиции МГУ. 1979.

Леонова Н.Б. Клады верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // **Наукові праці: Науково-методичний журнал**. Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. Миколаїв; Vinezia, 2008.

Медведев С.П. Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II // РА. 2012. № 2.

Д.К. Еськова

*Институт археологии РАН, НИИ и Музей антропологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
bdims@mail.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА СТОЯНКЕ ЗАРАЙСК В

Цель настоящей работы – выявление пространственной организации процесса первичного расщепления камня на верхнепалеолитической стоянке Зарайск В. Для ее достижения применялись разные виды анализа: технологический и пространственный с использованием данных максимально полного ремонта каменных сколов. Этот подход из-за трудоемкости осуществления не является общепринятым, хотя его достоинства были ярко продемонстрированы при исследовании нескольких европейских верхнепалеолитических памятников (Pigeot, 1987; De Vie, Caspar, 2000; и др.).

Объектами исследования являются кремневые орудия и дебитаж граветтийской стоянки открытого типа Зарайск В. Памятник приурочен к тыльной части мыса, расположенного в нескольких десятках метров к северу от кремлевского мыса, на котором находится многослойный памятник Зарайск А, и отделен от последнего древним оврагом. В Зарайске В только один

культурный слой, приуроченный к горизонту верхней погребенной почвы, которому в Зарайске А соответствует верхний (первый) слой. Зарайск В был исследован на площади более 200 кв. м., но значительная часть памятника оказалась недоступна для раскопок (Лев, Еськова, в печати). Орудийный набор представлен традиционными для костенковско-авдеевской культуры типами изделий. Коллекция насчитывает более 3 тыс. предметов (с учетом мелкого дебитажа). Структурное единство и четкость всех элементов культурного слоя делают этот памятник идеальным полигоном для заявленного исследования. Цветность местного карбонового кремня, индивидуальная для большого количества желваков, облегчает процесс ремонтажа и позволяет в ряде случаев судить о том, что скол был осуществлен с определенного желвака даже при невозможности физического ремонтажа.

Одной из целей технологического анализа каменного расщепления является выявление производственных цепочек, то есть упорядоченной последовательности действий, имеющих определенную цель. Ремонтаж позволяет судить о реально существовавших, а не обобщенных производственных цепочках. На исследованной площади Зарайска В было выявлено три основные производственные цепочки: подготовка бифасиальных преформ нуклеусов, скалывание крупных пластин и скалывание мелких пластинок. Операции по расщеплению, производившиеся на исследованном участке стоянки, не составляют технологического континуума: некоторые важные реконструируемые действия (например, снятие первой ребристой пластины перед началом пластинчатого расщепления) производились вне исследованной площади. Различные этапы расщепления, представленные на Зарайске В, четко ассоциированы с отдельными ясно «читающимися» в плане скоплениями: получение крупных пластинчатых заготовок – с первым, подготовка преформ нуклеусов – со вторым, возобновление пластинчатого расщепления – с третьим. Операции по изготовлению и поджиглению орудий, так же как и маргинальное «микропластинчатое» расщепление, не ассоциируются со скоплениями.

Пространственная фрагментация производственных цепочек позволяет делать выводы о временных паузах между определенными этапами расщепления (Pigeot, Philippe, 2004. Р. 37, 38). Производственные цепочки, направленные на получение пластинчатых заготовок, фрагментировались: во всех изученных случаях подготовка преформ нуклеусов производилась в ином месте, чем скалывание пластин. Более того, в результате анализа пространственного распределения апплицируемых сколов удалось установить, что в процессе скалывания пластин также делались паузы.

Пауза между этапами расщепления в сочетании с кардинальным изменением его техники в некоторых случаях позволяет делать выводы о смене «авторства расщепления», например, о переходе нуклеуса от мастера к ученику. Два таких случая фиксируются на Зарайске В.

Анализ результатов максимально полного ремонтажа позволяет выявлять отобранные заготовки. Предлагается считать намеренно отобранной заготовкой любой скол, находящийся на значительном расстоянии от места его получения, а также от зоны эвакуации отходов расщепления (Саhen, 2012. Р. 8). **Определение из контекста отобранных заготовок является единственным реальным способом выяснить продуктивность расщепления, то есть отношение отобранных заготовок к сколотым, в рамках конкретных производственных цепочек и метода расщепления в целом.** Так, в Зарайске В продуктивность производственной цепочки, направленной на получение крупных пластин – костенковского стандарта заготовок для изготовления наиболее массовых категорий орудий (резцов и ножей костенковского типа), гораздо выше, чем продуктивность производственной цепочки, направленной на получение мелких пластинок.

Обсуждаемый подход дает возможность не только выявить особенности пространственной организации расщепления камня в рамках исследуемой стоянки, но судить также о мобильности древнего коллектива. Полномасштабный ремонтаж каменных сколов позволяет выявить «фантомные» (недостающие в складнях) предметы, которые не были обнаружены на исследованной площади памятника и, напротив, так называемых «сирот» – предметы, отходы от производства которых на памятнике не найдены (Mogrow, 1996. Р. 349). Первые интерпретируются как артефакты, унесенные со стоянки на следующий пункт, посещаемый коллективом, вторые – как предметы, принесенные в готовом виде с предыдущего пункта посещения. Анализ результатов ремонтажа позволяет с некоторыми оговорками подтвердить гипотезу о кратковременности бытования стоянки Зарайск В, основанную на слабой мощности культурного слоя и планиграфической четкости его структуры: заготовки для орудий, используемых на исследованном участке Зарайска В, были принесены либо с неисследованного участка стоянки, либо с другого пункта. Вероятно, время бытования стоянки было меньше срока функционирования каменного орудия (с учетом возможности его неоднократного поджигления).

Несколько заготовок, полученных в результате скалывания мелких пластин, было отобрано для использования в пределах исследованной площади памятника, но наиболее продуктивное крупнопластинчатое расщепление было целиком направлено на получение «запаса» заготовок: все отобранные пластины были унесены обитателями стоянки с исследованного участка.

- Лев С.Ю., Еськова Д.К.* Кремневые скопления как элемент структуры стоянки Зарайск В // КСИА. В печати. Вып. 227.
- Cahen D.* Refitting stone artefacts: why bother? // Human Uses of Flint and Chert, Proceedings of the Fourth International Flint Symposium Held at Brighton Polytechnic 10–15 April 1983. Cambridge, 2012.
- De Bie M., Caspar J.-P.* Rekem : a Federmesser camp on the river bank. Vol. 2. I.A.P. et Leuven, 2000.
- Morrow T.M.* Lithic refitting and archaeological site formation processes: a case study from the Twin Ditch Site, Greene County, Illinois // Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory. New York, 1996.
- Pigeot N.* Magdaléniens d'Étiolles. Économie de débitage et organisation sociale (l'unité d'habitation U 5). Paris, 1987.
- Pigeot N., Philippe M.* Bases documentaires et méthodologiques // Les derniers magdaléniens d'Étiolle : perspectives culturelles et paléohistoriques (l'unité d'habitation Q31). Paris, 2004.

Т.Е. Солдатова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
staiss@yandex.ru*

ОБРАБОТКА КОСТЯНОГО СЫРЬЯ НА ПАМЯТНИКАХ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Переход к верхнему палеолиту связан с целым комплексом изменений, произошедших в материальной и духовной культуре человека. Среди подобных изменений можно выделить ряд основных: 1) преобладание технологии обработки камня, ориентированной на массовое производство пластин; 2) практически повсеместное распространение обработки костяного сырья; 3) развитие символической деятельности (Гиря, 1997; Отт, Козловский, 2001; Семенов, 1957; Хлопачев, 2006; и др.). Хронологические рамки ранней поры верхнего палеолита обычно определяются временем около 42-27 тыс. л.н. (Аникович и др., 2007; Сеницын, 2006; и др.).

Одним из сложнейших вопросов изучения рассматриваемого периода являются «переходные» культуры – селет, шательперрон, улуццо и др. – в индустриях которых наряду с верхнепалеолитическими чертами хорошо выражены и среднепалеолитические. Последние проявляются и в технике раскалывания, и в технике вторичной обработки, и в орудийном наборе (Вишняцкий, 2008; Allsworth-Jones, 1986; d'Errico et al., 2012; и др.).

При исследовании археологических культур ранней поры верхнего палеолита, в том числе «переходных», основное внимание обычно уделяют изучению каменного инвентаря (Вишняцкий, Нехорошев, 2001; и др.). Публикации костяного инвентаря отдельных памятников данной эпохи чаще носят описательный характер, обобщение полученных данных или сравнение с другими индустриями, за редким исключением, не проводится (Павлов, 2008; d'Errico et al., 2012; и др.). Л.Б. Вишняцкий использует данные по наличию формальных костяных орудий для оценки периодизационного статуса той или иной культуры (2008). Сколько-нибудь полного рассмотрения и сравнения костяных индустрий ранней поры верхнего палеолита Европы на данный момент не существует.

В ходе исследования автором коллекции костяных изделий стоянки Сунгирь (28-26 тыс. л.н.) были выявлены различия в характере обработки и типологическом составе изделий из разного типа органического сырья (с одной стороны – кость и рог, с другой – бивень мамонта) (Солдатова, 2012). Это наблюдение соответствует выводам ряда зарубежных специалистов о функциональном разделении разных видов костяного сырья в раннем ориньяке Европы (Chiotti et al., 2003; Liolios, 1999; Tartar, in print). Так, рог использовался для изготовления охотничьего вооружения, бивень мамонта – для производства украшений, а кость – для хозяйственно-бытовых орудий (Chiotti et al., 2003; Tartar, in print). **Для объяснения подобных различий необходимо обратиться к коллекциям памятников ранней поры верхнего палеолита Европы.** Такое сопоставление может помочь выявить причины различия методов обработки костяного сырья, а при нахождении схожих моментов – определить общее в характере костяных индустрий этой эпохи.

Стоит отметить, что далеко не на всех памятниках ранней поры верхнего палеолита встречается охотничий и хозяйственно-бытовой инвентарь из костяного сырья. Среди культур, в коллек-

циях которых известны костяные предметы, можно назвать следующие: стрелецкая (Сунгирь), городцовская, молодовская, спицынская, бачокиршен, ольшевиан, улуццо, шательперрон, ориньяк 0-1, а также отдельные стоянки: Костёнки 14/IVб, Корпач-Мыс, Буран-Кая 3/С, Заозёрье, Бызовая.

Актуальность исследования определяется возможностью аналитического обобщения данных по костяным индустриям (за исключением украшений и предметов искусства, поскольку символическая деятельность человека, а также технико-типологические особенности изготовления данных категорий изделий представляют собой совершенно отдельное направление работы (White, 1993)) памятников ранней поры верхнего палеолита Европы, которое позволит выявить предполагаемую динамику и закономерные особенности обработки костяного сырья на памятниках рассматриваемого периода.

- Аникович М.В., Аниюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту // Труды Костёнковско–Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 5. СПб., 2007.
- Вишняцкий Л.Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.
- Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е.* Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. 2001.
- Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий в советском палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб., 1993.
- Отт М., Козловский Я.К.* Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3.
- Павлов П.Ю.* Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1.
- Семенов С.А.* Первобытная техника. М.; Л., 1957.
- Синицын А.А.* Структура и периодизация палеолита приледниковой зоны Восточной Европы // II Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург, 2006.
- Солдатова Т.Е.* Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // РА. 2012. № 2.
- Хлопачев Г.А.* Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006.
- Allsworth-Jones P.* The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford, 1986.
- Chiotti L., Patou-Mathis M., Vercoutere C.* Comportements techniques et de subsistance à l'Aurignacien ancien: la couche 11 de l'abri Pataud (Dordogne) // Gallia préhistoire. 2003. T. 45.
- D'Errico F., Borgia V., Ronchitelli A.* Uluzzian bone technology and its implications for the origin of behavioural modernity // Quaternary International. 2012. 259.
- Liolios D.* Variabilité et caractéristiques du travail des matières osseuses au début de l'Aurignacien: approche technologique et économique. PhD. Dissertation. Université Paris X-Nanterre. Nanterre, 1999.
- Tartar E.* The recognition of a new type of bone tools in Early Aurignacian assemblages: implications for understanding the appearance of osseous technology in Europe // Journal of Archaeological Science. In print.
- White R.* Technological and social dimensions of "Aurignacian Age" body ornaments across Europe // Before Lascaux. Boca Raton, 1993.

К.К. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, pavlenok-k@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ МЕЛКОПЛАСТИНЧАТОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ: СТОЯНКА КУЛЬБУЛАК*

Современный период в изучении каменного века Северо-Западного Тянь-Шаня характеризуется значительными переменами в интерпретации верхнего палеолита региона. Ранее определяющей чертой этой эпохи считалось сохранение среднепалеолитических приемов обработки камня. Данная концепция замедленного технологического развития была основана на результатах исследований многослойной стоянки Кульбулак (Узбекистан) в 60–90-е годы XX в. (Касымов, 1990; Новые исследования..., 1995). Комплексное изучение Кульбулака в 2007–2011 гг. позволило выявить новые культурно-диагностирующие черты ископаемых комплексов верхнего палеолита. В ходе раскопок литологического слоя 2 на стоянке были выделены культурные слои развитого верхнего палеолита 2.1 и 2.2, существенную роль в которых играет мелкопластинчатый компонент (Колобова и др., в печати). В данной работе будут рассмотрены варианты производства пластинок (шириной менее 12 мм) в индустрии слоя 2.1 (по материалам раскопок 2007–2009 гг.).

Нуклеусы для пластинок превалируют среди других категорий ядрищ – их доля составляет чуть менее 50%. Почти половина из них относится к продуктам кареноидной технологии. Кареноидные нуклеусы изготавливались на мелких кремневых желваках или массивных сколах до 5 см в наибольшем измерении. Для создания широкой сильновыпуклой и слабо скошенной ударной площадки и чаще подтреугольного, латерально-изогнутого фронта использовался устойчивый набор подправок площадки, латералей и основания. Утилизация фронта начиналась с удаления реберчатой/полуреберчатой пластинки либо естественного ребра. С нуклеусов получали мелкие пластинки чаще остроконечной формы. Сколы, реализованные с центральной части фронта, обладали изогнутым профилем, а эксплуатация участка сопряжения фронта и латерали давала закрученные в профиле заготовки.

Четверть ядрищ для пластинок составляют торцовые нуклеусы различных модификаций. В целом расщепление таких нуклеусов было направлено на получение пластинок – 75% изделий, и пластин – 25%. Они изготавливались на сколах и на отдельностях кремневой (реже эффузивной) породы; расщепление велось как по длинным, так и по коротким осям заготовок. Размеры изделий варьируют от 30 до 65 мм в длину, и от 25 до 60 мм в ширину. Приемы оформления площадок, латералей и основания, а также инициации расщепления близки тем, что использовались при оформлении кареноидных форм, однако реализованные снятия обладали прямым профилем, что отличает их от продуктов кареноидной технологии.

Пластинки также производились с широкофронтальных ядрищ наряду со сколами другой морфологии. Среди всех нуклеусов для пластинок удельный вес объемных широкофронтальных одноплощадочных ядрищ составляет около 1/6 части – почти половина нуклеусов данной категории несет негативы пластинок. На долю плоскостных нуклеусов схожей морфологии приходится около 15% от всех ядрищ для пластинок. В целом необъемные продольные ядрища характеризуются низкой степенью стандартизации реализуемых сколов, и доля пластинок составляет менее 1/6 части. В малочисленной категории широкофронтальных ядрищ встречного скалывания доля изделий с негативами отщепов, пластин и пластинок приблизительно одинакова. Их участие в производстве пластинок было минимальным (менее 5%). Несмотря на реализацию разных приемов скалывания, все нуклеусы с широким фронтом демонстрируют схожие приемы оформления. В роли заготовок для них в основном использовались желваки кремня, заметно реже – гальки и массивные сколы кремня, редко – гальки и сколы эффузивных пород. Размеры нуклеусов достаточно вариабельны (от 20 до 70 мм в длину и от 15 до 80 мм в ширину). При выборе заготовок предпочтение отдавалось подпрямоугольным в плане отдельностям, поэтому стадия оформления ядрищ в большинстве случаев включала в себя только подготовку площадки (площадок) и последующую декортикацию фронта. Лишь в редких случаях для формирования/восстановления необходимой степени выпуклости рабочей поверхности использовались реберчатые, полуреберчатые либо краевые сколы, то есть рельеф фронта, скорее, зависел от изначальной морфологии пренуклеуса, а не от специального оформления или стадии редукиции.

Результаты анализа нуклеусов для пластинок подтверждаются атрибутивными данными самих сколов. Морфология пластинок указывает, что за редким исключением для их серийного производства использовались узкие вытянутые рабочие поверхности, утилизируемые с единственной площадки. Кроме того, устойчивая морфология предопределялась четкой ориентацией снятий вдоль единственного направляющего ребра, а также преимущественно краевым скалыванием с частой редукицией площадки. Высокие показатели изогнутости пластинок в профиле (около 40%) являются следствием активной утилизации кареноидных форм.

При идентичном наборе технологических схем в индустрии нижележащего культурного слоя 2.2 не было четкого акцента на изготовлении пластинок, что отразилось и в минимальной роли кареноидного компонента. Пластины и пластинки производились в рамках одних технологических схем. Таким образом, именно вариабельное мелкопластинчатое производство определяет прогрессивный характер каменной индустрии слоя 2.1. и является одной из ее основных культуро-диагностирующих черт.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-06-33041 мол_а_вед, № 12-06-31235 мол_а; РГНФ № 12-31-01322.

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990.

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П. и др. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии. В печати.

Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб., 1995.

МЕЗОЛИТ ЗАПАДНОГО ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТУТКАУЛ)*

Памятник Туткаул – один из немногочисленных стратифицированных объектов эпохи мезолита на территории западного Памиро-Тянь-Шаня, материалы которого использовались для построения региональных схем развития древних обществ. До настоящего времени мезолитическая коллекция памятника Туткаул не обработана и не опубликована в полном объеме. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Туткаул располагается на юге Таджикистана в 70 км юго-восточнее Душанбе. Стоянка была обнаружена Таджикской археологической экспедицией, возглавляемой А.П. Окладниковым, в 1956 г. при проведении археологической разведки затопляемых территорий Нурекского водохранилища (Окладников, 1959). Раскопки памятника проводились в рамках спасательных археологических работ в 1963, 1965-1969 гг. под руководством В.А. Ранова (Ранов, Юсупов, 1970). Исследователь выделил на памятнике четыре культуросодержащих горизонта. Два нижних (3 и 2а) были отнесены В.А. Рановым к мезолиту, верхние горизонты (2 и 1) – к гиссарской неолитической культуре. Стоит подчеркнуть, что между мезолитическими горизонтами была выявлена стерильная прослойка мощностью 2,5 м. В данной публикации проводится анализ каменного инвентаря третьего горизонта.

Горизонт 3 изучался на площади 20 кв. м. Археологический материал залегал в слое аллювиального песка мощностью 4-7 см. Коллекция каменных артефактов насчитывает 874 экз., из них отходы производства составляют 56,5% (494 экз.), индустрия сколов представлена: отщепами – 6% (52 экз.), пластинами – 3,7% (32 экз.), пластинками – 14,2% (124 экз.), микропластинами – 5,6 % (49 экз.).

Выраженных ядрищ в комплексе было выделено четыре экземпляра. Объемный принцип расщепления представлен конусовидным поперечным (рис. 1, 26), подцилиндрическим и подцилиндрическим встречного скалывания ядрищами (рис. 1, 29) для получения пластинок и микропластин. Был выделен один плоскостной нуклеус (рис. 1, 25). Позже два ядрища были преобразованы в скребки. Технических сколов в коллекции зафиксировано шесть экземпляров (рис. 1, 27).

Орудийный набор представлен 113 экземплярами. Наиболее многочисленной категорией орудийной коллекции являются геометрические микролиты (39 экз.), среди которых выделяются прямоугольники (35 экз.) (рис. 1, 1-7), сегменты (3 экз.) (рис. 1, 8-12) и треугольник (рис. 1, 13). Вторую по численности категорию представляют микроскребки (рис. 1, 18-23) различной модификации (14 экз.) и скребки (5 экз.). В комплексе были определены пластины с ретушью (13 экз.), пластинки с ретушью (6 экз.), отщепы с ретушью (14 экз.), также было отмечено присутствие пластинчатых сколов с ретушью притупления (11 экз.). Менее значимо представлены пластины (2 экз.) и пластинки (3 экз.) дюфур (рис. 1, 16, 17), проколки (3 экз.) (рис. 1, 14, 15), резец (1 экз.), шиповидное (1 экз.) и выемчатое (1 экз.) (рис. 1, 24) орудия.

Учитывая состав коллекции каменного инвентаря – низкий процент ядрищ и технических сколов (часть из которых в дальнейшем была переоформлена в орудийные формы), высокий процент орудий – закономерно предположить, что комплекс характеризуется наименьшей интенсивностью утилизации нуклеусов. Скорее всего, на раскопанном участке в древности протекала деятельность по производству орудий.

В качестве основного приема вторичной обработки выступает притупляющая дорсальная ретушь, с помощью которой изготовлено 44% (50 экз.) орудий. Для категории геометрических микролитов кроме стандартизации приемов вторичной обработки свойственна также метрическая стандартизация, длина микролитов варьирует от 10 до 16 мм, ширина – от 6 до 8 мм. Скребки оформлялись преимущественно крутой дорсальной сильномодифицирующей субпараллельной и чешуйчатой ретушью. Для скребков, так же как и для микролитов, прослеживается метрическая стандартизация, их длина варьирует в пределах 12-18 мм, ширина – 15-18 мм, толщина – 3-6 мм.

Специфической особенностью индустрии третьего горизонта стоянки Туткаул является ее микролитовидный характер, где 34,5% орудий составляют геометрические микролиты и 12,4% – микроскребки.

Наиболее близкие технико-типологические и географические аналогии рассматриваемой индустрии прослеживаются среди материалов памятников Ак-Таньги (4 слой) и Чиль-Чор-Чашма (Таджикистан). В этих коллекциях геометрические микролиты также преимущественно пред-

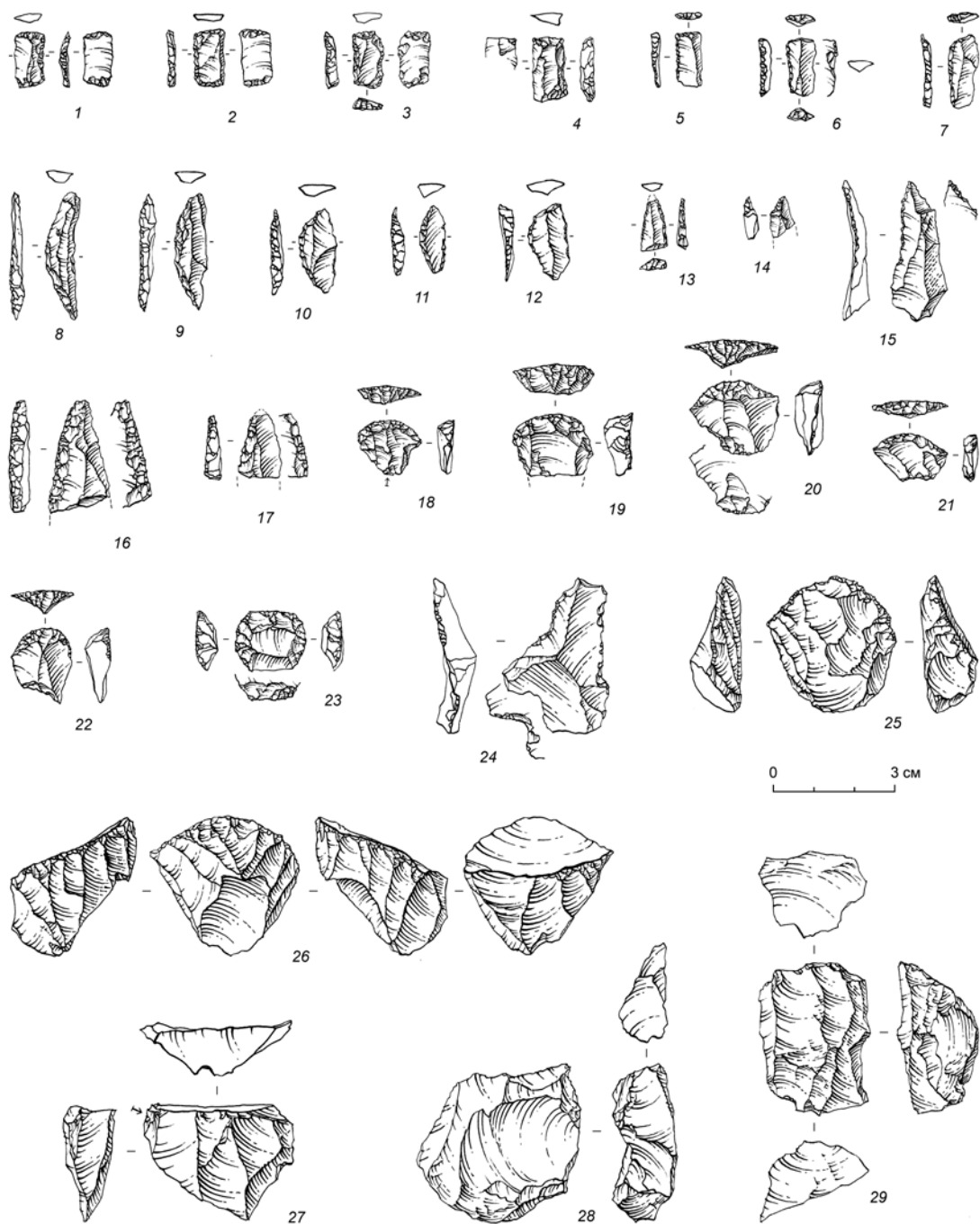

Рис. 1. Материалы стоянки Туткаул (3 горизонт).

ставлены прямоугольниками, которые близки по приемам оформления и метрическим характеристикам туткаульским изделиям.

Происхождение индустрии третьего горизонта Туткаула ранее связывалось с миграциями с территории Ближнего Востока (Ранов, Коробкова, 1971), прослеживались аналогии с натуфийскими и кебарийскими комплексами. Также подчеркивалось, что мезолитические культуры с геометрическими микролитами не могут иметь местное происхождение, поскольку на том этапе исследований отсутствовали свидетельства наличия геометрических микролитов и, собственно, применения техники притупления в финальных верхнепалеолитических индустриях западного Памиро-Тянь-Шаня. Сегодня в характеристику верхнего палеолита региона внесены определенные корректировки, была выделена кульбулакская культурная традиция, которая характеризуется развитым мелко- и микропластинчатым расщеплением, изготовлением пластинок с притупленным краем, а также геометрических микролитов (Колобова и др., 2010). В свете этих данных необходимо уточнить источники становления мезолита западного Памиро-Тянь-Шаня.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-06-33041 мол_а_вед, № 12-06-31235 мол_а; РГНФ № 12-31-01322.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4.

Окладников А.П. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. 1959. № 4.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2.

Ранов В.А., Юсупов А.Х. Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС // Археологические открытия 1969 г. М., 1970.

Г.Д. Павленок

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
pavlenokg@archaeology.nsc.ru*

ТЕХНИКИ МИКРОПЛАСТИНЧАТОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЮГЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В ФИНАЛЬНОПЛЕЙСТОЦЕНОВОЕ ВРЕМЯ*

Первые находки эпохи камня и попытки их систематизации на территории Западного Забайкалья были предприняты в конце XIX в. А.П. Мостицем, В.В. Птицыным и П.С. Михно – сотрудниками Троицкосавско-Кяхтинского музея. Следующий этап исследований был связан с разведками и публикациями материалов Г.П. Сосновским, Ю.Д. Талько-Грынцевичем и Г.Ф. Дебецем, чьи работы послужили основанием для выделения на этой территории эпохи каменного века. Обнаружение стоянок палеолита в регионе связано с началом регулярных полевых исследований Бурято-Монгольской археологической экспедиции (руководители – Г.П. Сосновский, А.П. Окладников). Дальнейшая разработка проблем палеолита Западного Забайкалья касалась, в основном, его генезиса и выстраивания единой схемы развития каменной индустрии от начала верхнепалеолитической эпохи до неолита на основе комплексных исследований опорных четко стратифицированных объектов регулярными экспедициями из ряда научных центров. В долине р. Селенги и ее крупных притоков было обнаружено и исследовано большое количество многослойных памятников финальноплейстоценового – раннеголоценового времени. По итогам работ на этих объектах было выявлено несколько культурных традиций, в основе которых лежат различные варианты производства микропластин: студеновская, чикойская и селенгинская. Однако такое разнообразие может свидетельствовать о реализации разных адаптационных стратегий, а не обязательно быть обусловленным различиями культурных традиций.

Особенность студеновской технической традиции, выделенной М.В. Константиновым, проявляется «...в использовании техники торцового микронуклеуса. Появляются вкладышевые инструменты. Более разнообразными оказываются орудия из кости» (Константинов, 1994. С. 133, 134). Кроме того, «...техника клиновидного нуклеуса здесь основывается на отщеповой модификации и на изготовлении преформ из уплощенных галек. Переоформление плоскостных нуклеусов в литературе не отражено» (Ташак, 2000б. С. 68). Студеновская традиция была выделена на материалах памятников Студеное 1, 2; Усть-Менза 1, 2, 3, 4; Косая Шивера (гор. 14); Алтан (слои 16-19), которые расположены в отложениях первой или второй надпойменных террас в долинах рек Чикой, Менза, Алтан (Константинов, 1994. С. 72-105). Эти материалы имеют общую хронологическую привязку к рубежу плейстоцена и голоцена (Константинов, 1994. С. 84-105).

Чикойская традиция выделена по наличию клиновидных нуклеусов, изготовленных на бифасиально обработанных заготовках, по материалам памятника с поверхностным залеганием находок Аршан-Хундуй, приуроченного к выдувам присклоновых шлейфов в 9 км от левого берега р. Чикой (Ташак, 2000а. С. 162). На основе анализа продуктов первичного расщепления и элементов орудийного набора сделан вывод о предварительной датировке материала финалом плейстоценовой – началом голоценовой эпох (Ташак, 2000а. С. 179).

Селенгинская традиция, «...в которой наряду с ярко выраженной тенденцией призматического расщепления каменного сырья сохранилась техника оформления торцовых клиновидных ядрищ, основанная на плоскостном леваллуазском расщеплении» (Ташак, 2005. С. 115), была выделена на материалах стоянки Усть-Кяхта-17. Памятник приурочен к отложениям сложного генезиса первой надпойменной террасы р. Селенги и отнесен В.И. Ташаком к финально-плейстоценовому времени на основе серии радиоуглеродных дат (Ташак, 2005. С. 40).

Для студенческой и селенгинской традиций признается единое происхождение на местной основе, поскольку в них прослеживаются признаки более ранних, верхнепалеолитических культур Забайкалья (Константинов, 1994. С. 134; Ташак, 2005. С. 114, 115). Чикойский вариант, по мнению В.И. Ташака, демонстрирует проникновение в Западное Забайкалье технических традиций с территории современной Монголии (Ташак, 2000б. С. 74).

Изучение представленных опубликованных материалов показывает, что отложения памятников всех трех технологических вариантов формировались в одинаковых природно-климатических условиях, о чем свидетельствуют схожее расположение стоянок и их близкие хронологические позиции. Можно предположить, что отличия, наблюдающиеся в технике каменного производства, являются следствием разных культурных традиций. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения выступает различная пространственная локализация памятников, объединенных в студенческую, чикойскую и селенгинскую традиции, – они расположены в долинах разных рек, хотя и принадлежат единому бассейну р. Селенги. Однако по причине отсутствия опубликованных данных не был учтен сырьевой фактор, которому для данного региона посвящена диссертационная работа П.В. Мороза. Автор указывает, что «характер минерально-сырьевой базы региона ... определяют выбор технологий первичного расщепления, применяемых на памятниках каменного века» (Мороз, 2008. С. 4). Соответственно, дальнейшая разработка проблематики предполагает проведение комплексных исследований с акцентом на индивидуальном описании находок и определении их петрографических характеристик.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №12-06-33041 мол_а_вед, №12-06-31235 мол_а.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Ташак В.И. Местонахождение Аршан-Хундуй (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. Вып. 2. Ч. 1. Иркутск, 2000а.

Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ, 2000б.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ, 2005.

М.Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
kmb777@yandex.ru*

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ)

Комплексное изучение опорных палеолитических объектов в долине р. Ануй на Алтае непрерывно ведется уже более тридцати лет. Наиболее известным и хорошо изученным памятником данного района является стоянка в Денисовой пещере. С 2004 г. по настоящее время исследование плейстоценовых отложений производится в восточной галерее пещеры. За этот период была получена представительная коллекция каменных артефактов – более 40 тыс. экз. Обилие материала позволяет в динамике реконструировать технологию первичного расщепления среднего и верхнего палеолита и приблизится, таким образом, к решению актуальной проблемы выделения переходных индустрий. В представленной работе по ряду технологических признаков рассматриваются индустрии среднего (слои 15-12) и раннего верхнего (слой 11) палеолита из восточной галереи пещеры.

Нуклеусы. Коллекция из слоев 15–13 характеризуется абсолютным преобладанием радиального расщепления. Плоскостные одноплощадочные монофронтальные параллельные ядрища единичны. В индустрии из слоя 12 ситуация меняется: более половины нуклеусов составляют радиальные ядрища, остальные – различные формы плоскостных с преобладанием одноплощадочных монофронтальных параллельных. Одним экземпляром представлено подпризматическое ядрище. Набор нуклеусов из слоя 11 еще более разнообразен. Основную группу составляют плоскостные нуклеусы: одноплощадочные, монофронтальные, параллельные; двуплощадочные, монофронтальные, ортогональные и параллельные со встречным скалыванием. Примерно треть представлена радиальными моно- и бифронтальными ядрищами. Доля торцовых нуклеусов составляет 10%. Нуклеусов-резцов, подпризматических, многоплощадочных многофронтальных ядрищ по два–три экземпляра каждого.

Индустрия сколов. Рассматривались целые заготовки – отщепы с максимальным измерением более 3 см и пластины.

По отношению длины к ширине сколы были разделены на укороченные ($l \leq m$), короткие ($m < l \leq 1,5m$), удлиненные ($l > 1,5m$) и пластины ($l \geq 2m$). Доля укороченных заготовок постепенно уменьшается от 48% в индустрии из слоя 15 до 40% из слоя 11. В обратной пропорции выстраивается доля удлиненных сколов – от 12% в коллекции из слоя 15 до 16% из слоев 12 и 11. Более стабильную позицию занимают короткие сколы. Контраст возникает при сопоставлении удельного веса пластин: их доля увеличивается от 0,7%, 0,9% и 3% в коллекции слоев 13-15 до 10% и 12% в коллекции слоев 12 и 11.

Определенные закономерности отмечены при сравнении индустрий по типам остаточной ударной площадки скола. Естественные площадки характерны для коллекций из слоев 15-13 (их удельный вес здесь 30%), в индустриях из слоев 12 и 11 их доля уменьшается до 21%. В пределах 67-61% изменяется доля гладких площадок. Фасетированные и двухгранные площадки в индустрии из слоев 15-13 составляют менее 1%, они более характерны для слоев 12 и 11, особенно для первого (до 5%). Похожим образом распределены линейные и точечные площадки. Остаточные ударные площадки пластин распределяются следующим образом: пластины из слоев 15-13 имеют только гладкие площадки; в слоях 12 и 11 преобладают экземпляры с гладкими и фасетированными – по 56% и 25% соответственно, другие типы малочисленны.

Значимым технологическим признаком является характер подправки карниза площадки скола. Доля отщепов без обработки карниза плавно уменьшается с 97% в коллекции из слоя 15 до 82% в индустрии из слоя 11. Соответственно, доля карнизов с прямой редукцией увеличивается от 2% в коллекции из слоя 15 до 11% из слоя 11. Аналогично распределяются заготовки с обратной редукцией. Иная картина предстает при сопоставлении пластин: в слоях 15-13 пластины не несут следов подработки карниза. Пластины из слоев 12 и 11 только наполовину не имеют редукции карнизов.

Сопоставление слоев по типам огранки дорсальной поверхности заготовок показало, что преобладающей является продольная однонаправленная огранка, ее доля возрастает с 42% в индустрии из слоя 15 до 55% к слою 11. Вместе с тем падает удельный вес сколов с естественной поверхностью и ортогональной огранкой от 22% и 19% в слое 15 до 10% и 13% в слое 11. Другие типы огранок представлены в меньшей степени и не отражают какой-либо динамики. Для пластин из слоев 15-13 характерна однонаправленная продольная огранка, встречены единичные экземпляры с ортогональной спинкой. Для пластин из слоев 12 и 11 преобладающим типом огранки также является продольная однонаправленная – 49% и 53% соответственно. На втором месте стоит продольная бинаправленная огранка – 24% и 20%. Далее следует продольная однонаправленная параллельная огранка – 10% и 14%. Другие типы огранок малочисленны.

Ограничиваясь анализом нескольких технологических признаков, можно проследить изменения в первичном расщеплении в индустриях среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры. Складывается картина линейного развития одной индустрии. В качестве связующего звена в этой линии выступает коллекция из слоя 12, при выпадении которой получатся две технологически разные индустрии: среднепалеолитическая из слоев 15-13 и верхнепалеолитическая из слоя 11. Слой 16 в галерее является аналогом маркирующего для пещеры слоя 21 из центрального зала с РТЛ датой 155 ± 31 тыс. л.н.; соответственно слой 15 в галерее не древнее 150 тыс. л.н. Для слоя 11 в галерее имеется C^{14} (AMS)-дата $50 \pm 1,9$ тыс. л.н. Таким образом, слой 12 в восточной галерее, вероятнее всего, содержит материалы позднего среднего палеолита; во всяком случае, технологически они послужили основой для формирования индустрии из слоя 11, верхнепалеолитическую принадлежность которой подтверждает комплекс уникальных предметов символической деятельности. Технологический анализ показал, что каменная индустрия из слоя 12 имеет определенные черты, маркирующие период перехода от среднего к верхнему палеолиту, обозначить которые с большей степенью уверенности будет возможно после проведения подробного типологического анализа.

**РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ГОРНОГО АЛТАЯ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ**

В контексте исследования древних технологий каменного производства эпохи раннего верхнего палеолита на территории Горного Алтая особого внимания заслуживают такие ключевые многослойные палеолитические стоянки открытого типа, как Кара-Бом (уровни обитания 1-6) и Усть-Каракол-1 (литологические подразделения 8-11.3) (Деревянко и др., 1998; Природная среда..., 2003). При этом реконструкция технологий каменного производства и корреляция индустрий данных памятников на основе технологических реконструкций невозможны без детального изучения планиграфического и стратиграфического контекстов залегания археологических материалов. В рамках настоящего исследования были поставлены следующие задачи: 1) верификация наличия одновременных культурных слоев, выделенных в процессе раскопок; 2) выделение границ залегания находок каждого культурного горизонта; 3) выявление признаков залегания слоя *in situ* или признаков его нарушения; 4) выявление факторов перераспределения каменных артефактов по древней поверхности до захоронения, а также факторов постдепозиционного перераспределения артефактов в отложениях стоянки; 5) выделение внутри отложений стоянок устойчивых уровней залегания находок, характеризующихся дискретным характером накопления; 6) восстановление достоверной картины палеорельефа памятника.

Все планиграфические наблюдения производились посредством выявления и анализа взаимосвязей между отдельными каменными артефактами. В данном случае термины «взаимосвязь» или просто «связь» подразумевают под собой принадлежность двух каменных артефактов к расщеплению одной отдельности сырья. Выявление связей между отдельными артефактами осуществлялось тремя способами: выявление аппликативных связей между изделиями, выявление связей между фрагментами одного изделия и выявление связей между изделиями на основе их отнесения к продуктам расщепления одной отдельности сырья. Первые два способа выявления планиграфических «связей» основаны на методе ремонтажа, поэтому позволяют однозначно установить взаимосвязь между артефактами. Третий способ, объединение каменных артефактов в группы по отдельностям, основан на визуальном анализе специфических характеристик каменного сырья, использовавшегося для расщепления обитателями стоянки: характер текстурного рисунка, цвет породы, характер галечной или исходной негалечной поверхности. Одним из ключевых моментов процесса распределения каменных артефактов по отдельностям без ремонтажа является определение степени вариабельности петрографических свойств конкретного типа сырья, расщепляемого на отдельной стоянке – данный показатель устанавливает ограничения на группирование по отдельностям артефактов из той или иной породы. Исходным сырьем для каменных индустрий стоянки Усть-Каракол-1 в основном служил местный галечный материал и, в редких случаях, неокатанные обломки породы. Спектр использовавшегося сырья крайне разнообразен и включает песчаники, алевролитопесчаники, афиновые и парфиновые эфузивы, роговики, яшмоиды и др. (Природная среда..., 2003. С. 274). В качестве сырья на стоянке Кара-Бом использовался местный галечный материал и довольно часто неокатанные обломки породы также местного происхождения. Расщеплению подвергались в основном афиновые эфузивы, причем очень высокого качества (Кулик и др., 2003).

Объединение каменных артефактов в группы по отдельностям на основе ремонтажа и анализа петрографических свойств сырья, позволив создать десятки групп «связанных» между собой артефактов, дало возможность проследить постдепозиционную историю перераспределения артефактов в рыхлых отложениях стоянки и по-новому оценить их размещение в пространстве «культурных слоев».

По результатам анализа планиграфического контекста залегания археологических материалов литологических горизонтов 8-11.3 стоянки Усть-Каракол-1 можно сделать вывод о том, что ранневерхнепалеолитические культурные отложения стоянки, включающие восемь литологических подразделений, целесообразно рассматривать как результат одного, относительно короткого, эпизода заселения и анализировать в дальнейшем как единый индустриальный комплекс. Постдепозиционное горизонтальное и вертикальное перераспределение археологического материала в пачке рыхлых отложений стоянки было обусловлено комплексом факторов: активными склоновыми процессами, развитием процесса децерации в условиях переувлажненности почв, активной деятельностью землеройных животных, а также палеоантропогенным фактором.

Исследование планиграфического контекста залегания каменных материалов «уровней обитания» стоянки Кара-Бом позволило скорректировать принятую схему членения культурных отложений стратифицированной части комплекса (Деревянко и др., 1998) и выявить внутри отложений два устойчивых уровня залегания находок – верхнепалеолитический горизонт 1 и верхнепалеолитический горизонт 2. Активное воздействие склоновых процессов, а также водных потоков различного генезиса на отложения более позднего горизонта 1 привело к значительному смещению содержащихся в нем культурных остатков вниз по склону (угол наклона поверхности распределения находок составляет около 25°). Отложения горизонта 2, залегающие субгоризонтально, подверглись минимальному смещению вдоль склона (угол наклона поверхности распределения находок составляет от 5 до 10°). Стерильная прослойка между горизонтами выклинивается вниз по склону, в результате чего культурные отложения двух горизонтов контактируют на небольшом участке.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск, 1998.

Кулик Н.А., Шуньков М.В., Петрин В.Т. Результаты петрографического анализа палеолитических индустрий Центрального Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2003 г. Т. IX. Ч. I. Новосибирск, 2003.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.

О.И. Александрова

Институт археологии РАН, Москва, adatena@mail.ru

Ж.А. Антипушина

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

Е.В. Чернышева

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

В последние годы в практике археологических исследований все чаще используется комплексный подход к изучению памятников. Начиная с 2007 г. в Губском ущелье (Северо-Западный Кавказ) под руководством Е.В. Леоновой исследуется многослойный памятник каменного века пещера Двойная (Леонова, 2009). В настоящее время на памятнике выделяется три культурных слоя, имеющих свои структурные особенности и отличия в комплексах каменного инвентаря (Леонова, Александрова, 2012). На данный момент получены представительные коллекции каменного инвентаря и изделий из кости, происходящие из первых двух культурных слоев, собраны богатые фаунистические материалы, включая кости мелких грызунов и раковины наземных моллюсков, отобраны образцы для радиоуглеродного и геохимического анализов. Накопленный материал позволяет проводить всесторонний анализ с привлечением различных естественнонаучных методов, а сам памятник может стать опорным для мезолита региона. В настоящей работе представлены предварительные результаты исследований малакофауны, биологической активности почв, а также кремневых артефактов с помощью экспериментально-трасологического метода.

Трасологическое изучение мезолитических материалов является новаторским направлением для Северного Кавказа. Экспериментально-трасологический метод позволяет расширить представления о функциональном использовании орудий древним человеком. Выделение функциональных групп орудий, их процентное соотношение в комплексе с другими данными помогают установить степень долговременности поселения. В круг задач трасологического исследования каменных артефактов, происходящих из мезолитических слоев пещеры Двойная, входило изучение следов на поверхности орудий в целях установления выполняемых ими функций, кинематики работы орудиями, способов их закрепления. Фиксация следов износа осуществлялась по схеме, предложенной Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинским (1996). Функциональные определения орудий верифицировались новыми экспериментами и сравнивались с уже имеющимися эталонами.

С функциональной точки зрения инвентарь мезолитических слоев пещеры Двойная демонстрирует широкий спектр направлений хозяйственной деятельности ее населения. Трасологический анализ выявил следы разных трудовых операций по разделке добычи, обработке получен-

ных в результате охоты шкур и костей. Присутствуют также следы обработки дерева и камня. Особый интерес вызывает такая группа находок, как охотничье вооружение. Трасологический анализ серии сегментов, происходящих из второго мезолитического слоя, позволяет говорить об их использовании в качестве косозевийных наконечников стрел. Дальнейшие исследования позволят не только описать функциональную картину бытования памятника, но и на основании сопоставления функциональных групп орудий двух мезолитических слоев попытаться проследить специфику деятельности населения пещеры Двойная в различные временные промежутки.

Все большее значение в археологических исследованиях получают палеоэкологические методы. Одним из перспективных методов реконструкции экологических условий прошлого является анализ стабильных изотопов костей человека из захоронений и остатков фауны из культурных слоев. Особенно это значимо, если культурные напластования насыщены остатками добычи древнего человека. На основе анализа стабильных изотопов углерода и азота из органического матрикса раковин можно получить информацию о глубине обитания и месте сбора беспозвоночных древними людьми (для морских объектов) (Антипушина, 2012), о режиме увлаженности территории (для наземных объектов) (Goodfriend, 1992).

В культурных слоях пещеры Двойная были обнаружены скопления раковин наземных брюхоногих моллюсков. Все определимые остатки принадлежат роду *Helix* sp. (виноградная улитка). Для анализа стабильных изотопов было отобрано 7 образцов по 200-350 раковин. Кроме того, для сравнения изотопного сигнала были собраны образцы современных виноградных улиток в августе 2012 г. Анализ стабильных изотопов углерода и азота из органического вещества раковин моллюсков проводился на масс-спектрометре Thermo-Finnigan Delta V Plus (ИПЭЭ РАН, Москва). Для приготовления образцов было использовано в среднем по 50 раковин. Планируется также выполнить анализ стабильных изотопов кислорода из кальцита раковин.

Важнейшим объектом исследования при изучении археологических комплексов, вне сомнения, являются почвы. Любой органический материал, поступивший в почву, вызывает резкое возрастание численности микроорганизмов, специализирующихся на разложении определенных органических субстратов. Например, определение наличия фитопатогенных, кератинофильных и лигнинразлагающих грибов, а также уреазной активности может иметь особое значение при реконструкции инфраструктуры поселений, выделении зон наибольшей антропогенной активности.

Для почвенно-микробиологического анализа слоев в пещере Двойная было отобрано семь образцов из западного профиля раскопа. В образцах проводились определения углерода микробной биомассы, кератинолитической и уреазной активности. В результате были выделены слои с различным уровнем биологической активности, что может свидетельствовать о различной интенсивности антропогенной нагрузки. Примечательно, что во всех слоях микробная биомасса превышала таковую в погребенных целинных палеопочвах (Демкина и др., 2010), что свидетельствует о весьма значительных масштабах поступления органического материала в культурные слои памятника в прошлом.

Продолжение исследований в пещере Двойная имеет широкие перспективы. Систематизация накопленного материала и его обобщение, комплексный анализ с привлечением данных естественных наук позволят решать более масштабные проблемы расселения и жизнедеятельности древнего человека в мезолите Северного Кавказа.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-06-00202, 12-04-00655, 12-04-31010, Программ Президиума РАН «Живая природа», «Происхождение и эволюция биосферы» и «Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами».

Антипушина Ж.А. Предварительные результаты анализа стабильных изотопов углерода из раковин кардиид из археологического памятника о. Адак (средний голоцен, Алеутские о-ва) // Современная палеонтология: классические и новейшие методы. М., 2012.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Продуцирование CO₂ современными и погребенными почвами степной зоны в нативном и увлажненном состоянии // Почвоведение. 2010. № 9.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб., 1996.

Леонова Е.В. К вопросу о хронологии и периодизации позднеплейстоценовых – раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье) // РА. 2009. № 4.

Леонова Е.В., Александрова О.И. Новые исследования многослойных памятников каменного века в Губском ущелье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Матер. Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012.

Goodfriend G.A. The use of land snail shells in paleoenvironmental reconstruction // Quaternary Science Reviews. 1992. № 11 (6).

СТОЯНКА ТАЛИЦКОГО: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Островская палеолитическая стоянка, открытая в 1938 г. М.В. Талицким, была названа именем первооткрывателя после его гибели во время Великой Отечественной войны. Это открытие вызвало в научной среде интерес не только к данному памятнику, но и к уральскому палеолиту, изучение которого к тому моменту только начиналось, в целом (Бибиков, 1950; Житенёв, 2009; Талицкий, 1940а. С. 41; 1940б).

Для стоянки Талицкого существует лишь одна радиоуглеродная дата: 18700 ± 200 (ИГАН-1907); поэтому на сегодняшний день представляется актуальным проведение нового радиоуглеродного датирования материалов памятника (Щербакова, 1986б. С. 6).

В работах, посвященных стоянке Талицкого, в основном рассматриваются вопросы анализа каменного инвентаря памятника, а также сравнения с материалами верхнепалеолитических культур сибирского и европейского регионов (Григорьев, 2001; Щербакова, 1994). Отдельное исследование геологии стоянки и стратиграфических условий залегания культурного слоя было выполнено В.И. Громовым, который принимал непосредственное участие в полевых работах на памятнике (Громов, 1948). Изучение взаимосвязи материальных свидетельств хозяйственно-бытовой деятельности и их пространственного распределения по площади стоянки оставалось за рамками исследований.

Применение планиграфического анализа на основе имеющихся источников (отчетов, описей находок) позволило получить новые данные о стоянке Талицкого (Бадер, 1950; Опись к коллекции..., 1939; 1945; 1946; 1947, 1951; Талицкий, 1939; Щербакова, 1986а). В частности, на площади памятника, который, по мнению О.Н. Бадера, был исследован полностью (Бадер, 1953), удалось выделить три крупных скопления материала, связанных с отдельными жилыми площадками (раскрытыми при проведении полевых работ), которые условно названы мною хозяйственно-бытовыми комплексами (Дудо, 2009; Леонова, 2003) (рис. 1). Кроме того, анализ описей находок позволил выделить в рамках этих комплексов небольшие участки, которые отличаются друг от

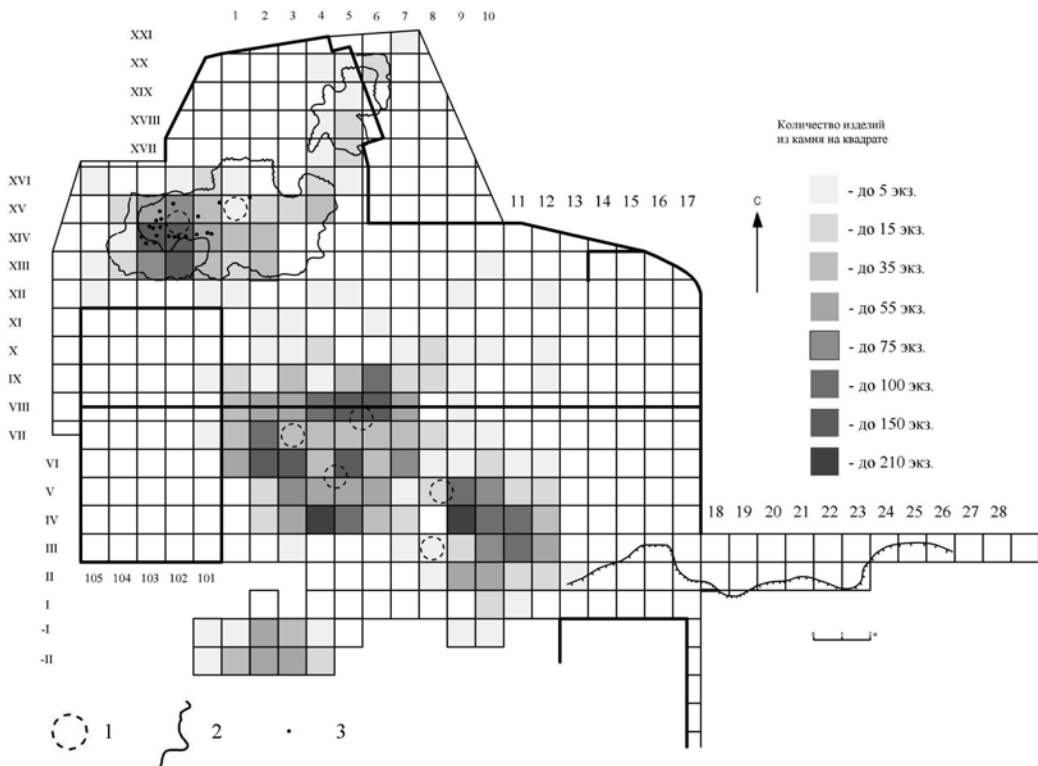

Рис. 1. Схема распределения каменного инвентаря на стоянке Талицкого. 1 – схематическое изображение очага; 2 – граница «видимых культурных пятен» (по: Бадер, 1950); 3 – ямки со вбитыми костями.

друга характерным составом находок (рис. 1), например, места первичного расщепления кремня, получения заготовок и производства орудий, возможно, разделки туш животных и др. (Дудо, 2009).

Дальнейшее изучение материалов стоянки Талицкого, применение к ним трасологического, остеологического анализа, планиграфическое изучение распространения костного материала позволят уточнить хозяйственно-бытовую структуру памятника.

Также важным направлением дальнейшей работы является петрографический анализ каменного инвентаря. Исследования В.Ф. Петруня показали, в частности, что горный хрусталь, который использовался обитателями стоянки, доставляли с Южного Урала (Петрунь, 1962).

Таким образом, изучение архивных материалов и коллекций стоянки Талицкого не только расширяет наши представления о памятнике, но и вносит значительные дополнения в сведения о верхнем палеолите уральском региона.

Бадер О.Н. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Камской археологической экспедицией Молотовского университета в 1950 г. // Архив ИА РАН. 1950. Р-1. № 505.

Бадер О.Н. Палеолитическая стоянка им. Талицкого. Пермь, 1953. (рукопись).

Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // СА. 1950. № XII.

Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды института геологических наук АН СССР. Вып. 64: геологическая серия. № 17. М., 1948.

Дудо Д.А. Жилые структуры стоянки Талицкого. Диплом ... кафедры археологии исторического факультета МГУ. М., 2009 (рукопись).

Житенёв В.С. Верхний палеолит Южного Урала: к 70-летию исследований С.Н. Бибикина // С.Н. Бибикин и первобытная археология. СПб., 2009.

Леонова Н.Б. Жилые площадки и жилища: особенности формирования культурного слоя (на примере памятников юга Восточной Европы) // Кам'яна доба України. Вип. 4. 2003.

Опись к коллекции 335 Музея и НИИ Антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ, 1939.

Опись к коллекции 452 Музея и НИИ Антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ, 1945.

Опись к коллекции 471 Музея и НИИ Антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ, 1946.

Опись к коллекции 472 Музея и НИИ Антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ, 1947.

Опись к коллекции 485 Музея и НИИ Антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ, 1951.

Петрунь В.Ф. О применении горного хрусталя и его аналогов в первобытной технике // СА. 1962. № 1.

Талицкий М.В. Отчет Чусовской экспедиции о раскопках Островской палеолитической стоянки и разведках в районе стоянки в 1939 г. // Рукописный архив ИИМК АН СССР. 1939. Ф-35. Оп. 1. № 5.

Талицкий М.В. Остров, палеолитическая стоянка близ г. Перми // КСИИМК. 1940а. Вып. IV.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. № 6-7. М.; Л., 1940б.

Щербакова Т.И. Палеолитическая стоянка Талицкого (по раскопкам 1942 г.) // СА. 1986а. № 3.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986б.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.

К.М. Андреев

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара,
konstantin_andreev_88@mail.ru*

А.А. Шалапинин

ГБУК «Наследие», Самара, anton-shalapinin@ro.ru

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ ЧЕКАЛИНО IV В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Стоянка Чекалино IV является одним из ключевых памятников для изучения неолита-энеолита лесостепного Поволжья. Зафиксированная на памятнике общая последовательность неолитических и энеолитических слоев, отсутствие находок более поздних эпох позволяют опираться при характеристике материальной культуры неолитического и энеолитического населения не только на керамику, типология которой уже получила освещение в печати, но и на каменную индустрию. Цель данной работы – представить каменный инвентарь стоянки Чекалино IV из раскопок 2007г.

Планиграфическое распределение каменных артефактов в неолитическом и энеолитическом слоях демонстрирует схожую картину: основная масса орудий и отходов производства концен-

трировалась в центральной и западной частях исследуемой площади памятника. Сырьем для каменных орудий служил местный кремль среднего качества серого, красного, оранжевого, желтого цветов. В энеолитическом слое стоянки присутствуют отдельные артефакты из кварцита. Для каменной индустрии обоих слоев памятника характерно сосуществование пластинчатой, отщеповой и бифасиальной техник расщепления, в энеолитическом слое более развитой выглядит последняя.

Нуклеусы формировались и подготавливались к расщеплению непосредственно на стоянке, о чем свидетельствует большое количество находок продольных и поперечных сколов. Они представлены одноплощадочными призматическими, торцевыми и аморфными формами небольших размеров. Негативы от скалывания пластин из-за неоднородности сырья имеют нерегулярный характер, что оказывало прямое влияние на характер получаемых пластинчатых заготовок. Для энеолитического слоя памятника характерно присутствие более массивных пластин и их фрагментов, а также частое оформление их ретушью. Для неолитического слоя свойственно преобладание пластин, имеющих на краях характерные следы утилизации в качестве режущих орудий и малое количество ретушированных изделий. Необходимо отметить, что крупных пластинчатых нуклеусов на раскопанной площади стоянки не обнаружено, что может быть связано с изготовлением крупных пластин за пределами памятника либо в его неисследованной части.

Резцы достаточно многочисленны в неолитическом слое, они представлены серединными и угловыми формами на отщепах и продольных сколах, единичен резец на углу пластинчатого скола. В энеолитическом слое данная категория орудий менее распространена и представлена изделиями на углу сломанной пластины.

Для обоих слоев памятника характерны скребки из обломочного материала: продольных сколов и крупных отщепов, в связи с чем им не всегда придавалась правильная форма, а обрабатывались только лезвие и боковые края. Рабочий край орудий имеет прямую, полукруглую или подостренную форму. В энеолитическом слое помимо скребков на отщепах встречены концевые скребки на пластинах с ретушью по краям и скребковым оформлением на дистальном или проксимальном концах.

Перфораторы изготавливались из сколов и пластин, при этом пластинчатые орудия имеют симметричную рабочую часть, а отщеповые – скошенную.

Наконечники обоих слоев памятника близки типологически, имеют бифасиальную обработку и листовидную форму. В энеолитическом слое найден один обломок черешкового наконечника.

Значительной серией в обоих слоях памятника представлены собственно бифасиальные орудия. Часть из них сломаны в процессе изготовления, и судить об их функциональном назначении трудно. Немногочисленные целые экземпляры являются бифасиальными ножами. Необходимо отметить в общем более крупные размеры двусторонне обработанных изделий энеолитического слоя.

В неолитическом слое памятника достаточно значительная группа орудий представлена морфологически выраженными ножами. Они изготавливались из удлиненных уплощенных сколов и отщепов. Только на трех орудиях данного типа рабочий край оформлен регулярной ретушью, из них лишь одно изготовлено на пластинчатом сколе, у остальных он имеет характерные следы сработанности в виде микроретуши и утилизации. Ножи энеолитического слоя делались из отщепов и пластин и имеют четко выраженные морфологические следы ретуширования.

Найденный в энеолитическом слое скобель изготовлен из уплощенного отщепа аморфной формы с изогнутыми рабочими краями. Скобели нижнего слоя памятника производились в основном из крупных сколов и отщепов; как и в предыдущей группе артефактов, только половина из них имеет регулярную ретушь. На остальных в выемках фиксируются следы характерной сработанности в виде выщербин и микроретуши, свидетельствующие об их аналогичном использовании.

Деревообрабатывающие орудия обоих слоев памятника имеют близкие типологические характеристики. Часть их представлена рубящими орудиями типа топоров вытянутых пропорций, изготавливавшихся в технике краевой обивки из крупных кусков кремня. Другая часть – долота и стамески из продольных и первичных сколов (отщепов), имеющие незначительную краевую обивку, придающую им характерную вытянутую подтреугольную форму с широким лезвием. Несколько орудий несут на себе следы шлифовки и отличаются от предыдущих подпрямоугольной формой.

Небольшую группу в коллекции стоянки составляют морфологически неопределимые орудия: куски, отщепы и техносколы с нерегулярной краевой ретушью или следами утилизации, которые, по всей видимости, применялись в качестве режущих орудий.

Таким образом, при наличии общих черт в каменной индустрии неолитического и энеолитического слоев стоянки Чекалино IV следует отметить следующее. В энеолитическом слое более широко представлены двусторонне обработанные орудия, широкие пластины и орудия на них, листовидные наконечники. В неолитическом слое более распространены техника применения резцового скола, а также использование в качестве скобящее-режущих орудий наряду с ретушированными изделиями отщепов без вторичной обработки.

Е.В. Вилисов

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, vilisov@mail.ru

СПЕЦИФИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СВАТИЛИЩА КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ

Кокшаровский холм относится к специфическому для Северной Евразии типу памятников, известных как «холмы» (Старков, 1969). Эти крупные насыпные сооружения, возведенные в эпоху неолита, интерпретируются как святилища (Старков, 1969; Шорин, 2001; Панина, 2008; Сладкова, 2008). Достоверно известно о четырех таких «холмах» в Среднем Зауралье и Западной Сибири. Наиболее изученным из них является Кокшаровский на берегу Юрьинского озера в Свердловской обл.

Коллекция каменных предметов из раскопов А.Ф. Шорина 1995–2011 гг. насчитывает более 23 000 экз. Из них лишь малую часть с уверенностью можно отнести к культовым. Материал типологически мало отличается от поселенческих комплексов неолита Среднего Зауралья и включает широкий спектр категорий артефактов: куски сырья, нуклеусы, технические снятия, заготовки, разнообразные орудия, отходы их производства и т.д. Характер залегания некоторых типов предметов свидетельствует, что они могут быть связаны с культовыми объектами (Вилисов, 2004. С. 192–195; Вилисов, Шорин, 2008).

Для решения вопросов, которые ставит присутствие в святилище значительного количества каменных предметов, и определения их роли в функционировании памятника был проведен сравнительный типолого-статистический анализ комплекса находок Кокшаровского холма с материалами неолитических памятников Среднего Зауралья (Волков, 2001; Кернер, 1991; Ковалева, Сериков, 1982; Сериков, 1981; 1991; Шаманаев, 2001). В результате выявлены следующие характерные черты каменного инвентаря святилища.

1. Многочисленны нуклеусы и нуклевидные куски различной степени сработанности, часто выполненные из некачественного сырья – более 600 экз. или 2,5% от общего количества предметов из камня. Их доля в 2–2,5 раза больше, чем в поселенческих комплексах.

2. Пластины без обработки насчитывают около 4 000 экз., 18,5%. Данный показатель сопоставим с зафиксированными для материалов поселенческих комплексов, однако примечательно, что значительное количество регулярных пластин (19%) – целые экземпляры. Они, вероятно, были исключены из производственного процесса сразу после изготовления. На некоторых участках холма доля этих снятий достигает 30% и более. Количество орудий на пластинах невелико – около 6% от всего материала. Трасологический анализ, проведенный Н.А. Алексашенко, показал, что среди них преобладают мясные ножи (2004. С. 104).

3. Наиболее многочисленная категория находок – отщепы и чешуйки, более 9 000 экз., 38,8%. Их доля меньше, чем в поселенческих комплексах, что может указывать на ограниченную роль камнеобработки в производственных процессах на Кокшаровском холме. Часть отщепов могла быть получена при совершении обрядовых действий, что зафиксировано в одном из объектов (Шорин, Вилисов, 2008). Среди орудий на отщепах преобладают скребки – 3,4% всего массива. Многие из них в начальной стадии сработанности, предназначены для работы по дереву (выскабливание, вырезание рельефных линий) (Алексашенко, 2004. С. 102).

4. Значительной серией представлены наконечники стрел – более 200 экз., 0,9%. В неолитических комплексах они малочисленны – не более 5–6 экз. или отсутствуют вообще. Большая часть наконечников Кокшаровского холма фрагментирована.

5. Намеренная фрагментация орудий, вероятно, являлась одной из важных составляющих культовой практики. Среди более чем 600 шлифованных предметов лишь 25 относительно целых (топоры, тесла, ножи). Остальные найдены в виде сколов и обломков. В целом ряде случаев фрагментация орудий не являлась следствием утилизации, а была произведена специально. Подобная ситуация характерна и для абразивов. Их количество составляет более 1 500 экз. и превышает долю орудий данного типа в поселенческих комплексах в 3–4 раза. Абразивы в основном пред-

ставлены мелкими плитками. После раскалывания большинство их не использовалось (Александренко, 2004. С. 102). Для фрагментации орудий применялись крупные отбойники и песты.

На данном этапе исследований характер культовой обрядности на святилище можно реконструировать лишь в общих чертах. Важными ее элементами являлись действия, связанные с расщеплением камня, преднамеренной фрагментацией орудий труда, деревообработкой и разделкой мяса.

- Вилисов Е.В.* Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Уральский исторический вестник. № 14. Екатеринбург, 2006.
- Волков Е.Н.* Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное 1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б.* Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Вып. 16. Свердловск, 1982.
- Панина С.Н.* Археологические исследования на Усть-Вагильском холме // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.
- Сериков Ю.Б.* Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка 1 // СА. 1981. № 1.
- Сериков Ю.Б.* Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Сладкова Л.Н.* Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.
- Старков В.Ф.* О так называемых «Богатых буграх» в Лесном Зауралье // Вестник Московского ун-та. № 5. М., 1969.
- Шаманаев А.В.* Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
- Шорин А.Ф.* Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.
- Шорин А.Ф., Вилисов Е.В.* Объект 15 кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии использования // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.

А.А. Шорина

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург,
aashor@mail.ru*

ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА: СТРАТИГРАФИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Поселение расположено на берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской обл. Относится к комплексу памятников «святилище Кокшаровский холм – Юрьинское поселение», занимающему площадь в 16 000 кв. м. Святилище находится в центре поселения и условно делит его на две части: западную и восточную. Экспедицией Института истории и археологии УрО РАН в западной части поселения заложен раскоп общей площадью 36 кв. м, в восточной – 44 кв. м.

Керамический комплекс Юрьинского поселения представлен всеми типами неолитической посуды, характерной для Среднего Зауралья: кокшаровско-юрьинской (козловской) (рис. 1, 1), кошкинской (рис. 1, 4), полуденской (рис. 1, 2), басьяновской (боборыкинской) (рис. 1, 3). Анализ хроностратиграфии Кокшаровского холма показал, что наиболее ранними являются кошкинские и кокшаровско-юрьинские керамические комплексы (в пределах конца VI – начала IV тыс. до н.э.), более поздними – полуденские и басьяновские – конец V – середина IV тыс. до н.э. (Шорин, Шорина, 2011).

Керамическая коллекция западной части поселения представлена 118 фрагментами неолитических сосудов. Преобладающими типами являются кошкинский (46,6%) и полуденский (32,1%). Кокшаровско-юрьинский и басьяновский представлены слабо, 17% и 4,3% соответственно.

Керамическая коллекция восточной части Юрьинского поселения представлена 846 фрагментами. Преобладающими типами являются полуденский (50,6%) и кокшаровско-юрьинский (35,7%); кошкинский и басьяновский представлены слабо, 11,9% и 1,8% соответственно.

При исследовании западной части Юрьинского поселения М.Ю. Барановым на глубине 30–80 см от современной поверхности были зафиксированы два сооружения, которые он отнес к кошкинской культуре (Баранов, Волков, 2001. С. 5, 10, 11). Но наш анализ показал, что в заполнении

данных сооружений залегали только пять фрагментов кошкиных и один фрагмент кокшаровско-юринского сосудов. Основная же часть керамики (до 88,1%) концентрируется до глубины 30 см, в верхних горизонтах поселения, которые, к тому же, частично переотложены в результате работ сельскохозяйственной техники. Поэтому связь рассматриваемых объектов с кошкиным этапом заселения памятника неочевидна.

В восточной части вскрыт объект, вернее, примерно его половина, размером не менее 2 x 4 м. Преобладание в его заполнении керамики прежде всего полуденского (113 фр.) и кокшаровско-юринского (67 фр.) типов при малочисленности фрагментов сосудов кошкинской культуры (их 18) позволяет предполагать, что его сооружение может быть связано с деятельностью носителей полуденской и кокшаровско-юринской традиций. Функциональное назначение постройки до полного ее вскрытия остается неясным. Но, скорее всего, она схожа с наземной постройкой, зафиксированной В.Ф. Старковым в ходе исследования памятника в 1964 г. и интерпретированной как хозяйственная (Старков, 1980. С. 69).

Анализ планиграфического и стратиграфического распределения неолитических керамических комплексов в разных частях поселения (табл. 1) позволяет сделать следующие выводы.

1. Присутствие всех типов неолитической керамики практически во всех стратиграфических горизонтах Юринского поселения может указывать на неоднократное заселение разных частей обширной территории памятника различными группами неолитического населения. С опорой на даты, полученные в ходе исследования святилища Кокшаровский холм (Шорин, Шорина, 2011. С. 74-77), можно предположить, что эти процессы происходили в интервале от рубежа V/IV до середины IV тыс. до н.э.

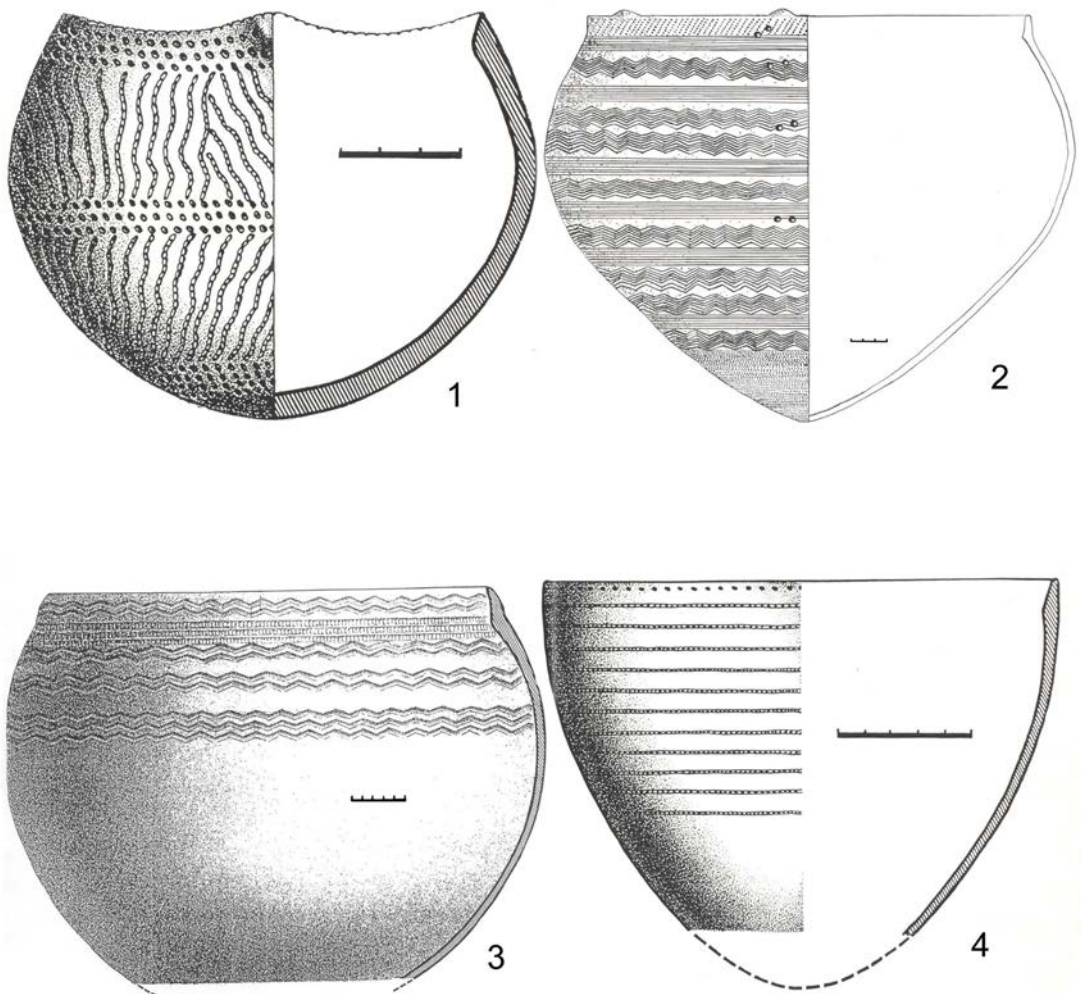

Рис. 1 Неолитические сосуды комплекса памятников «Святилище Кокшаровский холм – Юринское поселение». 1 – кокшаровско-юринский тип, 2 – полуденский тип, 3 – басьяновский тип, 4 – кошкинский тип.

Таблица 1. Распределение неолитической керамики разных культурных типов по горизонтам в разных частях Юрьинского поселения, %.

культурный тип, часть поселения глубина, см	Кошкинская		Кокшаровско- юринская		Полуденская		Басьянов- ская		Итого	
	западная часть	восточная часть	западная часть	восточная часть	западная часть	восточная часть	западная часть	восточная часть	западная часть	восточная часть
0-10	12,8	0,1	5,9	0,2	11,8	0,5	0,9	0,2	31,4	1,0
-11-20		0,6		1,9		3,3		-		5,8
-21-30	27,1	1,9	9,3	7,5	17,8	10	2,5	0,8	56,7	20,2
-31-40	3,3	5,4	0,9	13,9	1,6	17,6	-	0,6	5,8	37,5
-41-50	2,5	2,5	0,9	9	0,9	14,2	0,9	0,2	5,2	25,9
-51-60	-	1,4	-	2,6	-	4,4	-	-	-	8,4
-61-70	0,9	-	-	0,6	-	0,6	-	-	0,9	1,2
Итого	46,6	11,9	17	35,7	32,1	50,6	4,3	1,8	100	100

2. Освоение территории Юрьинского поселения началось кошкинским населением, самым ранним в данном регионе, с западной его части. Фрагменты кошкинской посуды, зафиксированные в раскопах этой части памятника, составляют примерно половину керамического комплекса, в то время как в восточной части такой керамики чуть более 10%.

3. Интенсивное заселение восточной части поселения связано, видимо, с более поздним хронологическим периодом и осуществлялось носителями кокшаровско-юринской (32,2%) и, особенно, полуденской (50,6%) культурных традиций. В пользу этого свидетельствует и наличие здесь вышеупомянутого строительного объекта. Кокшаровско-юринское и полуденское население осваивало и западную от святилища часть поселения, но менее интенсивно, чем восточную.

4. Группа носителей басьяновской традиции, вероятно, была немногочисленной: басьяновский керамический комплекс является самым малочисленным в коллекции и Кокшаровского холма, и Юрьинского поселения.

Баранов М.Ю., Волков Р.Б. Результаты работ на Юрьинском поселении эпохи неолита (предварительные итоги) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47).

А.А. Куличков

*Липецкий государственный педагогический университет,
kulichckov.aleks@yandex.ru*

ОРНАМЕНТИРЫ ЭПОХ НЕОЛИТА–РАННЕЙ БРОНЗЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

Орнаменты – редкие находки, их можно разделить на две группы – естественные и искусственные. К первым относятся природные формы, не имеющие обработки, вторые же сознательно изготавливались человеком (Калинина, Гаджиева, 1995).

В нашей работе будут рассмотрены только искусственные орнаменты эпох неолита–бронзы лесостепного Подонья. Все пять памятников, на которых они выявлены, находились на пойменных всхолмлениях бассейна р. Дон и его притоков: Долгое 1, Ксизово 6, Копанице 1, Черкасская, и Липецкое Озеро – на правом берегу р. Воронеж. Только на поселении Долгое 1 орнаменты зафиксированы в культурном слое, четко соотносимом с рязанско-долговской культурой эпохи неолита. На Черкасской и Ксизово 6 они встречены в смешанном слое, а на Липецком Озере и Копанице 1 – при сборе подъемного материала.

Штампы. Материалом для их изготовления служили различные породы камня (преимущественно сланец), кость, раковина и глина. Гребенчатые штампы – орудия с зубчиками, отлича-

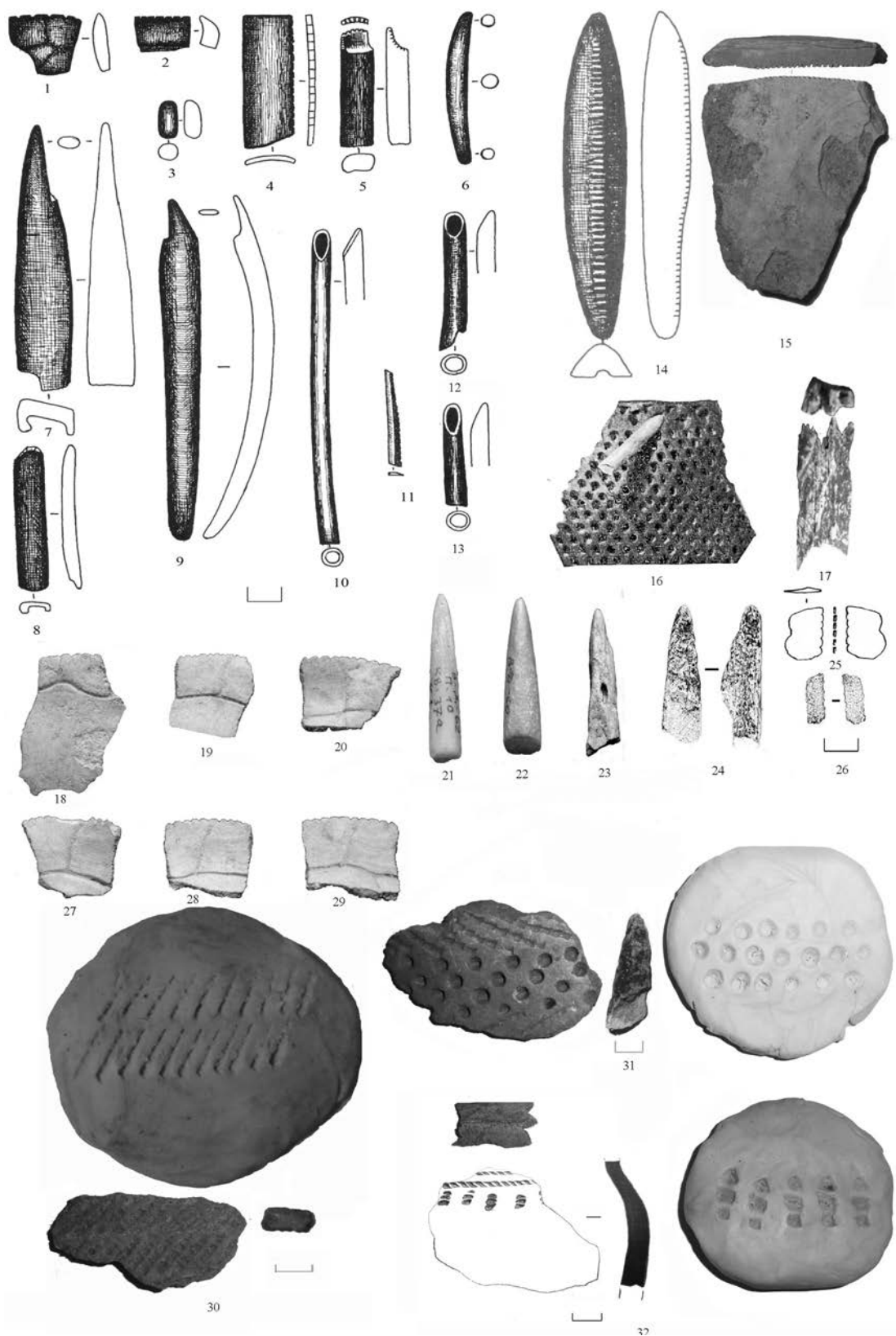

Рис. 1. Искусственные орнаменты с памятников лесостепного Подонья. 1-14 – поселение Липецкое озеро (по: Синюк, Клоков, 2000); 15 – стоянка Черкасская; 16, 18-23, 27-29 – стоянка Долгое 1 (16 – по: Левенок, 19656); 17, 24, 26 – стоянка Ксизово 6; 25 – стоянка Копанище 1; 30-32 – оттиски орнаментов 26, 24, 17.

ются между собой количеством зубцов, длиной и степенью изогнутости, числом рабочих краев (Калинина, Устинова, 1990). Полагаем, что среди гребенчатых штампов, выявленных в рассматриваемом регионе, девять относятся к рязанско-долговской культуре, о чем косвенно свидетельствует керамика, найденная с ними в одном слое. Все они подпрямоугольной или трапецевидной формы. Шесть экземпляров с поселения Долгое 1 идентичны и изготовлены на обломках черепаховых панцирей (рис. 1, 18-20, 27-29). Два несколько отличающихся образца обнаружены на поселении Липецкое Озеро (рис. 1, 1, 2) и один – на стоянке Ксизово 6 (рис. 1, 26) (Смолянинов, 2004). Еще один гребенчатый штамп рязанско-долговской культуры с П-образным срезом, длиной около 0,4 см и шириной 1 см, получен в результате раскалывания трубчатой кости (рис. 1, 5). Орнамент, нанесенный им, по форме не будет отличаться от тех, которые нанесены изготовленными на черепаховых панцирях орудиями. Зубцы штампов подпрямоугольной формы, численностью от 6 до 11.

Остальные известные нам гребенчатые орнаменты связать с конкретными культурами можно лишь предположительно. Вероятнее всего, два узких гребенчатых штампа применялись для орнаментации керамики эпохи энеолита. Один сделан из края костяной пластины (рис. 1, 4) длиной 5,2 см, шириной 1,6 см и имеет 14 мелких подпрямоугольных зубцов. Второй изготовлен из рыбьей кости (рис. 1, 11), по одной стороне которой расположены мелкие зубчики. Посередине он разделен ребром на две плоскости. Длина изделия – 3,8 см, ширина одной стороны – 0,4 см, другой – 0,2 см.

На стоянке Ксизово 6 выявлен трехзубый орнамент с прямыми подтреугольными зубцами (рис. 1, 17). Трасологический анализ, сделанный А.Н. Усачуком, показал, что следы сработанности очень слабые; возможно единичное использование предмета.

Штамп из камня неправильной трапецевидной формы выявлен на Черкасской стоянке (рис. 1, 15). На широком крае он имеет мелкие зубчики. Ширина стороны с зубчиками – 4,3 см, противоположной – 2,4 см, толщина 0,5 см (Скоробогатов, 2010).

Найденный на стоянке Копанице 1 фрагмент штампа изготовлен на створке раковины *Unio* (рис. 1, 25), имеет шесть зубцов. Оттиски подобного штампа характерны в лесостепном Подонье для керамики энеолита–бронзы. Некоторые исследователи полагают, что данное изделие использовалось для получения на поверхностях сосудов крупных расчесов (Скоробогатов, 2009).

Гребенчатые расчески наносились изготовленным из трубчатой кости с нарезками по гребешку и двускатной спинкой лощиком (рис. 1, 14) (Синюк, Клоков, 2000). Длина его – 8,2 см, ширина в центре – 1,6 см, по краям – 0,4 и 0,3 см.

Палочки. К этому типу орнаментов относятся те, у которых ширина рабочего края не превышает длину (Молодин, 1990). Три экземпляра с поселения Липецкое Озеро, изготовленные на трубчатых костях или костяных пластинах, с заостренным краем, применялись для нанесения наколов подтреугольной и округлой форм, вероятнее всего, на посуде среднедонской культуры эпохи неолита (рис. 1, 7-9).

Семь изделий предназначены для нанесения ямочного орнамента. Четыре из них, со стоянки Долгое 1 (Левенок, 1965а; б), относятся к рязанско-долговской культуре. Два из рассматриваемых орудий изготовлены из белемнита, у которого слегка заточено острие (рис. 1, 21, 22), два – на костяном заточенном стержне (рис. 1, 16, 23). Вероятно, соотносимы с материальным комплексом той же культуры два костяных орнамента с поселения Липецкое Озеро. Один из них имеет вытянутую цилиндрическую форму с закругленными концами, высоту 1,4 см, диаметр 0,6 см (рис. 1, 3). Второй – в форме изогнутой палочки с незначительным утолщением в центре, длина его – 5,9 см, диаметр по краям – 0,4 см, в центре – 0,5 см (рис. 1, 6). Орнамент, изготовленный на костяном заточенном стержне, выявлен и на поселении Ксизово 6 (рис. 1, 24).

Также с поселения Липецкое Озеро происходят три орнамента, изготовленные из полых костей (рис. 1, 10, 12, 13). Украшение оттиском полых костей изредка встречается на керамике неолита–поздней бронзы лесостепного Подонья.

Таким образом, нами рассмотрены все известные искусственные орнаменты эпох неолита–бронзы лесостепного Подонья.

Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. № 1.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической–энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. Вып. 30. СПб., 1990.

Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. 1965а. № 131.

- Левенок В.П.* Раннеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону // КСИА. 1965б. Вып. 92.
- Молодин В.И.* К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990.
- Синюк А.Т., Клоков А.Ю.* Поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.
- Скоробогатов А.М.* Материалы неолита–энеолита из археологических разведок по р. Тихая Сосна // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4. Липецк, 2009.
- Скоробогатов А.М.* Отчет о раскопках стоянки Черкасская в Воронежской обл. в 2010 г. // Архив кабинета археологии ВГПУ.
- Смольянинов Р.В.* Отчет об археологических исследованиях в Липецкой обл. в 2004 г. // Архив кабинета археологии и этнологии ЛГПУ.

Н.А. Цветкова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
n-tsvetkova@yandex.ru*

РАННИЙ НЕОЛИТ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ И ИСТОЧНИКИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

История изучения раннего неолита Верхней Волги насчитывает 40 лет. Ее специфика определяется дискуссионным характером археологических культур (АК) региона. Причина этому – состояние источниковой базы, способствующее продолжению полемики о культурном статусе отдельных групп древностей: памятников раннего неолита Валдайского приозерья и стоянок с неорнаментированной/накольчатой керамикой верхневолжской АК.

Источниковедение раннего неолита Верхневолжья характеризуется непростой ситуацией. С начала изучения памятников этого времени раскопки производились по разным методикам. Большинство стоянок оказались многослойными, их разновременные и разнокультурные отложения были турбированы/переотложены и, как правило, перемешаны. Значительная часть археологических коллекций до сих пор не введена в научный оборот.

В этом контексте особую ценность имеют четко стратифицированные и однослойные памятники. Считается, что культурные отложения первых не подвергались антропогенному и природному воздействию, приведшим к механическому смешению разнокультурных материалов. На практике такая ситуация исключительно редка. Как правило, археологам приходится «закрывать глаза» на отсутствие четких контактов между культурными слоями, наличие незначительных инородных примесей и прочие обстоятельства. В противном случае 99% раннеолитических стоянок пришлось бы признать непригодными для изучения, а выводы, сделанные на основании анализа их материалов, – несостоятельными. Для однослойных памятников исследователи предполагают наличие примеси находок финального мезолита, выделить которую затруднительно из-за сходства индустрий финального мезолита и раннего неолита.

В этой связи весьма актуален вопрос о критериях определения эталонных памятников. Для *раннеолитического этапа* развития *валдайской культуры* (ВК) Н.Н. Гурина эталонными называла однослойные стоянки Кочище 1 и 2 и поселение Щепочник. Последнее, по ее мнению, является опорным для всех этапов данной культуры. Этой позиции придерживаются и другие исследователи. На всех перечисленных памятниках изделия из органических материалов не сохраняются.

Для *верхневолжской культуры* эталонными Д.А. Крайнов считал торфяниковые поселения Ивановское 3, Языково 1 и Сахтыш 1. Работы Верхневолжской экспедиции дополнили этот список. Е.Л. Костылева относил к опорным 14 памятников: Кухмарь 1, Шадрино 4, Плещеево 1, Берендеево 2а, Сахтышские, Ивановские стоянки, Польцо и Торговище 1. Позднее стоянки верхневолжской культуры, заявленные Д.А. Крайновым и Е.Л. Костылевой как эталонные, прошли критическую источниковедческую оценку, и их количество сократилось. А.В. Энговатова и М.Г. Жилин среди четко стратифицированных памятников с «чистыми» комплексами видят поселения Окаёмово 5; 18/нижний к.с.; Озерки 5/Па, III; 17/III; Воймежное 1; Берендеево 2а, а также Золоторучье 3 и Беливо 2. Также к этой группе исследователи относят однослойные стоянки Альбу, Давыдовскую, Шадрино 4, Караш 3. А.С. Смирнов полагает, что опорными не могут считаться Караш 3, Золоторучье 3, Давыдовская, Беливо 2а, Озерки 5 и 17. Очевидно, что вопрос об опорных памятниках для верхневолжской культуры остается открытым.

Для изучения *волго-окской культуры* базовыми Ю.Б. Цетлин считает поселения Сахтыш 1, 2, 8, Ивановское 5, 7, Жабки 3, Давыдовскую. На остальных памятниках волго-окская керамика (неорнаментированная/накольчатая) залегает вместе с верхневолжской (гребенчатой/зубчатой).

В настоящее время представления о критериях эталонного памятника разнятся. М.Г. Жилин считает, что эталонный памятник должен быть квалифицированно раскопан с надежными привязками артефактов к слоям/объектам. Исследователю должна быть ясна их культурная принадлежность. Слои и объекты такого памятника должны быть продатированы методами естественных наук, а материалы – опубликованы/доступны для исследования.

По мнению А.Н. Сорокина, для решения историко-культурных проблем необходимо привлекать коллекции материалов, залежавших *in situ*, с числом морфологически выраженных орудий не менее ста.

А.С. Смирнов полагает, что эталонным памятник может называться, если: 1) его материалы опубликованы; 2) раскопки проведены с использованием метода точной трехмерной фиксации материала.

Количество стоянок, удовлетворяющих всем требованиям, крайне незначительно. Более того, памятники, определяемые одними исследователями как опорные, не проходят проверку своего статуса по критериям других исследователей. Складывается ситуация, при которой валдайская и волго-окская АК оказываются необеспеченными эталонными памятниками. Для верхневолжской АК их количество минимально.

По мере усложнения проблематики исследований критерии опорных стоянок мезолита-неолита менялись. В этой связи отмечу, что культурная история Верхнего Поволжья и периодизация для валдайской и волго-окской культур были разработаны на материалах памятников, считающихся сейчас «ущербными». Тем не менее результаты раскопок эталонных ныне торфяниковых поселений не опровергли их, а подтвердили заключения Д.А. Крайнова и Н.Н. Гуриной, сделанные на основании изучения поселений с нечеткой стратиграфией и чужеродными примесями в их культуросодержащих горизонтах.

По результатам источниковедческого анализа пригодными для изучения раннего неолита Верхнего Поволжья являются памятники Алексеевское 1, Сахтыш 2а, Становое 4/II, Шадрино 4, Кочище 1, 2, Озерки 5/II, III, Альба 8, Окаёмово 18/нижний к.с., Давыдовская, Воймежное 1, Замостье 2, Берендеево 2а (раскоп 2), Плещеево 1, Ивановское 3, 7. Они раскопаны по разным методикам, и не все обладают четкой стратиграфией. Однако их коллекции доступны для исследования, и, в отличие от других стоянок раннего неолита в регионе (а их около 200), примесь находок развитого неолита на них отсутствует либо незначительна. Допустимо не принимать во внимание возможную примесь мезолитического материала на памятниках с несохраняющимися изделиями из органических материалов из-за фактического тождества индустрий финального мезолита и раннего неолита. Убедительным доказательством хронологической позиции памятника служат находки ранней керамики. На торфяниковых поселениях из приведенного списка имеются стратифицированные участки с залеганием материала *in situ*.

А.В. Барацков

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара,
bav88@list.ru*

ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

По хронологии неолита Северного Прикаспия в настоящее время существуют противоречивые данные (Барацков и др., 2012). В середине 1990-х годов были получены даты по почве со стоянок Каиршак III: 6950±190BP (ГИН-5905) (основание нижнего слоя), 6720±80BP (ГИН-5927) (верхняя часть нижнего слоя), верхний слой датируется-6100 л.н., и Тентексор-5500±150BP.

В 2007 г. в лаборатории ИГОС НАН Украины в г. Киеве по органике в керамике стоянки Каиршак III были получены даты-7890±90 (Ki-14097), 7780±90 (Ki-14471), 7740±70 (Ki-14095), 7680±90 (Ki-14096), а по Тентексору-6640±80BP (Ki-14101). Кроме того, в лаборатории г. Уппсала методом АМС была получена дата по углероду в керамике стоянки Тентексор-6695±40BP (Ua-35277), которая подтвердила киевскую. Таким образом, появилась возможность определять хронологические рамки неолита Северного Прикаспия с начала VI тыс. до н.э. до второй четверти V тыс. до н.э.

Столь ранние даты по керамике можно было бы трактовать примесью раковин моллюсков, а в силу этого резервуарным эффектом. Однако перед проведением анализа в лабораториях из керамической массы естественная примесь раковин моллюсков удалялась с помощью плавиковой

кислоты, поэтому, резервуарный эффект маловероятен. Подтверждением правильности приведенных дат является значение, полученное в 2012 г. по органике в керамике стоянки Тентексор в лаборатории РГПУ-6650±100BP (Spb-423), полностью совпадающее с датами, полученными в Уппсале и Киеве. Более того, по необожженным костям со стоянки Тентексор в этой же лаборатории получена дата-6540±100BP (Spb-315a), совпавшая с определениями по органике в керамике. По костям с этого же памятника в лаборатории ИИМК РАН получена сходная дата-6070±290BP (Le-9476). С учетом поправки это-6400 BP, что вполне согласуется с предшествующими датами.

В 2011 г. по обугленным костям со стоянки Тентексор получена дата-5560±100BP (Spb-315), совпадающая с датой по углистой почве. Такое позднее значение может объясняться потерей коллагена при обжиге. Нельзя исключать, что совпадение дат по углистой почве и обожженным костям связано с более поздним пожаром, поскольку почвенный слой стоянки Тентексор не был перекрыт балластом.

Исследователи предполагают, что даты по костям, которые на 500 лет моложе дат по керамике на стоянке Каиршак III, относятся к верхнему уровню залегания материала. По данным Е.А. Спиридоновой, этот уровень как раз моложе нижнего на 500-600 лет. Также можно предположить, что найденные на памятнике в квадратах 33 и 28 кости и фрагменты керамики принадлежат комплексу, более позднему, чем основной каиршакский, – раннему тентексорскому, который имеет именно эти хронологические рамки. А значит, полученные даты по костям-7190±80 (Ki-14633); 7010±80 (Ki-15634) и 7030±100BP (Spb-316) **валидны, но относятся к материалам не каиршакского, а раннего тентексорского типа.**

Для стоянки Каиршак III, то методом АМС в Уппсале в 2011 г. получена дата по нагару-7775±42BP (Ua-41359), **сходная с датами киевской лаборатории. Ее подтверждает дата, полученная в РГПУ по нагару с керамики этой стоянки-7700±120BP (Spb-377).** Она практически совпала с уппсальской и киевской датами по органике в керамике. Можно допустить, что наличие нагара приводит к каким-то изменениям в результатах. Правда, по данным Я. Хейнемейера, нагар может удревять дату только в случае, если он появился в результате приготовления рыбной пищи, и удревяние может составлять до 500 лет. При этом следует отметить ряд моментов: судя по данным палеозоологов, на всех неолитических стоянках Северного Прикаспия кости рыб отсутствуют; в коллекции каменных и костяных изделий не обнаружено орудий труда, связанных с рыболовством; по данным палеогеографов, в окрестностях памятника не представлены древесные породы, пригодные для изготовления лодок. Нет в комплексе ни рубящих, ни долотовидных орудий, предназначенных для их производства. Подтверждает вышесказанное и анализ C13 N15, проведенный Г.И. Зайцевой. Судя по полученным результатам, нагар не подвержен резервуарному эффекту, а значит, полученные даты валидны.

Что касается материалов стоянки Каиршак I, **то на основании типологического анализа допущался их более поздний по сравнению с комплексом Каиршак III возраст. Выдвинутое предположение подтвердилось датами по органике в керамике, полученными в киевской лаборатории-7230±90 (Ki-14094) и 7180±90BP (Ki-14132), а также датой из лаборатории РГПУ-7100±200BP (Spb-425).** Это противоречит предположению А.В. Вискалина о том, что по ряду типологических признаков материалы стоянки Каиршак I более ранние, чем Каиршак III. Доказательством более позднего возраста стоянки Каиршак I является также трапеция со струганой спинкой.

Таким образом, на настоящий момент можно предполагать, что развитие каиршакских и тентексорских неолитических комплексов в Северном Прикаспии происходило со второй четверти VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э.

Е.Д. Жамбалтарова

*Музей Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ,
dashievna@yandex.ru*

КОМПЛЕКС РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ФОФОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Фофоновский могильник расположен в 0,5–1 км выше с. Фофоново Кабанского р-на Республики Бурятия, на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофоновской горы, на высоте 26–40 м над уровнем р. Селенги. Со времени открытия памятника в 1926 г. А.П. Окладниковым (1928. С. 64–69) раскопано более ста разновременных погребений (Герасимов, Черных, 1975. С. 23; Лбова и др., 2008. С. 29).

Анализ планиграфических особенностей Фофоновского могильника показал, что захоронения эпохи раннего неолита обнаружены на западном и восточном склонах Фофоновской горы, расстояние между которыми составляет около 1 км. На основании сравнительного анализа выделенных групп погребений попытаемся определить их общие черты и особенности.

Западная группа состоит из десяти комплексов (№ 1-10, материалы 1987-1989 гг.). Надмогильные и внутримогильные конструкции отсутствуют, за исключением погребения № 9/1988 г. (фиксировались следы прослоя с остатками деревянной конструкции). Форма могильных ям овальная, только в погребении № 10/1989 г. яма имела округлую форму. Захоронения были заложены на небольшой глубине (0,4-1 м от дневной поверхности). Отмечается преимущественно восточная (погребения № 3-5/1988 г.) и северо-восточная (погребения № 1/1987 г., 10/89 г.) ориентировка погребенных. Единично зафиксирована ориентировка скелетов на северо-запад (погребение № 7/1988 г.), юго-восток (погребение № 9/1988 г.). Могильная яма погребения № 8/1988 г. была ориентирована длинной осью по линии север-юг (Лбова и др., 2008. С. 56).

Красящие вещества в виде кусочков охры наблюдались в погребении № 9/1988 г., в описаниях остальных неолитических захоронений западной группы Фофоновского могильника наличие охры не упоминается (Лбова и др., 2008. С. 54-57).

Погребения № 1-5, 7, 9, 10/1987-89 гг. являются одиночными. Умершие лежали на боку с согнутыми ногами (комплексы № 2, 4, 7, 9/1987-89 гг.) или на спине с согнутыми ногами (погребения № 1, 3, 5, 10/1987-89 гг.).

Немногочисленный погребальный инвентарь включает отщепы, перламутровые бусины, иглу из кости, фрагменты керамики и челюсти мелкого животного. В большинстве случаев (захоронения № 1-3, 5, 6, 8/1987-89 гг.) он вообще отсутствовал.

Восточная группа состоит из семнадцати погребений и одного ритуального объекта с черепом медведя (определение выполнено А.М. Клементьевым). Рассматриваемые захоронения грунтовые, характеризуются отсутствием надмогильных и внутримогильных сооружений, но около погребения № 5/1959 г. фиксировался след деревянного столба. Могильные ямы в этой группе имеют форму вытянутого овала или прямоугольника с закругленными углами (Герасимов, Черных, 1975. С. 26). Глубина их заложения варьирует от 0,5 до 1,4 м от современной поверхности.

Доминирует ориентировка умерших головой на юго-восток (погребения № 1, 3-6/1959 г.; 11, 13, 14, 17/1996 г.; 1/2007 г.; 4/2008 г.), с вариациями на восток-юго-восток (№ 3/2008 г.) и юг-юго-восток (№ 2/1959 г.). Интересно, что череп медведя в объекте № 2/2008 г. также был ориентирован на юго-восток. В двух комплексах (№ 7/1959 г., 12/1996 г.) отмечается ориентировка погребенных на восток. Единично зафиксирована ориентировка на юг (погребение № 15/1996 г.) и северо-запад (№ 16/1996 г.).

Присутствие охры характерно для большинства захоронений восточной группы (№ 2-7/1959 г.; 11-15, 17/1996 г.; 1/2007 г.; 3, 4/2008 г., ритуальный объект № 2/2008 г.). Следы огня (сажистые пятна и угольки) наблюдались в погребениях № 3, 4/2008 г. Также отметим, что в погребении № 12/1996 г. был найден кусочек графита.

По количеству индивидов в анализируемой группе выделяются одиночные, парные и коллективные погребения. В коллективном погребении № 7/1959 г. насчитывалось семь скелетов, из которых шесть были без черепов (Герасимов, Черных, 1975. С. 26-29).

Ярким элементом погребального обряда является присутствие в могилах «чужих» костей. В детском погребении № 1/1959 г. зафиксированы кости рук взрослого человека, в захоронении № 3/1959 г. рядом со скелетом зафиксированы кости еще двух рук (Герасимов, Черных, 1975. С. 26). В погребении № 1/2007 г. находился «чужой» череп, в погребении № 4/2008 г. – «чужие» человеческие зубы.

В рассматриваемой группе погребений встречаются признаки расчленения скелетов, а также захоронения отдельных частей тела умерших. Так, в комплексе № 4/1959 г. в анатомическом порядке находились кости обеих ног (без стоп), кости руки ребенка. Вероятно, пальцы ног мужчины из погребения № 3/2008 г. были сломаны.

Сопроводительный инвентарь восточной группы погребений составляют: каменные, костяные и роговые орудия, украшения (мраморные, кальцитовые, перламутровые, костяные), скульптура головы лося, фрагмент керамики, раковина, кости животных, птиц и рыб. Он присутствует в большинстве рассматриваемых случаев. Отсутствием инвентаря характеризуются погребение № 4/1959 г. и ритуальный объект № 2/2008 г.

Таким образом, для погребений, локализованных на западном склоне Фофоновской горы, показательны преимущественно северо-восточная и восточная ориентировка, бедность сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Погребения, расположенные на восточном склоне

Фофановской горы, характеризуются преимущественно юго-восточной ориентировкой, наличием инвентаря и его богатством по сравнению с западной группой захоронений, и в целом большим разнообразием погребального обряда, выраженным в наличии коллективных и парных погребений. В большинстве захоронений восточной группы наблюдается интенсивная засыпка охрой. Обе группы комплексов в целом отнесены к раннеэнеолитическим (китойским) погребениям, так как схожи захоронением умерших в грунте без надмогильных и внутримогильных сооружений, на небольшой глубине, положением на спине или на боку с согнутыми ногами, отсутствием черепов, расчлененностью скелетов, захоронением отдельных частей тела.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00178а.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008.

Окладников А.П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. 1928. Т. 3.

Т.А. Хорошун

*Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, Петрозаводск,
tatty@list.ru*

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – РАННЕГО ЭНЕОЛИТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА)

К позднему неолиту – раннему энеолиту Карелии относятся памятники с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой (Археология Карелии, 1996. С. 105, 151). Керамика является массовым и порою основным источником в изучении древних культур. Она многообразна по формам и орнаментации. Чаще всего это сильно фрагментированные стенки. Значительно меньше доньшек, средний показатель занимают венчики, по которым чаще всего производится приблизительный подсчет сосудов. Так, на поселении Вигайнаволоок I общее количество черепков составляет порядка 30 тыс. фрагментов, из них 51 доньшко (то есть около 0,2%), по венчикам удалось выделить 1139 сосудов (4% от общего количества).

При отсутствии полных форм венчики остаются наиболее информативным источником, характеризующим как технологические традиции в оформлении верхнего среза, который в определенной степени определял формы сосудов, так и способы декорирования керамики с использованием основных элементов орнамента и их сочетаний, повторяющихся на остальной поверхности изделий.

Целью работы является рассмотрение форм сосудов и определение наличия или отсутствия культурных связей между гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой для опорных памятников указанного времени. Все памятники – со смешанными комплексами, что во многом затрудняет систематизацию материала. Исследование основано на изучении 1117 сосудов из Соломенного I, Деревянного I, Песков IV, Вигайнаволока I с привлечением материалов Пегремы I и III, на основе которых А.П. Журавлевым разработана периодизация памятников с ромбо-ямочной керамикой, выделены ранний (вигайнаволоцкий) и поздний (пегремский) этапы (Журавлев, 1977; 1979; 1991). Исследователем отмечены морфо-типологические и орнаментальные изменения, которые характеризуют эти «чистые» комплексы. При анализе керамики выявились расхождения, требующие серьезной корректировки.

К исследуемому материалу применен подход, разработанный для систематизации керамики на памятниках со смешанными комплексами (Хорошун, 2011). В результате и на пегремских памятниках толстостенная керамика позднего неолита – раннего энеолита объединена в

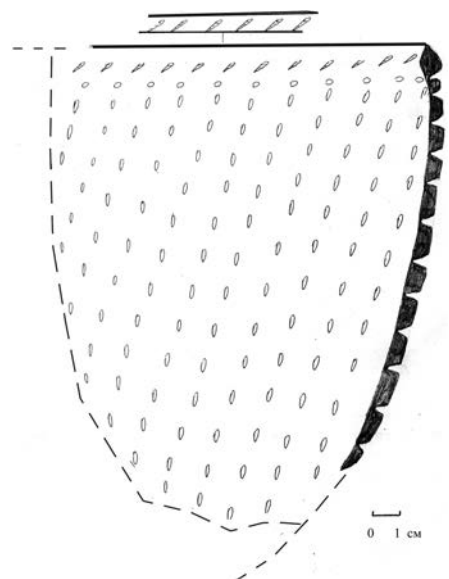

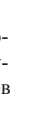

Рис. 1. Вигайнаволоок I. Реконструкция сосуда третьей группы типа 3.

Таблица 1. Соотношение форм венчиков по группам керамики.

форма венчиков		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Всего сосудов
поселение	группы керамики																	
Соломенное I	1 КЯ (ГЯ)	1 (1)	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	5
	2 ОЯ	3	0	4	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8
	3 РЯ	5	7	1	0	0	0	2	1	1	0	0	0	0	0	0	0	17
Пески IV	1 КЯ (ГЯ)	3 (2)	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	9
	2 ОЯ	2	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
	3 РЯ	2	2	3	0	3	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	13
Вигайнаволок I	1 КЯ (ГЯ)	37 (31)	63 (10)	37 (5)	0	0	0	7 (1)	2 (1)	0	0	0	1	0	0	(1)	11	158 (49)
	2 ОЯ	84	127	65	3	0	1	7	8	2	3	0	0	0	1	4	0	305
	3 РЯ	168	184	87	13	7	4	7	11	0	0	1	3	2	2	5	3	497
Деревянное I	1 КЯ (ГЯ)	2	1	2	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	6
	2 ОЯ	7	3	4	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	17
	3 РЯ	7	9	8	3	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	28
сего сосудов		355	408	222	20	10	5	25	31	3	3	1	4	2	3	10	15	1117

кя – круглоямочная, гя – гребенчато-ямочная, оя – овальноямочная, ря – ромбическая

Таблица 2. Соотношение гофрированных венчиков по группам керамики.

памятник	гофрированные венчики (%)		
	кя	оя	ря
Деревянное I	–	12	7
Пески IV	–	40	23
Соломенное I	–	25	18
Вигайнаволок I	4	13	20
Пегрема I	–	–	17
Пегрема III	33	–	14

кя – круглоямочная, оя – овальноямочная, ря – ромбическая

три группы: круглоямочную, овальноямочную и ромбическую. Наметились общие формы венчиков: тип 1 – со скошенными внутрь верхними краями венчиков; тип 2 – с прямосрезанными расширенными венчиками; тип 3 – со срезанными с обеих сторон остроугольными венчиками (рис. 1), а также ряд промежуточных вариантов (4–16), которые сочетают признаки основных трех (табл. 1).

Важной особенностью оформления венчиков является их украшение оттисками чаще всего гребенчатого или гладкого штампов. В гребенчато-ямочной керамике гребенка отличается широкими секциями (до 11) и крупными размерами (чаще всего вытянутой овальной формы), что сближает ее с керамикой других поселений Карелии (Витенкова, 2002. С. 92, 93). Венчики типа 2 трех групп украшены с использованием двух элементов: гофрированных краев и ямок. Гофрированность выполнена оттисками гладкого или гребенчатого штампа или пальцами. В последнем случае достигалась максимальная волнистость края. Оттиски же штампов оставляли нечеткую крутую линию, но наносились перпендикулярно срезу, в основном с обеих сторон, и имели, вероятно, декоративный характер. Гофрированность как особый признак характерна не для всей керамики (табл. 2). Так, она фиксируется на круглоямочной керамике Вигайнаволока I и Пегремы III, отсутствует на овальноямочной на Пегреме I и III, на ромбической керамике встречается на всех памятниках примерно одинаково, в количестве 14–23%, кроме Деревянного I (7%). Таким образом, материал Пегремских памятников несколько отличается от остального изученного и может характеризовать технологические традиции мастеров этого района в период изготовления овальноямочной керамики. Вместе с тем отметим, что на Пегреме III **гофрированные венчики круглоямочной керамики составляют 33%**.

Венчики формы 2 чаще встречаются на керамике Вигайнаволока I. В коллекциях Соломенного I, Деревянного I и Песков IV тип 2 преимущественно связан с керамикой третьей группы, во второй группе преобладают венчики с формой 4, в первой – с формой 1. Для круглоямочной керамики наиболее характерны формы 1 и 3, в меньшей степени представлены форма 2 (Соломенное I, Вигайнаволок I, Деревянное I), **8 (Соломенное I, Пески IV, Вигайнаволок I), 7 и 16** отмечены на Вигайнаволоке I. Между тем в коллекциях Пегремы I и III отсутствуют венчики формы 3, что может в определенной степени считаться хронологическим показателем, тогда эта керамика будет близка подобной из поселения Пески IV. Во второй группе ситуация несколько меняется: основные формы венчиков (1–3) отмечены в коллекциях всех памятников, за исключением Соломенного I (нет формы 2) и Пегремы III (нет формы 3). Помимо этого, фиксируются формы 4 (Соломенное I), **8 (Пегрема I, III, Деревянное I), 10 (Пегрема III, Вигайнаволок I), 16 (Деревянное I)**. Эти наблюдения позволяют обособить Соломенное I и Пегрему III, где отсутствуют характерные для остальных памятников основные формы венчиков. В третьей группе из первых трех тип 3 венчика не зафиксирован на Пегреме III, в остальных случаях широко используются промежуточные формы. При анализе материалов Пегремы III обратим внимание, что сосуды трех групп имеют формы венчиков 1–2, но не распространена форма 3. Подобная ситуация могла быть характерна и для Пегремы I, но с овальноямочной и ромбической керамикой тип 3 венчика встречается. Форма венчика может рассматриваться как хронологический признак, но требуется анализ более или менее «чистых» и надежно датированных комплексов.

При работе с массовым керамическим материалом определение сосудов по венчикам позволяет оперировать примерным количеством сосудов. Венчик, его форма и способы орнаментации остаются одним из важных маркеров при систематизации глиняной посуды. Наличие общих черт (основные формы венчиков и орнаментация гребенчатым штампом, гофрированность верхнего края штампами и пальцевыми вдавлениями) сближает гребенчато-ямочную и ромбо-ямочную керамику рассмотренных памятников и, видимо, свидетельствует об их культурной преемственности. Дальнейшее изучение венчиков сосудов требует привлечения метода экспериментального моделирования, который позволит выявить их технологические особенности.

Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.

Журавлев А.П. Энеолит Карелии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.

Журавлев А.П. Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // КСИА. 1979. Вып. 157.

Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.

Хорошун Т.А. Памятники с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой на западном побережье Онежского озера // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Матер. Школы молодых археологов. М., 2011.

РАСПИСНАЯ ПОСУДА КОНЦА V – НАЧАЛА IV ТЫС. ДО Н.Э. ИЗ ПЕЩЕРЫ АРЕНИ-1

Среди комплекса позднеэнеолитической керамики пещеры Арени-1 выделяется группа расписной посуды, представленной экземплярами с монохромной, бихромной и полихромной росписью. Примечательно, что расписная керамика, известная на других позднеэнеолитических памятниках Армении (Неркин Годедзор, Техут) (Avetisyan et al., 2006. P. 282. Table 1, 1-8; Chataigner et al., 2010. P. 391-405; Торосян, 1976. С. 135. Табл. 10), имеет исключительно импортное происхождение, в то время как аренийская – сугубо местное.

Расписная посуда в Арени зафиксирована во **втором** (4000-3700 гг. до н.э.) и **третьем** (4300-4000 гг. до н.э.) **горизонтах** памятника (Зардарян, Гаспарян, 2010. С. 154-156). Что касается **первого горизонта** (3700-3400 гг. до н.э.), то здесь найдено большое количество крашеной посуды, однако роспись для нее не характерна. Происходящий из этого слоя единственный фрагмент с росписью (рис. 1, 10), вероятнее всего, попал сюда из нижних горизонтов.

Посуда **второго горизонта** (4000-3700 гг. до н.э.) отличается от посуды из первого как морфологически, так и технологически. Обнаруженная здесь расписная керамика фрагментирована, однако встречены и целые сосуды. Посуда хорошего качества. Окрашивание и роспись в большинстве случаев производились до обжига. «Фоном» расписной посуды является: необработанная поверхность; поверхность, покрытая тонким слоем светлого ангоба и слегка залощенная; красно- или буролощенная поверхность; поверхность, окрашенная охристой краской.

Росписью украшалась внешняя поверхность посуды, однако встречены образцы и с росписью изнутри. Рисунки наносились: темно-коричневой или черной красками (рис. 1, 1-3, 5-7); с использованием трафаретов (рис. 1, 8); в виде «теневого» (светло-серой) росписи поверх необработанной внешней (рис. 1, 4) или внутренней поверхности (рис. 1, 13).

Состав красок анализу пока не подвергался, однако, согласно предварительному изучению, для их изготовления использовались цветные глинистые образования, охра, мумие и битум, источники которых расположены неподалеку.

Среди мотивов росписи можно выделить: различные сочетания *точек, линий, зигзагов и волн* (рис. 1, 1, 2, 5, 6); сложные символические сюжеты с использованием изображений *животных* (козел, змея) и *небесных тел* (солнце, звезда); *растительные сюжеты* в виде стилизованного изображения Древа Жизни (рис. 1, 3); сложные рисунки *с геометрическими фигурами*.

Необходимо также упомянуть сосуды, украшенные сочетанием росписи и резного (шевроны) или рельефного орнамента (шишечки, миндалевидные налпы и др. – рис. 1, 7).

Предполагается, что роспись покрывала посуду, использовавшуюся в ритуальных целях. В поддержку этой точки зрения свидетельствует контекст ее нахождения. Фрагменты намеренно разбитой керамики были найдены также в погребениях, совершенных в глинобитных структурах. Особое внимание следует уделить одному целому экземпляру, найденному *in situ* во втором горизонте. Это – крупный сосуд с шаровидным туловом (высота 62 см, диаметр тулова 60 см), заостряющимся к днищу, и цилиндрической горловиной, снаружи целиком окрашенный охристой краской и покрытый черной росписью. Сюжет рисунка довольно интересен, и его следует рассматривать, перевернув сосуд вверх дном. Заостренное днище покрыто изображением солнца с лучами. Ниже по всей окружности нарисованы волны, далее следует сюжет с изображением коз, змей, других животных, звезды и множества точек. С середины тулова до основания горловины сосуд расписан вертикальными полосками и точками между ними. Горловина его «разделена» на пять черных широких вертикальных поясков, а пространство между ними украшено множеством точек. Сосуд по середине тулова был вкопан в укрепленный пол и содержал женское погребение.

Некоторые из сюжетов росписи посуды второго горизонта находят параллели на керамике из синхронных слоев поселений Кюльтепе (Абибуллаев, 1982. Табл. XII, 1-2) и Ментештепе (Lyonett et al., 2010. С. 271. Табл. 8, a-b) в Азербайджане и Тилкитепе (Korfmann, 1982. S. 81, 83. Abb. 10, 11) в Турции.

Что касается керамического материала из **третьего горизонта** (4300-4000 гг. до н.э.), то, согласно предварительному изучению, морфологически он частично совпадает с материалом из второго. Отличительные особенности – техника изготовления и способы нанесения росписи. Несмотря на то, что найденная здесь расписная посуда фрагментирована, она дает представление о мотивах росписи. Это – геометрические фигуры (треугольники), крупная сетка, косые парал-

Рис. 1. Образцы расписной посуды из позднеэнеолитических горизонтов пещеры Арени-1. 1-8, 13 – второй горизонт (4000-3700 гг. до н.э.); 9-12, 14 – третий горизонт (4300-4000 гг. до н.э.).

лельные полосы, точки и др. Рисунок выполнен: черной краской по необработанной поверхности (рис. 1, 9, 14); черной краской по красному фону; ярко-красной краской по необработанной поверхности (рис. 1, 10); ярко-красной краской по светло-красному фону (рис. 1, 11). Среди посуды третьего горизонта встречены также образцы с полихромной росписью в виде черных и ярко-красных рисунков по светлому фону (рис. 1, 12).

Позднеэнеолитическая расписная керамика из Арени-1 отличается от месопотамских гончарных традиций конца V – начала IV тыс. до н.э. как техникой изготовления и способом нанесения рисунка, так и используемыми в росписи сюжетами. Этот факт говорит о том, что она изготовлена местными гончарами, которые, будучи знакомы с традициями ближневосточных раннеземледельческих культур (халафской, северо-убейдской, ван-урмийской и т.д.), пытались создавать свои «шедевры» на месте.

- Абибуллаев О.А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982.
- Зардарян Д., Гаспарян Б.* Позднеэнеолитическая керамика пещеры Арени-1 // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Тез. докл. Тбилиси, 2010.
- Торосян Р.М.* Раннеземледельческое поселение Техута. Ереван, 1976 (на арм. языке).
- Avetisyan P., Chataigner C., Palumbi G.* The results of the excavations in Nerkin Godedzor (2005-2006) // Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies. Vol. I. Yerevan, 2006.
- Chataigner Ch., Avetisyan P., Palumbi G., Uerpman P.-H.* Godedzor: A Late Ubaid-related settlement in the Southern Caucasus // Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East. Chicago, Illinois, 2010.
- Korfmann M.* Tilkitepe: die ersten Ansätze prähistorischer Forschung in der östlichen Türkei. Tübingen, Wasmuth, 1982.
- Lyonnnet B. et al.* Excavations at Mentesh Tepe // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 2010.

Т.В. Корнева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
kortania@mail.ru*

МЕСТО ОРНАМЕНТИКИ МАЛЬТЫ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СИБИРИ (ПРИМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОРНАМЕНТА)

На верхнепалеолитической стоянке Мальта было обнаружено большое количество предметов, украшенных своеобразной орнаментацией, но работ, которые были бы посвящены ее комплексному анализу, на данный момент не существует. Между тем отношение к орнаменту как к виду археологического источника позволяет значительно увеличить его информативность. Задачей данной работы является обоснование значения культурно-исторического подхода при изучении палеолитического орнамента и сопоставление орнаментов Мальты с орнаментами других верхнепалеолитических стоянок с целью определить их место в верхнем палеолите Восточной Европы и Сибири.

Культурно-исторический подход базируется на сравнительном изучении орнаментальных мотивов, характерных для определенных культур, и на использовании орнамента как одного из основных параметров для культуроразличия. Значительный вклад в развитие этого подхода внесли Г.П. Григорьев (2007) и М.Д. Гвоздовер (1985; Gvozdover, 1995).

Расстояние, разделяющее Мальту и верхнепалеолитические памятники Восточной Европы, не позволяет всерьез рассматривать идею об их генетической связи. По этой причине сравнение их орнаментики нацелено не на поиск культурных взаимосвязей, а на выявление компонентов, которые являются необходимой частью «орнаментального поведения» любой культуры, и компонентов, которые могут варьировать.

В ходе сравнительного анализа орнаментики разных культур было выявлено, что основное внимание следует уделять предметам, на которые наносился орнамент, способу организации орнаментального поля на предмете, технике нанесения орнамента, основным мотивам и элементам орнамента.

На европейских стоянках орнаментированы главным образом предметы, имеющие практическое назначение (Абрамова, 1962. С. 22, 23). В Мальте, напротив, большинство орнаментированных вещей не утилитарны. Для костенковско-авдеевской культуры характерны четкая приуроченность различных орнаментальных мотивов к тем или иным категориям вещей, определенные традиции в размещении элементов орнамента на предмете и способ их компоновки в пределах орнаментированного участка (Gvozdover, 1995. P. 16-18, 45). В Мальте взаимосвязь прослеживается только между спиральным орнаментом и тонкими стержнями, что, вероятно, было продиктовано функциональным назначением этих артефактов, а строгие каноны расположения орнамента на поверхности предмета отсутствуют. Для Мальты характерно достаточно глубокое врезание орнамента, тогда как на большей части восточноевропейских стоянок орнамент наносился обычно легкими неглубокими насечками (Филиппов, 2004. С. 115).

Очевидного сходства между орнаментальными мотивами и элементами Мальты и находок с территории Русской равнины не наблюдается. В Мальте широко представлен криволинейный орнамент. Наоборот, в Восточной Европе распространен прямолинейный орнамент, основными образующими элементами которого являются прямые, соединенные под разными углами и организованные в зигзаги, ряды углов и крестиков, меандры и т.д.

Единственная сибирская стоянка, предметы с которой имеют полностью сходную с Мальтой орнаментiku – это Буреть. С точки зрения культурно-исторического подхода орнамент – одно из подтверждений принадлежности этих стоянок к единой культуре. Что касается орнаментов, встреченных на других сибирских стоянках, то самым распространенным элементом у них является прямая короткая тонкая насечка, не характерная для орнамента Мальты. Большое сходство в орнаментации с Мальтой имеет «жезл начальника» со стоянки Студеное –II и «жезл начальника» со стоянки Ачинская (Ларичев, 1987; Мещерин, 2002). Единственный памятник, где встречается подобный мальтинскому орнаментальный мотив в виде ямок, нанесенных поверх прорезанной линии, а также зигзаги и V-образные элементы – это Черноозерье II (Генинг, 1985. С. 50-58).

Сопоставление орнаментов Мальты и верхнепалеолитических стоянок Европы и Сибири показало, что орнаментика Мальты – уникальное явление практически по всем параметрам. Ее сходство с орнаментикой культуры восточного граветта исчерпывается некоторыми особенностями технологии, использованием орнамента преимущественно на предметах искусства и, возможно, его ролью как носителя определенной культовой, социальной и иной информации.

Изучение орнаментики сибирских палеолитических стоянок продемонстрировало, что орнаменты некоторых из них обнаруживают сходные черты с мальтинскими. К сожалению, количество орнаментированных предметов сибирских стоянок весьма ограничено, чтобы можно было провести полноценный сравнительный анализ коллекций. Интерес вызывает сходство орнаментики стоянок Мальта и Черноозерье II, но они находятся на расстоянии больше 2000 км друг от друга, что ограничивает наши возможности в выявлении культурно-исторических связей между ними.

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962.

Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костяной культуры // СА. 1985. № 1.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985.

Григорьев Г.П. Орнамент на женских статуэтках // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.

Ларичев В.Е. Ачинский жезл и его знаковая система // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.

Мещерин М.Н., Разгильдеева И.И. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студеное-2 // История и культура Восточной Азии. Матер. междунар. науч. конф. Т. 2. Новосибирск, 2002.

Филитов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdevo. Oxford, 1995.

Е.А. Кашина

*Государственный исторический музей, Москва,
eakashina@mail.ru*

РОДСТВО В ФИНАЛЕ КАМЕННОГО ВЕКА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ФИНЛЯНДИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕПНОЙ АНТРОПОМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ)

В V-III тыс. до н.э. лесная зона Восточной и Северной Европы была заселена охотниками, собирателями и рыболовами. Основными источниками для изучения мировоззрения и духовной жизни той эпохи помимо наскальных изображений являются предметы искусства малых форм: скульптурные изображения людей и животных (изготовленные из кости, рога, кремня, янтаря, дерева, глины), а также графические и рельефные изображения на керамике. Данная работа посвящена лепной антропоморфной скульптуре, характеризующей группу синхронных и взаимосвязанных археологических культур на территории России, Финляндии и стран Восточной Балтии.

Предыдущие исследования (Кашина, 2004; 2007; Kashina, 2010) показали, что антропоморфные и зооморфные лепные скульптуры составляли набор, который помещался в жилище, вероятно, вблизи очага. По-видимому, как и всю керамику той эпохи, их изготавливали женщины. Набор, вероятно, имел охранительное значение и мог отображать трехуровневую модель мироустройства, кодированную зооморфными символами (птица, млекопитающее, змея), и антропоморфных предков в ней. Около 40 лепных антропоморфных скульптур (примерно половина от общего числа) имеют графический орнамент на лице, вероятно, изображавший татуировку или раскраску, которую использовало древнее население указанных регионов.

Было выделено семь вариантов орнаментации лица. Картографирование находок показывает, что повторяющиеся схемы татуировки/раскраски бытовали на поселениях, удаленных друг от друга на расстояние 100-700 км. Близкое сходство или даже идентичность мотивов орнаментации лиц скульптур предков указывает не только (и не столько) на контакты между населением разных территорий (включая передвижение по морю между Латвией, Аландскими о-вами и Южной Финляндией). Речь может идти, скорее, о том, что проживавшие на этих территориях люди ощущали свое родство. Присутствие на одном поселении скульптур с разной орнаментацией лиц может свидетельствовать о том, что представители разных родовых объединений проживали совместно (Кашина, 2012). Согласно предложенной интерпретации, особенности распространения орнаментированных скульптур могут быть объяснены экзогамными браками.

По имеющимся данным, направление и протяженность брачно-родственных и обменных связей в изучаемых регионах в финале каменного века существенно различались. Брачно-родственные связи маркирует распространение предметов, которые изготавливали и использовали женщины: асбестовой керамики за пределами границ выходов асбеста, лепных скульптур. На обменные связи указывают находки артефактов, наиболее вероятно связанных с мужским производством и потреблением: определенных типов кремневого сырья, янтарных украшений, сланцевых колец.

Кашина Е.А. Антропоморфные изображения из глины в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. 2004. № 3.

Кашина Е.А. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.

Кашина Е.А. К проблеме изучения обменных и брачно-родственных связей в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Образы времени: Из истории древнего искусства. Тр. ГИМ. Вып. 189. М., 2012.

Kashina E. Ceramic Anthropomorphic Sculptures of the East European Forest Zone // Use of Ceramics by Old-World Hunter Gatherers: Form, Function and Symbolic Meaning. UCL Press, 2010.

А.Н. Пальцева

*Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник,
bizeva33@gmail.com*

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ В ПОГРЕБЕНИИ ДЕТЕЙ СО СТОЯНКИ СУНГИРЬ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Из множества предметов, найденных в детском погребении на стоянке Сунгирь, особое внимание привлекают предметы из кости, имеющие символическое значение. Это четыре прорезных диска из бивня мамонта, четыре так называемых выпрямителя древков или «жезла начальника» и две фигурки животных.

Из четырех прорезных дисков три были найдены в захоронении девочки (северный скелет). Вопрос об их назначении остается неясным. Некоторые исследователи считают подобные предметы подвесками или пуговицами (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 135). Однако находки из Сунгиря, скорее всего, слишком велики, чтобы быть пуговицами. Диаметр самого маленького диска почти 3 см. Располагались они в основном в верхней части захоронений (кроме крупного диска из погребения девочки). Два диска занимали при погребенных совершенно одинаковое положение: у правого виска (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 116). Диск из погребения мальчика (южный скелет) был надет на конец деревянного копья (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 77), из погребения девочки (северный скелет) – на конец дротика из бивня мамонта. Этот факт также говорит о том, что рассматриваемые изделия не были ни пуговицами, ни подвесками. Такое положение диска на копье или дротике никак не облегчало, а, скорее, затрудняло его полет. Они, возможно, символизировали солнечный диск. Костяные диски, надетые на копье или дротик, могли изображать инструмент, посредством которого в древности добывали огонь, и поэтому быть символом огня, в том числе небесного огня – солнца. Возможно, уже в то далекое время женщина ассоциировалась с огнем и горящим очагом. Поэтому большее количество предметов, символика которых связана с огнем, располагалось в северном погребении.

На почитание светил могут указывать и числовые ритмы на прорезных дисках. В захоронении девочки маленький диск имеет четыре радиальные прорезы, два других – по восемь. Возможно, это связано именно с почитанием небесных светил (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 139). Форма дисков и числовые ряды на них позволяют говорить о зарождающемся почитании солнца и луны.

Количество прорезных отверстий на дисках со стоянки Сунгирь дает возможность говорить о появлении счета в позднем палеолите. Диск в погребении мальчика имеет десять прорезей. Для десятой прорези на пластине как будто не оставалось места, но она все-таки была сделана.

Еще одна группа предметов из погребения детей в Сунгире, которые несут на себе символическое значение – это так называемые выпрямители древков или «жезлы начальника».

Подобные находки встречаются и на других палеолитических стоянках, но назначение их пока неясно. Они представляют собой костяные изделия с одним либо двумя отверстиями, иногда украшенные орнаментом. Все четыре «жезла» находились в захоронении девочки. Экземпляр с четырехгранной головкой, круглым отверстием и точечным орнаментом вокруг него и вдоль стержня располагался на животе девочки, рядом с крупным прорезным диском (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 73). Орнамент нанесен только на выпуклую сторону, покрывает головку и верхнюю часть стержня. Точки образуют несколько линий. На конце «жезла» кроме трех параллельных рядов точек, описанных О.Н. Бадером, просматриваются еще три точки. Недалеко от первого располагался такой же «жезл», но маленький и без орнамента. У левого бока были положены еще два «жезла начальника» из рогов северного оленя; один из них между копытами.

Вопрос об использовании «жезлов» остается открытым. Два крупных сунгирских экземпляра могли применяться для разминания ремней (Бадер, 1983. С. 17). Сглаженность поверхности и краев отверстий подтверждает эту версию. Два других «жезла» могли служить застежками для одежды. Но если меньшие «жезлы» были просто заколками для одежды, то почему их не было на одежде мальчика? Ведь все они были найдены в захоронении девочки. Возможно, «жезлы» символизировали женские атрибуты, и поэтому располагались только в северном погребении.

В погребении мальчика на груди, немного ниже булавки, располагалась плоская фигурка лошади или сайги (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 77). Лошадка из погребения мальчика крупнее, чем найденная ранее в культурном слое, и не украшена орнаментом. Чуть выше левого плеча южного скелета, вплотную к нему, располагалась массивная фигурка мамонта (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 77).

Найденные изображения зверей дают возможность говорить о присутствии тотемизма на сунгирской стоянке. На Сунгире не было найдено ни одной антропоморфной статуэтки или изображения, зато были обнаружены фигурки животных. Однако фигурки располагались только в захоронении мальчика. Если фигурки животных просто указывали на тотемное животное рода, то почему их не было в захоронении девочки? Можно предположить, что и фигурка лошади, и фигурка мамонта имели еще и символическое значение. Возможно, они были связаны с ритуалами охоты, поэтому располагались только в погребении мальчика.

Расположение культовых предметов в погребениях оставляет открытыми множество вопросов. Почему одни группы предметов находились только в захоронении девочки, а другие – только в погребении мальчика? И не зря предметы, которые могли ассоциироваться у древних людей с огнем, очагом, а впоследствии и с плодородием, располагались в погребении девочки. А предметы, которые могли быть связаны с охотничьими ритуалами и символизировать мужские атрибуты, располагались в погребении мальчика.

Бадер О.Н. О назначении так называемых «жезлов» // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

Е.С. Ткач

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
jenij90@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ НАСЕЛЕНИЯ ЛОВАТСКО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (III – НАЧАЛО II ТЫС. ДО Н.Э.).

Изучение материалов культур шнуровой керамики (КШК) было начато в 1870-х годах Отто Тишлером на территории северо-восточной Пруссии. Сама культура была выделена немецким археологом Альфредом Гётце в 1891 г. (диссертация по преистории Германии «О формах горшков и орнаментации шнуровой керамики»). Дальнейшее изучение связано с именем Густава Коссинны, ассоциировавшего носителей КШК с индоевропейцами. Согласно его мнению, распространение индогерманцев – это кратковременная мощнейшая экспансия либо грандиозные походы завоевателей с каменными топорами, которые превосходили всех своих соседей в мощи и развитии культуры.

На территории Советского Союза впервые достаточное внимание сходным археологическим комплексам было уделено в середине XX в. О.А. Кривцовой-Граковой и А.Я. Брюсовым. Первая построила типологические схемы фатьяновской культуры, а второй издал свод каменных топоров (один из характерных признаков КШК).

Во второй половине XX в. изучением фатьяновской культуры занимался Д.А. Крайнов, а среднеднепровской – И.И. Артеменко. Оба исследователя относили указанные культуры к бронзовому веку (рубеж III – II тыс. до н.э.) и связывали их происхождение с Европой.

На территории Ловатско-Двинского междуречья с 1970-х годов проводились исследования Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Микляева, а после – А.Н. Мазуркевича. Были открыты такие памятники, как Наумово, Усвяты IV, Сертея II, слой α поселения Сертея II, **Сертея X и др. По материалам «переходных» слоев свайных поселений (Усвяты IV и Наумово) А.М. Микляевым и А.С. Семеновым была выделена жижицкая культура, а по материалам слоев А – северо-белорусская.** Возникновение последней А.М. Микляев связывал с влиянием КШК, истоки которых для Ловатско-Двинского междуречья прослеживал в материалах жуцевской культуры (1994. С. 23).

В 1970-х годах также были открыты свайные поселения в верховьях Западной Двины – в Кривинском торфянике (работы М.Н. Чернявского и М.М. Чернявского, Н.Н. Кривальцевича). Археологический комплекс этих памятников сходен с материалами Ловатско-Двинского междуречья, в связи с чем было высказано предположение, что на рассматриваемых территориях в неолите – начале бронзового веков происходили одинаковые процессы.

В начале XXI в. в Северной Белоруссии было обнаружено поселение КШК, относящееся к общеевропейскому горизонту, которое датируется рубежом IV–III тыс. до н.э. В Ловатско-Двинском междуречье были продолжены исследования таких памятников, как Сертея II, слой α поселения Сертея II, открыты памятники Сертея X, Сертея 3-3, культурные напластования которых также содержат материалы КШК.

Сделан большой шаг вперед в изучении КШК и в Европе. Связано это, в первую очередь, с использованием современных методов датирования, приведшим к пересмотру взглядов исследователей на процессы, происходившие в неолитическую эпоху.

В связи с такими изменениями нами были вновь изучены материалы КШК Ловатско-Двинского междуречья. Особое внимание уделено двум свайным поселениям – Наумово и Сертея II, для которых получены радиоуглеродные и дендрохронологические даты. Все памятники являются многослойными.

На поселении Сертея II обнаружено шесть построек (Mazurkevich et al., 2011. P. 52), в двух из которых были зафиксированы материалы КШК. Дата постройки № 1 – 2304±113 BC, № 3 – 2295±123 BC. «Переходный» слой поселения Наумово датируется 2394-2048 BC, а слой А (т.е. северо-белорусская культура) – 2120-1882 BC (Зайцева и др., 2003. С. 141).

Были проанализированы керамические материалы поселений, расположенных на минеральных берегах. Они относятся к середине III – началу II тыс. до н.э. **Исключение составляет материал с поселения Сертея X.** Сосуд относится к общеевропейскому горизонту и датируется первой четвертью III тыс. до н.э.

Всего было реконструировано шесть форм керамических сосудов: с вогнутым внутрь венчиком и шарообразным туловом; с туловом в форме усеченного, уплощенного шара с отогнутым наружу венчиком с прямым или округлым краем; амфоры с широким выпуклым туловом двух видов – с прямым венчиком, расположенным горизонтально сосуду, и с сильно отогнутым наружу венчиком; сосуды, шейка которых хорошо профилирована и отогнута наружу; сосуды, венчики которых имеют прямой край, расположенный вертикально тулову; сосуды с туловом в форме усеченного шара с округлым, чуть наклоненным внутрь венчиком.

Керамика КШК Ловатско-Двинского междуречья была сопоставлена с известными по публикациям материалами из Калининградской обл., Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Польши, Германии, Нидерландов. Сравнение заключалось в сопоставлении морфологии сосудов и/или их частей. В итоге удалось выявить несколько этапов распространения КШК на территорию Ловатско-Двинского междуречья, которое происходило с территории Северной и Центральной Европы в середине III тыс. до н.э. и в конце III – начале II тыс. до н.э. соответственно.

Таким образом, мы можем заключить, что на территорию Ловатско-Двинского междуречья племена носителей КШК впервые проникли еще в середине III тыс. до н.э., **но не оказали заметного влияния на местную усвятскую культуру.** Следующая фаза их распространения относится к концу III тыс. до н.э. Именно с этим временем связаны изменения в материальной культуре местного населения, оказавшие решающее влияние на весь регион в целом.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Дергачев В.А., Мазуркевич А.Н., Семенов А.А. Новые исследования памятников бассейна Западной Двины и Ловати: распределение радиоуглеродных дат, корреляция с изменением природных процессов, применение математической статистики // Древности Подвinya: исторический аспект. СПб., 2003.

Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб., 1994.

Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D. Results of Underwater Excavations at Serteya II, and Research into Pile-dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. Т. 14. Klaipeda, 2011.

М.Ю. Василяке

*Национальный музей археологии и истории Молдовы, Кишинев,
marianavasilake@gmail.com*

ПОСЕЛЕНИЯ ЭТАПА КУКУТЕНЬ А – ТРИПОЛЬЕ VI В ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении многих лет поселения среднего периода культуры Кукутень–Триполье вызывают особый интерес у специалистов. Продолжающиеся археологические исследования выявили новые данные о типах поселений, их внутренней структуре и системах укреплений. В качестве примера можно привести некоторые результаты, полученные при исследовании поселений в Пруто-Днестровском регионе.

Поселение *Старые Куконешты I* расположено на мысу, образованном левым берегом реки Прут и ее притоком Раковэц. Поселение исследовалось В.И. Маркевичем в 1973-1976 гг. Были вскрыты пять прямоугольных «площадок» и полуземлянка, относящиеся к фазе Кукутень А3. Постройки имели площадь от 40 до 98 кв. м и располагались в несколько рядов.

Поселение *Друцэ* расположено на высоком мысу, в 30 метрах от слияния рек Чугурец и Чугур и занимает площадь в 2 га. Раскопки проводились Н.В. Рындиной в 1982-1984 гг. на площади почти 500 кв. м. Исследованы пять прямоугольных построек. Они были ориентированы по линии запад-восток и образовывали две группы (№ 1-2 и № 3-5). Автор раскопок датирует данное поселение фазой Кукутень А4.

Близкая планиграфия выявлена Е.К. Черныш в 1974 г. на поселении *Дуруитоаря I* (фаза Кукутень А4, согласно классификации Вл. Думитреску). Поселение расположено на первой террасе р. Чугур. Размер сохранившихся жилищ составлял 40-88 кв. м. При раскопках построек были найдены остатки глиняной обмазки со следами переплетенных жердей и досок. Как отметила Е.К. Черныш, сооружения располагались группами.

Поселение *Путинешты III* открыто В. И. Маркевичем в 1955 г. Оно находится в 6 км к западу от одноименного села и расположено на правом берегу реки Куболта. С севера и запада поселение защищено крутыми склонами, но легко доступно с юго-восточной стороны. Раскопки проводились в 1989-1991 гг. В. Сорокиным. Были исследованы остатки пяти «площадок» и двух полуземлянок. Их размеры варьируют от 35 до 97 кв. м. Полуземлянки имеют овальную и прямоугольную форму с закругленными углами. В 1989 г. В. П. Дудкиным была проведена аэрофотосъемка данного поселения. Было установлено, что оно занимает площадь в 5 га и состоит из 95 построек, расположенных тремя параллельными рядами. В северной части поселка постройки полукругом ограничивают свободную площадь. Часть домов образует группы «усадебного типа» вокруг внутреннего двора.

Многослойное поселение *Поливанов Яр* находится вблизи села Молодово Кельменецкого района Черновицкой области. Расположено оно на мысу, на правом берегу Днестра (на высоте более 100 м от уровня воды), с трех сторон защищено крутыми оврагами. Исследования были проведены Т.С. Пассек в 1949 – 1951 гг. В результате раскопок зафиксированы три слоя культуры Кукутень, соответствующие этапам А, АБ, Б. На нижнем уровне отмечались два горизонта строительства: наземные постройки и полуземлянка.

Круговое расположение построек было засвидетельствовано на поселении *Корлэтеня*, исследованном В.М. Бикбаевым с помощью аэрофотосъемки. Поселение расположено на мысу при слиянии рек Реут и Копечанка.

На основе приведенных данных можно выделить следующие характеристики поселений (по топологии Д. Монах и Ш. Кукош):

- топография: поселения расположены в основном на высоких или доминирующих на местности местах, которые обеспечивали хорошую видимость и прочную защиту;
- структура: жилища расположены компактными группами, рядами, по кругу или рассредоточены по территории поселения;

- продолжительность: постоянные и сезонные;
- площадь: от маленьких (1 га), до больших (2-5 га) и очень больших (до 40 га);
- иерархия: первичные и вторичные.

Специфика планиграфии многих поселений, возможно, указывает на заранее продуманную организацию их структуры, о чем много писали.

Уточнение периодизации и хронологии поселений этапа Кукутень А – Триполье VI, их фундированная типология, анализ и интерпретация внутренней структуры являются лишь малой частью проблем, решение которых возможно исключительно на основе новых археологических раскопок. Ответы на большую часть вопросов могут дать только комплексные междисциплинарные исследования, во многом способствующие изучению на поселениях культуры Кукутень–Триполье и специфики антропогенных воздействий.

В.В. Терёхина

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
terehinavera@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ-МАСТЕРСКОЙ БОДАКИ)

Развитый этап трипольской культуры характеризуется интенсивным использованием мелового кремня. На Воляни вблизи его месторождений возникают мастерские по первичной обработке желваков и поселения-мастерские, где происходил полный производственный цикл от расщепления до изготовления инструментов.

Одним из таких памятников является поселение Бодаки, относящееся к концу среднего Триполья (IV тыс. до н.э.). Памятник находится на высокой террасе р. Горыни, на крайнем северо-западе ареала трипольской культуры, в Тернопольской обл. Украины. Особенность исследуемого поселения заключается в том, что главной отраслью его хозяйства являлась добыча кремня, технология обработки которого достигла совершенства, что позволяло получать оптимальные с технической точки зрения инструменты из крупных пластин. Эти изделия использовались не только на поселениях Триполья, но были распространены и на памятниках ряда синхронных культур.

В результате применения геофизических методов было установлено, что поселение занимало площадь 1,5 га, и было окружено подковообразным рвом. Постройки располагались двумя параллельными рядами, вытянутыми с севера на юг. Рядом с ними находились хозяйственные ямы (Скакун, Тарасов, 2000).

Особо следует отметить, что результаты археологических раскопок 2000-2012 гг. в целом подтвердили данные магнитной съемки (рис. 1). Раскопанные постройки разделяются на два типа: наземные глинобитные дома с углубленными полуподвальными помещениями и полуземлянки. Их сосуществование предоставляет новые факты для неутраченной дискуссии специалистов о характере трипольского домостроительства.

Полученный в ходе многолетних раскопок археологический материал был всесторонне изучен как археологическими методами (типологическим, технологическим, функциональным, планиграфическим), так и естественнонаучными (петрографическим, химическим, спектральным, палеоботаническим, палеозоологическим).

Анализ всего ансамбля кремневых, каменных и костяных находок (включая орудия, их заготовки), а также других предметов, связанных с их добычей, изготовлением или утилизацией, позволил: а) выявить места первичной обработки кремневого сырья вне поселка, б) найти мастерские по изготовлению изделий из него, в) определить набор инструментов, типичных для жилых комплексов.

В результате функционального анализа орудий из жилищ было установлено, что в Бодаках существовали все производства, необходимые для нормальной жизнедеятельности. Имелись земледельческие орудия: серпы и зернотерки, весь набор деревообрабатывающих и костеобрабатывающих орудий, инструменты для обработки шкур и кож, прядения и ткачества (Скакун, 2004). По неопубликованным пока данным палеоботаники известно, что жители поселка возделывали характерные для того времени виды злаковых, а по данным палеозоологии – в их стаде присутствовал как крупный, так и мелкий рогатый скот.

Кроме орудий из камня, рога, кости и глины использовались и медные. На поселении найдены: обломок топора, долото, нож. Результаты спектрального анализа последних двух предметов свидетельствуют о балканском происхождении меди (Амосови др., 1999).

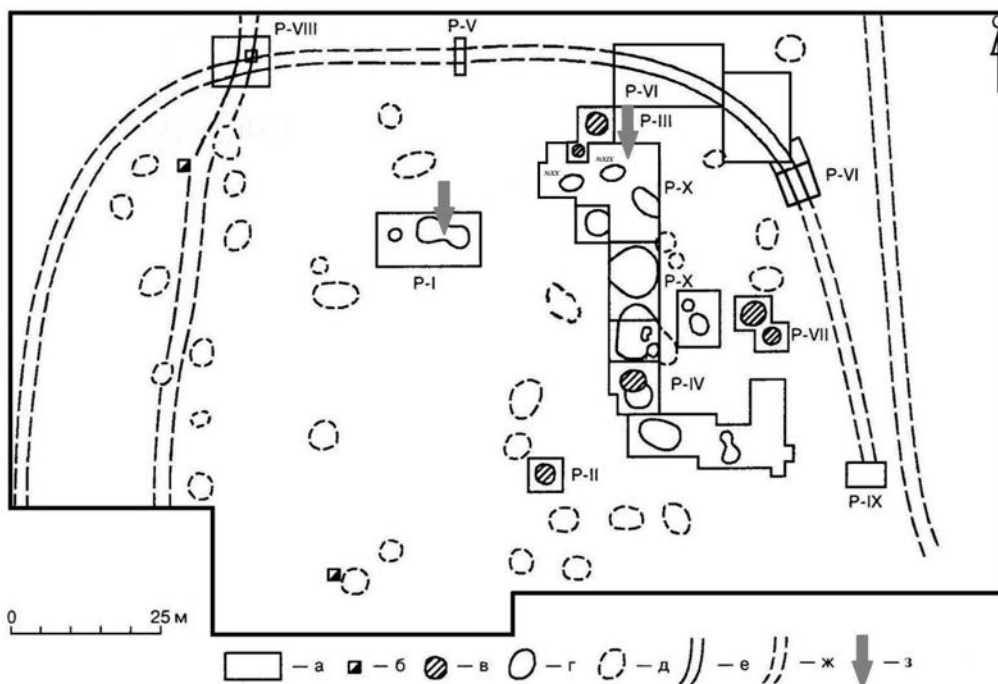

Рис. 1. План-схема расположения сооружений на поселении. а – раскопы; б – шурфы; в – остатки глинобитных жилищ; г – раскопанные полуземлянки и хозяйственные ямы; д – предполагаемые полуземлянки и хозяйственные ямы; е – раскопанные участки рвов; ж – не раскопанные участки рва и объекты неясного назначения; з – места кремнеобработки на поселении.

Большой интерес вызывает и керамический комплекс, в котором помимо типичных трипольских черт присутствуют некоторые инокультурные (еще одно свидетельства контактов). Керамика отличается высоким качеством и разнообразием. Вероятно, основная масса посуды производилась на месте. На поселении, рядом с одной из построек, обнаружены: гончарная печь и глинобитная вымостка, что можно рассматривать как специализированный жилищно-производственный комплекс (Скакун и др., 2012. С. 218).

Для выяснения целого ряда вопросов предприняты комплексные исследования керамических изделий из Бодаков, включающие изучение технологических особенностей гончарного производства, поиски месторождений глин и охры, пригодных для гончарства, экспериментальное изготовление реплик древней посуды, петрографический и химический анализы, изучение материалов соседних культур (Скакун, Старкова, 2012. С. 16). В ходе многолетних раскопок поселения были получены интересные данные о производственных культурах периода расцвета трипольской культуры.

Таким образом, использование комплексной методики при исследовании специализированного трипольского поселения Бодаки позволило систематизировать данные о разных объектах хозяйственно-производственного назначения, связанных с ними орудийных комплексов и выйти на уровень палеоэкономических реконструкций. Удалось зафиксировать и следы производственных культур.

Амосов Д.А., Букин К.В., Романова Н.Е. Опыт применения рентгенофлуоресцентного анализа для изучения вещественного состава изделий древнейшей металлургии // Российский геофизический журнал. 1999. № 13-14.

Скакун Н.Н. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита – бронзы). СПб., 2004.

Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. Особенности керамического комплекса трипольского поселения Бодаки // *Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2011: streszczenia referatów XXVIII konferencji sprawozdawczej.* Lublin, 2012.

Скакун Н.Н., Старкова Е.Г., Яковлева Л.М., Самзун А. Специализированный жилищно-производственный комплекс на поселении Бодаки // *Земледельцы и скотоводы Древней Европы (Проблемы, новые открытия, гипотезы).* Киев; СПб., 2012.

Скакун Н.Н., Тарасов В.А. Результаты применения магниторазведки и капаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // *Археологические вести.* 2000. № 7.

КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ:

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

М.А. Мелихова

Институт археологии РАН, Москва, xxxmaryxxx@yandex.ru

ПОГРЕБЕНИЕ С КОСТЯНОЙ РОГАТКОВИДНОЙ БУЛАВКОЙ ИЗ ВОСТОЧНОГО КРЫМА*

Костяные Y-образные (рогатковидные) булавки эпохи ранней бронзы довольно давно признаны специалистами в качестве надежных хронологических маркеров и свидетельств межкультурных связей.

Впервые обобщенная в конце 1970-х годов В.Я. Кияшко (1976. С. 33-35; 1989. С. 79, 80) немногочисленная серия рогатковидных булавок (14 экземпляров из 8 комплексов) в настоящее время заметно расширилась (Гей, 2002. С. 127-130). На сегодняшний день известно не менее 23 комплексов с такими булавками. Основной их ареал охватывает Южное Приуралье, Среднее Поволжье, Нижнее Подонье, левобережье Нижнего Днепра, степное Предкавказье и Восточную часть Крымского полуострова. Следует отметить, что в силу низкой информативности ряда публикаций и отчетов многие комплексы известны лишь по устным сообщениям и отрывочным упоминаниям в литературе.

Крымский полуостров – юго-западная окраина территории распространения костяных рогаток в восточноевропейских степях. На сегодняшний день имеется информация, по крайней мере, о трех комплексах эпохи ранней бронзы с рогатковидными булавками из этого региона: Астанино – 29/9 (Лесков, 1967. С. 45), Уварово – 1/5 (Щепинский, 1975а. С. 39, 40; 1975б. Рис. 25) и Владиславовка – 7/10 (Щепинский, 1974. С. 72). Из них опубликовано лишь погребение № 5 у с. Уварово (Щепинский, 2002), однако рогатка, именуемая автором «обломком костяного изделия», в публикацию не попала (Щепинский, 2002. С. 110. Табл. 21).

Погребение № 5 кургана 1 у с. Уварово Ленинского района Крымской области (рис. 1) является частью большого курганного могильника из четырех курганов, раскопанных СКЭ под руководством А.А. Щепинского в 1975 г.

Это впускное захоронение, отнесенное автором раскопок к кеми-обинским, было совершено в грунтовой могильной яме под прямоугольной формы (рис. 1, 1-3). Сверху могила была перекрыта каменным закладом из двух плит. На дне были зафиксированы остатки скелета взрослого человека, погребенного на спине, головой на СВВ, с подогнутыми ногами, упавшими влево (Щепинский, 2002. С. 110).

Это впускное захоронение, отнесенное автором раскопок к кеми-обинским, было совершено в грунтовой могильной яме под прямоугольной формы (рис. 1, 1-3). Сверху могила была перекрыта каменным закладом из двух плит. На дне были зафиксированы остатки скелета взрослого человека, погребенного на спине, головой на СВВ, с подогнутыми ногами, упавшими влево (Щепинский, 2002. С. 110).

Интересующая нас костяная булавка располагалась около грудной клетки с левой стороны. Вместе с булавкой в земле находились фрагменты мелких медных (бронзовых?) пронизок (рис. 1, 4, 5). У стенки могилы стоял небольшой лепной сосуд. К сожалению, ни в публикации, ни в отчете А.А. Щепинского описание сосуда не приведено. В заполнении над коленом правой ноги был найден просверленный зуб животного (рис. 1, 6). Сочетание рогатковидной булавки, бронзовых пронизок (или бусин) и подвесок из просверленных

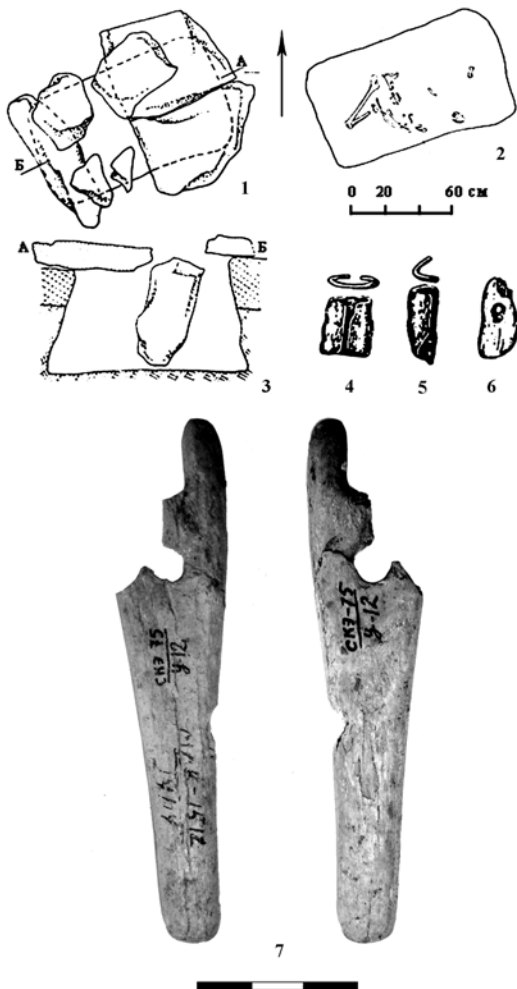

Рис. 1. Погребение № 5 кургана 1 у с. Уварово в Восточном Крыму. 1-6 – по: А.А. Щепинский, 2002; 7 – фотография из личного архива Т.А. Копьевой.

зубов животных встречается довольно часто. Так, сочетание булавки и металлических пронизей отмечено в 8 из 23 известных на сегодняшний день погребальных комплексах восточноевропейских степей. А набор из булавки и подвески из зуба животного (иногда также сопровождающихся металлическими пронизями или бисером) известен в трех случаях. Расположение булавки в районе грудной клетки или возле локтя объясняется исследователями способом их ношения: прикреплением рогатки к одежде в нижней части груди рожками вверх (Кияшко, 1976. С. 34).

Костяная булавка имела уплощенную форму при длине около 9,8 см (рис. 1, 7). Один из рожков отколот, что затрудняет определение расстояния между ними, а также соотношения этого расстояния с длиной предмета (Щепинский, 1975б. Рис. 25). Уваровская рогатка более всего схожа с булавкой из погребения 1/2 Мингрельского I могильника в Закубанье из раскопок А.Н. Гея и Е.И. Савченко в 1984 г. (Гей, 2002. С. 128, 129. Рис. 1, 3). В то же время уплощенное тело сближает ее с находками из комплекса 4/2 могильника Герасимовка II в Оренбуржье (Порохова, 1984. С. 175; Богданов, 1990. С. 48-60) и погребения 6 одиночного кургана Паницкое 6Б в Саратовском Поволжье (Мимоход, 2009. С. 52, 53. Илл. 30, 2). Последний комплекс, по интерпретации автора раскопок, относится ко времени репинского горизонта древнеямной культуры. Надо отметить, что сходный с булавкой из Паницкого 6Б облик, судя по описанию, приведенному в отчете, имеет еще одна восточнокрымская находка – из захоронения 29/9 в курганном могильнике у с. Астанино (Лесков, 1967. С. 45). Отсутствующая в отчете и публикации и теперь уже навсегда утраченная информация о лепном сосуде из погребения с булавкой Уваровского могильника, возможно, позволила бы более точно датировать комплекс. Тем не менее, наличие и характер рогатки с уверенностью позволяют отнести данное захоронение к репинскому горизонту ямной культуры.

Таким образом, находка рогатковидной булавки оказывается ценной для определения хронологии Уваровского могильника. Кроме того, она сближает рассмотренное погребение с памятниками степного древнеямного мира Восточной Европы, а это, в свою очередь, вновь приводит к вопросу о критериях выделения кеми-обинской культуры и ее соотношении с ямной культурой.

* Автор выражает особую благодарность сотруднице КФ ИА НАНУ Т.А. Копьевой за предоставленные сведения о материалах из раскопок А.А. Щепинского и фотографии находок.

Богданов С.В. Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.

Гей А.Н. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели «en forme de tour Eiffel» // **Проблемы археологии Евразии.** Сборник статей к 80-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002.

Кияшко В.Я. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.

Кияшко В.Я. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1989.

Лесков А.М. Отчет о раскопках курганов у с. Астанино // Керченская экспедиция – 1965-67 гг. // Науковий Архів ІА НАНУ. Ф-Е. № 4975. Київ, 1967.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железа в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М., 2009.

Порохова О.И. Раскопки памятников эпохи бронзы в Оренбургской области // АО 1982 г. М., 1984.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции в 1974 г. // ИА ИА НАНУ. № 1974/18а. Київ, 1974.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. (полевые дневники) // ИА КФ ИА НАНУ. Кн. ФЛЩ. Папка № 40. Инв. № 38. Симферополь, 1975а.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. (альбом) // ИА ИА НАНУ. Ф-Е. № 9047. Київ, 1975б.

Щепинский А.А. Памятники кеми-обинской культуры (Свод археологических памятников). Запорожье, 2002.

А.А. Файзуллин

*Оренбургский государственный педагогический университет,
faizullin.airat@yandex.ru*

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЯМНОГО ОБЩЕСТВА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Среди многочисленных остатков культур древних обществ погребальные комплексы имеют первостепенное значение для социальных исследований, так как общественное положение умершего отражено в различных формах погребального обряда.

Для ямной культуры погребальный комплекс – сравнительно сложная система, образованная такими составляющими, как 1) совокупность надмогильных сооружений; 2) могильная яма; 3) обряд погребения; 4) приношения умершему – инвентарь и последующие тризны (Ковалева, 1989. С. 10, 11).

Н.Я. Мерперт отмечал, что появление курганов в степях Восточной Европы – это результат распространения идеи надгробия, памятника умершему. Надгробие – плод определенной и уже весьма высокой стадии общественного развития (Мерперт, 1974. С. 129).

Такое надмогильное сооружение, как курган, представляет собой результат массовой, целенаправленной, организованной трудовой деятельности общества. Трудовые затраты на погребение зависят от размеров насыпи, а количество затрат, в свою очередь, определяет социальную значимость погребенного индивида (Массон, 1996. С. 93).

Практически все исследователи социальной структуры ямного общества делают попытки выделения в нем различных социальных групп. В этом плане не остаются незамеченными погребения индивидов с воинскими символами. Так, Н.Л. Моргунова выделяет воинов как социально значимую прослойку общества (1992. С. 6).

На территории Южного Приуралья исследованы комплексы, погребальный обряд и инвентарь которых доказывают особый статус воинов в ямном обществе.

В погребении 1/2 курганного могильника Нижняя Павловка V был зафиксирован скелет мужчины старше 50 лет (Моргунова, 1992. С. 82). Южнее стоп покойного был обнаружен проушной топорик-клевец длиной 14 см. Аналогичные топоры известны в составе Приереванского клада (Мартirosян, Мнацакян, 1973. С. 174), а также в богатых погребениях Варненского некрополя в Болгарии (Тодорова, 1979. С. 133). Эти находки указывают на принадлежность таких предметов представителям военной знати и позволяют установить связь погребенного в Нижней Павловке с военным сословием.

Интерес вызывает погребение 2/3 в курганном могильнике Привольное. В могиле скорченно на правом боку, головой на восток, на подсыпке из мела и охры лежал скелет взрослого человека. У колен погребенного был обнаружен кремневый бесчерешковый наконечник стрелы серого цвета. Эта находка указывает на существование у населения ямной культуры оружия дальнего боя. На территории Южного Приуралья пока не было найдено ни одного фрагмента лука, но в степях Восточной Европы они встречаются на ямных, а затем катакомбных памятниках. Свидетельствами использования стрел в военных целях являются захоронения людей, которые скончались от данного вида оружия. Стрелы были обнаружены в черепе, шейных и поясничных позвонках погребенных. У хутора Попова стрелу нашли во рту погребенного, острием к гортани (Стеганцева, 2005. С. 28).

Неординарный погребальный комплекс представлял собой исследованный на могильнике Болдырево курган 1. Диаметр его насыпи – 65 м, высота – 6 м (Моргунова, 2000. С. 58). Под курганом в большой яме с забутовкой было обнаружено непо потревоженное захоронение мужчины в возрасте около 35 – 40 лет. Его сопровождал богатый инвентарь, в том числе медный нож листовидной формы с прямым черенком, размеры которого значительно превышают обычные параметры ножей, встречающихся в погребениях эпохи ранней бронзы. Можно предположить, что этот артефакт был оружием. В погребении также было найдено уникальное медное копье длиной 19,8 см, не имеющее аналогий во всей ямной культурно-исторической общности. Копье могло использоваться как наступательное оружие пехотинца, а также как оружие всадника или воина на повозке и колеснице. Можно предположить, что этим предметом владел вождь, обеспечивавший синхронность действий воинов в бою.

Погребение воина исследовано в комплексе 3/1 курганного могильника Изобильное I (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 47). Здесь была обнаружена большая погребальная камера с уступами. По краям уступов располагались кольца, сформованные из голубоватого ила и окрашенные в оранжевый цвет минеральной краской. На дне могилы лежали два скелета взрослых индивидов. У северо-западной стенки был обнаружен массивный медный нож с листовидным лезвием длиной 21,5 см и фрагменты ножен из кожи и дерева. Аналогичные кинжалы были найдены в погребениях ямной культуры в Поволжье – Утевка I 1/1 (Васильев, 1980. С. 53), и на Кавказе в захоронениях майкопской культуры – в могильниках Клады, Хаджох III и Кишпекская гробница (Кореневский, 2004. С. 42).

Инвентарь рассмотренных комплексов свидетельствует о связи людей, в могилы которых он был положен, с военным делом. Трудовые затраты на совершение погребений говорят о высоком статусе захороненных с воинскими символами. Половозрастной анализ показывает, что оружие в могилу клали только мужчинам в возрасте 40-50 лет. То же отмечает С.В. Иванова на материале

лах Северо-Западного Причерноморья (2001. С. 70). Можно предполагать, что воинские функции были присущи только мужскому населению, а погребения под курганами совершались для опытных воинов, отличившихся на поле брани.

- Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- Иванова С.В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.
- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Москва, 2004.
- Ковалева И.Ф.* Социальная и духовная культура племен бронзового века. Днепропетровск, 1989.
- Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.
- Мартыросян А.А., Мнацакян А.О.* Приреванский клад древней бронзы // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Моргунова Н.Л.* К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Моргунова Н.Л.* Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург, 2000.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., Богданов С.В.* Курганы древнеямной культуры в левобережье реки Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Стеганцева В.Я.* Оружие дальнего и среднего боя ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы // Снаряжение кочевников. Барнаул, 2005.
- Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София, 1979.

М.Е. Кузнецова-Фетисова

Институт востоковедения РАН, Москва, marinakuznfet@gmail.com

НОВЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЙ СТОЛИЦЫ ДИНАСТИИ ШАН (XVI-XI ВВ. ДО Н.Э.) В КИТАЕ*

Местность, известная как Иньсюй (развалины Инь[ской столицы]), располагается на берегах реки Хуань-хэ в северо-западном пригороде города Аньян на севере современной провинции Хэнань, КНР (Рис. 1**). Начиная с 1928 г. и по сей день на этой территории два раза в год проводятся археологические раскопки. Письменные источники, эпиграфические и археологические данные в совокупности свидетельствуют, что в XIV-XI вв. до н.э. здесь находилась столица правителей дома Шан. Уже более 80 лет археологический комплекс близ Аньяна является объектом пристального внимания ученых Китая и всего мира.

В 1997-1999 гг. было принято решение о привлечении современных методов при проведении крупномасштабных раскопок выше излучины Хуань-хэ, к западу и востоку от дер. Хуаюаньчжуан, и организации совместного с Миннесотским Университетом проекта по исследованию городищ в течении реки Хуань-хэ. В работах принимал участие глава археометрической лаборатории Университета г. Дулут проф. Рип Рапп.

В 1999-2000 гг. было раскрыто семь фрагментов стен древнего города. Реконструируемые масштабы городища: общая площадь – 4,7 кв. км; протяженность стен с севера на юг – 2 200 м, с запада на восток – 2 150 м (Аньянский рабочий отряд..., 2003а. С. 3, 14). Территория городища к северу от реки Хуаньхэ исследована крайне слабо: раскопаны несколько фрагментов стен шанского города и небольших участков внутри городища. Качество публикации раскопок низкое. По мнению современных китайских исследователей, сооружение и функционирование города относится к периоду правления от Пань-гэна до Сяо-и (Мэн Сянь'у, 2003. С. 130, 131). Однако, объективно оценивая имеющуюся информацию, следует сделать вывод, что хронологические рамки, определенные для этого городища, в настоящий момент невозможно аргументированно подтвердить или опровергнуть.

В связи с обнаружением города, окруженного стенами, к северу от реки Хуань-хэ вопрос о точном местоположении столицы вновь стал открытым, поскольку на сравнительно небольшой территории местности Инь сегодня известно два городища бронзового века с оборонительными сооружениями. В течение длительного времени в научной литературе было широко распространено мнение, что окруженный ровом комплекс близ Сяютуни, несмотря на отсутствие защитных стен, был местоположением двора правителя, и, соответственно, столицей династии Шан, начиная с правителя Пань-гэна и до падения династии.

В настоящее время в китайской археологической литературе существует точка зрения, что эти два городища функционировали в разное время. Указывается, что с момента перенесения

столицы в местность Инь правителем Пань-гэном до времени правления У-дина столица находилась в городе к северу от реки Хуань-хэ; при У-дине и последующих ванах столица находилась в Сяотунском городище.

В местности Инь отсутствуют эпиграфические источники, относящиеся к периодам правления ванов Пань-гэна, Сяо-синя и Сяо-и. Они неизвестны как на территории поселения близ дер. Сятунь, так и на городище к северу от р. Хуань-хэ, и на других поселениях. Таким образом, эпиграфического подтверждения того, что в этой местности находилась столица при правителях от Пань-гэна до Сяо-и, нет. Тем не менее, китайские исследователи не сомневаются в свидетельстве письменных источников о перенесении столицы на рассматриваемую территории при Пань-гэне.

Несомненно, что имеет место непродуманная попытка объединения данных, полученных из трех видов источников, – письменных, эпиграфических и археологических. Результатом такого подхода стала теория двух одновременных столиц, которая противоречит хронологической системе, существовавшей до обнаружения городища к северу от реки Хуань-хэ, а также датировкам участков этого комплекса, раскопанных до 1990-х годов (Институт Археологии..., 1987. С. 4, 10). Имеющихся в настоящий момент археологических данных недостаточно, чтобы обоснованно судить о хронологической одновременности рассматриваемых поселений.

Письменные источники описывают время правления У-дина как расцвет династии Шан, отмеченный усилением политического господства и военной мощи, – недаром его имя означает «Воинственный Дин». Нигде не упоминается переселение при этом вана. Если принять теорию двух столиц, получается, что в момент наивысшего расцвета население во главе с наиболее могущественным правителем династии У-дином покидает крупный защищенный стенами город

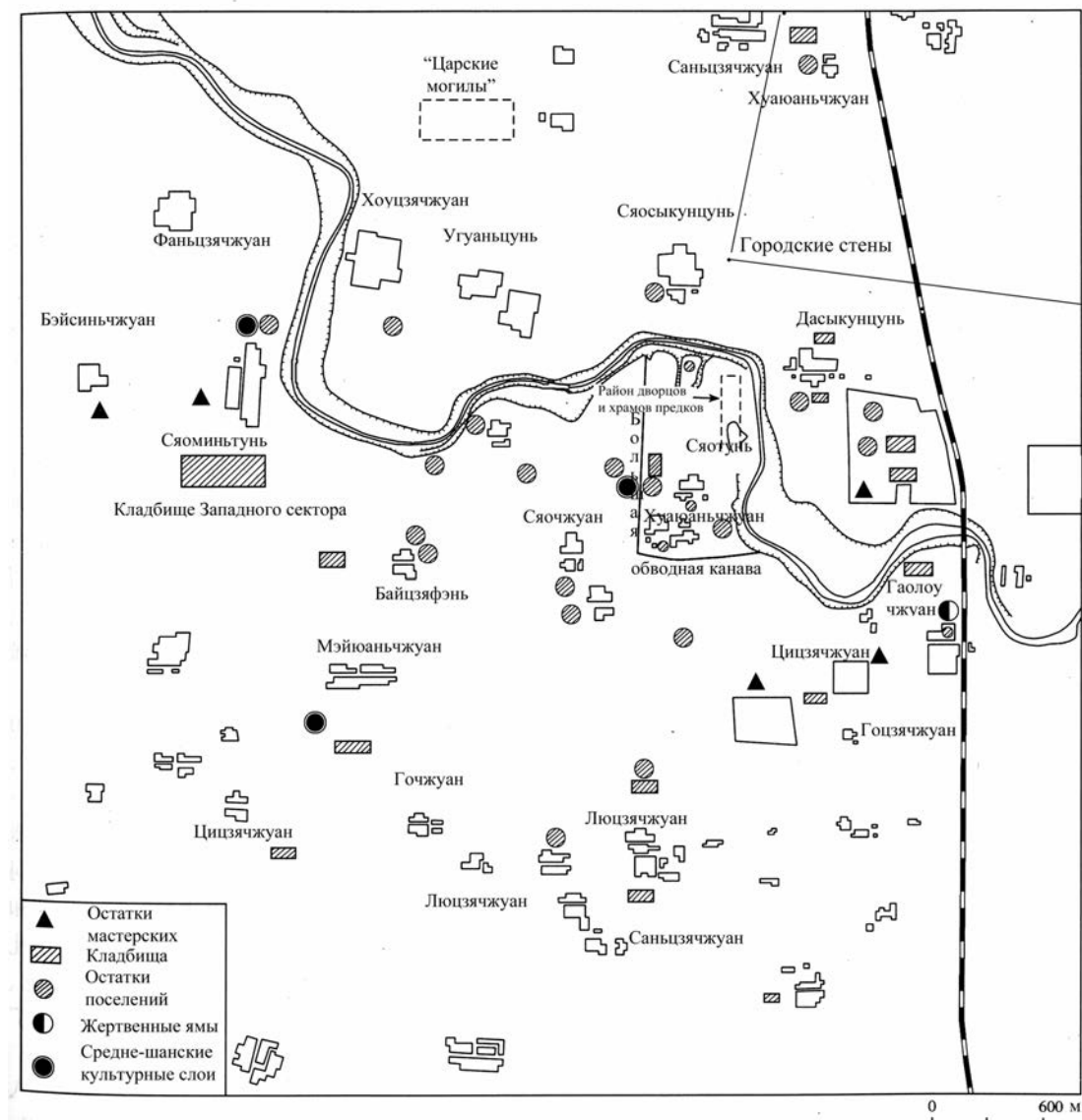

Рис. 1. Карта местности Инь.

площадью 4,7 кв. км и переезжает в поселение, примерно в семь раз меньшее по размерам и отстоящее от прежнего менее чем на километр. Вокруг второй столицы за оставшиеся 100 лет правления династии так и не были построены стены.

Если дальнейшие исследования подтвердят, что город был покинут в середине правления династии Шан, произойдет коренное изменение многих теорий о развитии государства и общества в бронзовом веке.

Можно предложить другое объяснение: два рассматриваемых центра существовали одновременно, но имели различные функции. Крупный город к северу от реки мог являться столицей, вмещавшей основную массу населения, в то время как городище близ деревни Сяотунь было сакральным центром. В местности Инь также существовали отдельные поселения, в том числе с бронзолитейными мастерскими, за пределами этих укрепленных городищ. Отсутствие эпиграфических свидетельств, относящихся к времени правления Пань-гэна, Сяо-синя и Сяо-и, не исключает возможности того, что поселение близ дер. Сяотунь могло функционировать и ранее правления У-дина.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта «Современное состояние археологического исследования столицы Инь (XIV-XI вв. до н.э.) династии Шан в Китае», проект № 12-31-01268 а2.

** Карта подготовлена на основе публикации археологического отчета «Сяотунь близ Аньяна» (Институт Археологии..., 2004. С. 3). На карте отмечено расположение крупнейших археологических комплексов, но она не дает представления о размерах осуществленных раскопок.

Аньянский рабочий отряд Института Археологии Академии общественных наук КНР. Исследование и пробные раскопки городища Шанского времени на северном берегу р. Хуань близ г. Аньян пров. Хэнань // Археология (Каогу). 2003а. № 5 (на кит. языке).

Аньянский рабочий отряд Института Археологии Академии общественных наук КНР. Краткий отчет раскопок фундамента № 1 «района дворцов» городища Шанского времени на северном берегу р. Хуань близ г. Аньян пров. Хэнань // Археология (Каогу). 2003б. № 5 (на кит. языке).

Институт Археологии Академии общественных наук КНР. Дер. Сяотунь под Аньяном. Пекин, 2004 (на кит. языке).

Институт Археологии Академии общественных наук КНР. Отчет о находках на Иньсюе в 1958-1961 годах. Пекин, 1987 (на кит. языке).

Мэн Сянь 'у. Исследование археологии Иньсюя под Аньяном. Чжэнчжоу, 2003 (на кит. языке).

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, fedorukas@mail.ru

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЖАРКОВО-3*

В настоящее время одним из наиболее полно исследованных поселенческих комплексов эпохи развитой и поздней бронзы, расположенных на территории Кулундинской степи, является поселение Жарково-3. Памятник находится в Баевском р-не Алтайского края (центральная часть Кулундинской низменности), недалеко от остатков соснового ленточного бора на второй надпойменной террасе в среднем течении р. Кулунда. Обнаружен автором в 2004 г. и исследовался экспедициями АлтГУ в 2005–2010 гг. (Кирюшин и др., 2006; 2007; 2008; 2009; Кирюшин, Папин, Федорук, Фролов, 2010). В результате на памятнике вскрыто около 1200 кв. м. площади, на которой полностью изучено две жилищные конструкции: одна – эпохи поздней бронзы (саргаринско-алексеевская культура), вторая – развитой бронзы (андроновская культура). Также раскопаны 11 объектов (расположенных как в жилищах, так и за их пределами), частично исследован зольник и третья жилищная конструкция (саргаринско-алексеевская культура). Полученная археологическая коллекция насчитывает более 8000 единиц. Большинство находок – кости животных (преимущественно мелко утилизированные). Коллекция керамики насчитывает около 1000 единиц. На поселении найдены фрагменты каменных и глиняных предметов (литейные формы, песты, кирпичики), отдельные куски бронзовой руды. Получена серия радиоуглеродных дат и проведен палеозоологический анализ остеологической коллекции.

Полученные данные позволяют в общих чертах реконструировать систему жизнеобеспечения населения этого поселка следующим образом.

Основой хозяйства являлось скотоводство мясо-молочной направленности (Кирюшин, Косин-

цев, Папин, Федорук, 2010) – на памятнике преобладают кости домашних животных (мелкий рогатый скот – 47,7% определимых костей, крупный рогатый скот – 31,2%, лошадь – 19,1%). Косвенно в пользу этого вывода свидетельствует также обнаружение на поселении орудий для выделки кожи – костяных трепал.

Вспомогательную роль играла охота (присутствует незначительное количество костей лося, косули, кабана, волка, лисицы, куницы, зайца, бизона, барсука). При этом ярко выражена ее «мясная» направленность (костные останки диких копытных в коллекции преобладают над пушными видами). Вероятно, охота была нацелена на сохранение стада в летний период. Специализированных орудий, применявшихся для охоты, на памятнике, к сожалению, не обнаружено.

Очевидно, скотоводство и охота обеспечивали сырьевую базу для развития домашних производств, таких, как косторезное (обнаружены костяные трепала из нижних челюстей КРС, а также один «конек») и скорняжное (трепала).

Жители поселка занимались также камнеобработкой (найденно несколько изделий из камня – песты, молот, фрагменты литейных форм).

Зафиксированные на дне объекта № 26 в жилище № 1 два фрагмента каменных литейных форм и фрагменты бронзовой руды, происходящие из культурного слоя, несомненно, говорят о том, что на поселении существовало собственное металлургическое производство. Обнаружение на памятнике более десятка сработанных альчиков мелкого рогатого скота с характерными следами, полученными в процессе послелитейной обработки бронзовых изделий (сработанные плоскости, свидетельства высокотемпературного воздействия, наличие окислов бронзы в порах кости), указывает, что здесь же производилась финальная обработка отлитых вещей.

Вероятно, жители поселка занимались деревообработкой (о чем косвенно свидетельствует, например, каркасно-столбовая конструкция жилищ), рыболовством (в пользу этого говорит сам факт расположения поселения возле крупнейшей в регионе реки), земледелием (на ряде однокультурных памятников региона изредка встречаются различные свидетельства существования земледелия как вспомогательного направления в хозяйстве). Однако прямых археологических свидетельств этим видам деятельности на памятнике Жарково-3 нами не обнаружено, так же как и свидетельств местного изготовления глиняной посуды, что, впрочем, не означает, что ее здесь не производили.

Таким образом, материалы поселения Жарково-3 демонстрируют высокую степень адаптации его жителей к природным условиям степной Кулунды. Не случайно вплоть до XX в. преобладающим занятием населения региона являлось именно скотоводство, а остальные отрасли хозяйства имели вспомогательный характер.

* Работа выполнена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 12-01-00360.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. I. Новосибирск, 2006.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск, 2009.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Этнокультурные процессы населения эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и степном Алтае (по материалам изучения могильника Фирсово-XIV и поселения Жарково-3) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск, 2010.

СОВМЕСТНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ*

Совместные захоронения, несмотря на свою малочисленность, являются одной из выразительных черт погребального обряда андроновской культуры. Парные или коллективные погребения встречаются практически во всем ее ареале (Хлобыстина, 1989. С. 119, 120) и представляют особый интерес для реконструкции половозрастной и социальной структуры андроновского общества.

В настоящей работе мы рассмотрим различные виды совместных погребений, встречающиеся на территории лесостепного Алтая. К анализу привлечены комплексы из трех наиболее крупных могильников региона (Рублево-VIII, Фирсово-XIV и Кытманово), по которым выполнены антропологические определения (Кирюшин и др., 2004; Шамшин, 2007; Уманский и др., 2007).

По основным элементам погребального обряда совместные захоронения мало чем отличаются от одиночных. Планиграфически они не обособлялись от других могил и располагались в цепочках, образованных одиночными захоронениями. Можно лишь заметить, что на могильном поле такие комплексы располагались близко друг к другу, а иногда были сгруппированы по два-три.

На основе археологических материалов, а также антропологических определений мы выделили следующие виды совместных погребений.

1. Совместные захоронения детей – 18 случаев. Как правило, разница в возрасте детей небольшая – от нескольких месяцев до полутора-двух лет. Во всех (кроме одного) случаях дети уложены традиционно: скорченно, на левом боку. Костяки располагались в одну линию, не перекрывая друг друга. Лишь в одном случае ребенок был уложен на правый бок – лицом к другому погребенному.

2. Смешанные погребения (совместные захоронения взрослых и детей) – девять случаев. В семи случаях с детьми были погребены женщины, в одном – мужчина, еще в одном случае обнаружено тройное погребение мужчины, женщины и ребенка (разрушенное). Возраст взрослых в подобных захоронениях варьировал в среднем от 20-25 до 40 лет. Возраст детей также различен: от младенческого до восьми-девяти лет.

Наибольшей стабильностью в подобных погребениях отличается положение взрослого индивида. Расположение детей более разнообразно: чаще их укладывали за спиной женщины, на левом или правом боку. В двух случаях дети были уложены в руки женщины, к ней лицом (могильник Кытманово).

3. Парные погребения взрослых – 11 случаев. Чаще всего встречаются захоронения разнополых субъектов, а также парные погребения, совершенные по обряду кремации.

Примечательно, что во всех парных захоронениях памятника Рублево-VIII умершие были кремированы. На то, что данные комплексы можно интерпретировать как погребения взрослых индивидов, указывают размеры и глубина могильных ям, а также состав инвентаря. Могила № 222 некрополя Фирсово-XIV являлась биритуальным погребением: справа от скелета мужчины, уложенного на левый бок, располагались кремированные останки женщины (Шамшин, Ченских, 1997. С. 54).

В трех случаях мужчина и женщина были уложены лицом друг к другу, при этом мужчины лежали на правом боку, а женщины – на левом. В одном случае погребенные располагались спиной друг к другу, в другом – оба были уложены на левый бок (могильник Фирсово-XIV). Женщина всегда оставалась слева от мужчины. На памятнике Кытманово зафиксирован один случай совместного погребения двух женщин (обе лежали на левом боку) (Уманский и др., 2007. С. 17).

Набор инвентаря совместных погребений в целом не отличается от одиночных: это керамика и украшения. В детских захоронениях каждый погребенный, как правило, снабжался одним сосудом, причем, чем старше ребенок, тем больший сосуд ему устанавливался. Такая же закономерность просматривается в совместных погребениях взрослого и ребенка: детей сопровождала более мелкая посуда. В парных взрослых комплексах количество сосудов не всегда соответствовало количеству похороненных, что усложняет задачу поиска различий между «женской» и мужской» керамикой. В большинстве смешанных и парных взрослых погребений женщины снабжены различными видами украшений, сложными головными уборами. На общем фоне подобные захоронения достаточно сильно выделяются своим «богатством», что, видимо, должно было подчеркивать их неординарность.

Рассмотренные виды совместных погребений наталкивают на мысль, что в одной могиле хоронили, скорее всего, близких родственников, при этом парные погребения разнополых субъ-

ектов в литературе чаще всего интерпретируются как погребения «супругов» (Хлобыстина, 1989 и др.). В целом наличие совместных погребений (появление которых не связано с военными столкновениями или иными бедствиями) в андроновском погребальном обряде может свидетельствовать о значимости семейно–брачных отношений, а также появлении в обществе признаков нуклеарной семьи.

*Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012-2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» (№ 2012.312.2.12)», а также при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», соглашение № 14.В37.21.0005.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамишин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007.

Хлобыстина М.Д. Андроновский керамический комплекс // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.

Шамишин А.Б. Комплексы развитой и поздней бронзы некрополя Фирсово-XIV (Барнаульское Приобье) // Кадырбаевские чтения. Актобе, 2007.

Шамишин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.

Ю.Ю. Раиткина

Алтайский государственный университет, Барнаул, t-iu-iu@mail.ru

АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ИРМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Культура, оставленная ирменским обществом, является одной из самых изученных в Сибирском регионе, однако представления о ней еще далеко не полны. В частности, не решены вопросы, связанные с демографией, хозяйственно-экономическим укладом и социальной организацией ее носителей.

В данной работе анализируются погребальные памятники, оставленные носителями ирменской культуры на территории Алтайского Приобья. Общее число привлеченных к исследованию некрополей – 15. Некоторые могильники объединены в общую серию, так как представлены малым количеством погребений.

Описание погребального обряда производилось по схеме, предложенной В.С. Ольховским (1991), выделившим в структуре некрополя три уровня: погребения, погребальные комплексы, погребальные группы. С целью применения методов многомерного количественного анализа были созданы матрицы, описывающие отдельные захоронения. Для них выявлялись наиболее характерные признаки, разделяющиеся на три группы: особенности скелета; особенности погребальной камеры; особенности сопроводительного инвентаря. Сравнение проводилось по семи признакам, описывающим ориентировку скелета, внутримогильную конструкцию, состав сопроводительного инвентаря (по категориям), а также присутствие следов огня в могиле.

Как отдельные объекты рассматривались те могильники, в которых выявлено достаточно погребений для проведения количественного анализа (более трех). Расчеты производились с применением модулей стандартного программного пакета Statistica 6.1. Для группировки данных использовался метод иерархической классификации кластерного анализа. Для оценки расстояний между кластерами применялся метод Варда, минимизирующий сумму квадратов (SS) для любых двух (гипотетических) кластеров, которые могут быть сформированы на каждом шаге.

Наиболее крупные некрополи исследуемого региона – курганный могильник Камышенка и грунтовый могильник Плотинная I. По частоте встречаемости значительного числа признаков погребальный обряд этих памятников достаточно близок. Наибольшее различие между ними проявляется в ориентировке погребенных. В Плотинной I преобладает южная ориентировка (80,54%). В Камышенке она встречается только в 22,93% случаев, для 32,35% погребений характерна западная ориентировка, в остальных захоронениях ориентировка не определена (44,12%). Еще одно различие – частота встречаемости внутримогильных конструкций. Для Плотинной I этот признак отмечен в 43,14% случаев, для Камышенки – лишь в 16,18%. Значительно чаще в Плотинной

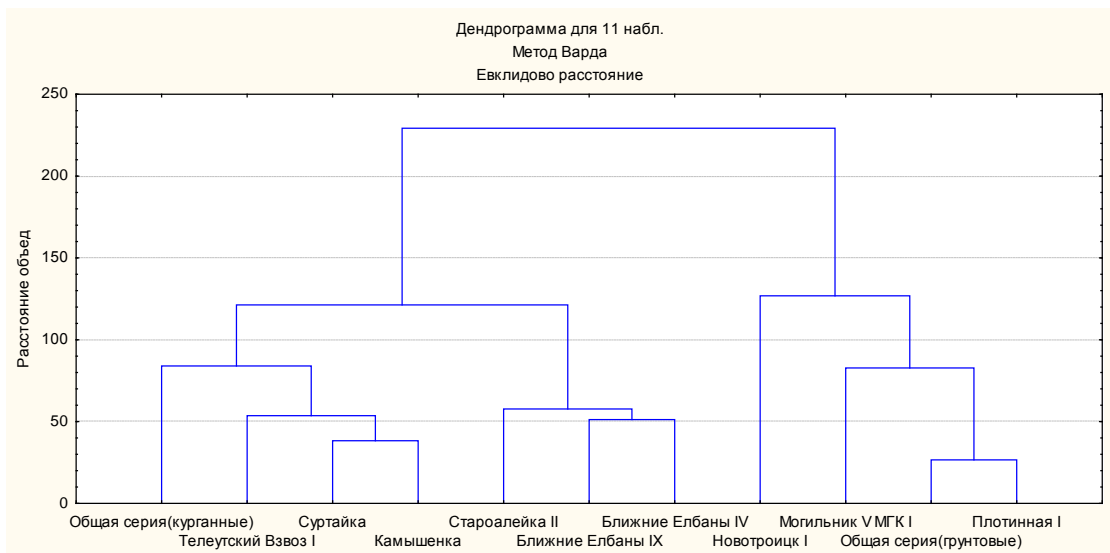

Рис 1. Дендрограмма результатов кластеризации могильников ирменской культуры Алтайского Приобья по семи признакам.

выявляется и присутствие следов огня – в 13,73% погребений (в Камышенке – в 1,47%). Некоторые различия демонстрирует состав погребального инвентаря: орудия труда чаще встречаются в Камышенке (14,7%), в Плотинной они отмечены в 7,84% захоронений (Тырышкина, 2008).

Проведенный анализ показывает, что погребальная практика исследуемых некрополей достаточно устойчива. Некоторые различия в инвентаре можно объяснить разной половой принадлежностью захороненных.

Всего в работе были учтены материалы восьми грунтовых могильников: Плотинная V, Кытманово I, Фирсово I и Мельничихин Лог I (даны суммарно), Плотинная I, Ближние Елбаны IV, Староалейка II, МГК I/5; и семи курганных: Змеевкой и Чесноково II (объединены в серию), Камышенка, Новотроицк I, Ближние Елбаны IX, Суртайка и Телеутский Взвоз I (Абдуганеев и др., 1996; Кунгуров, Папин, 2001; Папин, Тишкин, 1998; Фролов, Папин, 1998; Шамшин, 1997). При кластеризации признаков по методу Варда в составе исходного массива памятников выделяются три основные группировки: одна представлена исключительно курганами, две другие содержат как курганные, так и грунтовые некрополи (рис. 1). Курганный кластер объединяет три памятника: Телеутский Взвоз I, Суртайка и Камышенка. Следующий кластер состоит из трех могильников: двух грунтовых (Ближние Елбаны IV и Староалейка II) и одного курганного (Ближние Елбаны IX). Возможно, второй кластер представлен только грунтовыми некрополями. Так, многие исследователи объединяют Ближние Елбаны IV и IX в единый комплекс грунтовых захоронений, а наличие невысоких насыпей объясняют надувом песчаных дюн (Абдуганеев и др., 1996). Третий кластер включает четыре памятника: один курганный и три грунтовых (Новотроицк I, МГК I/5, общая серия грунтовых могильников и Плотинная I). Все они связаны преобладанием южной ориентировки скелета в могиле.

В результате проведенного анализа было выявлено, что четко фиксируется связь только двух курганных могильников – Суртайки и Камышенки; она отмечена почти по всем группам признаков.

Абдуганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильник развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 2001.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1.
Папин Д.В., Тишкин А.А. Ирменский комплекс памятника Телеутский Взвоз 1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.

Тырышкина (Раиткина) Ю.Ю. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.

Фролов Я.В., Папин Д.В. Коллективное погребение ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Матер. научно-практич. конф. Вып. IX. Барнаул, 1998.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Годовой сессии ИАЭ СО РАН, дек., 1997). Т. 3. Новосибирск, 1997.

**КЕРАМИКА ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ КУРЬЯ 1
В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ
(РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)***

Многослойное поселение Курья 1, расположенное на берегу оз. Курья в Тюменском р-не Тюменской обл., исследовалось под руководством Е.Н. Волкова в 2007 г. (Волков и др., 2007. С. 240–242). Керамический комплекс федоровской культуры в целом насчитывает около 400 сосудов (по шейкам), из которых 139 подвергнуто технико-технологическому анализу. Исследования проводились в соответствии с методикой, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999. С. 9–11).

На основании полученных данных представляется возможным говорить о том, что гончарами поселения в качестве исходного пластичного сырья использовались «классические» и илистые глины. Чаще всего использовалось тощее сырье. Глины (66,9 %) в качестве естественных примесей содержат различное количество кварцевого, в основном окатанного, песка, железистые включения, включения бурого железняка оолитовой формы, редко обломки лимонита и пылевидные листочки слюды. В некоторых образцах зафиксированы обломки чешуи и косточки рыб, а также единичные чешуйки раковин пресноводных моллюсков.

Илистые глины (31,7%) помимо вышеперечисленных естественных компонентов характеризуются наличием различного количества отпечатков и, редко, включениями разрушенных раковин речных моллюсков (от 3–4 до 35 включений на 1 см²), единичных окатанных комочков чистой глины, отпечатков от недеформированных обрывков стеблей и листьев растений, единично – водорослей и семян растений. В 16 образцах зафиксированы обломки чешуи или косточек рыб.

Особый интерес вызывают два фрагмента (1,4%) коллекции, по изломам которых зафиксировано использование «строительных элементов» из различного исходного сырья – глины и илистой глины. В связи с этим данные образцы не могут быть четко соотнесены ни с глинами, ни с илистыми глинами.

Различные виды исходного сырья, по всей видимости, использовались в естественно увлажненном состоянии.

В качестве искусственных примесей в исходное пластичное сырье (ИПС) вводились минеральные (шамот (Ш), тальковая (Т) и слюдяная (С) дресва, предположительно песок (П)), органо-минеральные (кальцинированная кость (К)) и органические (органический раствор (ОР), навоз жвачных животных (Н) и выжимка из него (В)) добавки.

Таким образом, по исследованному материалу выделено 12 рецептов формовочных масс: «ИПС + Ш + В» (54%), «ИПС + Ш + ОР» (27,3%), «ИПС + Ш + Н» (2,9%), «ИПС + Ш +К +В» (2,9%), «ИПС + Ш +К + ОР» (1,4%), «ИПС + Ш +К + Н» (0,7%), «ИПС + Ш + П (?) + В» (5,8%), «ИПС + Ш + П (?) + ОР» (2,2%); «ИПС + Ш» (0,7%), «ИПС + Ш + С + В» (0,7%), «ИПС + Ш + Т + В» (0,7%), «ИПС + Ш + Т + К + В» (0,7%).

Частичные данные о навыках конструирования начинов получены лишь по двум сосудам. В обоих случаях изготовление начинов производилось в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. Модель программы, предположительно, доэлементная. Многослойность изломов свидетельствует об использовании лоскутов, которые накладывались по спиралевидной траектории. Полое тело данных сосудов, а также еще 30 исследованных верхних частей емкостей, изготавливалось с помощью лоскутов или коротких жгутиков, наращиваемых по траектории, близкой спиралевидной.

На внутренней поверхности дна одного из сосудов зафиксирован статичный отпечаток, предположительно, от тканевой прокладки между формой-моделью и изготавливаемой емкостью, на основании чего можно предполагать использование формы-основы при формообразовании изделий. Кроме того, окончательная форма сосудам, скорее всего, придавалась с помощью выдавливания пальцами.

Поверхности исследованных фрагментов обрабатывались простым заглаживанием тканью, пальцами, реже – деревянными и костяными шпателями, штампами, гальками. В большинстве случаев внешняя поверхность, а нередко и внутренняя, подвергались лощению или уплотнялись по подсушенной основе галечкой или костяным шпателем.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов достигалось путем термической обработки в кострище или очаге в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды, чаще всего с кратковременным воздействием температур каления глины (не ниже 650°С).

В целом анализ материала выявил традиционность навыков керамического производства у гончаров федоровской культуры поселения Курья 1. Наличие единичных фрагментов, формовочная масса которых составлена по смешанным рецептам, т.е. с использованием тальковой дресвы и слюды в сочетании с шамотом и органическими добавками, возможно, свидетельствует о взаимодействии групп федоровского населения, мигрировавших на территорию Нижнего Притоболья, с местными племенами. Начальный этап этих контактов, на наш взгляд, может быть зафиксирован в керамическом комплексе поселения Черемуховый Куст, где отмечено присутствие как несмешанных рецептур, составленных на основе дресвы и органики, так и смешанных (Илюшина, 2010. С. 174).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-31044 «Динамика гончарного производства у населения эпохи бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири».

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н. Раскопки многослойного поселения Курья 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8.

Илюшина В.В. Технология изготовления посуды федоровского поселения Черемуховый Куст // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Матер. XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографич. конф. Томск, 2010.

С.И. Цембалюк

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, svetac80@mail.ru

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ МАРАЙ 1 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ*

В переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время на территории Нижнего Приишимья, судя по результатам исследований немногочисленных поселений, проживали носители красноозерской культуры. Активное изучение этих памятников в Приишимье пришлось на 60-80-е годы XX в., тогда были раскопаны поселения Старо-Масляное (Генинг, Евдокимов, 1969. С. 57-64), Боровлянка 2 (Панфилов и др., 1991. С. 25-50), Ефимово 1 (Матвеев, Горелов, 1993). Возобновились исследования лишь в первом десятилетии XXI в. с раскопками поселений Мергенъ 2 и 6 (Зах и др., 2008. С. 177-179). В этом контексте представляется важным исследование поселения Марай 1, среди материалов которого встречен набор уникальных по сохранности вещей, характеризующих хозяйство и быт красноозерских поселенцев.

Памятник расположен в Казанском р-не Тюменской обл. на мысовидном выступе второй надпойменной террасы р. Ишим. Поселение двухслойное, хорошо стратифицированное. Исследовалось автором в 2010 г. Были изучены остатки двух полуземляночных жилищ красноозерской культуры. По материалам из красноозерского слоя получены две радиоуглеродные даты: 2645±30 BP (СО АН-8609) и -2695±25 BP (СО АН-8610)**.

Палеозоологические материалы поселения Марай 1 отражают многоотраслевое хозяйство красноозерского населения (табл. 1). Ведущую роль в экономике поселка играли охота и рыболовство. В палеозоологических остатках преобладают кости диких животных. Их удельный вес составляет 74% от общего количества костей. Основными объектами охоты у жителей поселения Марай 1 были лось и косуля, изредка добывали и пушных животных: бобра и лисицу. Практиковалась охота на птицу: вероятно, добывали как боровую, так и водоплавающую дичь.

Помимо этого потребности в мясе обеспечивались за счет разведения крупного и мелкого рогатого скота, доля которого незначительна. Среди находок останков домашних животных преобладают кости лошади. Данные, полученные по материалам южно-таежного и лесостепного Прииртышья, показывают, что лошадь использовалась не только для получения мяса, но и для верховой езды (Косинцев, Стефанов, 1989. С. 114).

Большое количество рыбных костей, обнаруженных на поселении (в жилищах, ямах, заполненных только рыбными костями, на межжилищном пространстве), свидетельствует о важной роли рыболовства в экономике поселка. При этом находки грузил единичны. Вероятно, рыболовство было запорным, этому благоприятствовало и расположение поселка на берегу старицы р. Ишим.

Рядом с людьми обитали собаки. На это указывают находки самих собачьих костей, кости животных, погрызенные ими, и собачьи копролиты, обнаруженные в хозяйственном помещении и жилище.

Таблица 1. Видовой состав фаунистических остатков из красноозерского слоя поселения Марай 1 (определения выполнены П.А. Косинцевым).

Вид	Кол-во	%
<i>Домашние животные</i>		20
Крупный рогатый скот	13/3	21,7/17,6
Мелкий рогатый скот	12/6	20/35,3
Лошадь	35/8	58,3/47,1
<i>Всего</i>	60/17	100/100
<i>Дикие животные</i>		74
Собака	2/2	0,9/7,7
Лось	187/16	84,2/61,6
Косуля	30/6	13,5/23,1
Бобр	2/1	0,9/3,8
Лисица	1/1	0,5/3,8
<i>Всего</i>	222/26	100/100
Прочее		
Птица	18/?	6
Всего	300/43	100

Красноозерское население Марая 1 проживало в глубоких полуземлянках. Одна камера в них была жилая, а вторая, слабоуглубленная – хозяйственная, выполнявшая функцию кладовки. Она соединялась с первой пологим, поднимающимся вверх коридором. В хозяйственной части хранились продукты питания, о чем свидетельствуют находки целых скелетов рыб, разложенных на сосновой коре, сосуды с остатками пищи, кости животных.

Здесь же находились различные орудия труда, охоты и быта. В жилой части сооружения, ближе к южной стенке, размещался большой прямоугольный очаг, оконтуренный деревянной конструкцией.

Среди домашних промыслов следует прежде всего отметить керамическое производство. Хорошо было развито косторезное дело, чему способствовала обильная сырьевая база (большое количество костей диких и домашних животных). Резьба по кости документирована следующими категориями предметов: наконечниками стрел, кочедыками, проколками, шпателями, стругами, роговыми пластинами, кинжалами, мотыгами и т.д. Также свидетельствами занятий резьбой по кости являются находки различных костяных и роговых заготовок орудий, расщепленных подготовленных костей. Часто для изготовления орудий использовали рога лося.

Обнаружение долот, стамесок, стругов свидетельствует о наличии деревообрабатывающего производства. Занятия кожевенным делом и вязанием документируются находками керамических и каменных скребков, кочедыков, проколов.

Находки обломков тиглей, шлаков, ошлакованной керамики, лома бронзовых изделий, бронзовых наконечников стрел, долота, ножей свидетельствуют о существовании на поселении цветной металлообработки. Судя по огромному количеству найденных на полу жилища, около очага и в самом очаге, бронзовых сплесков и капель, изделия из бронзы изготавливали (переплавлили) в домашних условиях.

В целом, сравнивая материалы поселения Марай 1 с памятниками красноозерской культуры Приишимья и Прииртышья, следует отметить, что хозяйственный уклад красноозерских поселенцев Марая 1 является традиционным для красноозерской культуры.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

** Радиоуглеродный анализ выполнен Л.А. Орловой.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Масляное поселение // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск, 2008.

Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железнному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень, 1993.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА УШКАТТИНСКИЙ I*

Могильник Ушкаттинский I расположен на левом берегу р. Ушкатта, в 4,5 км к северо-западу от пос. Караганда и в 6,25 км к юго-востоку от пос. Домбаровский в Домбаровском р-не Оренбургской обл. Он был обнаружен в начале 1990-х годов А.Ю. Кравцовым. Памятник находится на мысообразном выступе, образованном надпойменной террасой р. Ушкатта, на открытой территории, ранее подвергавшейся распашке (Петрова, 2005). Река Ушкатта протекает в 0,5-0,6 км севернее могильника. В районе памятника на ее русле сооружено водохранилище, прилегающая территория занята под лесопосадки. В результате обследования было зафиксировано более 50 объектов, представленных курганами, зачастую с оградами из камня или обработанных плит. Стационарное исследование могильника проводилось отрядом Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ с 2005 г. (Петрова, 2005; Гуцалов, 2006; 2007). Установлено, что памятник датируется эпохами бронзы–средневековья. Было раскопано двенадцать курганов, содержащих материалы эпохи поздней бронзы: № 1 (34 погребения), 2 (6 погребений), 4 (погребения 1–7), 8, 12 (10 погребений), 15, 18 (3 погребения), 22 (17 погребений), 23 (9 погребений), 33 (погребения 1–3), 34 (погребения 1–3) и 35**.

Курганы могильника образуют цепочку, вытянутую с северо-запада на юго-восток (рис. 1). На плане и на местности отчетливо фиксируются северо-западная и центральная группы. Системообразующими для первой группы являются насыпи № 1, 2, 3 и 4, для второй – № 16, 22, 23 и 27. Юго-восточная группа представлена небольшими курганами, многие из которых имеют каменные конструкции. Следует отметить, что раскопки объектов № 9 и 13, несколько выпадающих из обозначенной выше структуры могильника, дали средневековый материал. Также в центре могильника находится курган № 15 эпохи бронзы, выделяющийся на фоне других одновременных объектов (Ткачев, 2012), но не тяготеющий ни к одной из крупных групп насыпей.

Большинство исследованных сооружений представляло собой земляные курганы с каменными конструкциями. Лишь курган № 8 был исключительно земляным, однако значительная часть погребения была разрушена впускным комплексом раннего железного века, что могло отразиться на первоначальной структуре надмогильной конструкции. Следующий тип конструкций – курганы с оградой из рваного камня № 15, 33, 34 и 35. Они локализованы преимущественно в юго-восточной части некрополя. Количество погребений в каждом – не более трех. В курганах № 15 и 34 фиксируется и использование камня в могилах (циста, ящики). Курганы с оградой из плит также широко представлены в Ушкаттинском I могильнике – это насыпи № 1, 2, 4, 12, 18, 22 и 23. Характерно, что именно в этой группе все курганы многомогильные, содержащие до 34 погребений. Все они также имеют большие размеры, включая два самых крупных объекта высотой более 1 м – № 1 и 22. Кроме того, в данной группе имеются сооружения с отличной от преобладающей круговой линейной планировкой погребений – № 12 и 23. Большое сходство рассматриваемые курганы демонстрируют по характеру насыпей и принципам использования камня.

Всего в могильнике Ушкаттинский I было раскопано 95 погребений эпохи поздней бронзы. Форма могильных ям в подавляющем большинстве прямоугольная либо близкая к ней. Ориентировка ям и погребенных – в основном традиционная западная с возможными отклонениями к югу. Более разнообразна ориентировка в крупных многомогильных курганах с кольцевой планировкой. Очевидно, периферийные погребения располагались определенным образом относительно центрального. Следовательно, для них ориентировка могла варьировать от северной до южной, не уходя в восточный сектор. Необходимо отметить, что восточная ориентировка не характерна для данного могильника. В кургане № 23 при наличии линейной планировки захоронений ряд могильных ям ориентирован по линии С-Ю, а погребенные – головой почти строго на юг. Однако остальные захоронения имеют стандартное западное направление.

Основным способом погребения является ингумация в скорченном положении на левом боку. Правобочное положение встречается в парных захоронениях в качестве «подчиненного» основному левобочному. Курган № 15 – единственный в своем роде, так как содержит погребение по обряду кремации на стороне (Ткачев, 2012). Эти материалы представляют несомненный интерес при изучении алакульской культуры региона в контексте алакульско-федоровских взаимодействий и их хронологии.

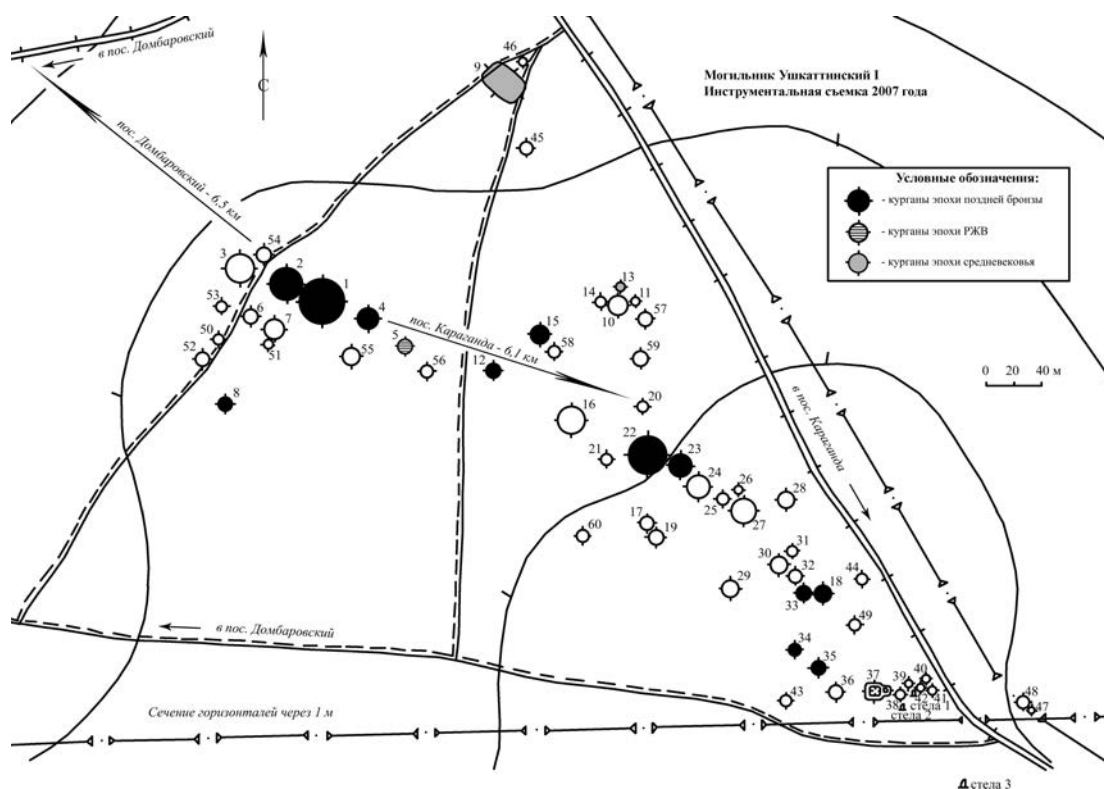

Рис. 1. План могильника Ушкаттинский I с обозначением раскопанных объектов.

Погребальный инвентарь типичен для захоронений эпохи поздней бронзы рассматриваемого региона. В основном он состоит из керамики и украшений. Глиняная посуда насчитывает более 200 экземпляров (см. работу А.И. Хаванского в настоящем издании). Украшения представлены преимущественно бусами, бронзовыми браслетами, наконечниками, височными подвесками. Также в могильнике Ушкаттинский I весьма представительна серия украшений из золота, состоящая из округлых и вытянутых подвесок в полтора оборота. Орудия труда в погребениях отсутствуют. В центральных захоронениях кургана 22 зафиксированы символы власти, представленные каменной булавой и наборной костяной рукоятью.

Предварительный анализ материалов могильника Ушкаттинский I дает все основания отнести его к памятникам кожумбердынской группы. Он может быть датирован в рамках XV-XIII вв. до н.э. Такие результаты были получены при анализе не только погребального обряда, но и керамики как самостоятельного объекта исследования (см. работу А.И. Хаванского в настоящем издании). Обоснование культурно-хронологических позиций схожих памятников сопредельных территорий приводилось в ряде работ Е.Е. Кузьминой, Э.А. Федоровой-Давыдовой, В.В. Ткачева. Также необходимо обратить внимание на то, что погребальный обряд могильника Ушкаттинский I имеет ряд аналогий в таких некрополях, как Тасты-Бутак I, Купухта, Ишкиновка I-III, Новокумакский, Кожумебрды и др. Однако на фоне более чем 30 исследованных памятников кожумбердынской группы могильник Ушкаттинский I выделяется самыми крупными насыпями.

* Работа выполнена при поддержке гранта 2012-2014 гг. Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан «Рудные районы и археометаллургия Мугалжар: междисциплинарное исследование освоения меднорудных ресурсов региона в эпоху палеометалла».

** Автор выражает искреннюю благодарность В.В. Ткачеву, Л.Ю. Петровой, С.Ю. Гуцалову за возможность работы с неопубликованными материалами.

Гуцалов С.Ю. Отчет о раскопках могильника Ушкаттинский I в 2006 г. // Архив НИИЦ ОГТИ.

Гуцалов С.Ю. Отчет о раскопках могильника Ушкаттинский I в 2007 г. // Архив НИИЦ ОГТИ.

Петрова Л.Ю. Отчет. Раскопки могильника Ушкаттинский I в 2005 г. // Архив НИИЦ ОГТИ.

Ткачев В.В. К вопросу о памятниках кожумбердынского типа эпохи бронзы Уральско-Мугалжарского региона // РА. 2012. № 1.

КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА УШКАТТИНСКИЙ I*

В 2005-2010 гг. научно-исследовательский археологический центр Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета проводил раскопки могильника Ушкаттинский I**. Была получена представительная коллекция глиняной посуды (более 200 сосудов). Целью данной работы является исследование традиций населения, которое оставило этот могильник, в области формы и орнамента керамики. Формы сосудов изучались по методике автора (Ткачев, Хаванский, 2006), орнамент – по методике Ю.Б. Цетлина (2010).

Форма. Из 174 сосудов, у которых была установлена форма, 35% составляют горшковидные изделия с плавным переходом между туловом и плечом, однако при переходе от плеча к шейке фиксируется небольшой уступ (категория 1, группа 7). Довольно часто встречаются горшки с плавным профилем (24%) (категория 1, группа 6) и горшки с ребристым профилем, плечом или плечом-уступом вогнутой формы, которые находятся в месте максимального расширения тулова (22%) (категория 1, группа 4). Количественно небольшими, но яркими разновидностями глиняной посуды могильника Ушкаттинский I являются баночные стакановидные сосуды, которые украшены по всей поверхности, и неорнаментированные блюда. Нужно отметить, что горшки с плавным профилем, но с уступом при переходе от плеча к шейке в синташтинских и алакульских памятниках фактически не встречаются. Кроме того, на керамике этой группы шейка фиксируется как самостоятельная часть сосуда, имеющая высоту. На синташтинских и алакульских экземплярах шейка является местом перехода плеча в венчик, местом стыковки двух этих частей изделия. Таким образом, можно поставить вопрос о специфичности данной формы посуды для кожумбердынских керамических традиций.

Орнамент. На уровне элементов преобладают участки и зоны без орнамента (64%), часть сосудов не орнаментированы вообще. Довольно многочислен гладкий элемент (20%), остальные (в том числе гребенчатый) представлены незначительно. На уровне узоров используются всего пять видов: линейные, в виде лент, треугольные, ромбические, меандровидные. Наиболее многочисленны треугольные узоры (39%), а также линейные (25%) и меандровидные (19%). Последние зачастую исполнены наклонно (по косой сетке). Остальные узоры особой роли не играют. На уровне мотивов преобладают простые мотивы из элементов (78%), реже встречаются простые мотивы из узоров (20%). Сложные мотивы очень редки (менее 2%). Для композиционного построения всех сосудов горшечной формы (категория 1) характерны общие принципы: по венчику располагаются мотивы из элементов в виде горизонтальных линий, мотивы из треугольных или линейных узоров. Шейка и плечо обычно оставались без орнамента. Верх и максимальное расширение тулова часто украшены простыми мотивами из элементов в виде горизонтальных линий, присутствуют простые мотивы из треугольных и меандровидных узоров. Необходимо отметить, что меандровидные узоры встречаются только в верхней части тулова и никогда на других частях сосуда. Придонная часть обычно неорнаментирована.

Таблица 1. Коэффициенты сходства (КС) керамики могильника Ушкаттинский I с керамикой других памятников эпохи бронзы на уровне элементов орнамента.

	Синташта	Алакуль	Кожумберды
Танаберген II	67		
Жаман-Каргала I	71		
Ишкиновка II	67		
Новокумакский	69		
Кривое Озеро	65		
Каменный Амбар V	75		
Большекараганский	70		
Синташтинский грунтовой	73		
Синташтинский I	65		
Синташтинский II	67		
Синташтинский III	75		
Аркаим	71		
Синташтинское поселение	60		
Потаповский	72		
Бестамак	72		
Танаберген II		74	
Имангазы-Карасу		76	
Восточно-Курайли I		77	
Обилькин дуг (алакуль)		74	
Жаман-Каргала II		73	
Васильевка III		73	
Кривое Озеро		79	
Большекараганский		72	
Кулевчи VI		77	
Алакуль		78	
Петровка		74	
Тасты-Бутак			90
Среднее	69	75	90

численны треугольные узоры (39%), а также линейные (25%) и меандровидные (19%). Последние зачастую исполнены наклонно (по косой сетке). Остальные узоры особой роли не играют. На уровне мотивов преобладают простые мотивы из элементов (78%), реже встречаются простые мотивы из узоров (20%). Сложные мотивы очень редки (менее 2%). Для композиционного построения всех сосудов горшечной формы (категория 1) характерны общие принципы: по венчику располагаются мотивы из элементов в виде горизонтальных линий, мотивы из треугольных или линейных узоров. Шейка и плечо обычно оставались без орнамента. Верх и максимальное расширение тулова часто украшены простыми мотивами из элементов в виде горизонтальных линий, присутствуют простые мотивы из треугольных и меандровидных узоров. Необходимо отметить, что меандровидные узоры встречаются только в верхней части тулова и никогда на других частях сосуда. Придонная часть обычно неорнаментирована.

Культурная принадлежность. Могильник Ушкаттинский I находится на территории, которую традиционно связывают с кожумбердынской культурной группой или типом. Впервые подробная характеристика кожумбердынского типа памятников и их керамики была дана Е.Е. Кузьминой (1969).

Рассмотрим, насколько описание керамики кожумбердынского типа (Кузьмина, 2008. С. 252, 253) соответствует характеристике керамики могильника Ушкаттинский I.

Форма. Горшки I типа имеют **подчеркнутый уступ на плечике и максимальное расширение** тулова под венчиком. Это соответствует описанию горшков группы 4 категории I в данной работе. Горшки II типа уступа не имеют, бока сильно раздуты, дно небольшого диаметра. Это соответствует описанию горшков группы 6 категории I в данной работе. Горшки III типа имеют уступчик на плечике, но максимальное расширение находится не под уступом, а на середине высоты сосуда. Это соответствует описанию горшков группы 7 категории I в данной работе.

Орнамент. Наличие узоров в виде треугольников, зигзагов (линейных узоров в данной работе), меандров характерно для кожумбердынской керамики (Кузьмина, 2008. С. 251-254). Отмечается редкость ромбических узоров. Традиционным для кожумбердынской посуды является нанесение орнамента по косой сетке. Таким образом, мы видим, что кожумбердынская керамика по характеристикам формы и орнамента вполне соответствует керамике могильника Ушкаттинский I.

Наглядное представление о сходстве и различии керамических традиций населения, оставившего могильник Ушкаттинский I, и других культурных образований эпохи бронзы дает таблица 1. Здесь представлены коэффициенты сходства (КС) по *элементам орнамента*. Так, с синташтинскими материалами КС ушкаттинской посуды невелик и составляет от 65 до 75% (в среднем 69%). С алакульскими памятниками КС выше – от 72 до 79% (в среднем 75%). Однако максимальный КС наблюдается с керамикой могильника кожумбердынского типа Тасты-Бутак I – 90% сходства по элементам орнамента. Это еще раз подтверждает принадлежность Ушкаттинского I могильника к кожумбердынскому культурному типу.

* Работа подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан № 1392/ГФ2 «Рудные районы и археометаллургия Мугалжар: междисциплинарное исследование освоения меднорудных ресурсов региона в эпоху палеометалла».

** Автор выражает искреннюю благодарность В.В. Ткачеву, Л.Ю. Петровой, С.Ю. Гуцалову за возможность работы с неопубликованными материалами.

Кузьмина Е.Е. Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. 1969. Вып. 115.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара, 2006.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.

И.А. Файзуллин

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Ildar-1988@mail.ru*

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БЫТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

Жилые и хозяйственные сооружения – неотъемлемый компонент традиционной материальной культуры, тесно связанный с различными сторонами жизни древних обществ. В то же время он непосредственно отражает природно-климатические условия, а также является источником изучения традиций и новаций в хозяйственной деятельности человека (Воробьева, 2007. С. 3).

На территории Западного Оренбуржья стационарными раскопками было исследовано 13 поселений, из них только на 6 были обнаружены постройки: Кузьминковское II, Родниково, Покровское, Токское, Ивановское и Горное.

По своим функциям постройки разделяются на жилые и хозяйственные. Классификация их по функциональной принадлежности была предложена В.А. Лопатиным на материалах Поволжья (Лопатин, 1992. С. 55-74), В.С. Горбуновым на материалах Башкирии (Горбунов, 1992. С. 81-91) и О.А. Халяпиной на материалах Оренбуржья (Халяпина, 2000. С. 84-91).

К *производственным* относятся сооружения Токского и Горного поселений, где зафиксированы следы металлургического производства. Здесь в большом количестве обнаружены куски медной руды, медные шлаки, оплавленные камни песчаника. Рядом с каменной кладкой колодца

были найдены две каменные ванны. Одна из них представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Аналогичные находки были сделаны на поселениях металлургов эпохи бронзы в Донбассе и на Кавказе. Обычно они интерпретируются как ванны для промывки и обогащения медной руды. Следы металлургической деятельности в виде кусков руды, шлаков, сплесков, капелек и слитков меди, литейных форм, а также бронзовых орудий обнаружены более чем на 15 поселениях позднего бронзового века Западного Оренбуржья.

Особо выделяется «жилищно-производственный комплекс» поселения Горного (Черных, 1996). Он состоял из пяти частей: жилое помещение, плавильный двор, рудный двор, сакральная штольня и яма для свалки отходов. Жилище, плавильный и рудный дворы были, по существу, соединенными между собой отсеками. Весь комплекс был углублен в глинистый грунт на 1-1,5 м, т.е. представлял собой огромную полуземлянку. Жилое помещение размерами около 12 x 9,5 м занимало центральное место и по ряду признаков выделялось среди иных частей комплекса. Его отличал хорошо сохранившийся, утопанный, ровный земляной (глинистый) пол. Другим признаком жилого долговременного помещения была массивная кровля: ивовый плетень, обмазанный относительно толстым слоем глины. Плавильный двор вплотную примыкал к жилищу с запада.

Производственным сооружением является глиняная платформа – в какой-то мере уникальное для срубной культуры глинобитное сооружение, служившее базой для двух очагов или печей для обработки металла достаточно простой конструкции. Основу платформы составляет массивная насыпь плотной глины мощностью до 1 м.

К *жилищно-хозяйственным* относятся две постройки на II Кузьминковском и Покровском поселениях. Этот тип включает самые большие по площади сооружения. Они, как правило, разделены на две части: жилая часть, из которой происходит вещевой материал, и хозяйственная часть, в которой находились хозяйственные ямы. В обеих постройках зафиксированы столбовые ямки, которые располагались в основном в жилой части, по периметру помещения и в центре. Вероятно, здесь была каркасно-столбовая конструкция с двускатной крышей. Хозяйственная часть, по-видимому, имела легкую каркасную конструкцию, следы которой не сохранились. Вдоль стен обеих построек прослеживалась полоса золистого грунта (на Покровском поселении – вдоль западной стенки; на II Кузьминковском – по периметру жилой части постройки).

Сложным остается вопрос о функциональном назначении бесстолбовых строений. Их на поселениях Западного Оренбуржья пять: по два на Родниковом (рис. 1, 1) и Ивановском, а также на Покровском. Как правило, они не имеют мощных очагов, на дне котлованов не фиксируются столбовые ямки, что свидетельствует, вероятно, о легкой каркасной конструкции стен данных построек. В них располагаются от трех до шести хозяйственных ям, в том числе глубокие ямы-колодцы (рис. 1, 2), которые имеются в каждой постройке независимо от ее функционального назначения.

О.А. Халяпина считает данные строения хозяйственными (2000. С. 84-91), но однозначно решить вопрос об их назначении затруднительно, поскольку многочисленные аналогии им интерпретируются как легкие жилые сооружения. На территории Казахстана это постройки на поселениях Петровка II (Зданович, 1988. С. 36, 37), Атасу (Кадырбаев, 1983. С. 134-142). В Башкирском Зауралье известны жилища без столбовых конструкций на I Береговском, Тавлыкаевском поселениях (Горбунов, 1989. С. 62-80).

Происхождение такого типа жилища связано с эволюцией монументального дома – землянки. Появление подобных строений в эпоху поздней бронзы связано с началом перехода к более подвижному типу ведения скотоводства. Изобретение легкого каркасного жилища, по мнению Е.Е. Кузьминой, явилось важнейшей новацией в культуре Евразийских степей и обеспечило возможность перехода к кочевому скотоводству (1994. С. 100).

Предложенная классификация построек, на наш взгляд, отражает строительные традиции территории Южного Урала в эпоху поздней бронзы. Существование же строений, различных по функциональной принадлежности, доказывает наличие в это время специализации хозяйственной деятельности.

Воробьева Е.Е. Домостроительство Марийского Поволжья (эпоха бронзы). Йошкар-Ола, 2007.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Лопатин В.А. Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

- Халяпина О.А. Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Черных Е.Н. Каргалинский горно-металлургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Уфа, 1996.

Т.В. Морозова

Костанайский государственный университет, spirite.kt@mail.ru

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК)

В археологической науке погребальный обряд является объектом теоретических и практических исследований, направленных на реконструкцию социально-экономических и мировоззренческих особенностей развития древних обществ. Очевидно, что анализ погребального обряда должен заключаться не только в изучении материала, полученного в ходе археологического исследования, но и в изучении действий, составляющих часть погребальной церемонии.

В настоящей работе рассматриваются количество и расположение керамических сосудов в погребениях синташтинско-петровского времени могильника Бестамак в Северном Казахстане. Могильник исследовался в течение десяти полевых сезонов в 1991–1993, 1997, 2002, 2003 и 2005–2008 гг. Тургайской археологической экспедицией под руководством В.Н. Логвина, А.В. Логвина и С.С. Калиевой.

К анализу привлечены 39 погребений (Логвин, 2002; Калиева, Логвин, 2008; Логвин А., Шевнина, 2008; 2011), для которых учитывались количество погребенных в могильной яме индивидов, их пол и возраст, степень богатства/бедности захоронения, месторасположение сосуда в погребении.

В целом статистика показывает, что количество сосудов в одиночных, парных и тройных захоронениях примерно одинаковое – не более 8 экземпляров. Исключение составляет одно тройное погребение, в котором обнаружено 15 сосудов. Причем рядом с двумя сохранившимися человеческими скелетами зафиксировано по одному сосуду, а остальные 13 располагались между костяками жертвенных лошадей и у их голов (Калиева, Логвин, 2012. С. 78).

Сложно определить, предназначались ли сосуды в могиле для погребенного или выполняли в ритуале другие функции. От функций сосуда в обряде могло зависеть его расположение: около умершего или в стороне от него, в углах и вдоль стенок ям, в комплексе с другим инвентарем и т.д. В 23 погребениях сосуды располагались вблизи стенок и углов могильных ям. Они ставились в северо-западный угол или вдоль западной стенки ямы (46,2% и 43,6% погребений соответственно), у южной стенки (30,8%), в юго-западный угол или у северной стенки (23,1%), редко вдоль восточной стенки (7,7%) или в северо-восточный угол (5,1%).

Только в 19 погребениях сосуды зафиксированы непосредственно рядом с умершими. Они ставились в головах погребенных (Калиева, Логвин, 2008. Рис. 5, 1; 10, 1; 15, 2; 17, 1; 19, 1; Логвин, Шевнина, 2011. Рис. 3, 1), в ногах (Калиева, Логвин, 2008. Рис. 5, 1; 40, 2), за спиной, в области лопаток (Калиева, Логвин, 2008. Рис. 14, 1; 15, 2), перед лицом (Калиева, Логвин, 2008. Рис. 19, 1), в области таза (Калиева, Логвин, 2012. Рис. 1, 1). С мужчинами ставили 1-3 сосуда, с женщинами – 1-4, с детьми – 1-3, в двух случаях сосуды располагались на перекрытии детского погребения. Конечно, есть и исключения. Например, в тройном захоронении вблизи женского скелета было поставлено два сосуда, у мужского – три, а рядом со скелетом ребенка сосуда не было (Калиева, Логвин 2008. Рис. 19, 1). В головах сосуды помещались у семи мужчин и шести женщин, за спиной – у трех женщин и одного мужчины. Перед лицом и в области таза сосуды зафиксированы только в мужских погребениях (три и один погребенный соответственно). Сосуды у ног располагались как в мужских, так и в женских захоронениях. Поставленные у головы и перед лицом умершего, они могли быть «принадлежностью погребенного, снабженного едой или питьем», а размещенные у ног – свидетельствовать «о предназначении хотя бы части “пищи” не покойнику, а богам» (Шилов, 1995. С. 415).

По количеству и разнообразию сопровождающего инвентаря можно выделить 31 богатое захоронение (содержавшее большое количество бронзовых изделий, украшений или жертвенных животных), число сосудов в которых достигает восьми. Объективно бедных захоронений семь. Количество сосудов в них не превышает трех. Вместе с тем делать выводы о социально-экономическом статусе погребенных на основании только количества сосудов неправомерно. Известны

очень богатые погребения, содержавшие всего один сосуд, а в бедном захоронении с одним сосудом на высокий статус умершего указывал такой атрибут власти, как булава (Калиева, Логвин, 2008. С. 57).

В пользу многофункциональности сосудов в погребальном обряде свидетельствуют такие способы их размещения, как положение «на боку» (Логвин, Шевнина, 2005. С. 258), постановка одного сосуда в другой (Калиева, Логвин, 2008. С. 40) или переворачивание вверх дном. Сосуд в положении дном кверху зафиксирован в мужском погребении (Калиева, Логвин, 2008. С. 48). Кроме того, в сосудах мог находиться другой инвентарь (бронзовые изделия, кусочки руды, камешки) (Калиева, Логвин, 2008. С. 48). Все это говорит об отсутствии в сосудах в момент захоронения пищи или питья. Некоторые исследователи считают, что сосуд, перевернутый вверх дном, мог указывать на особую категорию людей с магическими способностями, выступать как магический оберег (Усманова, 2005. С. 104), вместилище души погребенного (Шилов, 1995. С. 418).

Таким образом, анализ распределения керамического материала в погребениях показывает незначительное влияние пола и возраста, социального статуса захороненных на количество сосудов в инвентаре. Напротив, способ помещения сосудов в могильную яму представляется наиболее перспективным направлением анализа керамического материала в контексте изучения погребального обряда эпохи бронзы.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. № 9. Тюмень, 2008.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтино-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы, 2011.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005.

Шилов Ю. Прародина ариев. Киев, 1995.

Logvin V.N. The Cemetery of Bestamak and the Structure of the Community // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Washington, 2002.

Т.Н. Лошакова

Институт археологии им. А. Маргулана, Алматы, loshakovat@mail.ru

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО УСТЮРТА

На крайнем северо-западе Центральной Азии расположено пустынное плато Устюрт. Удаленность от транспортных артерий и суровые климатические условия края сформировали представление о нем как о мрачной, почти непроходимой пустыне. Его сравнительно редко посещали научные экспедиции, лишь во второй половине XX в. научные исследования здесь активизировались. В результате на археологическую карту Казахстана были нанесены многочисленные памятники – стоянки, поселения, курганы, храмы-святилища, караван-сарай и городища, которые датируются от каменного века до позднего средневековья. Тогда же были обнаружены поселения эпохи бронзы Токсанбай, Айтман, Манайсор I-III, расположенные в северо-восточной части плато (Самашев и др., 2001), относящиеся ко второй половине III – первой половине II тыс. до н.э.

Все открытые поселения, за исключением Манайсор III, **расположены на мысовидных выступах** края чинка, который окаймляет соры Шомиштыколь и Манайсор. Под действием природно-климатических процессов постепенно произошло отделение мысов чинка от массива плато, что превратило их в самостоятельные останцы. При выборе места расположения поселений древним населением учитывались обеспеченность участка пресной водой (родники отмечены у подножия останцов) и наличие пологого спуска с плато, что облегчало передвижение не только людям, но и диким животным. Последнее позволяло охотиться вблизи поселения, на местах водопоя и ведущих к ним тропах. Большую роль играл хороший обзор прилегающей местности, что давало преимущество в случае нападения.

На всех перечисленных устюртских поселениях имеются комплексы токсанбайского культурно-исторического типа. Сконцентрированные на малой площади, поселения представляли собой места обитания охотничье-скотоводческих племен. В остеологическом материале превалирует охотничье-промысловая фауна. Почвоведческие исследования с большой степенью вероят-

ности характеризуют биоклиматические условия периода существования поселений эпохи палеометалла как близкие к современным, отличающиеся высокой степенью аридности.

Развитые традиции каменного домостроения, фиксируемые на изучаемых памятниках, обусловлены общим уровнем хозяйственного развития населения, пришедшего на Устюрт. При организации жилого пространства учитывались климат, ландшафт, растительность, а также обеспеченность различными строительными материалами. (Самашев и др., 2004).

На поселениях отмечены многочисленные следы металлургического производства. Очень интересные данные были получены при обработке керамического материала (Шевнина, Лошакова, 2008). Культурные напластования поселения Токсанбай содержат керамические изделия, выполненные как в местной технологической традиции, так и обладающие признаками многочисленных иноэтничных влияний, привнесенных в результате миграционных волн. Многокомпонентный характер материалов памятника отражает сложность процессов, связанных с формированием древностей токсанбайского типа, и пришлый характер оставившего его (Самашев и др., 2010).

Подводя итог, можно отметить, что материалы поселения Токсанбай указывают на гетерогенный характер культуры его обитателей, демонстрирующих высокую степень адаптации к экстремальным природно-географическим условиям. Исследование поселений положило начало заполнению лакуны, существовавшей на этой территории в эпоху бронзы – время, когда пустынные и полупустынные области Восточного Прикаспия и Устюрта становились районом контактов мира степей и земледельческих цивилизаций Евразии.

Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла. Проблемы, поиски и раскопки // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Матер. Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.

Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.* Вып. 3. Уральск, 2004.

Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. К вопросу о культурной принадлежности домостроительных традициях на поселении Токсанбай // *Историко-культурное наследие Арало-Каспийского региона.* Матер. II междунар. научно-практич. конф. Актау, 2010.

Шевнина И.В., Лошакова Т.Н. Керамика из жилищ с поселения Токсанбай // *VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова.* Омск, 2008.

Г.А. Шарина

Музей археологии Ивановского государственного университета, galchupchik@list.ru

АБАШЕВСКАЯ КЕРАМИКА САХТЫШСКИХ СТОЯНОК ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ИЗ СОБРАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИВГУ)

Территория распространения абашевской культуры в целом охватывает лесостепную зону от Дона до Урала. На этой территории известны как могильники, так и поселения. Отдельные группы абашевского населения проникают на достаточно удаленные от основного ареала территории. Так, в Переславском р-не Ярославской обл. отмечен самый северный могильник рассматриваемой культуры – Кухмарский. Поселения ее так далеко от основного ареала неизвестны. Однако на ряде многослойных стоянок Волго-Окского междуречья встречается керамика эпохи бронзы, называемая обычно «абашевидной». Основной целью данной работы был анализ подобной керамики и выявление степени ее сходства с «классической» абашевской.

Изучению подверглись коллекции керамики из раскопок многослойных стоянок Сахтыш I, II (рис. 1), VIII (Ивановская обл.). Раскопки проводились во второй половине XX в. Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР (РАН) под руководством Д.А. Крайнова. Коллекции хранятся в археологическом музее Ивановского государственного университета. Керамика сильно фрагментирована. Представлены в основном обломки шеек и стенок сосудов. Исследование примесей производилось визуально. Основная примесь – мелкотолченая раковина, она отчетливо видна на сломе, а на поверхности сосудов прослеживаются ее следы в виде пустот.

В общей сложности было исследовано 90 фрагментов «абашевидных» сосудов различных форм. Из них 54 – шейки, 36 – стенки. Шейки сосудов встречены как прямые, так и с отгибом (отгиб от 10 до 45°). Высота шейки – от 2 до 4 см.

Орнаментация на сосудах состоит из следующих элементов: отпечатков мелкозубчатого штампа; отпечатков гладкого штампа и прочерченных линий; отпечатков веревочки; овальных и округлых ямчатых вдавлений (табл. 1). Наиболее распространенным элементом являются отпе-

Таблица 1. Соотношение элементов и мотивов орнамента на фрагментах керамики со стоянок Сахтыш I, II, VIII.

Элементы орнамента	Мотивы орнамента
Отпечатки мелкозубчатого штампа (41 экз.)	бахрома (22 экз.)
	волна (30 экз.)
	зигзаг (44 экз.)
	диагональные линии (4 экз.)
	горизонтальные ряды диагональных (29 экз.) и прямых насечек (13 экз.)
Отпечатки гладкого штампа (1 экз.)	вертикальные фестоны, сгруппированные по три (1 экз.)
Веревочный орнамент (13 экз.)	горизонтальные ряды отпечатков веревочки (13 экз.)
Ямочные вдавления(23 экз.)	горизонтальные ряды вдавлений(23 экз.)

Таблица 2. Соотношение мотивов орнамента на «классической» абашевской посуде и фрагментах керамики со стоянок Сахтыш I, II, VIII.

Материалы с поселений и погребений доноволжской абашевской культуры (по: Пряхин и др., 2001)		Материалы Сахтышских стоянок*	
Горизонтальные линии	68%	Горизонтальные линии	37%
Горизонтальные зигзаги	28%	Горизонтальный зигзаг	25%
Заштрихованные треугольники	19%	Волна	17%
Заштрихованный ромб	9%	Наклонные насечки	14%
Вертикальные линии	8%	Вертикальные насечки	7%
Горизонтальная елочка	6%	Вдавления	7%
Ямки	6%	Веревочка	7%
Волна	5%	Вертикальные линии	5%
Меандр	5%	Удлиненный треугольник	4%
Заштрихованный ромб	3%	Ромб	1%
Лесенка	2%	Вертикальная ключка	1%

* Некоторые процентные данные округлены до десятой части.

Рис. 1. Керамика стоянки Сахтыш II – 66.

чатки мелкозубчатого штампа (41 экз.). Ими выполнены такие мотивы, как: ряды горизонтальных линий (63 экз.); волна (30 экз.); зигзаг (44 экз.); горизонтальные ряды наклонных (29 экз.) и вертикальных насечек, выполненных мелкозубчатым штампом (13 экз.); бахрома (22 экз.); диагональные линии (4 экз.). Гладким штампом исполнены вертикальные фестоны, сгруппированные по три, спускающиеся от горизонтальной линии (1 экз.). На сосудах имеются мотивы, созданные с помощью веревочного орнамента, – горизонтальные ряды отпечатков веревочки (13 экз.). Ямчатыми вдавлениями были выполнены горизонтальные ряды вдавлений (23 экз.).

Сочетания элементов орнамента на одном сосуде встречались следующие: веревочный орнамент/мелкозубчатый штамп (7 экз.); мелкозубчатый штамп/вдавления (5 экз.); вдавления/прочерченные линии (1 экз.); прочерченные линии/мелкозубчатый штамп (1 экз.); мелкозубчатый штамп/вдавления/веревочный орнамент (1 экз.); веревочный орнамент/вдавления (1 экз.).

Интересна и орнаментация венчиков. 34 экземпляра орнаментированы по срезу. Наиболее часто они украшены наклонно расположенными отпечатками мелкозубчатого штампа (23 экз.). Гораздо реже – горизонтальными линиями, выполненными мелкозубчатым штампом (5 экз.), единичны отпечатки горизонтальной веревочки (3 экз.) и зигзаг (2 экз.).

Внутренняя поверхность 50 экз. керамических изделий имеет орнаментацию, хотя часто встречались фрагменты без орнамента (31 экз.). Мотивы орнамента выполнены мелкозубчатым штампом. Чаше встречаются такие мотивы орнамента, как: ряды горизонтальных линий (11 экз.); ряды вертикальных линий (6 экз.); волна (4 экз.); вертикальные насечки (8 экз.); зигзаг (8 экз.); рыба (6 экз.); бахрома (5 экз.); диагональные линии (1 экз.); крестообразный орнамент (2 экз.); вертикальная елочка (2 экз.); треугольник (1 экз.).

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что рассмотренная керамика имеет «классическую» абашевскую орнаментацию (по А.Д. Пряхину) (табл. 2). Подобная орнаментация характерна для средневолжского варианта «классической» абашевской культуры.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.

Д.С. Михайлов

Липецкий государственный педагогический университет, dsmikhailov@gmail.com

ПАМЯТНИКИ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Эпоха бронзы на территории Верхнего и Среднего Дона представлена целым рядом историко-культурных образований, одним из которых является выделенная в конце 80-х годов XX в. А.Д. Пряхиным и В.И. Бесединым воронежская культура (Беседин, 1988. С. 7).

В предлагаемой работе предпринята попытка сравнения ее комплексов на Среднем и Верхнем Дону с целью выявления их общих и отличительных черт. Для этого рассмотрены материалы таких среднедонских памятников, как Университетское, Чертовицкое, Сенное, Чижовское, а из верхнедонских – Курино-1, Буховое-9, Васильевский кордон 5, Ксизово-17, Замятино-10.

Следует отметить, что при выборе критериев для сравнения двух микрорегионов не учитывались погребения из-за небольшого количества известных памятников (15 захоронений) как на Среднем, так и на Верхнем Дону. Возможность сопоставления каменных, костяных и металлических изделий затруднена в связи с их слабой представленностью в Верхнем Подонье.

Для проведения сравнительного анализа были выбраны следующие критерии: топография поселений; особенности построек; технико-типологические особенности керамики.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы.

1. Для территории Среднего Дона характерно расположение большинства памятников воронежской культуры на высоких мысах, в то время как на Верхнем Дону они располагаются в поймах рек. Это может быть связано с благоприятной для носителей воронежских традиций политической обстановкой (Соболев, 1995).

2. Постройки по своим характеристикам практически одинаковы. Правда, на Верхнем Дону пока не зафиксированы большие сооружения и жилища с очагом, так как более 45 выявленных здесь памятников (стоянок) носили сезонный характер

3. Керамические комплексы воронежской культуры на Верхнем и Среднем Дону идентичны. В тесте сосудов имеется примесь мелкого песка, иногда ракушки и мелкого шамота. Практически

одинакова и орнаментация большей части посуды: фиксируется использование прочерченного орнамента, защитных композиций, которые, как правило, выступают в качестве разделителей зон на поверхности сосудов, оттисков шнура, валика и гребенчатого штампа. В то же время только на Верхнем Дону встречаются рамчатый и «личиный» штампы, спаренная гребенка, «встречные жемчужины», вдавления «тесьюмой», отпечатки перевитого шнура. Мы разделяем мнение, согласно которому наличие рамчатого штампа свидетельствует о влиянии на воронежское население племен иванобугорской культуры, а появление оттисков крупно- и мелкозубой гребенки, в том числе в спаренной композиции, «встречных жемчужин», отпечатков перевитого шнура, «личинок», оттисков «тесьюмы» произошло под воздействием катакомбной традиции. Кроме того, важно отметить наличие в тесте некоторых горшков воронежской культуры Верхнего Подонья примеси охристой крошки и органики, что существенно отличает ее от аналогичной посуды из среднедонской лесостепи и также может быть результатом влияния носителей катакомбных традиций.

Таким образом, проведенное сравнение позволяет говорить о близости материалов воронежской культуры на Верхнем и Среднем Дону и считать памятники этих регионов единым культурным явлением.

Беседин В.И. Воронежская культура эпохи средней бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1988.
Соболев С.В. Памятники воронежской культуры на Верхнем Дону // Тез. научно-краеведч. конф., посвящ. основателю ЛОКМ Трунову М.П. Липецк, 1995.

А.П. Никитин

Воронежский государственный университет, Birjuk1992@yandex.ru

ОРНАМЕНТАЦИЯ ПСАЛИЕВ СТАРОЮРЬЕВСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

История изучения орнамента щитковых псалиев связана с открытием (Пряхин, 1972) и исследованием псалиев староюрьевского типа (Пряхин, Беседин, 1992; 1998; Беседин, 1996; 1999; Гончарова, 1999; Матвеев, 2005; Усачук, 2008), попытками расшифровки их символики (Пряхин, Беседин, 2001), изучением техники нанесения орнамента (Усачук, 1998; 1999; 2007) и логики его построения (Черленок, 2010).

Накопленный материал позволяет рассмотреть орнаментацию псалиев староюрьевского типа с позиций разделения орнамента на различные мотивы и композиции.

К исследованию привлечены 14 комплексов, в которых присутствуют орнаментированные фрагменты деталей конской упряжи: 19 орнаментированных псалиев, 4 фрагмента таких же псалиев, 55 орнаментированных шипов (отдельные находки или в комплекте со щитками).

Необходимо отметить, что индивидуальные особенности почерка различных мастеров заставили опустить при анализе ряд мелких технических деталей орнаментации. К сожалению, плохая сохранность псалиев зачастую затрудняла работу.

Системный подход к изучению орнамента псалиев позволяет проанализировать соподчиненность его элементов в рамках целого. При этом в структуре орнамента выделяются следующие уровни: элемент, мотив, композиция. Это дает возможность построить модель орнаментации псалия, а также выявить закономерности расположения декора и выбора его мотива.

По классификации Е.А. Черленка, мотивы орнаментации щитковых псалиев объединяются в шесть групп. Следует, однако, отметить, что Е.А. Черленок не учел еще одну группу орнаментов – вокруг отверстия для шипа. Выделение каждой группы обусловлено спецификой орнамента, нанесенного в определенной части псалия.

Группа I. Орнаментация под планкой. В эту группу входят 10 псалиев из 6 комплексов. Отмечены 4 мотива: прямые лучи, окантованные; V-образные фигуры, «птички»; микенская волна; уголки.

Группа II. Орнаментация по краю щитковых псалиев. К этой группе относятся 21 псалий из 10 комплексов. Зафиксировано 7 мотивов: «змейка», образованная двумя рядами треугольников; «песочные часы» или ромбы, образованные двумя рядами треугольников, направленных вершинами друг к другу; «точка в ромбе»; треугольники; треугольники с лучами; треугольники с косым лучами; прямая с точками.

Группа III. Торцевой орнамент. В этой группе входят три псалия. Используемые мотивы – треугольники с точками; «змейка»; «точка между песочными часами».

Группа IV. Орнаментация вокруг центрального отверстия. В отличие от предыдущих, в данном случае рассматриваются не мотивы, а уже оформленная самостоятельная композиция,

являющаяся, в свою очередь, частью композиции псалия. К группе отнесены 11 псалиев. Выделяются 4 композиции, состоящие в абсолютном большинстве из солярных символов: солярный знак с закругленными лучами; солярный знак с прямыми лучами; серия из V-образных фигур, «птичек»; шестиконечная звезда.

Группа V. Орнаментация вокруг отверстия для шипа. В эту группу входят две композиции (округлые лучи; прямые лучи), зафиксированные на трех псалиях. В основе композиций здесь также лежат солярные символы.

Группа VI. Орнаментация шипов псалия. Выделены 11 композиций: расширенный на концах крест с окантовкой и квадратом в центре; «змейка»; «микенское солнце»; клинчатый расширенный крест из точек; круги; шаровидный крест; крест с точками; равносторонний крест; расширенный на концах крест; крест из полуфестонов; «солнышко» и микенская волна. Учтено 55 шипов, найденных как отдельно, так и вместе с псалиями.

Связывают группы между собой такие мотивы, как V-образная фигура и «змейка». Кроме того, в разных группах представлены схожие солярные символы и микенская орнаментация.

Картографирование и корреляционный анализ позволили увидеть некую закономерность: схожесть в орнаментации наиболее южных (Кондрашкинский, Красный 1) и наиболее северных (Пичаевский, Староюрьевский) находок. Расстояние между ними – 240-280 км.

Ряд мотивов и орнаментальных композиций, отмеченных на псалиях, нашли отображение в керамической серии доно-волжской абашевской культуры, а также среди предшествующих и последующих материалов. Вопрос этот, однако, требует отдельного рассмотрения.

Можно предположить, что некоторые орнаментальные особенности были заимствованы в инокультурной (катакомбной?) среде. Удалось выделить элементы абашевского этнического орнамента, а также детали орнаментации, используемой в срубное время.

Беседин В.И. «Микенские» орнаменты в Восточной Европе // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Матер. междунар. конф. Ч. I. Донецк, 1996.

Беседин В.И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

Гончарова Ю.В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // *Stratum plus*. № 2. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. 2005. № 3.

Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. № 3.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // *Studia minora facultatis philosophicae Universitatis Brunensis*. E37. Brno, 1992.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. № 3.

Усачук А.Н. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Усачук А.Н. Результаты трасологического изучения щитковых и желобчатых псалиев // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. СПб., 1999.

Усачук А.М. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2007.

Усачук А.Н. История изучения древнейших псалиев эпохи бронзы степи–лесостепи Евразии // Из истории отечественной археологии. Вып. 1. Воронеж, 2008.

Черленок Е.А. Орнамент на сегментовидных и подпрямоугольных псалиях покровской и потаповской культуры // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.

О.Н. Загородняя

*Донбасский государственный технический университет,
Алчевск, olgaza@ukr.net*

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ОРУДИЙ ИЗ КОСТИ КАРТАМЫША (ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ)

Многолетние исследования памятников Картамышского археологического микрорайона эпохи поздней бронзы в Донбассе позволили выявить представительную серию свидетельств, связанных со всеми этапами металлопроизводства – от добычи руды до металлообработки. В 2001-2008 гг. археологами совместной украинско-российской экспедиции осуществлялись рас-

копки техногенного участка рудника Червоноэ озеро-I (Бровендер, 2008). Его можно охарактеризовать как памятник с выраженной производственной специализацией, в пределах которого осуществлялось обогащение медной руды. Общая исследованная площадь составила 210 кв. м. Полученный материал относится к бережновско-маевской срубной культуре.

Коллекция изделий из кости, происходящих из раскопок Червоного озера-I, составляет 402 экз., в том числе из ребер животных – 322 экз., лопаток – 51 экз., трубчатой кости – 9 экз., челюсти – 4 экз. Трасологическое изучение костяных орудий (15 экз.) было начато В.В. Килейниковым. Изготовленные из ребер и лопаток животных орудия труда были интерпретированы как рудодобывающие копалки и землекопные совки (Килейников, 1997). Заключение В.В. Килейникова были дополнены В.Б. Панковским, осуществившим технологический и функциональный анализ изделий из кости из раскопок 2002 г. Поскольку следы сработанности на орудиях из ребер отличались от следов копания, он предположил возможность их использования в ходе скобления медистого песчаника с целью извлечения руды, т.е. в качестве горно-обогачительных (Панковский, 2005).

Исследования коллекции орудий из кости Червоного озера-I были продолжены автором (Загородная, 2011). Материал изучался с позиций комплексного анализа, включающего технико-морфологический, трасологический и экспериментальный методы. Для характеристики коллекции использовалась технологическая система описания А.П. Бородавского. Исходя из структурных различий материала, из которого изготовлены орудия, были выделены следующие сырьевые группы: 1) длинные изогнутые кости – ребра; 2) пластинчатые кости – лопатки, таз, ветви нижних челюстей; 3) трубчатые кости; 4) короткие кости (Бородавский, 1997. С. 37).

Последовательность функционального анализа включала визуальное изучение орудий на предмет выявления технологических следов, изучение орудий с использованием небольших увеличений (x7, x14, x28) с помощью МБС-10, изучение орудий с помощью металлографического микроскопа при значительных увеличениях (x100, x200, x500) и микрофотографирование выразительных участков сработанности.

Способы изготовления орудий из ребер достаточно просты. Естественная форма ребра, являвшегося легко приспособляемым материалом и использовавшегося в различных видах хозяйственной деятельности, часто не требовала дополнительной подработки. Исходя из различий расположения рабочих поверхностей, были выделены: 1) орудия с одним рабочим краем на вентральном либо дорсальном конце ребра; 2) орудия с двумя рабочими краями.

Форма рабочего края и характер сработанности для данного типа орудий довольно устойчивы. Следы утилизации в большей степени фиксируются на торце, каудальном и краниальном краях: перпендикулярные либо расположенные под углом к линии кромки линейные следы в виде поверхностных царапин. Подобный износ мог возникнуть от абразивного воздействия мелкодисперсного материала на кость. Округлость кромки и наличие яркой заполировки, проникающей по всему рельефу поверхности, указывает на контакт с мягким эластичным материалом, вероятно, кожей. Отметим, что аналогичные следы прослежены и на поверхностях большинства орудий из лопаток, трубчатой кости и фрагментов челюсти. Формирование подобной заполировки на костяных орудиях в процессе обработки шкур подтверждено результатами экспериментально-трасологических исследований (Семенов, 1968).

С целью верификации функций археологических орудий из кости в полевых условиях были выполнены эксперименты с применением аналогичных реплик в различных операциях: проходка горной породы – аргиллита; взрыхление слоя перетертого медистого песчаника; размешивание дробленной мелкой фракции медной руды в кожаной емкости в воде.

Полученные на орудиях следы износа были изучены трасологически. Сопоставление микропризнаков сработанности на поверхностях экспериментальных орудий из ребер и археологических артефактов позволило их идентифицировать. Итак, орудия из ребер имеют отношение к окончательному этапу обогащения руды – флотации: ими производилось размешивание перетертой рудной массы в кожаных емкостях с водой. Не противоречат этому выводу выявленные на территории памятника отходы производства в виде мощного слоя перетертого медистого песчаника, а также преобладание в коллекции каменных орудий горно-обогачительного цикла. Данные, полученные в результате экспериментов по проходке горной породы, опровергли существующую точку зрения о применении орудий из ребер в качестве рудодобывающих копалок. Трасологические наблюдения показали совершенно иной вид сработанности рабочего края (как на макро-, так и микроуровне), свойственный землекопным орудиям.

Бородавский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 1997.

- Бровендер Ю.М.* Итоги раскопок техногенного участка на Картамышском рудопроявлении // Древности 2006 – 2008. Харьков, 2008.
- Загородняя О.Н.* Экспериментально-трасологические исследования орудий металлопроизводства: история и перспективы // Донецкий археологический сборник. № 15. Донецк, 2011.
- Килейников В.В.* Костяные орудия труда с рудника Червонэ озеро Картамышского рудопроявления // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, 1997.
- Панковський В.Б.* Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного озера-I // Проблеми гірничої археології: Матер. II Міжнародн. Картамиського польового археологіч. семінару. Алчевськ, 2005.
- Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. М.; Л., 1968.

Ш.Н. Наджафов

*Институт Археологии и Этнографии НАН Азербайджана, Баку,
shamil_necefov@mail.ru*

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ПОСЕЛЕНИИ САРВАНТЕПЕ В 2010-2012 ГОДАХ.

Однослойное поселение Сарвантепе расположено на территории села Чайлы Казахского района и относится к позднему бронзовому – раннему железному векам (конец II – начало I тыс. до н.э.). Раскоп площадью 200 кв. м находится в северной части памятника, с северо-западной стороны холма. Он был разделен на восемь квадратов размерами 5 x 5 м каждый.

Открытые на памятнике археологические объекты представляют собой в основном остатки фундаментов жилых помещений и хозяйственных построек, хранилищ. В качестве строительного материала использовались булыжники, глина и сырцовые кирпичи с растительной смесью. Полы помещений были обмазаны специальным раствором с примесью гажы.

Обнаруженная на памятнике гончарная печь свидетельствует о широком распространении среди местного населения гончарной керамики. Стенки печи сооружены из обожженного кирпича красного цвета. На северной и южной сторонах печи имеются отверстия для продувки воздуха. Кроме того, от этих отверстий к камере печи были проведены глиняные сопла в форме трубы.

Хозяйственные ямы разнообразны по форме. В пределах раскопа в общей сложности было обнаружено 25 хозяйственных ям. Это свидетельствует о том, что выбранный для исследования участок представлял собою хозяйственную часть поселения. Все ямы были впущены с верхней части культурного слоя.

Наиболее частыми находками являются каменные изделия. К ним относятся верхние и нижние части зернотерок (большей частью – ладьевидной формы), терочки, ступы и пестики, оселки, каменные сосуды, молотильные орудия. Режущие орудия из обсидиана встречаются очень редко.

Многочисленные фрагменты керамики представлены в основном остатками толстостенных хозяйственных кувшинов, мисок, кувшинов, чаш, горшков. Вся посуда делится на две группы.

К первой группе относится бытовая керамика, состоящая в основном из глиняных сосудов черного и темно-серого цвета, изготовленных на гончарном кругу. Сосуды такого типа характерны для Ходжалы-Кедабекской археологической культуры. Ареал этой культуры довольно широк и охватывает все Центральное и Восточное Закавказье (Гусейнова, 1989. С. 10). Подобные сосуды широко представлены в памятниках бассейна оз. Гейча (Севан) в Армении и в Самтаврском могильнике в Грузии (Ломтатидзе, 1955. Табл. 5). В Азербайджане они встречены в Муганской степи, в Талышских горах, на Апшеронском полуострове и в других местах. Поверхность этих сосудов хорошо залощена и сглажена, в большинстве случаев украшена вдавленными линиями и полосами, шнуровыми, колосовидными узорами и каннелюрами.

Аналоги обнаруженных на поселении Сарвантепе кувшинов, мисок, горшков и маслоек широко представлены на территории Азербайджана в памятниках Заямчайского, Шамкирчайского и Гянджачайского бассейнов, в Кабале, Казахе (Исмаилов, 1962), в могильнике Кушчу, на Сары-тепе (Халилов, 1960), в могильнике Казахбейли и в Мингечауре (Гусейнова, 1989. С. 53-62; Джафаров, 2000). На территории Армении и Грузии они известны в Триалети, Самтавро, Тейшебаини, Головино, Хртаноце (Ломтатидзе, 1955).

Вторая группа керамики поселения Сарвантепе представлена немногочисленными фрагментами грубых лепных мисок, котлов, кувшинов и крынки (Наджафов, 2011).

Среди керамических изделий отмечены также фрагменты предположительно глиняных пряслиц. Наряду с глиняными встречались пряслица костяные.

Наибольший интерес вызывают многочисленные находки печатей, изготовленных из глины. Они имеют различную форму и все оригинальны в плане орнаментации. Такие печати характерны для поселений Гянджа-Казахской зоны в период поздней бронзы – раннего железа (Казиев, 1962. С. 140-167; Наджафов, 2012. С. 91, 92). Большинство Сарвантепинских печатей изготовлено из серой глины и хорошо обожжено. Для них характерен свастиковидный и сложный декор.

Обнаруженные на поселении бусы изготовлены из агата и стеклянной пасты. Подобные бусы в массовом количестве встречаются на памятниках Карабаха – Довшанлы (курган № 1), Гарабулаг

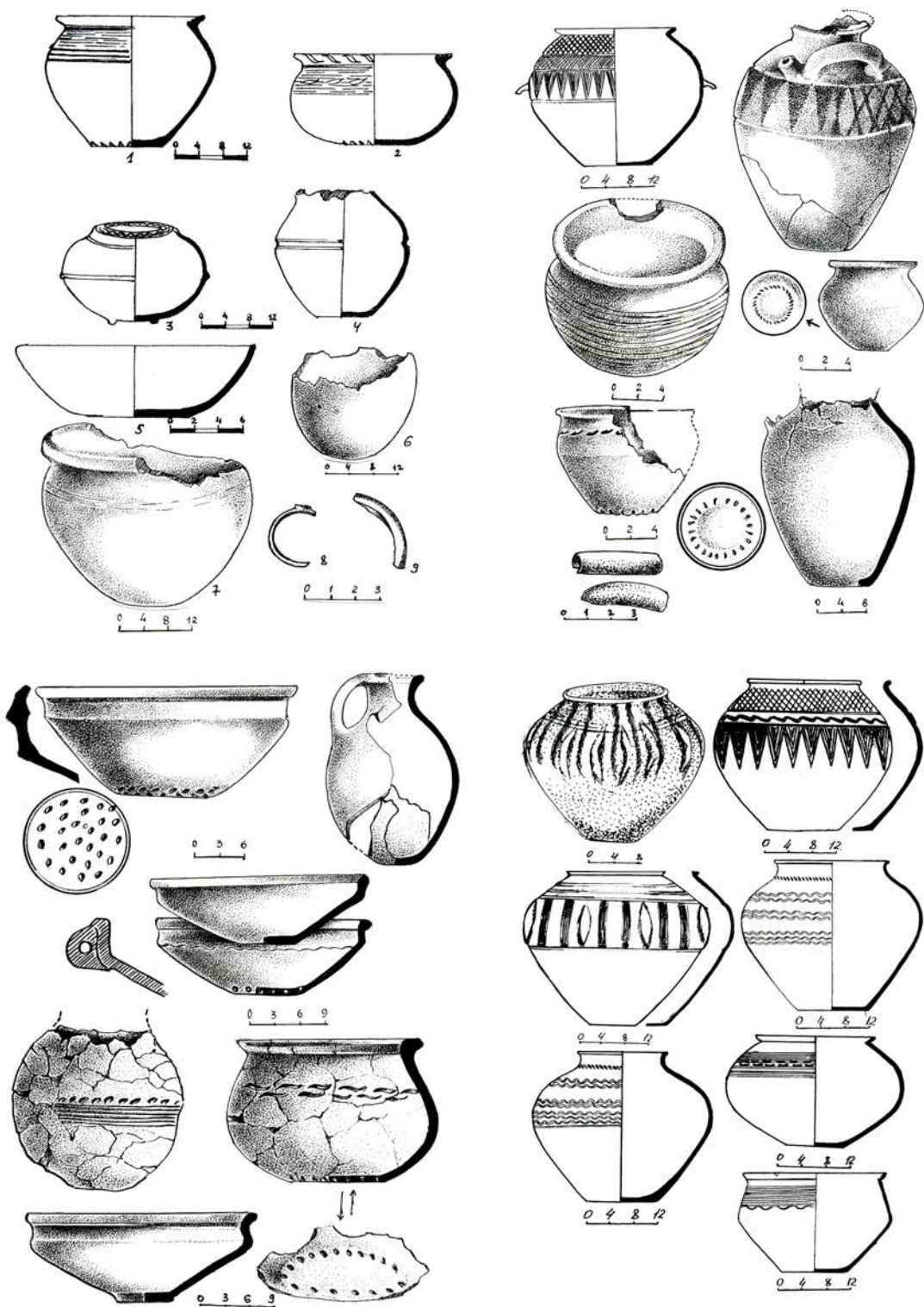

Рис. 1. Археологические материалы поселения Сарвантепе.

и Шуша, в Мингечауре, на реке Гянджачай, в селе Хачбулаг (Джафаров, 2000. С. 81), на Заямчайском некрополе.

Во время раскопок были найдены также изготовленные из металла предметы вооружения (железный наконечник стрелы, бронзовый наконечник копья и др.) и орудия труда (игла, шило).

Археологические материалы поселения Сарвантепе аналогичны находкам на памятниках периода поздней бронзы и раннего железа с территории Казахского района, таким, как поселения Казахбейли, Молламей-тепеси, Шыхлы I, Шыхлы II, Чайлы, Орта Салахлы (Халилов, 1960). Комплекс материалов Сарвантепинского поселения позволяет датировать его XIII-IX вв. до н.э.

Гусейнова М.А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV-IX вв. до н.э.). Баку, 1989.

Джафаров Г.Ф. Азербайджан в конце IV – начале I тысячелетия до н.э. Баку, 2000 (на азерб. языке).

Исмаилов Г.С. Разведочно-археологические работы в Казахском районе // ДАН Азерб. ССР. 1962. № 1.

Казиев С.М. Об археологических и исторических памятниках в Казахском и Акстафинском районах (1957 г.) // МКА. Т. IV. Баку, 1962 (на азерб. языке).

Ломтатидзе Г.А. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси, 1955.

Наджафов Ш.Н. Археологические раскопки на поселении Сарвантепе (Рустепе) в 2009-2010 гг. // История и ее проблемы. № 2. Баку, 2011.

Наджафов Ш.Н. Краткие сведения об археологических раскопках в древнем поселении Ястытепе (2010-2011 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура, сентябрь 2012 г. № 7 (49) 1. М., 2012.

Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С. Акстафачайское поселение близ г. Казаха // СА. 1962. № 4.

Халилов Дж.А. Поселение на холме Сарытепе // СА. 1960. № 4.

М.А. Сырбу

*Национальный музей археологии и истории Молдовы, Кишинев,
sirbumary24@yahoo.com*

ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ: КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС НОУА-САБАТИНОВКА

В лесостепной зоне Пруто-Днестровского междуречья на сегодняшний день известно около 250 поселений культуры Ноуа, а в степной зоне – около 150 поселений культуры Сабатиновка. В северо-западной части рассматриваемого региона – от среднего течения Днестра до прикарпатской зоны современной Украины – выявлено около 30 памятников культуры Ноуа (Крушельницка, 2006. С. 4. Рис. 1), а в более широкой степной зоне – от Днепра до Дуная – известно около 1000 памятников с материалами культуры Сабатиновка (Черняков, 1985. С. 24, 25, 48. Рис. 4; 13).

Такие памятники, как правило, расположены на открытых пространствах (реже – на высоких террасах), вблизи или вдоль больших и малых рек. Картирование поселений Ноуа-Сабатиновка показывает, что они известны только в тех областях, геоклиматические условия которых были благоприятны для выпаса скота – в степи и, частично, лесостепи, в основном вблизи источников питьевой воды (Sava, 2004. Р. 74). Большинство поселений типа Ноуа-Сабатиновка характеризуются «зольниками». Они встречаются не только на памятниках культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка, но известны и в других культурах – белогрудовской, чернолесской и, частично, в культуре Белозерка. «Зольники» отмечены и на некоторых поселениях последующего скифского периода, где интерпретируются как объекты, имеющие сакральное значение (культ огня и очага), а также в культуре Сынтана де Муреш-Черняхов.

Уже в начальный период изучения позднего бронзового века в очерченном регионе инфраструктура поселений и экономическая система общин культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка находились в сфере интересов исследователей. В настоящее время обсуждение данной проблемы ограничивается приведением стандартизированных данных, подтверждающих оседлый образ жизни этих общин, основанный на сельском хозяйстве и животноводстве. Однако анализ всех категорий материалов, специфичных для рассматриваемого культурного массива, доказывает присутствие полуседлого выпаса в экономике населения Ноуа-Сабатиновка.

Основные элементы среды обитания свидетельствуют о сезонном характере поселений интересующего нас культурного комплекса. Поселения существовали только до тех пор, пока была возможность выпастить скот и накапливать запасы кормов на зиму. В связи с этим можно предположить, что носители культуры Ноуа-Сабатиновка были знакомы с методами заготовки и консервирования значительных объемов кормов для содержания в зимнее время большого количества коров, овец, коз. Аккумуляция большого объема кормов говорит об относительно развитом

уровне оседлости, что предполагает и достаточно развитое сельское хозяйство (Sava, 2004. P. 71). Можно предположить, что поселения группировались по микроразонам. Вероятно, после истощения пастбищ в округе население меняло место жительства, создавая новое поселение, которое, как правило, находилось на небольшом расстоянии от старого (Савва, Кайзер, 2011. С. 461).

На поселениях культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка известны два основных типа жилищ: землянки (тип I) и наземные дома (тип II). Последние, в свою очередь, делятся на два подтипа: с деревянным «каркасом» из веток или органических материалов (тростник, солома, камыш), покрытых глиной (подтип II.1) и с нижней частью стен, состоящей из рядов камней, расположенных прямо на земле, без углубления для фундамента (подтип II.2).

На поселениях типа Ноуа в изучаемой зоне, как правило, встречаются сооружения типа землянок и наземных домов со стенами из веток или органических материалов, покрытых глиняной массой (Дергачёв, 1986. С. 156; Florescu A., 1964. P. 146; Florescu M., Florescu A., 1990. P. 54, 55; Смирнова 1969, С. 10–15; Sava, 2003. P. 19). Большинство жилищ-землянок имеют прямоугольную форму, реже круглую или овальную, углублены в землю на 0,5–2 м, а их общая площадь обычно составляет 10–16 кв. м. Однако известны и большие постройки с площадью порядка 30–50 кв. м (Шарафутдинова, 1982. С. 34). Как правило, землянки расположены в непосредственной близости от «зольников», иногда частично или полностью перекрывая его контуры. В этих сооружениях зафиксированы столбовые ямки, реже – хозяйственные ямы, а также обязательно присутствует очаг (Sava, 2003. P. 19), что доказывает их использование в зимнее время.

На памятниках сабаатиновской культуры Северного Причерноморья, особенно в Буго-Днепровском междуречье, помимо землянок обнаружены наземные жилища, нижняя часть стен которых состояла из камней, положенных прямо на землю. У этих жилищ обычно прямоугольная форма, иногда с округленными углами, их общая площадь составляет до 20–25 кв. м (Шарафутдинова, 1982. С. 21–36).

Поздний период эпохи бронзы характеризуется развитием некоторых отраслей производства (обработка бронзы, кости), а также сохранением традиций обработки камня и глины. На поселениях бронзовые изделия встречаются довольно редко – как правило, они депонировались вкладах, где численно преобладают инструменты, особенно кельты и серпы. Для рассматриваемого периода весьма многочисленны свидетельства обработки кости. Большинство предметов из этого материала представляют собой инструменты, предметы первой необходимости (иглы, проколки/шила, скребки, пряслица, лезвия и т. д.). Обработка камня сохранилась, в основном, в области изготовления инструментов для хозяйственных работ (скребки, топоры, дробилки, мельницы). В связи с развитием металлообработки камень стал широко использоваться также в качестве материала для производства литейных форм. Обработка глины, помимо производства керамических сосудов, обретает и сакральный характер, о чем свидетельствует значительное число специфических изделий (глиняные шары, зооморфные и антропоморфные статуэтки, кольца, диски, миниатюрные колесики). Из инструментов встречаются только глиняные пряслица и тигли.

Анализ образа жизни, типов жилищ, общая систематизация и классификация вещевого материала (бронза, кость, камень, глина) комплекса Ноуа-Сабатиновка демонстрируют, скорее, восточное происхождение этих культур. Синхронность восточных и западных компонентов констатируется только в одном закрытом комплексе. Следует отметить, что в восточной части ареала достаточно редко фиксируются западные элементы, в то время как восточные отчетливо прослеживаются на всей территории культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка, в том числе в Трансильвании.

Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.

Крушельницька Л.І. Культура Ноуа на землях України. Львів, 2006.

Sava E., Káizer É. Поселение с «зольниками» у села Одая/Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) // *Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova.* Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. Chişinău, 2011.

Смирнова Г.И. Поселения Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н. э.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. Вып. 150. М., 1969.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.

Florescu A.C. Contribuții la cunoașterea culturii Noua // *Arheologia Moldovei.* 1964. № 2-3.

Florescu M., Florescu A.C. Unele observații cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaților Răsăriteni // *Arheologia Moldovei.* XIII. Iași, 1990.

Sava E. Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul carpat-nistrean (complexul cultural Noua-Sabatinovka). Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe sociale. Chişinău, 2003.

Sava E. Unele aspecte economice din perioada târzie a epocii bronzului (complexul cultural Noua-Sabatinovka) // Studii de istorie veche și medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică. Chişinău, 2004.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГАЛЬШТАТТСКОГО КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-МОЛДАВСКОГО ПЛАТО (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТРИНКА–ИЗВОРУЛ ЛУЙ ЛУКА)

Керамика, как известно, является самой многочисленной категорией археологических находок: ее технологические особенности, морфологические типы, техника и мотивы орнамента выступают определяющими признаками для культурно-хронологической атрибуции памятников. Настоящая работа посвящена изучению керамического материала раннегальштаттского горизонта многослойного поселения Тринка–Изворул луй Лука. На сегодняшний день это поселение – один из наиболее полно раскопанных и важных археологических памятников. Изучение обнаруженных здесь находок может стать весомым вкладом в исследование культурно-исторических процессов в зоне Северо-Молдавского плато в разные исторические эпохи, включая период раннего гальштатта.

Раннегальштаттская керамика поселения Тринка–Изворул луй Лука с точки зрения техники изготовления разделяется на две основные категории: столовая и кухонная. Первая категория включает изделия из хорошо отмученного теста с примесью мелкого шамота. Эта керамика имеет лощеную поверхность, ее цвет варьирует от черного до желтовато-серого, иногда с пятнами. Вторую категорию составляет керамика из более грубого теста с примесью крупнозернистого шамота. Поверхность таких сосудов обработана хуже, цвет, в основном, желтовато-серый или красновато-коричневый, с серыми пятнами. Кроме шамота разной зернистости в глиняную массу для обезжиривания добавлялись толченый кремний, известняк и мелкая галька.

С морфологической точки зрения среди раннегальштаттской столовой посуды рассматриваемого поселения выделяются шесть типов: I – большие биусеченно-конические сосуды (корчаги); II – миски широко открытой конической формы; III – кубки с профилированными стенками; IV – черпаки с низкой и глубокой чашечкой; V – «стаканчики» (небольшие сосуды усеченно-конической формы с прямыми стенками в верхней части и сужающимися – к дну); VI – «фруктовницы». Раннегальштаттская кухонная посуда поселения Тринка–Изворул луй Лука может быть разделена на три типа: I – тюльпановидные сосуды; II – банковидные сосуды (усеченно-конические, с прямыми стенками); III – сосуды со слабо выраженной биконичностью. Каждый тип столовой и кухонной посуды, в свою очередь, разделяется на несколько вариантов.

Среди раннегальштаттской столовой и кухонной керамики поселения Тринка–Изворул луй Лука известны орнаментированные и неорнаментированные сосуды. Столовая посуда в основном украшалась характерными для каждого из ее типов орнаментальными композициями. Специфическая особенность *биусеченно-конических сосудов* (корчаг) – парное расположение выступов-упоров в вертикальной плоскости на плечиках. При этом их горло (верхняя часть) украшалось горизонтальными каннелюрами, а плечики – косыми. Характерный и преобладающий орнамент *конических мисок* состоит из пояса горизонтальных каннелюр в верхней части, нередко встречается узор, состоящий из сочетания каннелюр с овальными ручками-упорами. Большая часть *кубков* обычно не имеет орнамента, однако обнаружены несколько экземпляров, украшенных прочерченными горизонтальными линиями. *Черпаки* в основном также не орнаментированы, в то же время плечики некоторых из них украшены пояском из горизонтальных узких каннелюр.

Кухонная керамика снабжена ручками-упорами, наlepными расчлененными валиками и, реже, ушковидными ручками или оттянутыми простыми валиками в различных сочетаниях.

Изучение раннегальштаттского керамического материала, обнаруженного на поселении Тринка–Изворул луй Лука, и сопоставление его с посудой культуры Кишинэу-Корлэтеня в целом позволило, с одной стороны, выделить особенности, характерные для керамики памятников Северо-Молдавского плато, а с другой – определить влияния соседних синхронных культур (Levițki, 1994. P. 107, 108).

Технологические особенности, морфологические типы и орнаментальные композиции керамики, обнаруженной на поселении Тринка–Изворул луй Лука, демонстрируют ее сходство с кухонной и столовой посудой, характерной для восточно-карпатской культуры каннелированного гальштатта – Кишинэу-Корлэтеня (Смирнова, 1990. С. 20–30; László, 1994. P. 111–124; Levițki, 1994. P. 79–108). Однако в столовой посуде прослеживаются определенные влияния, показательные для раннегальштаттской культуры Гава-Голиграды-Грэничешть (Levițki, 2003. С. 17), а в

кухонной керамике фиксируются элементы восточного белогрудовско-чернолесского происхождения (Мелюкова, 1979. С. 83, 84; Левицкий, 1986. С. 64; Levițki, 2003. P. 10).

Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ, 1985.

Левицкий О.Г. Поселение раннего железного века у с. Тринка // Археологические исследования в Молдавии в 1982 г. Кишинев, 1986.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев-Корлэтенъ в Днестровско-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье // АСГЭ, Вып. 30. Л., 1990.

László A. Începuturile eposii fierului la est de Carpați. Culturile Gava-Holihrad și Corlăteni-Chișinău pe teritoriul Moldovei. București, 1994 (Bibl. Thracol. VI).

Levițki O. Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați. București, 1994 (Bibl. Thracol. VII).

Levițki O. Lumea tracucă și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n). București, 2003 (Bibl. Thracol. XL).

АНТИЧНЫЙ МИР И МИР ВАРВАРОВ:

ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ

А.Н. Ворошилов

Институт археологии РАН, Москва, voroshilov-aleksej@yandex.ru

ОБ ОДНОМ ТИПЕ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ РАННИХ СКИФОВ*

В настоящей работе рассматриваются акинаки кочевников эпохи скифской архаики, коллекция которых стабильно и довольно интенсивно растет, пополняясь новыми сериями, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области типологии, хронологии, генезиса и эволюции скифского клинкового оружия.

Акинаки одной из таких серий мы объединили в келермесский тип, названный по наименованию эталонной формы перекрестья, введенному еще Е.В. Черненко (1980. С. 11). Он представлен достаточно монолитной в морфологическом и конструктивном отношении группой парадных и «рядовых» акинаков, характеризующихся следующим набором признаков: «келермесский» тип перекрестья; брусковидное навершие; в большинстве случаев петля под навершием в виде отдельной железной детали (у парадных мечей петля выполнена несколько иначе); трехсекторного сечения стержень рукояти; клинок с параллельными лезвиями.

Обозначенным набором признаков обладают более десятка экземпляров оружия из различных регионов Европейской Скифии: Кавказа, Поднепровья, Подонья. В первых двух регионах акинаки обнаружены преимущественно в погребальных комплексах. Как правило, оружие из таких комплексов имеет удовлетворительную сохранность, позволяющую определить тип, но почти не дающую возможности воссоздать конструкцию изделий. В этом контексте интересны мечи келермесского типа, происходящие из лесостепного Подонья и сопредельных территорий**, где синхронные памятники неизвестны (Ворошилов, 2008). Все они (10 экз.) являются случайными находками великолепной сохранности, что позволяет рассмотреть не только их морфологию, но и сделать некоторые выводы относительно приемов их изготовления, которые в целом соответствуют основным принципам производства раннескифского клинкового оружия.

Клинок и основание рукояти (хвостовик) акинаков келермесского типа ковались из одной заготовки. При этом на рукояти формировалось центральное граненое ребро-валик (толщина хвостовика примерно равна максимальной толщине клинка). Затем прямоугольными заготовками охватывались края рукояти, после их тщательной проковки оформлялись боковые валики. Они не только крепились при помощи проковки к основе, но и зажимались в нижней части пластинами перекрестья, что способствовало более надежному соединению. В итоге получался трехсекторный стержень рукояти. Его боковые сектора в сечении имели округлую форму, а центральный – как правило, граненую. В монолитной заготовке крупного брусковидного навершия пробивался паз или отверстие, после чего оно насаживалось на шип рукояти и проковывалось до плотного соединения. За исключением двух экземпляров, все акинаки имели железную петлю под навершием. Выполнена она в виде отдельной плоской детали-обоймы, согнутой из железного прутка и надетой на тот же шип, что и навершие. Широкое перекрестье «келермесского» типа наваривалось из двух пластин-заготовок и тщательно проковывалось. Обоюдоострые клинки всех акинаков имели параллельные лезвия, в пяти случаях их сечение линзовидное, в трех – ромбовидное, два клинка сохранили следы узкого невысокого ребра жесткости.

Места стыка деталей акинаков до сих пор почти незаметны, что свидетельствует о качественной работе и высоком профессионализме древних мастеров-оружейников. Описанный способ изготовления и оформления рукоятей зафиксирован на Центральном Кавказе у большинства железных акинаков, найденных в комплексах Тлийского могильника. Все это наводит на мысль о кавказском происхождении рассматриваемого типа клинкового оружия. Отметим, что мечи келермесского типа обладают не только почти идентичной морфологией. У некоторых экземпляров практически совпадают метрические показатели, что, возможно, свидетельствует об их изготовлении по определенному стандарту.

Датировать акинаки келермесского типа можно по образцам из погребальных комплексов. Это, прежде всего, уже упоминавшиеся кинжалы из Тлийского могильника (Техов, 1980), часть которых подверглась специальному изучению с целью выявления техники их производства (Вознесенская, 1975). Погребения в Тли относятся к VII в. до н.э., но датировка мечей келермесского типа может быть сужена при обращении к материалам Мельгуновского и Келермесского

комплексов, из которых происходят парадные экземпляры интересующей нас серии (Черненко, 1980; Галанина, 1997). Морфологически они весьма близки друг другу, а также рядовым акинакам рассматриваемого типа. Сохранность железных частей парадных акинаков невысока (у обоих разрушены и утрачены клинки, сильно повреждены коррозией рукояти), однако благодаря покрытию из тонкого листового золота форма отдельных деталей мечей и некоторые особенности их конструкции неплохо реконструируются. Это позволяет применить их достаточно хорошо разработанную хронологию ко всему типу. В настоящее время традиционная дата Келермесских курганов значительно удревнена (Алексеев, 2003. С. 103), по находкам в первую очередь передневосточного происхождения памятники датируют не позже середины – третьей четверти VII в. до н.э. (Иванчик, 2001. С. 282).

Аналогичное оружие известно также, хотя и в значительно меньшем количестве, в погребальных комплексах Поднепровья (что не противоречит выдвинутой гипотезе об изготовлении рассматриваемой группы акинаков в кавказских мастерских). Примером может служить меч из кургана № 6 у с. Яснозорье в Поросье (Ковпаненко и др., 1994. С. 52-60), дата которого сейчас удревнена до середины – второй половины VII в. до н.э. (Скорый, 2003. С. 35). Судя по всему, именно к этому времени следует относить акинаки келермесского типа.

Ареал интересующей нас разновидности клинкового оружия ограничен лесостепными регионами Скифии. Это обстоятельство в полной мере соответствует современным представлениям об освоении носителями раннескифской культуры в первую очередь лесостепных пространств Европейской Скифии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-01344.

** Наиболее полная сводка акинаков келермесского типа этого региона Скифии представлена в специальной работе (Ворошилов, 2011). О существовании еще одной подобной находки (Тамбовская обл., Уметский музей) стало известно уже после выхода в свет указанной работы.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н.э. СПб., 2003.

Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

Ворошилов А.Н. Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008.

Ворошилов А.Н. Акинаки келермесского типа в донской лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. Киев, 1994.

Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII – VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

А.М. Сентов

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, sajrim@mail.ru

ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ТУРГАЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Объектами настоящего исследования стали клинковое оружие, наконечники стрел, колчаные крючки и поясная гарнитура. Мы придерживались типологических схем, разработанных: по клинковому оружию – К.Ф. Смирновым и А.М. Хазановым; по наконечникам стрел – К.Ф. Смирновым и А.С. Скрипкиным; по пряжкам и колчанным крючкам – С.Ю. Гуцаловым (Смирнов, 1961. С. 9–70; Хазанов, 1971. С. 5–27; Скрипкин, 1990. С. 63–74; Гуцалов, 2004. С. 31–33. Табл. 17, 27).

Исследовано 11 мечей и кинжалов (рис. 1, 1–11). Из них 9 экземпляров – из погребальных комплексов: кургана 1 курганной группы Кеныш 3 (Базарбаева, Подзюбан, 1997. С. 376–381), погребений № 102, 138 могильника Бестамак (Логвин и др., 2008. С. 155–169), погребения Надеждинка 4 (Логвин, 1993. С. 19, 20), кургана 2 могильника Лисаковский (Усманова, Суслов,

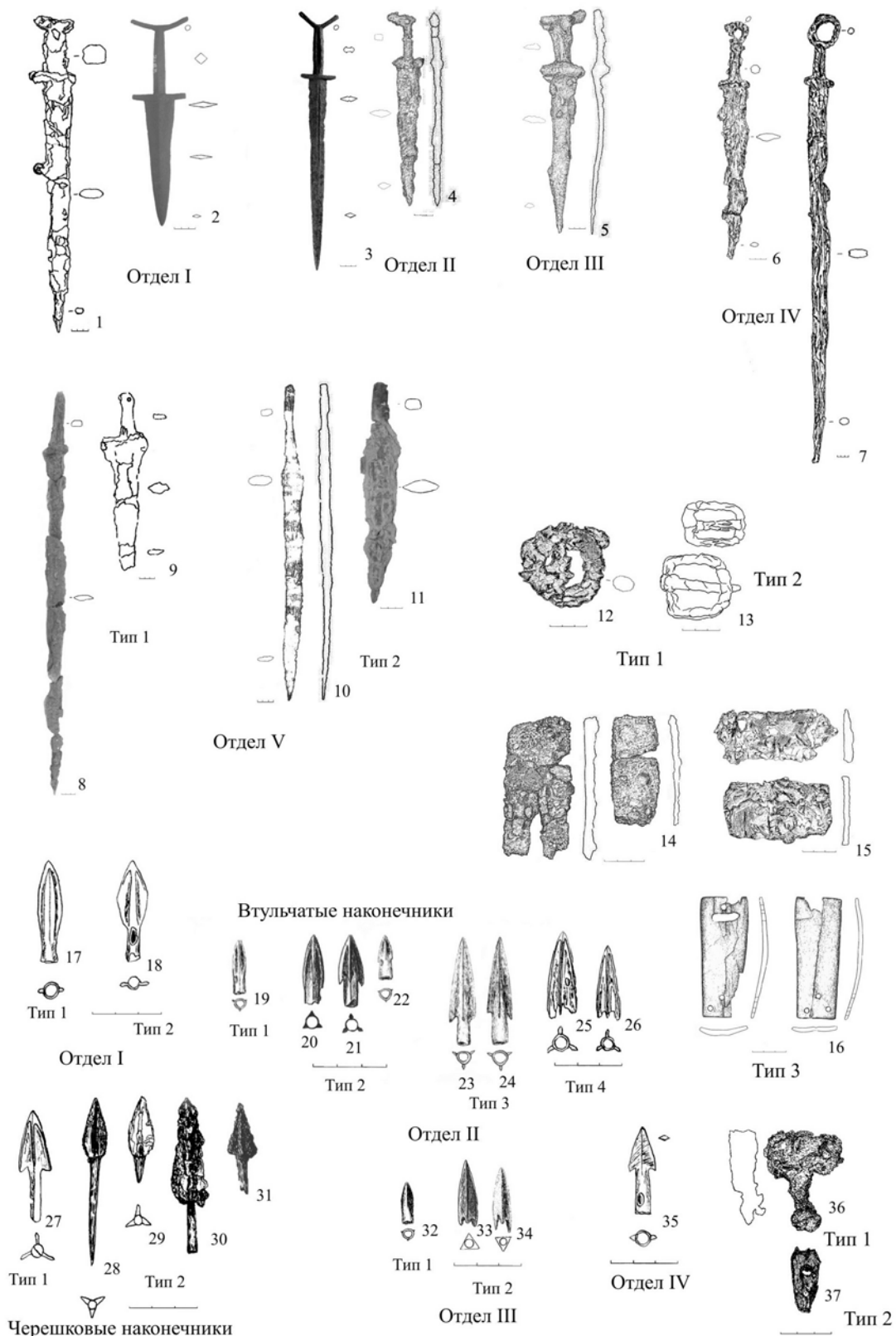

Рис. 1. Вооружение кочевников Тургая сарматского времени. 1, 19, 22-24, 32, 34, 36 – погребение 102 могильника Бестамак; 4, 5, 14, 16, 20, 21, 28, 29, 33 – курган 1 курганной группы Кенъш 3; 6, 7, 12, 15, 30 – погребение 138 могильника Бестамак; 8, 11 – курган могильника Наурузум; 9, 13 – погребение Надеждинка 4; 10, 31 – курган 2 могильника Лисаковский; 37 – погребение 7 кургана Халвай 3; 2, 3, 17, 18, 25-27, 35 – фонды Костанайского областного историко-краеведческого музея; 1-15, 28-31, 36, 37 – железо, 16 – кость, 17-27, 32-35 – бронза.

2000. С. 2, 3) и погребения в кургане могильника Наурзум (Евдокимов и др., в печати). Один меч и один кинжал являются случайными находками и хранятся в Костанайском областном историко-краеведческом музее.

Выделено 5 отделов клинкового оружия: I – с серповидным навершием и прямым перекрестием (2 экз.); II – с рожковидным навершием и прямым перекрестием (2 экз.); III – с «антенным» навершием и прямым перекрестием (1 экз.); IV – с кольцевым навершием и прямым перекрестием (2 экз.); V – без металлического навершия, в том числе тип 1, с прямым перекрестием (2 экз.), и тип 2, без перекрестия, с треугольным основанием клинка (2 экз.).

Мечи и кинжалы I и II отделов характерны для раннесарматской культуры IV–I вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 27; Скрипкин, 1990. С. 118, 119). Изделия III, IV и V отделов были распространены в евразийских степях с конца раннесарматского до позднесарматского времени (Хазанов, 1971. С. 9–24; Скрипкин, 1990. С. 125, 126. Рис. 22, 16, 19; Сергацков, 2007. С. 61–63; Гуцалов, 2004. С. 30, 57. Табл. 16, 21, 26, 29).

Рассмотрено 130 **наконечников стрел** (рис. 1, 17–35). Они найдены при раскопках кургана 1 курганной группы Кеныш 3, погребений № 102, 138 могильника Бестамак, кургана 2 могильника Лисаковский, а также происходят из фондов Костанайского областного историко-краеведческого музея (Базарбаева, Подзюбан, 1997. С. 376–381; Логвин и др., 2008. С. 155–169).

Втульчатые наконечники стрел (60 экз.) изготовлены из бронзы и разделяются на 4 отдела: I – двухлопастные, в том числе тип 1, с лавролистной головкой и выступающей втулкой (1 экз.), и тип 2, с ромбовидной головкой и выступающей втулкой (1 экз.); II – трехлопастные, в том числе тип 1, с лавролистной головкой и выступающей втулкой (4 экз.), тип 2, со сводчатой головкой и выступающей втулкой (20 экз.), тип 3, с треугольной головкой и выступающей втулкой (14 экз.), тип 4, с внутренней втулкой, сводчатой головкой и опущенными вниз шипами (3 экз.); III – трехгранные, в том числе тип 1, с не профилированной головкой и выступающей втулкой (1 экз.), и тип 2, со сводчатой головкой, внутренней втулкой и дуговидным вырезом базы или опущенными вниз шипами (15 экз.); IV – четырехгранный (ромбический) наконечник стрелы с выступающей втулкой и треугольной головкой с шипами (1 экз.).

Черешковые наконечники стрел (72 экз.) разделены на 2 типа: 1 – со сводчатой головкой и выступающей черешком с приплюснутым окончанием (2 экз.); 2 – трехлопастные (70 экз.). Черешковые наконечники стрел в основном представлены железными экземплярами, только две находки типа 1 бронзовые.

Среди втульчатых стрел наиболее архаичные – с лавролистной или ромбической головкой. Они характерны для всей евразийской степи в VIII–VI вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 38, 39). Трехлопастные наконечники использовались кочевниками в скифо-сарматское время, в VII–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 45–48). Трехгранные наконечники с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами, как считал К.Ф. Смирнов, типично приуральские, характерные для VI–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 68). Железные черешковые наконечники стрел отражают изменения в военном деле номадов. В Южном Приуралье они распространяются с III в. до н.э., вытеснив бронзовые стрелы (Гуцалов, 2004. С. 27).

Колчаные крючки (рис. 1, 36, 37) обнаружены в результате полевых исследований погребения № 102 могильника Бестамак и погребения № 7 кургана Халвай 3 (Логвин и др., 2008. С. 155; Логвин и др., в печати. Рис. 1, 36–37). Относятся к двум типам: 1 – с расширяющейся кверху спинкой (1 экз.); 2 – фрагмент крючка с овальным отверстием в расширяющейся середине (1 экз.).

Эти изделия имеют аналогии среди южноуральских материалов и относятся к V–IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2004. С. 31, 32. Табл. 17, 1–2, 8, 12).

Поясные пряжки (рис. 1, 12–16) происходят из кургана 1 курганной группы Кеныш 3, погребения Надеждинка 4, погребения 138 могильника Бестамак (Базарбаева, Подзюбан, 1997. С. 376–381; Логвин, 1993. С. 19, 20; Логвин и др., 2008. С. 157, 158). Разделены на 3 типа: 1 – железные круглорамчатые пряжки с подвижным язычком (1 экз.); 2 – железные прямоугольнорамчатые пряжки с подвижным язычком (2 экз.); 3 – прямоугольные пластинчатые пряжки (6 экз.), из которых одна пара изготовлена из кости, остальные – из железа. Железные экземпляры отнесены к категории пряжек условно, возможно, это – поясные накладки.

Подобные пряжки (накладки) получили широкое распространение у евразийских кочевников с IV в. до н.э. (Гуцалов, 2004. С. 32, 33. Табл. 27).

Основная часть представленного материала относится к ранне- и среднесарматской культуре и отражает изменения в военном деле, вызванные восточным влиянием.

Выражаю искреннюю признательность В.Н. Логвину и Э.Р. Усмановой за возможность использования неопубликованных материалов

- Базарбаева Г.А., Подзюбан Е.В. Курганная группа Кеньш-3 // Топорковские чтения. Вып. 3. Рудный, 1997.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004.
- Евдокимов В.В., Ткачев А.А., Сеитов А.М. Сарматский курган могильника Наурзум // Тез. конф., посв. 70-летию В.В. Евдокимова. Караганда, в печати.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Сарматские материалы на могильнике Бестамак // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград, 2008.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Сарматские материалы с кургана Халвай 3 // Матер. междунар. археологич. конф. «Маргулановские чтения – 2012». Кокшетау, в печати.
- Логвин В.Н. Погребение Надеждинка 4 // Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области в полевом сезоне 1992 г. Костанай, 1993.
- Сергацков И.В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.
- Усманова Э.Р., Суслов А.С. Археологические исследования могильника Лисаковский в 2000 г. Караганда; Лисаковский, 2000.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Ю.В. Марченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, marchenka@yandex.ru

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НАРТАНСКОГО МОГИЛЬНИКА, РЕСПУБЛИКА КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ (К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Антропологический материал из раннескифских погребений Северного Кавказа изучен недостаточно, но это вызвано объективными причинами – немногочисленностью погребенных в курганах и тем, что почти все комплексы разграблены и содержат разрушенные скелетные останки. На данный момент только костный материал из могильника Новозаведенное II позволяет достоверно судить о половой принадлежности погребенных представителей скифского общества (Медникова, 2000). Для остальных раннескифских могильников Северного Кавказа можно определять половую принадлежность захороненных лишь по погребальному обряду и составу инвентаря.

Рассмотрим материалы Нартанского могильника, где к скифской серии принадлежат 24 кургана (Батчаев, 1985). Количество парных захоронений в них – 9, одиночных – 11. Еще в четырех комплексах человеческих останков вообще обнаружено не было. Возможно, они представляли собой кенотафы (№ 14, 19, 21, 23). По обряду трупосожжения были совершены 2 погребения (в курганах № 12 и 13), по обряду трупоположения – остальные 27. Из них 18 скелетов в результате ограбления были разрушены так, что судить об ориентировке и позе погребенных не представляется возможным. В прочих захоронениях ориентировка умерших головой на юго-восток отмечена в семи случаях, на юго-запад – в трех, запад–юго-запад – в двух, восток – в одном. То есть, в целом ориентировку можно обозначить как «южную» с некоторыми отклонениями, характерными также и для ориентировки погребальных камер. В.М. Батчаев вполне логично считает эти отклонения сезонными (Батчаев, 1985. С. 19).

По каким же признакам можно попытаться идентифицировать пол погребенных? Захоронения в Нартане унифицированы, по размерам могильных и надмогильных сооружений они не различаются. Поза погребенного, в тех случаях, когда она прослеживается, чаще всего скорченная (слабо, сильно, умеренно); так были захоронены 11 человек: на правом боку – 7, на левом – 4. Еще трое погребенных – на спине с подогнутыми ногами или вытянуто. Важным представляется то обстоятельство, что погребения в 18 курганах из 24 сопровождалось захоронениями лошадей. Кроме костей лошади были найдены и останки других животных – овец и быка. Они содержались в 14 курганах.

Из всей выборки привлекают внимание погребения в курганах № 6 и 7. Их погребальные камеры схожи по ряду признаков, но других подобных могильных сооружений в Нартане нет. Кроме того, только в курганах № 6 и 7 в комплексах с парными захоронениями не было лошадей. В каждой погребальной камере находились останки двух умерших: останки одного разрушены, скелет второго расположен вдоль северной стенки, головой на запад – юго-запад, в скорченном положении на правом боку (рис. 1, А, Б). В обеих камерах обнаружены кости барана, в кургане № 7 рядом с ними был еще железный нож. Ближе к юго-восточному углу в каждом случае были

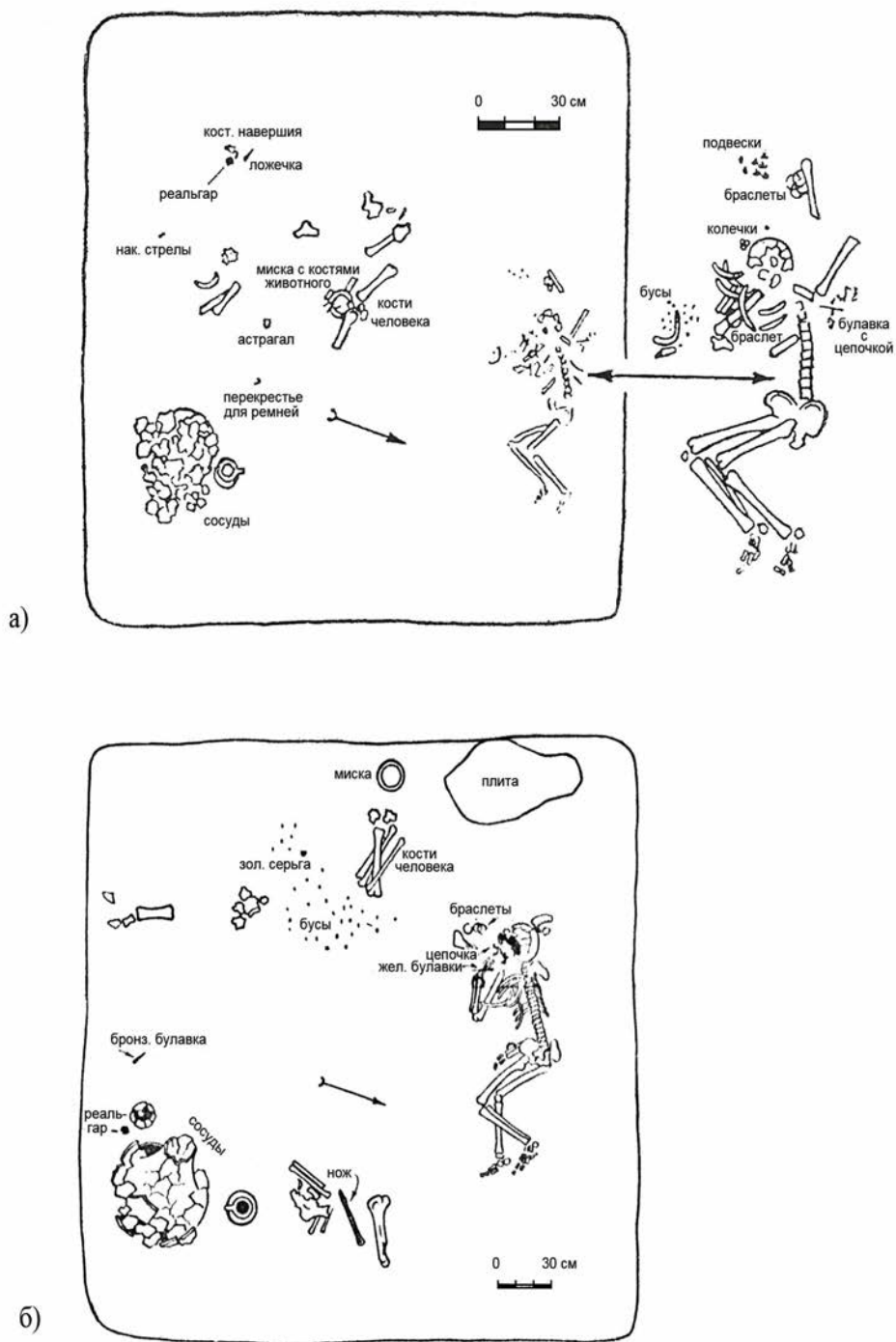

Рис. 1. Планы погребальных камер курганов Нарганского могильника. а) – курган № 6 (по: Батчаев, 1985. Табл. 20); б) – курган № 7 (по: Батчаев, 1985. Табл. 22).

обнаружены корчага и возле нее кувшинчик. Рядом со скелетами (погребение № 1 кургана № 6 и погребение № 1 кургана № 7) найдены булавки с цепочками, по-видимому, скреплявшие одежду (одна бронзовая в кургане № 6, две железных и одна бронзовая в кургане № 7). На костях рук зафиксированы браслеты (восемь бронзовых, один железный в кургане № 6 и пять бронзовых в кургане № 7). Также были обнаружены бусы: в кургане № 6 – 20 янтарных, 5 сердоликовых, 5 стеклянных, в кургане № 7 – 49 янтарных, 8 золотых, 3 из белой пасты, 1 из рога. В кургане № 6 находились еще четыре подвески, а в кургане № 7 – золотая серьга (в погребении № 2). Из предметов вооружения был отмечен лишь один наконечник стрелы из бронзы (около погребения

№ 2 кургана № 6) (Нагоев и др., 1979. С. 22–29). Таким образом, отличительными признаками рассматриваемых захоронений можно считать: ориентировку погребенных на запад–юго-запад и расположение вдоль северной стенки погребальной камеры; наличие в сопроводительном инвентаре булавок с цепочками, браслетов (в количестве более одного). Второстепенные признаки, по-видимому, – отсутствие сопроводительных конских захоронений и оружия. Вероятно, эти комплексы предварительно можно определять как женские.

В целом отличить погребальный инвентарь мужского захоронения от женского крайне сложно. Отчасти это подтверждают и материалы могильника Новозаведенное II, где до проведения антропологического изучения не во всех случаях можно было уверенно определять пол погребенных. Те элементы, которые, на первый взгляд, должны были бы маркировать женские погребения, часто являются атрибутами захоронений воинов. Объяснить это можно самой спецификой образа жизни и материальной культуры военизированной группы кочевнического общества. Представляется, что определение половой принадлежности захороненного по археологическим данным возможно лишь с учетом всех особенностей погребального обряда.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985.

Медникова М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII -III вв. до н.э. М., 2000.

Нагоев А.Х., Бетрозов Р.Ж., Батчаев В.М. Отчет об археологических раскопках 1978-1979 гг. в районе с. Нартан. Нальчик, 1979.

А.В. Батасова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
batasova.angela@gmail.com*

ГРЕКИ И МЕОТЫ (СРАВНЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ НА РАННИХ ЭТАПАХ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА)

Территория современного Таманского полуострова была заселена еще в эпоху нижнего палеолита. В эпоху бронзы ее освоение носило сплошной характер (Паромов, 2005. С. 321, 322).

К моменту греческой колонизации Таманского полуострова постоянное население здесь отсутствовало (Кошеленко, Кузнецов, 2010а. С. 418; Эрлих, 2010. С. 172). Связано ли это с непривлекательностью региона для местных жителей? Для ответа необходимо сравнить принципы и способы ведения хозяйства двух групп населения. Ближайшими соседями греческих колонистов были синды (Горончаровский, Иванчик, 2010. С. 219). Исследования последних лет в Анапском районе меняют представления об этой территории как варварской (синдской) и показывают ее вполне «греческий облик» (Чевелев и др., 2011. С. 404). Поэтому необходимо обратить взгляд на регионы, где присутствуют достоверные меотские памятники, синхронные началу греческого освоения Таманского полуострова.

Времени колонизации греками Таманского полуострова соответствует ранний период культуры меотов (конец VII – начало V в. до н.э.) (Каменецкий, 1989. С. 225). Такие памятники размещаются между Краснодаром и Усть-Лабинском (Лимберис, Марченко, 2010. С. 190). По сравнению с предыдущим периодом, а также в ходе развития самой культуры наблюдается весьма интенсивное освоение ее носителями новых территорий (Лимберис, Марченко, 2010. С. 190; Каменецкий, 1989. С. 27, 28; Малышев, 1995. С. 153). В каких же условиях существовало греческое и варварское население?

Меотские поселения VII–V вв. до н.э. не укреплены, расположены вдоль рек, на высоких террасах или коренном берегу, на мысах (Каменецкий, 2011. С. 222–224 Лимберис, Марченко, 2010. С. 190, 191). Греческие поселения на Таманском полуострове, география которого к настоящему времени значительно изменилась (Журавлев и др., 2011. С. 107; Паромов, 2005. С. 41; Чевелев и др., 2011. С. 408), приурочены к широтным антиклинальным грядам (Паромов, 2001. С. 48). Для большинства памятников характерно тяготение к плодородным почвам и близость к берегу моря (Гарбузов, 2011. С. 78. Рис. 3). На Таманском полуострове можно отметить минимум одно поселение (Голубицкая 2) с ранними фортификационными сооружениями (Журавлев и др., 2010. С. 274).

Основным занятием как меотского, так и греческого населения было земледелие. Состав выращиваемых культур практически идентичен – пшеница, ячмень, просо (Кругликова, 1975.

С. 180; Каменецкий, 2011. С. 248). Появление виноградарства в греческих колониях Таманского полуострова относится к более позднему времени (Кошеленко, Кузнецов, 2010б. С. 208). Виноградные семечки зафиксированы и на меотских памятниках, близких территориально к греческим поселениям (Каменецкий, 2011. С. 250, 251).

Скотоводство было вторым по значимости занятием как греков, так и местного населения. Состав стада практически полностью совпадает – мелкий и крупный рогатый скот, свинья и лошадь (Кругликова, 1975. С. 199; Лимберис, Марченко, 2010. С. 202). Основные статьи рыбного промысла и охоты также идентичны (Лебедев, Лапин, 1954. С. 21; Каменецкий, 2011. С. 259).

Итак, несмотря на различный исходный культурный облик, типы хозяйствования местного населения и греческих колонистов демонстрируют явное сходство. Одна из причин этого – одинаковые природные условия и обеспеченность ресурсами двух смежных территорий. Греческим переселенцам пришлось адаптироваться к новым условиям уже на ранних этапах освоения Таманского полуострова. Сравнительно быстрой адаптации способствовали и морская торговля, и контакты с местным населением. В более позднее время в систему хозяйствования были внесены отрасли, свойственные традиционной греческой культуре, например разведение винограда, которое в некоторой степени могло оказывать влияние на традиции автохтонных племен.

Что касается причин незаселенности Таманского полуострова ко времени начала греческой колонизации, можно предположить, что на интересующем нас этапе развития меотской культуры она еще не исчерпала потенциал осваиваемого ею региона. Ее распространение на запад не стимулировалось природными и хозяйственными факторами. Не исключено, что островное положение региона также не привлекало местное население. В то же время для греческих поселенцев оно было очевидно выгодным с экономической и стратегической точки зрения.

Гарбузов Г.П. Влияние условий Таманского полуострова на античную систему расселения // Древности Боспора. № 15. М., 2011.

Горончаровский В.А., Иванчик А.И. Синды // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.

Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У. Боспор Кубанский // Боспорские чтения. Т. 12. Керчь, 2011.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауер У. Памятники северо-восточной части Таманского полуострова // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.

Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011.

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010а.

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Сельское хозяйство, ремесло и промыслы // Античное наследие Кубани. Т. II. М., 2010б.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // МИА. 1954. № 33.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меоты // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.

Мальшиев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // Боспорский сборник. Т. 6. М., 1995.

Паромов Я.М. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. № 8. М., 2005.

Паромов Я.М. Топография античных и средневековых поселений Таманского полуострова // Археология восточноевропейской лесостепи. № 15. Воронеж, 2001.

Чевелев О.Д., Кашаев С.В., Сударев Н.И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // Боспорские чтения. № 12. Керчь, 2011.

Эрлих В.Р. Кубань в начале железного века // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.

Д.С. Гречко

Институт археологии НАН Украины, Киев, ukrspadshina@ukr.net

О КРИЗИСЕ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА ПЕРВОЙ ТРЕТИ III В. ДО Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА)

В конце первой трети III в. до н.э. временно прекращают свое функционирование поселения хоры Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму.

В данном контексте вызывает интерес исследованное в 1973 г. на территории Кульчукского

некрополя коллективное разновременное захоронение (рис. 1, 4). Погребальный комплекс был сооружен около середины–третьей четверти IV в. до н.э. и использовался греками вплоть до первой четверти III в. до н.э., после чего кости были сдвинуты под северную стенку камеры и отделены от нее орфостатно поставленными камнями. Затем в подбое было совершено захоронение мужчины и женщины, ориентированных головами на север. Под череп женщины был положен

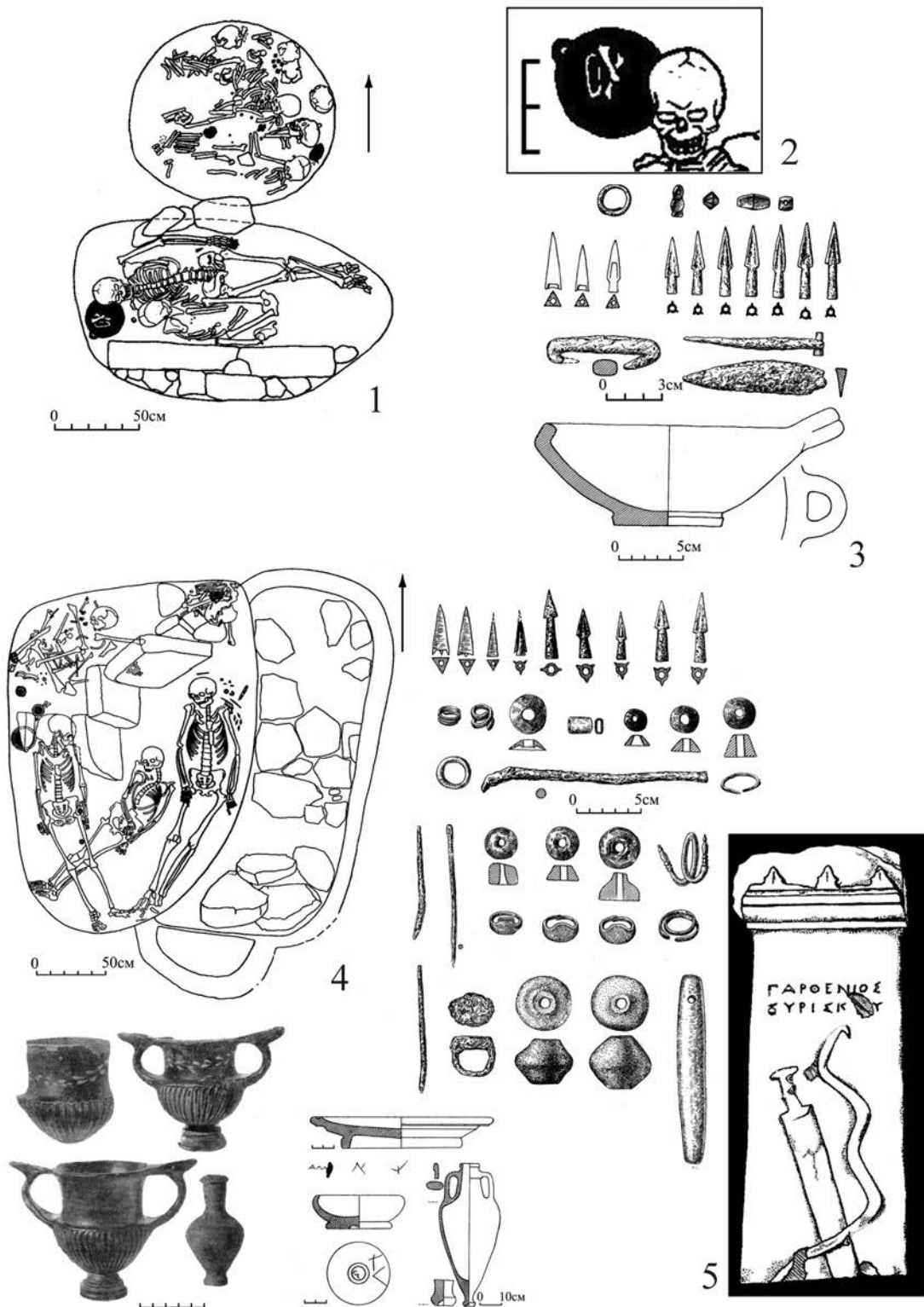

Рис. 1. Комплексы конца первой трети III в. до н.э. Северо-Западного Крыма и стела из кульчукского кургана-кенотафа. 1-3 – Беляус (по: Дашевская, 1980); 4, 5 – Кульчук (по: Дашевская, 1978; Дашевская, Голенцов, 1982).

плоский камень. Инвентарь представлен ворворками, бронзовыми и железными наконечниками стрел, под костями кисти лежала неопределимая медная монета. О.Д. Дашевская указывает на смешанный (греко-варварский) характер погребального обряда данного захоронения (1978. С. 214).

Вторым информативным комплексом является беляусское погребение, совершенное в яме, в западной и восточной стенках которой были сделаны подбой (рис. 1, 1–3). В захоронении зафиксированы скелеты мужчины и женщины, ориентированные головами на запад. Напутственная пища с ножом была положена в миску, которая частично находилась под черепом мужчины (рис. 1, 2). Ноги мужчины были перекрещены в голенях. В области таза найден железный поясной крючок. Среди инвентаря выделяются бронзовые и железные наконечники стрел (рис. 1, 3–5). О.Д. Дашевская указывает, что в данном случае погребальный обряд имеет варварские, а не греческие черты (1980. С. 94).

Сложен вопрос этнокультурной идентификации погребенных в вышеупомянутых комплексах. Положение головы на каменную подушку характерно для меотских захоронений (Лимберис, Марченко, 2007. С. 229, 230), но известно и среди погребений Тираспольской группы в Поднепровье (Тельнов и др., 2012. С. 8). Если миска с напутственной пищей в беляусском захоронении была положена целенаправленно краем под череп умершего*, то это также яркая черта погребальной обрядности меотов (Марченко, 1996. С. 107). Положение миски с заупокойной трапезой и ножом у головы погребенного характерно для Тираспольских курганов (Мелюкова, 1962. С. 134, 141). Поясная застежка имеет прямые аналогии в сиракском погребении на Кубани (Понуро-Калининская оросительная система, к. 51, п. 5) (Марченко, 1996. Рис. 49, 12) и материалах Тираспольской группы (14 экз.) (Зайцев, 2011. С. 587).

Перекрещивание ног в голенях, подбой и западная ориентировка погребенных находят аналогии в скифских захоронениях Северо-Западного Крыма IV в. до н.э. (Колтухов, 2012. Рис. 80, 2; 81, 1), но известны и у меотов (Марченко, 1996. С. 105). Обряд многократных захоронений со сдвижением костей исследовательница кульчукского комплекса связывала с варварской традицией, которая хорошо известна в Восточном Крыму (Дашевская, 1978. С. 214).

Колчанные наборы с железными наконечниками стрел ни разу не были найдены в скифских захоронениях Северо-Западного Крыма V – начала IV в. до н.э. (Колтухов, 2012. С. 128). Смешанные колчанные наборы характерны для периода дестабилизации ситуации на юге Восточной Европы, начиная с последней трети IV в. до н.э., и имеют наибольшее распространение на Нижнем, Среднем Дону и на Кубани (Медведев, 1999. С. 149, 150).

Находка монеты, которая, вероятно, была использована в качестве «обола Харона», традиционно должна говорить о греческой принадлежности погребенного мужчины. Но стоит учитывать, что приобщение варваров к греческой культуре, особенно в зонах непосредственного контакта**, зашло достаточно далеко, и восприятие идеи платы мифологическому перевозчику за транспортировку в мир иной (а он предполагался не только у греков, но и у других народов, у которых мир мертвых отделен от живых водной преградой***) не кажется таким невозможным. Об этом свидетельствуют находки монет в варварских захоронениях IV в. до н.э. (Бессонова и др., 1988. С. 66, 67; Мелюкова, 1974. Рис. 2, 15; Суничук, Фокеев, 1984. С. 11, 117; Городцов, 1936. С. 185; Ольховский, 1991).

Традиция положения в могилу монеты распространилась среди эллинов в конце V–IV в. до н.э. (см. подробнее: Сударев, 1999. С. 220–222), но никогда не была обязательной. В дальнейшем этот обычай**** был воспринят и соседними с греками народами и продолжил свое существование до наших дней. Все сказанное позволяет сделать вывод, что при этнокультурной характеристике погребений IV–III вв. до н.э. с монетами к ним необходимо подходить дифференцированно, с учетом всех особенностей погребального обряда и инвентаря.

С рассмотренными комплексами хорошо соотносится найденное в Кульчукском кургане-кенотафе вторично использованное надгробие Парфения сына Сирииска, на котором изображены меч синдо-меотского типа и скифский лук (рис. 1, 5) (Дашевская, Голенцов, 1982. С. 91. Рис. 4, 1).

В данном контексте кульчукское и беляусское погребения можно трактовать как захоронения восточных кочевников, которые вместе с семьями двигались на запад из районов Прикубанья и Северного Кавказа. Детали обряда и элементы инвентаря подтверждают мнение А.В. Симоненко, что группы населения с востока были среди тех, кто оставил Тираспольскую группу курганов (Глинянский могильник) (Симоненко, 2005. С. 257, 258). При этом нельзя не отметить, что традиции населения, хоронившего своих умерших в данных курганах, преимущественно связаны со скифскими IV – начала III в. до н.э. (Тельнов и др., 2012. С. 7–14). Можно предполагать, что рассмотренные комплексы имеют отношение к участникам событий, которые привели к временному прекращению жизни на хоре Херсонеса в конце первой трети III в. до н.э.

* Голова могла укладываться как в середину миски, так и на ее край (Городцов, 1936. С. 185).

** Ю.А. Прокопенко считает, что данный обычай постепенно распространялся среди племен, непосредственно контактирующих с боспорскими городами, и фиксируется в ряде сарматских захоронений (2005. С. 452-454).

*** Например, перевозчик через «воды смерти» Уршанаби из шумерского эпоса о Гильгамеше или лодка Хефри, которую ведет Анубис через «реку смерти», у египтян.

**** Смысловая нагрузка обряда менялась, монета должна была служить средством платежа во время путешествия в загробный мир (Парусимов, 1987. С. 61).

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму. Киев, 1988.

Городцов В.А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. 1936. № 1.

Дашевская О.Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // СА. 1978. № 3.

Дашевская О.Д. Земляной склеп на Беляусе // КСИА. 1980. Вып. 162.

Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. Вып. 170.

Зайцев Ю.П. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III-I вв. до н.э.) // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. СПб., 2011.

Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII-IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Донецк, 2012.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганного некрополя у поселения «Виноградное 7» в окрестностях Фанагории // Боспорский феномен. Т. I. СПб., 2007.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья: археология и этнокультурная история в I тыс. до н.э. М., 1999.

Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // МИА. 1962. № 115.

Мелюкова А.И. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // Археологические исследования в Молдавии в 1972 г. Кишинев, 1974.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.

Парусимов И.Н. Еще раз об «оболе Харона» // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987.

Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005.

Симоненко А.В. Тираспольские курганы, «странные» комплексы и сираки на Днестре. Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005.

Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора. № 2. М., 1999.

Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Тирасполь, 2012.

Е.А. Красникова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
malaja555@yandex.ru*

ГРЕКО-ВАРВАРСКИЙ СИНТЕЗ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА НА БОСПОРЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Занимаясь изучением образа человека в искусстве античного Боспора, мы не можем оставить без внимания проблему взаимовлияния культур, в частности, греко-варварский синтез и его проявление в воплощении образа человека местными мастерами. Как уже не раз отмечалось, характерной чертой боспорского искусства является особая связь его с окружающим варварским миром: тонкая наблюдательность ювелиров, позволявшая им создавать правдивые и выразительные образы скифов. Здесь греческие мастера выходят за рамки классических традиций, создавая новую ветвь эллинского искусства (Гиро, 1995. С. 38). Эллинский образ варваров, зафиксированный в письменных источниках, может быть дополнен памятниками изобразительного искусства. Но о ком мы узнаем больше – о варварах или о греках?

Роль варварского элемента в культуре Боспора определялась во многом спецификой контактов

с тем или иным народом. Например, в случае с аланами речь идет о непосредственном соседстве и близости к политическому центру Алании. В сочетании с постоянной зависимостью Боспора от Рима – неизменного противника аланов – это вело к нестабильности в военно-политическом отношении (вероятные конфликты в 111–114, 135 и 335 гг. при относительном спокойствии во второй половине II и III в. н.э.) (Яценко, 1994. С. 19).

Вероятно, устойчиво дружественные отношения населения Боспора с «поздними сарматами» в середине II – начале IV в. создали возможность для оседания в городах части бывших кочевников. Не исключено, что уже к началу III в. н.э. боспоряне представляли собой этнос «греко-сарматов». Указанный этноним упомянут лишь один раз в «Книге происхождения», представляющей собой латинский перевод греческой хроники епископа III в. Ипполита Портского (*Lib. gener.*, 34). Его «греко-сарматов» можно было бы принять за очередную «мнимую реальность», однако археологические материалы свидетельствуют, что на закате античной эпохи на Боспоре действительно существовал народ, по культуре и обрядности во многом соответствующий этому этнониму (Медведев, 2011. С. 327).

С I в. н.э. мужчины-греки Боспора начинают интенсивно перенимать кочевнический (аланский) костюм. В свою очередь, номады закупают у боспорских купцов готовую одежду (Strabo, XI, 2, 3), заимствуют у греков термин «хитон», некоторые термины из народных игр и эпические сюжеты (Яценко, 1994. С. 20, 21). Среди варварских изделий наиболее эллинизированными оказываются многочисленные золотые бляшки: не только стиль, но в значительной мере и сюжеты изображений на них не скифские, а греческие. Это изображения антропоморфных божеств, животных, «сцены из скифской жизни» (Переводчикова, 1993. С. 65).

Развитое греко-римское искусство почти не оказало влияния на степное аланское, ориентированное на образцы далекой восточной прародины, за исключением ремонта отдельных драгоценных вещей (фалары из Дач) и воспроизведения обветшалых реликвий (чаша из Мигулинской). Однако в городах боспорские мастера были вынуждены отчасти переключиться на новые «варварские» сюжеты (изображение скачущего «катафрактария» с копьем в Танаисе и Илурате и всадника с плетью на надгробии Перигена, сына Асклеиада в Эрмитаже; роспись в пантикапейском «склепе Анфестерия» и др.) (Яценко, 1994. С. 20, 21).

Отдельно следует отметить, что есть и такие сферы, где четко определить влияние или заимствование достаточно сложно. Приведем пример. Главным средоточием красоты греки считали человека, «венец творения». Этот идеал как в искусстве, так и в литературе был непосредственным образом связан с представлениями о полноте и даже избыточности жизненных сил, о физическом и духовном расцвете личности и полном раскрытии всех заложенных в ней способностей и доблестей. Поэтому в понимании греков красота всегда оставалась привилегией молодости. Следуя этой логике, некоторые греческие авторы в конце концов даже стали склоняться к мысли, что смерть в раннем возрасте на поле боя или от несчастного случая предпочтительнее, чем смерть старца в своей постели (Андреев, 1999. С. 264). Интересную мысль мы нашли и у Аммиана Марцеллина в его «Истории» в отношении аланов: XXXI.2. (22) «Как мирный образ жизни приятен лицам спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. Счастливым у них считается тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов...». То есть, несмотря на то, что мотивы у греков и аланов разные – сохранение красоты или геройская смерть – и те, и другие отдают предпочтение смерти в молодом возрасте. Присутствие сарматов и аланов среди населения азиатского Боспора прямо фиксируется в эпиграфическом материале (КБН 837, 1053 и др.). Изучение этой темы осложняется спецификой имеющихся источников. Но в целом изображения, которыми мы располагаем, воплощают образ или символ молодого, прекрасного человека, никак не связанного с миром живых, но и не погруженного в мир потусторонний. К тому же, разумеется, сложно говорить об уместности изображения как умерших, так и скорбящих о них родственников в расцвете красоты и жизненных сил.

Таким образом, можно заключить, что в формировании образа человека в искусстве античного Боспора римского времени прослеживалась общая для культуры этого региона тенденция – сочетание греческого и варварского элементов.

Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А. Сонни. Вып. III (кн. XXVI-XXXI). Киев, 1908. - XI, 293, XXII с.

Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1999. *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. СПб., 1995.

Медведев А.П. Об эллинском и варварском в культуре населения Фанагории I-V вв. н.э. // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Матер. междунар. науч. конф. СПб., 2011.

- Переводчикова Е.В.* Скифский звериный стиль и греческие мастера // Античная цивилизация и варварский мир (Матер. III археологич. семинара). Т. II. Новочеркасск, 1993.
- Яценко С.А.* Контактные зоны аланов I-IV вв. н.э.: Боспор и Закавказье // Античная цивилизация и варварский мир (Матер. IV археологич. семинара). Новочеркасск, 1994.

М.И. Тюрин

*Черноморский филиал Московского Государственного Университета
им. М.В. Ломоносова, Севастополь, tyurin.m.i@mail.ru*

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ВЫСОТЕ 120 В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. БЕЛЬБЕК

Полевые исследования хоры античного Херсонеса ведутся уже более столетия. Тем не менее, остаются открытыми вопросы о территориальных владениях херсонеситов в античную эпоху. В особенности это касается участка местности между Сакским озером и Севастопольской бухтой, который долгое время воспринимался как многокилометровая «зона разрыва», разделявшая ближнюю (Герacleйский полуостров) и дальнюю (Северо-Западный Крым) хору Херсонеса (Щеглов, 1978). В последнее время все чаще высказываются сомнения в существовании такого разрыва (Ланцов, 2004), однако убедительных подтверждений непрерывности поселенческих структур между «ближней» и «дальней» хорами мы пока не имеем. Прояснить ситуацию может выявление и археологическое исследование новых херсонесских памятников. Предварительные результаты разведок на одном из них представлены в настоящей работе.

Поселение на высоте 120 в нижнем течении р. Бельбек (Рис. 1, 1, 2) было обнаружено О.Я. Савелей в 1964-1965 гг. при составлении археологической карты Бельбекской долины. Автором разведок объект был интерпретирован как позднеантичное поселение, а в отчете обозначен как комплекс IX или «поселение 4-й сектор СОР – южное» (Савеля, 1965. Л. 6). Памятник расположен на вершине высоты 120+, к югу от с. Поворотное Севастопольского р-на, в 4,7 км от береговой полосы. Судя по характерным всхолмлениям и развалам камней (в том числе крупных блоков), он имеет прямоугольную форму и размеры около 30-35 x 27 м, ориентирован по сторонам света.

Почти полвека памятник не привлекал внимания специалистов, пока в 2011-2012 гг. не началось его разграбление. Прибывший на место отряд Херсонесского историко-археологического заповедника во главе с А.А. Филиппенко* обнаружил грабительский шурф размерами 1,3 x 1,5 м в восточной части поселения. С востока шурф ограничивается кладкой из крупных прямоугольных подогнанных по месту блоков, сохранившейся на высоту трех рядов. В ходе обследования выявлена ширина одного из блоков, и, соответственно, толщина кладки – 0,75 м. Стенки шурфа были зачищены, произведена фотофиксация. Обнаружена следующая стратиграфическая ситуация: непосредственно под дерном (слой 1) находится каменный завал (слой 2, толщина 0,6-0,5 м); под ним расположен мощный (0,25-0,3 м) хорошо читающийся слой разрушения с керамическим завалом и золистыми включениями (слой 3); нижний слой суглинка (слой 4) содержит единичные фрагменты преимущественно лепной керамики, в том числе лощеной с врезным орнаментом, так называемого кизил-кобинского типа.

Основная масса находок происходит из слоя 3, который однозначно следует интерпретировать как слой гибели памятника в пожаре (практически все сосуды сильно закопчены). Среди обнаруженных в грабительском отвале, а также полученных при зачистке стенок шурфа фрагментов керамики основную массу составляет амфорная тара. Удалось получить достаточно представительный материал. Это, во-первых, верхняя часть красноглиняной амфоры (рис. 1, 3) с плавно изгибающимися двустольными ручками. Сосуд покрыт светлым ангобом, цилиндрическое горло оканчивается валикообразным отогнутым венцом, резкий переход от горла к тулову подчеркнут рельефным воротничком. Аналогичные амфоры относятся к продукции Коса либо центров, которые подражали его таре. Морфологически близкие изделия известны среди материалов из слоев гибели усадьбы Большой Каstellь конца первой – начала второй четверти II в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 565–567. Табл. 237, 4, 5), горизонтов D-E (вторая половина II в. до н.э.) Южного дворца Неаполя Скифского (Зайцев, 2003. С. 15. Рис. 53, 3), в комплексах конца III – первой половины II в. до н.э. На верхнюю грань тулова глубокими врезными линиями нанесено двухстрочное граффити ВАВА/ΜΥΡΟΝ, т.е. «(сосуд) Баба, (сына) Мира» (рис. 1, 4).

Более половины всего амфорного материала составляют сосуды синопского производства. Выделяются фрагменты не менее трех различных амфор. Удалось собрать верхнюю часть амфоры

варианта III-C (последняя четверть III – первая половина II в. до н.э.) с цилиндрическим горлом, украшенным горизонтальным пояском ниже верхнего прилепа (рис. 1, 5); пока что сосуд собран не полностью, возможно, в дальнейшем удастся установить серию и уточнить его датировку. Ножка острой конической формы, со следами закручивания, другой синопской амфоры тяготеет

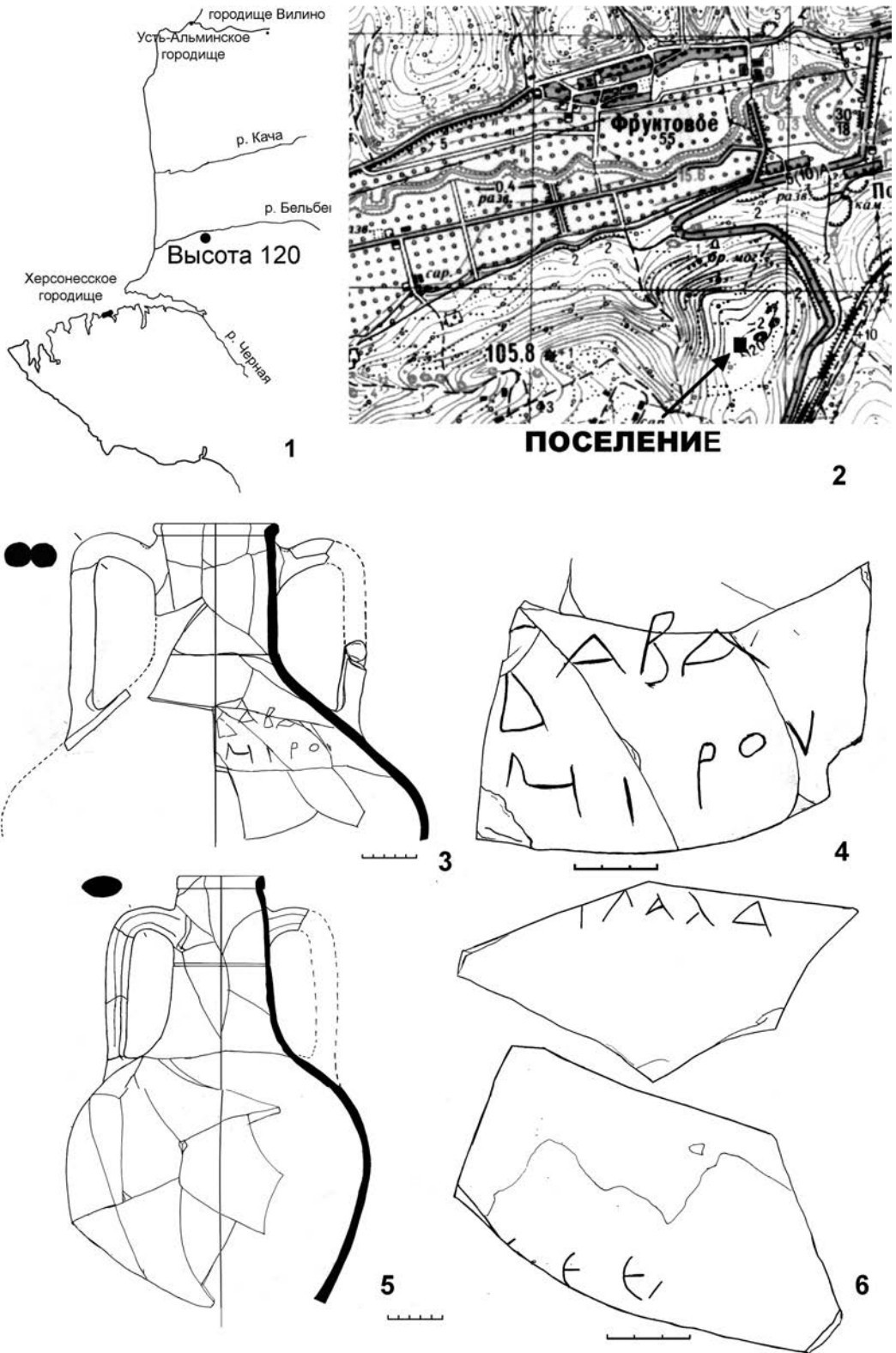

Рис. 1. Поселение на высоте 120 в Юго-Западном Крыму. 1 – план-схема расположения памятника; 2 – топографическая карта нижнего течения р. Бельбек; 3 – косская амфора; 4 – граффити на косской амфоре; 5 – синопская амфора; 6 – граффити на амфоре неизвестного центра.

к изделиям варианта III-D (вторая половина II в. до н.э.) (Монахов, 2004. С. 159). Многочисленными фрагментами представлена амфора производства неустановленного центра. В двух случаях на ее стенках зафиксированы граффити (рис. 1, б).

Помимо амфорного материала из культурного слоя происходят многочисленные обломки лепной керамики. В каменном завале над слоем разрушения найден небольшой фрагмент тулова «мегарской» чаши с орнаментом из мелких острых чешуйчатых листьев, принадлежащей ионийской группе сосудов.

Вновь открытый памятник, вне всякого сомнения, принадлежит к числу поселений хоры Херсонеса. Он уникален как в силу своего географического положения (удален от морского побережья, расположен фактически в горной местности, вдали от прочих эллинических усадеб и поселений), так и в силу сохранности (один из немногих в античной археологии Херсонеса случаев, когда удается обнаружить слой разрушения). Материалы из слоя гибели памятника следует датировать II–I вв. до н.э.; возможно, его разрушение произошло примерно в то же время, когда перестают функционировать и прочие поселения и усадьбы херсонеситов. Запланированные на последующие полевые сезоны исследования помогут уточнить не только ответ на этот вопрос, но и выяснить назначение и планировку памятника.

* Выражаю благодарность А.А. Филиппенко за предоставленную возможность обрабатывать материал и принимать участие в его публикации.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.

Ланцов С.Б. О границах территории Херсонесского государства на рубеже IV–III вв. до н.э. // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Симферополь, 2004.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003.

Савеля О.Я. Отчет о разведках на Северной стороне Севастополя и в Бельбекской долине в 1964–1965 гг. // Научный архив НЗХТ. 1965. Д 1198.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Е.В. Грицик

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
katgritsik@gmail.com*

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЗОЛЬНИК МИРМЕКИЯ

Античные зольники – один из интереснейших археологических объектов, интерпретация которого вызывает среди исследователей многочисленные споры. В Мирмекии открыто несколько крупных зольных насыпей. В представленных тезисах основное внимание будет уделено результатам, полученным во время недавних работ на зольнике 2, расположенном в центральной части городища. Практически весь объект был изучен экспедицией В.Ф. Гайдукевича в 1958–1966 гг., за исключением участка с юго-западной стороны насыпи (Гайдукевич, 1987. С. 65–99). Именно здесь, на недоследованном участке, и были сосредоточены раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа с 2008 по 2011 г. (Бутягин, 2012. С. 19, 20). За это время была изучена площадь порядка 250 кв. м, следовательно, общая площадь зольной насыпи составляла почти 1000 кв. м при высоте более 3 м. Объект сложен из коричневого суглинка с прослойками пепла и суглинка желтого цвета различной мощности и протяженности.

Исследуемый в последние годы участок зольника, как и остальная насыпь, содержит чрезвычайно большое количество вещевого материала. Существенное различие состоит в том, что на данном участке значителен процент находок, относящихся ко II в. до н.э., в то время как в изученной ранее части зольника материал, характерный для указанного времени, отсутствует. Насыпь начала формироваться на рубеже IV–III вв. до н.э. Указывая на отсутствие среди найденного материала вещей, характерных для конца III в. до н.э., В.Ф. Гайдукевич предположил, что верхние наслоения зольника 2 образовались не позже 250–230 гг. до н.э. (1965. С. 33). Последние исследования показали, что зольник функционировал не только в течение всего III в. до н.э., но и позже. Присутствие амфор эллинистического времени, в частности, с клеймами, которые датируются первой четвертью II в. до н.э., а также обломков «мегарских» чаш показывает, что насыпь

формировалась и в первой половине II в. до н.э. Самой поздней находкой является донце чаши с клеймом KIPBEI, которое относится к середине–концу II в. до н.э. (Коваленко, 1989. С. 29), следовательно, зольная насыпь функционировала как минимум до середины этого столетия.

Античные зольники, подобные мирмекийскому, известны в Северном Причерноморье как в черте городов, так и вне ее. Несмотря на то, что таким объектам посвящено большое количество работ, общепринятой их интерпретации до сих пор не существует. Одним из первых определить значение зольных насыпей пытался В.Ф. Гайдукевич, который интерпретировал зольник 2 как алтарь-эсхару и усматривал его связь с культом Деметры (1965. С. 28–37). Поддерживая точку зрения о культовом характере мирмекийских зольников, В.И. Денисова в работе, посвященной терракотам, рассматривает зольник 2 в контексте почитания не Деметры, а безымянного верховного женского божества (1981. С. 110–112). В развитие этой идеи была высказана гипотеза, которая связывает происхождение зольников на Боспоре с влиянием на северопонтийских эллинов местного населения, когда произошло слияние греческой и варварской религиозной практики (Денисова, 1981. С. 112; Виноградов, 1992. С. 113; Шауб, 2007. С. 309).

Современные исследования зольных насыпей в Мирмекии вызвали новую серию публикаций, посвященных интерпретации данных объектов. А.М. Бутягин предложил несколько иную их трактовку. Отмечая сравнительно небольшое количество находок, связанных с религиозной практикой, исследователь сделал вывод, что зольник имел двойственный характер – он использовался как культовый участок, где эпизодически проводились обрядовые действия, и обыкновенная свалка, куда жители Мирмекии приносили самый разнообразный мусор, периодически утрамбовывая его глиной в санитарных целях (Бутягин, 2005. С. 105, 106).

Можно согласиться с тем, что зольники, обнаруженные в Мирмекии и на других памятниках северопонтийского региона, не являются в полном смысле «эсхарами», как их охарактеризовал В.Ф. Гайдукевич. Однако с уверенностью можно говорить о том, что зольник 2 носил культовый характер. На это указывают находки из насыпи, прежде всего, посвященные граффити, терракоты, миниатюрные сосуды и фрагмент алтарика-фимиатерия. Необходимо также учитывать тот факт, что зольник 2 и предшествующий ему зольник 1 возникли на месте разрушенных святилищ, т.е. происходило своеобразное чередование на одном участке святилищ и зольных насыпей. Важно отметить и расположение зольника 2 в непосредственной близости от многокамерного здания с алтарем в одном из помещений (Грицик, 2007. С. 126–133). Весьма вероятно, что после проведения религиозных обрядов так называемый священный мусор, оставшийся после трапез и возлияний, выносили на специально отведенное для этого место. Например, туда, где раньше находилось другое святилище, и вследствие этого территория считалась сакральной (Русяева, 2005. С. 174). Известно, что очаг и пепел из него считались священными в греческой религии. Возможно, это также нашло свое отражение в появлении зольников, куда приносили не только вещи, которые могли использоваться в ритуальной практике, но и пепел из очага. Таким образом, можно предположить, что зольник помимо культового участка представляет собой и свалку, но образованную в результате сброса «священного мусора» из городских и домашних святилищ и, возможно, пепла из очагов жилых домов.

Бутягин А.М. К интерпретации зольников Мирмекии (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.

Бутягин А.М. Раскопки мирмекийского зольника в 2008–2011 гг. // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез. докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012.

Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Гайдукевич В.Ф. Мирмекийские зольники – эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103.

Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.

Грицик Е.В. Эллинистический дом с алтарем из Мирмекии // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007.

Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981.

Коваленко С.А. Античная рельефная керамика III–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ ФАНАГОРИИ

В 1984-1986 гг. на южной окраине Фанагории (раскоп «Южный город») были исследованы остатки стен монументального здания эллинистического времени, состоявшего из двух помещений, общая площадь которого превышает 30 кв.м. Помещение 1 было ограничено стенами А, Б и В, помещение 2 – стенами В, Г и Д*. Южная часть здания не сохранилась.

О том, что это была не ординарная жилая постройка, свидетельствует ее архитектурное оформление: на территории, относящейся к данному зданию, в непосредственной близости от него были найдены остатки полихромной штукатурки, рельефные детали декора, фрагменты ордерных деталей и пр. Интересной конструктивной особенностью являются небольшие углубления в блоках ракушечника стен помещения 1, выступающих за линию стен и расположенных на одинаковом, примерно 0,9 м, расстоянии друг от друга (Долгоруков, 1984. С. 6, 7; 1985. С. 49; Крыкин, 1984-1986. С. 11). Вероятно, эти блоки были предназначены для установки деревянных подпорок или колонн. В пользу того, что рассматриваемое сооружение имело общественное назначение, свидетельствует также комплекс происходящих из него находок.

Внутри помещения 1 прослежены остатки двух уровней глинобитных полов. Нижний уровень представлял собой тонкую прослойку глины с золой и включениями мелких угольков, ее толщина – 0,01-0,02 м. В юго-западном углу помещения при расчистке нижнего горизонта пола исследовано скопление обгоревших деревянных плах. В нем обнаружены тонкие полоски бронзы шириной 0,04-0,045 м, длиной 0,16-0,20 м. Вероятно, данное скопление является остатками сгоревшего деревянного ларца с бронзовой окантовкой. Кроме того, в завале были найдены 97 обгорелых астрагалов, бронзовое зеркало без ручки и массивный бронзовый браслет. В небольшом отдалении от остатков деревянного ларца лежала нижняя челюсть собаки.

В повседневной жизни эллинов астрагалы использовались для игры. Кроме того, их часто находят в инвентаре погребений, а также в святилищах. На Западном теменосе Ольвии зафиксировано около пятидесяти астрагалов, они по частоте встречаемости уступают лишь костяным рапилям (Древнейший теменос..., 2006. С. 206). Несколько овечьих астрагалов встречено при раскопках домашнего святилища в помещении А архаического дома в Тиритаке (Гайдукевич, 1952. С. 82). Ряд исследователей интерпретируют их как средство обмена, своего рода примитивные деньги. В частности, Р. Холмгрен, основываясь в том числе на теории Б. Лаума, полагавшего, что практика приношений божествам является основой для обмена между божеством и людьми, создал гипотезу о том, что астрагалы приносились в святилище в качестве замены денег. Возможно и их использование в магических целях (Laum, 1924. P. 213–216; Holmgren, 2004. С. 213-218).

Поверх нижнего уровня пола зафиксирован слой рушенных сырцов со следами пожара, а затем второй уровень пола. В слое пожара западнее стены В была найдена бронзовая монета (Долгоруков, 1985. С. 50)**. В заполнении объекта над остатками полов обнаружены терракотовые статуэтки: три однотипные фигурки всадников на статично стоящих лошадях, фрагменты статуэтки, изображающей Геракла, а также женского божества.

Статуэтки всадников, аналогичные найденным в интересующем нас комплексе, широко известны в коропластике Боспора с начала III в. до н.э. Их производство, вероятно, было налажено в Фанагории. Традиционно данный образ считается сугубо эллинским, привнесенным на Боспор с Родоса, где с архаической эпохи терракоты такого типа символизировали почитание конного божества в противовес культам конных героев, которые обычно были связаны с Посейдоном, в остальных регионах Греции. Статуэтки фракийских всадников часто рассматриваются в контексте локальных героических культов. С.М. Крыкин полагает, что почитание всадника на Боспоре испытало на себе несомненное влияние соляных иранских божеств и символизировало прежде всего обожествление власти, знати, аристократии и царя (1987. С. 59).

На полу помещения 2 были обнаружены фрагмент сероглиняного амфориска, трехгранный втульчатый наконечник стрелы, ядро для пращи, глиняное пряслице, а также терракотовая статуэтка воина с галатским щитом (Долгоруков, 1985. С. 49, 51). О том, что в помещении 2, как и в помещении 1, произошел пожар, после которого здание было перестроено, свидетельствует небольшой слой со следами горения вдоль стены В. В завале сырцов поверх пола второго строительного периода была обнаружена золотая бляшка, аппликация или медальон, и шесть бронзовых монет (Долгоруков, 1984. С. 7-9).

На основании анализа находок из здания время его существования определяется как третья четверть III – II в. до н.э. В.С. Долгоруков предполагает, что гибель постройки приходится на рубеж II-I вв. до н.э. и, возможно, связана с митридатовскими событиями на Боспоре.

Сочетание особенностей архитектурных остатков с характерными находками (астрагалы, терракотовые статуэтки), а также отсутствие очевидного жилого контекста данного сооружения позволяют предположить, что перед нами – общественная постройка, имевшая в том числе и религиозные функции. К сожалению, плохая сохранность объекта не позволяет сделать более конкретные выводы о его назначении. Здание функционировало на южной окраине Фанагории в третьей четверти III – II в. до н.э.

* В отчете за 1985 г. была изменена нумерация ряда стен и, чтобы избежать путаницы в дальнейшем, мы присвоили стенам единообразные буквенные обозначения: стена А – кладка LIII/2 (в отчете за 1984 г.); стена Б – кладка LIII/3 (в отчете за 1984 г.) и 53.2 (в отчете за 1985 г.); стена В – кладка LIII/4 (в отчете за 1984 г.) и 53.3 (в отчете за 1985 г.); стена Г – кладка LIV/1 (в отчете за 1985 г.); стена Д – кладка 54.2 (в отчете за 1985 г.).

** К сожалению, в отчете не приведено определение монеты и отсутствует ее фотография.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. Вып. 25. Боспорские города I. М.-Л., 1952.

Долгоруков В.С. Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р.-1. № 11166, 11166а. М., 1984.

Долгоруков В.С. Отчет о раскопках в Фанагории в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р.-1. № 11165, 11166б. М., 1985. Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.

Крыкин С.М. Полевой дневник. Тетрадь 3 (квадрат LIII) // Архив Фанагорийской экспедиции ИА РАН. 1984-1986.

Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. Вып. 191. 1987.

Holmgren R. «Money on the hoof». The astragalus bone – religion, gaming and primitive money // *Pecus. Man and animal in antiquity*. Rome, 2004.

Laum B. Heiliges Geld. Tübingen, 1924.

А.А. Строков

Берлинский университет имени Гумбольдта, anton-strokov@yandex.ru

ОБУВЬ НАСЕЛЕНИЯ ФАНАГОРИИ IV-V ВВ. Н.Э.*

Металлические детали одежды и обуви – массовые категории находок в позднеантичном некрополе Фанагории. Наиболее интересные комплексы из этих раскопок уже опубликованы (Медведев, 2009а; б; в). Настоящая работа посвящена обувным ремненным гарнитурам, найденным при исследовании Восточного некрополя Фанагории в 2005 г.

Обувные пряжки были встречены в четырех погребениях – № 1, 3, 12, 34. Все они, кроме экземпляров из погребения 12, парные (см. подробнее: Строков, 2009. С. 213). Все бронзовые, относятся к типу «хоботковых пряжек»: имеют округлую рамку, слегка утолщающуюся в передней части, и массивный язычок с уступом у основания и концом, значительно выходящим за рамку. Язычки некоторых пряжек орнаментированы насечками у основания и на кончике. Рамки и язычки изготовлены из проволоки. Все пряжки щитковые. Щитки прямоугольные, сделаны из бронзовой пластины, перегнутой пополам и крепившейся к рамке с помощью двух вырезанных петель. Нижняя часть щитка, как правило, меньше и тоньше верхней. К ремню пряжки крепились с помощью заклепки в центре щитка.

Пряжки с округлой рамкой и хоботковым язычком распространены на огромной территории от Франции до Урала и Казахстана, известны в захоронениях как оседлого, так и кочевого населения. В вопросах их датировки большинство исследователей единодушны. Их относят к концу IV – первой половине V в. (Айбабин, 1990. С. 28; Засецкая, 1990. С. 99. Рис. 1). По центральноевропейской хронологической шкале эти застежки характерны для фазы D2, или 380/400 – 440/450 гг. (Tejral, 1997. S. 338, 357. Abb. 17).

Наиболее интересен комплекс погребения 34. В склепе, в камере овальной формы, вытянуто на спине головой на северо-запад был захоронен воин. Вместе с погребенным обнаружены железные копье и нож, серебряные накладка и заклепка, краснолаковая миска, стеклянный стакан с каплями синего стекла. Четыре бронзовые пряжки (в том числе одна с округлым щитком, украшенным инкрустацией красных камней в технике «клуазонне») были найдены в районе таза (Медведев, 2009б. С. 178, 180). Более всего нас интересуют две парные пряжки, обнаруженные на

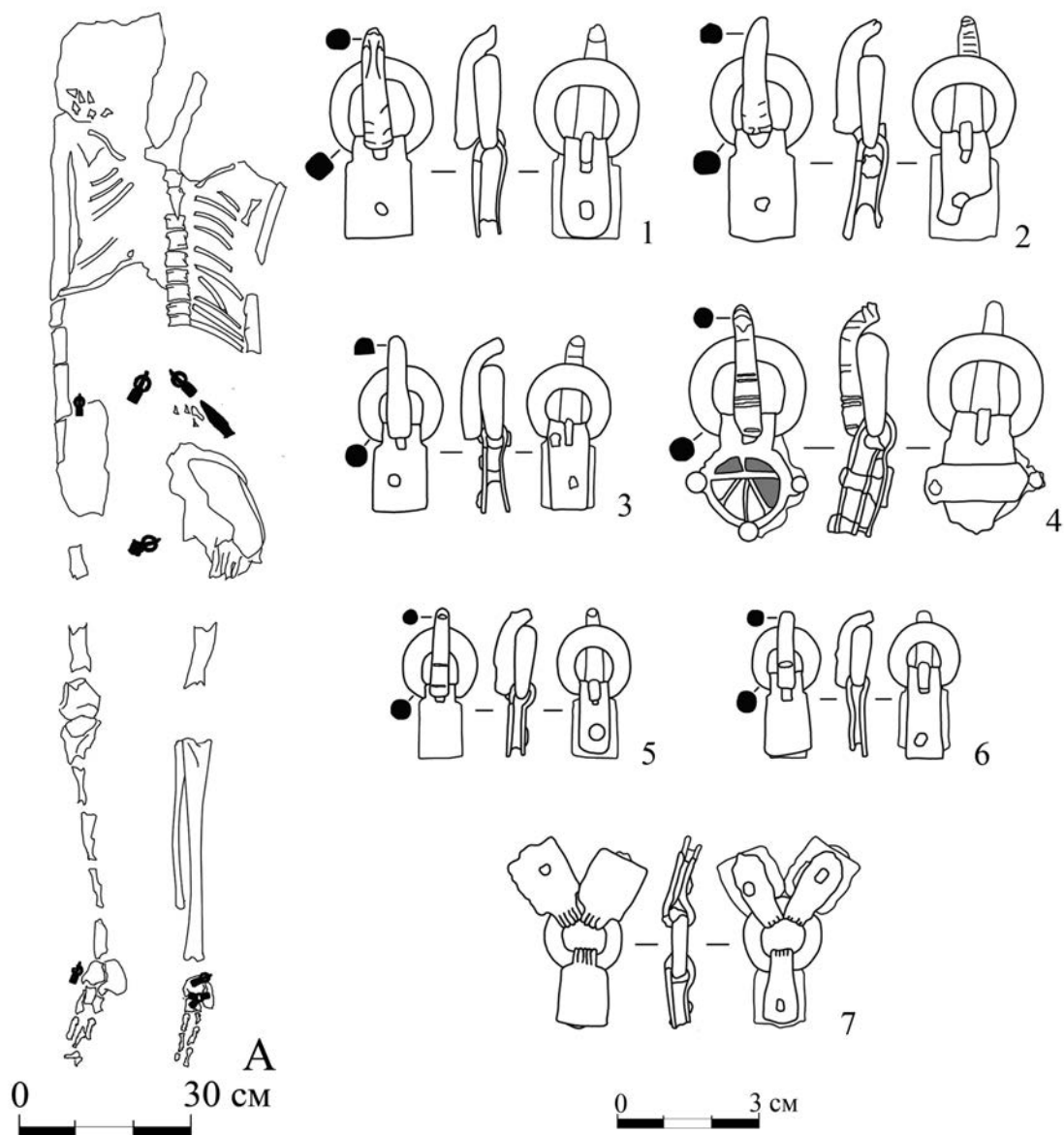

Рис. 1. План комплекса и ременные гарнитуры из погребения 34/2005 Восточного некрополя Фанагории (по: Медведев, 2009а).

обеих стопах погребенного (рис. 1, 5–6), и бронзовый распределитель ремней (рис. 1, 7). Пряжки относятся к упомянутому выше типу «хоботковых». Распределитель ремней изготовлен в той же технике, что и пряжки. Он представляет собой кольцо из круглого равномерного в сечении дрота, к которому крепились три зажима для ремней, подобные щиткам пряжек, только без вырезанных петель. Такие распределители известны в некрополе позднеантичного Танаиса (Аресеньева и др., 2001. С. 24, 25. Табл. 22, 310), раннесредневековом могильнике Лучистое в Крыму (Хайрединова, 2003. Рис. 3, 1, 3), погребении у с. Лихачевка Полтавской обл. (Обломский, 2004. Рис. 2, 5, 6), погребении 141 Безводнинского могильника в Поволжье (Краснов, 1980. С. 178. Рис. 41), погребении 65 могильника Плинкайгалис в Прибалтике (Kazakevicius, 1993. 136. pav.).

Кожаная обувь, закреплявшаяся на ноге ремненным биндажом и застегивавшаяся пряжкой, была широко распространена в эпоху переселения народов, а также в более позднее время, как на Востоке, среди кочевников, так и в Европе, например, среди германского населения (подробнее см.: Комар, 2010). На известном диптихе римский полководец вандалского происхождения Стилихон изображен в обуви, перетянутой ремнем и застегнутой пряжкой (Il Duomo, 1990. P. 20). Следует отметить, что некоторые из исследованных погребений с распределителями ремней были всадническими (Краснов, 1980. С. 178), а в могильнике Плинкайгалис, судя по реконструкции В. Казакевичюса, такие изделия использовались для крепления шпор (Kazakevicius, 1993. 138. pav.). Возможно, в погребении 34/2005 фанагорийского некрополя был захоронен конный воин.

К сожалению, реконструкция внешнего вида обуви сильно затруднена тем, что кожа и другие органические ее детали сохраняются очень редко. К тому же не всегда дошедшие до нас элементы (пряжки, распределители, наконечники ремней, в основном из старых раскопок) имеют четкую привязку и фиксацию в погребении, поэтому каждая новая находка остатков обуви вызывает большой интерес исследователей.

*Работа выполнена при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (Германия) в рамках программы поддержки молодых историков из России, Украины, Белоруссии и Молдавии.

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
- Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30. СПб., 1990.
- Комар А.В.* Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. н.э. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010.
- Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. М., 1980.
- Медведев А.П.* Воинское погребение из Восточного некрополя Фанагории // *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов.* Харьков, 2009а.
- Медведев А.П.* Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009б.
- Медведев А.П.* О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград, 2009в.
- Обломский А.М.* Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Строков А.А.* Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XXI. Симферополь, 2009.
- Хайрединова Э.А.* Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Il Duomo di Monza. I tesori.* Milano, 1990.
- Kazakevičius V.* Plinkagalio kapinynas // Lietuvos Archeologija. T. 10. Vilnius, 1993.
- Tejral J.* Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.

О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, helga-mir@yandex.ru

НОВАЯ НАХОДКА ДВУХКАМЕРНОГО СКЛЕПА В ФАНАГОРИИ

В первые века нашей эры в погребальной практике жителей Фанагории широкое распространение получают семейные усыпальницы – склепы. На сегодняшний день здесь открыто более 70 таких сооружений. В основном они представляют собой земляные однокамерные гробницы. Одним из редких вариантов подобных усыпальниц являются двухкамерные склепы. Их известно всего четыре: три были открыты В.Д. Блаватским (1941. С. 36, 37, 44-48; 1951. С. 204), еще один обнаружен в 2011 г. на восточном некрополе (Кузнецов, 2012).

Склеп имел конструкцию, включавшую дромос и две камеры с коридорами, располагавшимися на одной оси, ориентированной по линии север–юг. Подпрямоугольный в плане дромос немного расширился в сторону северной камеры (0,90-1,10 × 2,35 м). С его южной и северной (торцевых) сторон зафиксированы заклады из сырцового кирпича.

В северной стенке дромоса располагался вход в коридор, ведущий в северную камеру. При переходе дна коридора в дно камеры существовала ступенька высотой около 0,30 м. В северной камере (2,05 × 1,80 м) обнаружено два деревянных гроба. Гроб 1 (1,85 × 0,35-0,50 м) стоял на полу камеры вдоль ее западной стенки. В его южной части обнаружен череп мужчины 20-29 лет*, в северной – зафиксированы фрагменты костей ног. У черепа найдены листики погребального венка из золотой фольги, стеклянные бусы, фрагменты стеклянного сосуда. В северной части гроба, в области ног, обнаружены бронзовые браслет, кольцо, прямоугольная пластина, фрагмент фибулы, а также стеклянная бусина. Гроб 2 (1,85 × 0,30 м) располагался на расстоянии 0,15 – 0,30 м к востоку от гроба 1. В нем находился скелет мужчины 45-55 лет, который лежал не в ана-

томическом порядке. Погребальный инвентарь отсутствовал. В юго-западном углу камеры стоял лепной сероглиняный светильник.

В южной стене дромоса зафиксирован вход в коридор, ведущий в южную камеру склепа. При переходе дна коридора в дно камеры существовала ступенька высотой около 0,20 м. В южной камере (2,05 × 1,50 м) найдено два деревянных гроба. Гроб 3 (1,80 × 0,35-0,45 м) располагался в центральной ее части. В нем был обнаружен скелет мужчины 45-55 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на север (к выходу из камеры). Руки вытянуты вдоль тела, ноги параллельны. Погребальный инвентарь отсутствовал. Гроб 4 (1,85 × 0,30-0,45 м) стоял вдоль восточной стены камеры. В нем находился скелет мужчины 45-55 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на север. Руки вытянуты вдоль тела, ноги параллельны. У кисти правой руки располагался железный нож, между лучевыми костями правой руки и ребрами найден фрагмент стеклянного сосуда. На восточной стенке гроба зафиксированы фрагменты гипса.

Склеп был ограблен в древности, все скелеты потревожены. Из погребального инвентаря наибольший интерес представляет фрагмент бронзовой фибулы. Судя по сохранившимся деталям (головка и игла), она относится, вероятно, к двучленным прогнутым подвязным фибулам варианта 16-3-III по А.К. Амброзу (1966. С. 69). Подобные экземпляры датируются концом IV – началом V в. н.э. Остальные вещи, обнаруженные в склепе, существовали в более широких хронологических рамках. Так, бусы синего стекла типа 15, бусы округлые из бесцветного прозрачного стекла с желтоватым оттенком типа 17, цилиндрические бусы из прозрачного желтовато-зеленого стекла типа 64 по Е.М. Алексеевой (1978. С. 64, 65, 67) характерны для захоронений позднеантичного времени. Время бытования лепного сероглиняного светильника с открытым резервуаром типа 7 по Т.М. Арсеньевой (1988. С. 97, 98) может быть определено в рамках III – V вв. н.э., когда подобные лампы получают распространение в городах и поселениях Северного Причерноморья (Арсеньева, 1988. С. 90). По результатам анализа сохранившегося после ограбления инвентаря склеп может быть датирован концом IV – серединой V в. н.э.

Следует отметить, что три аналогичные гробницы, открытые ранее, также относятся к эпохе Великого переселения народов. Таким образом, двухкамерные склепы, появившись в фанагорийском некрополе в конце IV – начале V в. н.э., сосуществуют с однокамерными гробницами. Подобные погребальные сооружения известны и в других некрополях: у мыса Тузла (Зеест, 1953. С. 156-158), поселения Красноармейский 1 (Чхаидзе, 2007. С. 247-251), Китея (Ханутина, Христановский, 2009. С. 58-69). Распространение двухкамерных семейных усыпальниц, возможно, связано с появлением нового негреческого населения на Боспоре. Такие склепы не встречаются в более ранние периоды и являются, скорее всего, элементом, привнесенным в погребальную практику фанагорийцев в позднеантичную эпоху.

* Антропологические определения д.и.н. М.В. Добровольской.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1-30.

Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М., 1988.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936-1937 гг. // Труды ГИМ. 1941. Вып. XVI.

Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. Вып. 19.

Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИА. 1953. Вып. 51.

Кузнецов В.Д. Отчет Фанагорийской экспедиции ИА РАН за 2011 г. // ОПИ ИА РАН. 2012.

Ханутина З.В., Христановский В.А. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // Боспорский феномен. СПб., 2009.

Чхаидзе В.Н. Позднеантичные склепы у пос. Красноармейский на Таманском полуострове // Боспорский феномен. Ч. I. СПб., 2007.

Е.Г. Застрожна

Санкт-Петербургский филиал архива РАН, pankratova0484@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ XIX СТОЛЕТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ФАНАГОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА

Фанагория – древняя столица Азиатского Боспора, в настоящее время является крупнейшим античным памятником на территории Российской Федерации (Кузнецов, 2010. С. 431). История изучения этого города насчитывает уже более двух веков и изобилует интересными сюжетами, не известными широкому кругу исследователей.

Ввиду того, что на протяжении последних лет наблюдается резкий подъем интереса к истории и археологии Фанагории со стороны общественности, особую актуальность приобретает работа над проектами, посвященными истории археологического изучения этого памятника в дореволюционное время (конец XVIII в. — 1917 г.). Помимо публикации научных статей и создания виртуальных экспозиций эффективным и интересным способом подачи информации по данной теме является проведение экскурсий на территории самого памятника.

Наиболее удачной точкой для проведения подобного рода экскурсий следует считать вершину Майской горы, с которой открывается прекрасный вид на фанагорийское городище, западный и восточный некрополи, а также южную аллею курганов. Учитывая расположение горы в отдалении от археологического лагеря, представляется целесообразным проведение тематических экскурсий в форме, сочетающей элементы экскурсии-прогулки с экскурсией-лекцией. В ходе проведения устной части экскурсии в определенных местах экскурсовод показывает объекты, используя при этом методику реконструктивного рассказа и демонстрацию дополнительных наглядных материалов.

Представляется целесообразным построение рассказа и показа следующим образом. В качестве краткого вступления приводятся общие сведения о присоединении земель Северного Причерноморья к территории Российской империи (Тункина, 2002. С. 38) и кратко излагается история локализации Фанагории близ станции Сенной. Затем повествуется о первых грабительских раскопках фанагорийских курганов и об археологических исследованиях, проведенных А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей в 1838-1847 гг. Более подробно освещается ход и результаты полевых исследований К.Р. Бегичева, которые он проводил под руководством Л.А. Перовского (1851–1853, 1855 гг.). В ходе дальнейшего повествования особо выделяется создание Императорской археологической комиссии (1859 г.) и ее роль в организации и проведении археологических исследований на территории России вообще и Фанагории в частности (раскопки К.К. Гёрца, И.Е. Забелина, В.Г. Тизенгаузена, А.Е. Люценко, Н.П. Кондакова, В.В. Верebrюсова и К.Е. Думберга) (Виноградов, 2009. С. 248). В заключение подводится итог археологической деятельности по изучению Фанагории с конца XVIII до начала XX в. **Весь рассказ сопровождается показом сохранившихся на поверхности объектов (городища и насыпей курганов) вкупе с демонстрацией соответствующих иллюстраций, преимущественно неизвестных до настоящего времени (карты, планы, фотографии и копии полевых дневников XIX в.)**

Таким образом, экскурсанты получают сведения об истории археологического изучения Фанагории с конца XVIII в. до 1917 г., наблюдая объекты показа в реальном времени и частично получая представление о том, какими они были в период описываемого события. Подобный способ изложения и демонстрации обеспечивает максимальное достижение поставленной цели.

Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

Кузнецов В.Д. Фанагория — столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. III. М., 2010.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб., 2002.

И.В. Мезенцева

Национальный музей истории Украины, Киев, olenka_ivenochek@ukr.net

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ СВИНЦА ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИИ 1935-1939 ГГ. В КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Изделия из свинца, ставшие объектом настоящего исследования, были найдены в 1936-1939 гг. экспедицией Института археологии АН Украины под руководством Л.М. Славина во время раскопок Ольвии (с. Парутино Николаевской обл.). В 1938-1939 гг. они были переданы в фонды Национального музея истории Украины.

Рассматриваемая коллекция незначительна (12 предметов) и состоит из бытовых и культовых вещей, которые специальному изучению не подвергались и до сих пор не опубликованы. Среди культовых изделий в первую очередь можно назвать букрании, которые представляют собой стилизованные ажурно-рельефные изображения головы быка. В археологических фондах Национального музея истории Украины сохраняется восемь свинцовых букраниев, шесть из которых – в мелких обломках, два – в удовлетворительном состоянии. Они отличаются разнообразием рельефных украшений, среди которых наиболее распространены листья плюща, гроздь винограда, розетки, веточки.

1. Букраний (инв. № Б 3-2687, длина 59 мм, ширина между рогами 72 мм, ширина пластины 50 мм; рис. 1, 1) был найден в 1936 г. в раскопе II, квадрат 6-42. На лбу имеет изображение восьмиугольной звезды (солнца), над ним расположен веночек из тонких веточек. Датируется VI–V вв. до н.э. (Зайцева, 1971. С. 84).

2. Букраний (инв. № Б 6-760, длина 60 мм, ширина 50 мм; рис. 1, 2) был найден в раскопе II в 1939 г. На лбу рельефом подчеркнута шерсть, над ней – четыре выпуклые точки или жемчужины. Датируется VI–V вв. до н.э. (Зубарь и др., 1988).

К художественно выполненным культовым вещам можно отнести контурную пластину (инв. № Б 5-451, общая высота 40 мм, ширина 31 мм; рис. 1, 3), с одной стороны гладкую, с другой – с рельефным изображением всадника, которая была найдена в 1937 г. Голова и часть ноги всадника отбиты. Находка датируется VI в. до н.э. Могла использоваться как культовая подвеска (если предположить, что над головой фигурки существовал крючок или колечко) или служить украшением, которое нашивалось на одежду (Зубарь, 1986).

Культовой вещью также считается статуэтка, изображающая женщину в длинной одежде с немного склоненной вперед головой (инв. № Б 5-160, высота 51 мм, ширина 15 мм, ширина подставки 18 мм; рис. 1, 4). Статуэтка крепится на подставке, которая имеет небольшое отверстие. Левая рука изображения отбита по локоть. Датируется V в. до н.э. Использовалась как насадка, навершие, возможно, веретена (Зубарь, 1982. С. 119).

Качество обеих этих вещей невысокое, очевидно, из-за ограниченных возможностей свинца как металла для тонкого литья.

Уникальными изделиями из свинца считаются оправы для зеркал. По мнению исследователей, в античные города Северного Причерноморья бронзовые зеркала начали поступать из Греции, где временем наивысшего расцвета их производства считается VI в. до н.э. Греки приписывали изобретение зеркал Гефесту (Паньков, 1994. С. 99). Во второй половине V в. до н.э. ольвийские мастерские наладили изготовление зеркал разнообразных форм, которые быстро расходились на внутреннем и внешнем рынках. В то время материалом для изготовления зеркальной поверхности служила бронза, которая покрывалась тонким слоем сплава меди и олова. Позднее, в начале новой эры, когда в Северное Причерноморье начали поступать зеркала из Европы, они уже были полностью свинцовые. Из свинца изготовляли не только оправы, но и

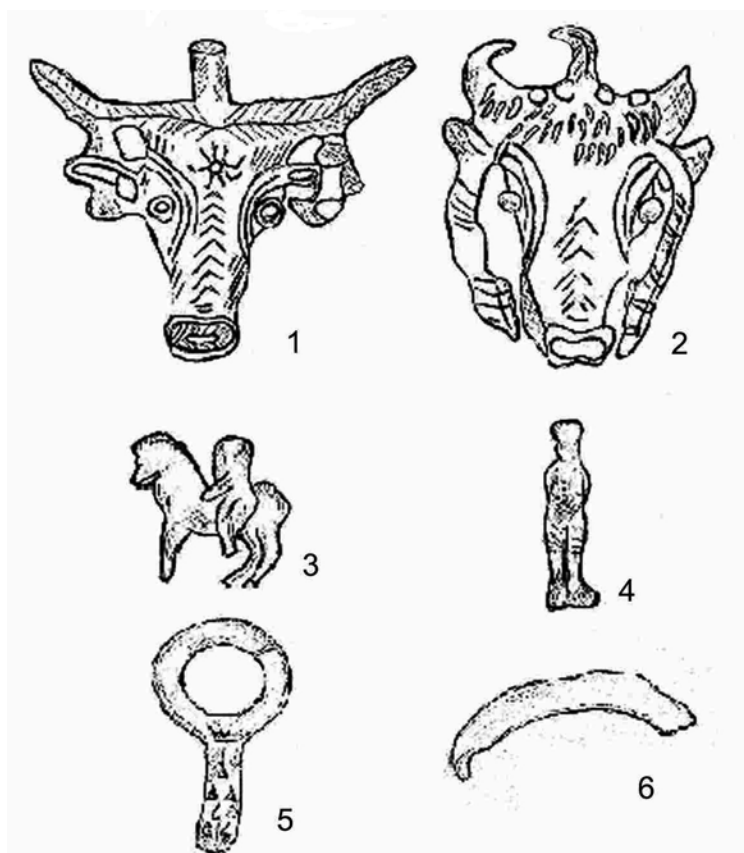

Рис. 1. Свинцовые изделия из раскопок Ольвии 1935-1939 гг. в коллекции Национального музея истории Украины.

главную зеркальную часть, используя при этом стекло. Техника производства была очень сложна (Скрижинская, 1984. С. 106).

В археологических фондах Национального музея истории Украины сохраняются две оправы зеркал: одна изготовлена в виде диска с отверстием, с рельефным ободом по внешнему краю (инв. № Б 5 – 161, длина ручки 38 мм, ширина диска 36 мм; рис. 1, 5). Обратная сторона гладкая. Ручка зеркала треугольная в разрезе, имеет украшения каплевидной формы с точкой посередине. находка сделана в 1938 г., датируется II–III вв. до н.э. Вторая оправа представляет собой фрагмент диска (инв. № Б 3 – 2598, ширина 13 мм, диаметр 92 мм, рис. 1, 6), найдена в 1936 г. в раскопе I. Лицевая сторона имеет рельефные ободы по внутреннему и внешнему краю. Обратная сторона гладкая. Края острые, необрезанные. Датируется II–III вв. н.э. (Калашник, 1979. С. 137).

Такие зеркала изготовлялись в римских провинциях на территории современных Италии, Болгарии, Румынии. В Северное Причерноморье их, возможно, завезли римские legionеры. В отношении выполняемых ими функций мнения исследователей расходятся: их считают элементами погребального инвентаря, вещами культового назначения, туалетными принадлежностями, амулетами.

Аналогичными вышеописанным ольвийским образцам можно считать находки с поселения Гомолава (Словения). Здесь во время раскопок было найдено 50 свинцовых зеркал, которые датируются III–V вв. н.э. (Brukner, 1992. S. 67. Tab. 2; 3).

Рассмотренные изделия из свинца существенно дополняют наши представления о быте, культуре, искусстве и идеологии населения Ольвии, а также предоставляют новую информацию о цветной металлообработке в античных центрах Северного Причерноморья.

Зайцева К.И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.

Зубарь В.М. О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры. М., 1986.

Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Калашник Ю.П. Свинцовые рамки стеклянных зеркал в Собрании Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Паньков С.В. Стародавня чорна металургія на території південного заходу Східної Європи // Археологія. 1994. № 4.

Скрижинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Brukner O. Gomolava. Rimski period. Novi Sad, 1992.

Е.В. Вдовченко

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, vdovchenkov@yandex.ru

ТАМГИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САРМАТОВ И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАНАИСА*

Взаимоотношения с оседлым миром играют для nomadов очень важную роль. Одним из аспектов этих взаимоотношений, механизмы которых еще не вполне ясны, является седентаризации nomadов и включения их в оседлые социумы, особенно города. Что происходит после того, как кочевник сходит с коня и запирает себя в душной тесноте городов? Этот вопрос важен для понимания жизни боспорских городов в римскую эпоху, особенно Танаиса.

Во II в. н.э. в Танаис вливается волна переселенцев, и следы иранского влияния мы видим в погребальном обряде, именах жителей города, появлении новых традиций, чуждых грекам, изменении религиозной ситуации.

Тамги – ценнейший источник по изучению взаимодействия оседлого населения и nomadов. В сарматском мире это знаки клановой принадлежности. Они появляются в Восточной Европе в I в. до н.э. и на рубеже эр из Центральной Азии, где данная традиция бытует с эпохи бронзы. Широкое распространение тамги получают среди кочевников в среднесарматский период. Конечно, не все тамги – сарматские, существуют, например, царские знаки, но основной объем подобных находок связан с кочевым миром. В Танаисе, Пантикапее и других городах они появляются вместе со своими носителями и свидетельствуют о контактах местного населения с nomadами и проникновении nomadов в город.

Примечательно, что тамги в Танаисе встречаются в комплексах II–III вв. – позднесарматского времени, а также в комплексах IV–V вв.

Среди находок тамг преобладают изображения на плитах. Наиболее перспективны для исследования так называемые «энциклопедии тамг». По мнению С.А. Яценко, помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных акций, пиров, политических мероприятий (заключение союза, переговоры и т.п.). Тамги также встречаются на сосудах, оселках и других предметах.

Один из вопросов, связанных с появлением нового населения в Танаисе во II в. н.э., – этнокультурная принадлежность мигрантов. Ряд исследователей придерживаются мнения об их среднесарматском (Яценко, 2011; Батиева, 2007. С. 401), другие – о позднесарматском (Шелов, 1974. С. 92; Безуглов, 2010. С. 109) происхождении. На данном этапе исследований эта проблема не может быть решена, но некоторые соображения и факты могут оказаться важны для ее понимания.

По материалам девяти плит «энциклопедий тамг» С.А. Яценко приходит к выводу, что большая часть знаков относится к типам, имевшим основное хождение в степной зоне в I-II вв. н.э., но встречаются и знаки, характерные для II-III вв., т.е. позднесарматского периода (Яценко, 2001. С. 73, 74). Следует обратить внимание, что, по мнению С.А. Яценко, «энциклопедии тамг» являются свидетельством коллективных акций и переговоров, участвовать в которых могли и сарматы из степной зоны, обладавшие значительной военной и политической мощью. Поэтому позднесарматские тамги на плитах не обязательно говорят об этнокультурном составе населения Танаиса.

В этом контексте интересно посмотреть на тамги с городища и некрополя Танаиса. Они дают более адекватное представление о культуре и происхождении иранской общины города, нежели «энциклопедии». Тамги встречаются на глиняных сосудах (Ильяшенко, 2007. С. 38; Яценко, 2001. Рис. 6, 28), бронзовых обкладках деревянных сосудов (Яценко, 2001. Рис. 6, 23), серебряном канфаре (Яценко, 2001. Рис. 7, 26, 27), свинцовых гирях (Яценко, 2001. Рис. 6, 35), бронзовых зеркалах (Яценко, 2001. Рис. 6, 27), оберегах, грузилах**. Анализ опубликованного и неопубликованного материала позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые знаки наиболее близки тем, что характерны для среднесарматского периода. Таким образом, тамги являются еще одним аргументом, позволяющим сближать иранское население Танаиса и носителей среднесарматской культуры.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Сарматские тамги Танаиса и его округи: публикация и историческая интерпретация», проект № 01 (а1) -12-31-01054.

** Материал не опубликован. В ближайшее время планируется его публикация в рамках гранта РГНФ № 01 (а1) - 12-31-01054 под руководством С.М. Ильяшенко.

Батиева Е.Ф. К вопросу об искусственно деформированных черепахах из нижнедонских могильников сарматского времени // Человек в культурной и природной среде: труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения В.П. Алексеева. М., 2007.

Безуглов С.И. Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Матер. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2010.

Ильяшенко С.М. Верхний и нижний город Танаис (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. № 2. Ростов-на-Дону, 2007.

Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Яценко С.А. К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников Азиатской Сарматии 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. № 12. Волгоград, 2011.

М.О. Чурбанов

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, ragnar-barbarian@yandex.ru

КУВШИН С ТАМГАМИ ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ТАНАИСА*

В 2003 г. в Танаисе были начаты исследования на раскопе XXVIII. Он располагается в 40 м к югу от юго-западного угла городища и южного окончания западного оборонительного рва. Данный участок считался нежилым, ибо неоднократно затапливался в древности. Целью полевых исследований были поиски кварталов нижнего города в пойменной части реки Мертвый Донец (Ильяшенко, 2007. С. 25).

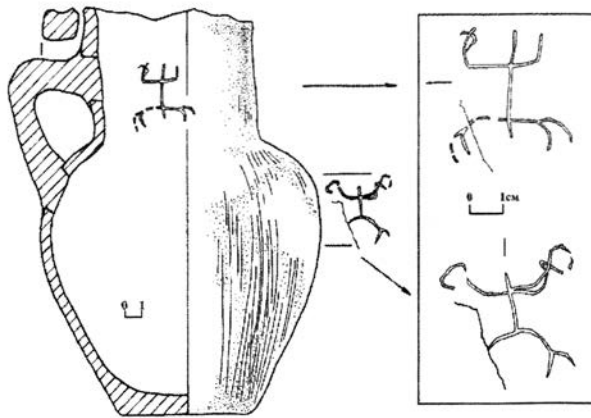

Рис. 1 Лепной кувшин с тамгами из дома № 2 (по: Ильяшенко, 2007).

В результате работ на площади в 80 кв. м были открыты остатки двух квадратных в плане домов размерами 4,5 x 4,5 м. Углы домов были закруглены. Сооружения располагались параллельно друг другу, между ними проходила улица шириной около 1,5 м. Лучшую сохранность имеет дом № 2. В нем был обнаружен очаг, находившийся в середине постройки, и округлая в плане печь – в северо-восточной ее части. На полу и в печи найдены развалы керамики, относящейся к IV в. Среди развалов зафиксирован лепной кувшин, на горле и тулове которого изображены две тамги (Ильяшенко, 2007. С. 38; Арсеньева и др., 2004. С. 122, 123).

Лепная керамика данного типа достаточно часто встречается в комплексах IV в. и имеет различные морфологические особенности (Арсеньева, Науменко, 1995. С. 48; Беттгер, Ульрих, 2000. С. 298, 299). Рассматриваемый кувшин поврежден, что не позволяет нам дать его полную характеристику.

На горле и тулове сосуда изображены две тамги, различные в деталях рисунка (рис. 1). Тамги как знаки собственности определенного клана могут предоставить информацию о сферах деятельности и распространении власти клана или рода на той или иной территории.

В данном случае тамги представляют собой граффито, поскольку были процарапаны на кувшине уже после его обжига. В случаях с граффито, сделанными после изготовления сосуда, их «тамговый» характер обычно не оспаривается (Яценко, 2001. С. 24, 25).

Интересующие нас знаки, по любезному сообщению С.А. Яценко, имеют близкие параллели в Крыму и Средней Азии. В самом Танаисе прямых аналогий им нет. На фрагменте плиты, найденной на XIX раскопе в 1993 г., имеется тамга, близкая той, что расположена на горле кувшина. При этом следует отметить, что большинство плит из коллекции раскопа XIX 1993 г. относятся к середине II – первой половине III в.

Как известно, после разгрома Танаиса в середине III в. жизнь в городе возрождается только в середине IV в. (Шелов, 1972. С. 307-331; Кругликова, 1966. С. 41-43). Вопрос об этнической принадлежности населения Танаиса середины IV в. с давних пор дискусионен. Некоторые исследователи предполагают возможность его германского происхождения (Гудименко, 1998. С. 95, 96). На наш взгляд, предпочтительнее иное решение проблемы.

В середине II в. население Танаиса потерпело поражение от представителей позднесарматских племен, после чего возникла «варварская» община танаитов иранского происхождения. По мнению ряда исследователей, варвары, появившиеся в городе после позднесарматского нашествия, были представителями среднесарматской общности (Базилевич, Гугуев, 2012. С. 159). Это мнение подтверждает анализ лепных курильниц из Танаиса (Базилевич, Гугуев, 2012. С. 159, 160). Влившись в состав местного населения, носители среднесарматских традиций начинают играть важную роль в религиозной, политической и экономической жизни общества, о чем свидетельствует представительный иранский ономастикон города середины II – первой половины III в. (Яценко, 1998. С. 54, 55).

Возможно, перед самым разгромом Танаиса в III в. представители «варварской» общины покинули город. Не исключено, что их потомки вернулись в IV в. Это мнение подтверждает сравнительный анализ черепов жителей Танаиса середины II – первой половины III в., с одной стороны, и второй половины IV в., с другой. Полученные результаты свидетельствуют, что краниологические комплексы первой и второй групп фактически идентичны (Батиева, 2007. С. 99).

Таким образом, знак на сосуде является еще одним аргументом в пользу того, что в IV в. в Танаисе жили потомки танаитов II–III вв., возвратившиеся в город.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта «Сарматские тамги Танаиса и его округи: публикация и историческая интерпретация», проект № 01 (a1) - 12-31-01054.

- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Танаис IV – V вв. н.э. (по материалам раскопок 1989 – 1992 гг.) // Боспорский сборник. Вып. 6. М., 1995.
- Базилевич Л.О., Гугуев Ю.К.* О средне- и позднесарматском компонентах в составе населения Танаиса в сер. II – первой пол. III в. н.э. (по материалам лепных курильниц сарматских типов) // XXVII «Крупновские» чтения. Махачкала, 2012.
- Батиева Е.Ф.* Население Танаиса по антропологическим данным // Вестник Танаиса. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2007.
- Беттгер Б., Ульрих М.* Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // Сарматы и их соседи на Дону: Матер. и исслед. по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000.
- Гудименко И.В.* Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов (по материалам поселений и могильников в дельте р. Дон) // VII **Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы»**: Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1998.
- Ильяшенко С.М.* Верхний и нижний город Танаис (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2007.
- Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М., 1966.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко С.А.* Имена аланов из Танаиса второй половины II – первой половины III в. н.э. как исторический источник // *Донская археология*. № 1. Ростов-на-Дону, 1998.

А.В. Лисовский

Смоленская Православная Духовная семинария, alix_liss@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА В МАЛОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТА ФРИГИЙСКОЙ МАТЕРИ БОГОВ КИБЕЛЫ

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть сложный и противоречивый образ Великой Матери богов Кибелы, следствием многозначности которого явились идентификация фригийской богини с целым рядом восточных, греческих и римских божеств и возникновение синкретического образа сначала в Малой Азии, а затем и в средиземноморском регионе.

Источники изучения культа Великой Матери Кибелы весьма многочисленны, разнообразны, но фрагментарны. Систематизация источниковой базы закономерно приводит к выделению трех их основных категорий: 1) материалы археологических изысканий*; 2) данные литературной традиции; 3) документальные свидетельства.

Термин «синкретизм» наиболее уместен при характеристике соотношения образов Кибелы Фригийской, Кебабы Хеттской и Геи Греческой. Это не сближение, не идентификация, не рождение нового смешанного культа, это полное слияние богинь, подтвержденное многочисленными источниками.

Своими истоками культ Кибелы восходит к неолитическим культурам древнейших обитателей Анатолии. Воспринятая фригийцами и ставшая главным божеством фригийского пантеона, включенная в пантеон хеттов хурритско-лувийская богиня Кубаба, почитавшаяся с начала II тыс. до н.э. на обширных территориях от центральной Анатолии до Северной Сирии, является наиболее близкой по времени предшественницей Кибелы.

Фригийцы внесли в культ древней анатолийской богини Кубабы некоторые черты своих религиозных воззрений и обрядности. К функциям богини плодородия добавились функции регулирования и упорядочивания стихийных природных начал, она стала владычицей гор, лесов и зверей. К VI-IV вв. до н.э. Кибела уже считалась прародительницей всего сущего, а главное – матерью богов. Мы почти не располагаем данными о функциях анатолийской Кубабы, но, основываясь на ее изображениях с гиперболизированными половыми признаками, исследователи считают ее прежде всего богиней плодородия и чадородия. Кибела предстает уже в несколько ином виде. Она становится во главе пантеона, поклонение ей широко распространяется в больших фригийских городах. В образе Кибелы все более заметны царственные черты, появляется трон вместо львов (хотя и львы из ее иконографии не исчезают), головной убор в виде короны или крепости, музыкальные инструменты, отмечающие особенности отправления культа. Фигура становится более изящной. Появляются черты лица, что говорит о большей персонификации богини (Богатова, 1998. С. 291).

Культ богини Матери был привлекателен для соседних народов в силу того, что в большинстве языческих культур почиталось женское начало и существовали антропоморфные божества плодородия. Он легко мог быть приспособлен к местным особенностям, и вскоре стал распространяться в средиземноморском регионе. С VI в. до н.э. культ Кибелы существовал в Элладе, где

эта богиня отождествлялась с Реей, супругой Кроноса, матерью Зевса и других богов. В Афинах, на Агоре, находился храм Метроон («Матери богов») работы Фидия или Агоракрита. К сожалению, утерян гимн Кибеле, сочиненный Пиндаром, который, кажется, установил в родных Фивах частный культ Великой фригийской Матери. Однако во фрагменте сохранилось тройное сакральное имя богини, по-гречески передающее аккадское именование Кубабы – «госпожа» (Henrichs, 1976. Р. 284), и фригийский эпитет божества «Матерь».

Введение культа Кибелы в Риме (204 г. до н.э.) совпало с концом Второй Пунической войны, когда римляне активно продвигались на восток. Согласно изречению «Сивиллиных книг», особым посольством торжественно был перевезен древний символ культа богини, темноцветный камень (вероятно, метеорит) из ее храма в Пессинунте – черный камень в виде фаллоса. Самим римлянам вначале было запрещено принимать участие в обрядах культа Кибелы; распространяться между ними он начал лишь во времена Империи. В Риме Кибела становится покровительницей благосостояния городов и вообще всего государства. Показательно отношение к богине со стороны императора Юлиана Отступника, написавшего в 362 г. в Пессинунте гимн «К Матери богов», в котором он пытался адаптировать фригийскую религию к неоплатонической философии (Богатова, 1998. С. 291).

Таким образом, в результате постепенного наслоения в одном образе разнообразных религиозно-мифологических представлений культ древней азиатской богини к IV в., представ своеобразным синкретическим символом язычества, превратился в одного из главных соперников христианства наряду с религией Исиды и митраизмом и неоплатонизмом.

* Исследования Дж. Меллаарта в южной Анатолии – поселения Чатал-Гююк и Хаджилар, материалы раскопок в главном культовом центре – Пессинунте, данные нумизматики, исследования У. Рамсея, П. Ламбрехтса, А. Нока, Алла, Макконнелла и др.

Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности: К проблеме религиозного синкретизма в античности. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

Henrichs A. Despoina Kybele: ein Beitrag zur religiösen Namenkunde II // Harvard Studies in Classical Philology. № 80. Harvard, 1976.

Р.В. Тихонов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 478042316789@mail.ru

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА С ГОРОДИЩА ДАБИЛЬКУРГАН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

В 2012 г. сотрудники кафедры всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина продолжили изучение городища Дабилькурган, начатое ими в 2010 г. (Соловьев, 2010. С. 143–148; Соловьев, Шейко, 2012. С. 262–268). Среди наиболее значимых находок из кушано-сасанидского культурного слоя следует отметить антропоморфную терракотовую статуэтку (рис. 1).

Она изготовлена из серо-желтой глины хорошего качества, без видимых примесей, и оттиснута в матрице. Внутренняя сторона изделия покрыта темно-красным ангобом, который, однако, нанесен неплотно и легко отслаивается от поверхности. Статуэтка представляет собой изображение стоящего во весь рост мужского персонажа, его руки спускаются вдоль торса, кисти и пальцы рук переданы достаточно условно. Пожалуй, главной особенностью иконографии данного персонажа является то, что внутренняя сторона кисти левой руки повернута наружу.

К сожалению, статуэтка сохранилась лишь частично (5,5 × 3,9 × 1,9 см), что затрудняет ее атрибуцию. Несмотря на это, можно сделать ряд наблюдений. Очевидно, статуэтка передает изображение культового характера. В Бактрии кушано-сасанидской эпохи одно из ведущих мест в религиозной жизни населения продолжал занимать буддизм, широко распространившийся в связи с образованием Кушанского государства (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 137; Литвинский, 1972. С. 148). Для буддийской терракотовой пластики характерны изображения Будды, бодисатв,

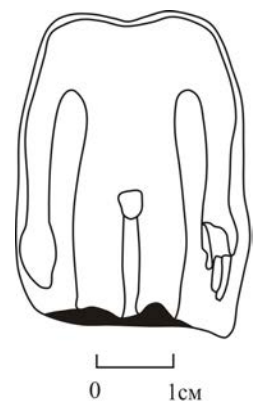

Рис. 1. Антропоморфная терракотовая статуэтка с городища Дабилькурган в Северной Бактрии.

донаторов и одорантов, якша, якшинь, митхуны (Ставиский, 1998. С. 137–145; Мкртычев, 2002. С. 174–184; Завьялов, 2008. С. 97–103).

Наиболее близкие аналогии дабилькурганская статуэтка находит в коропластике городищ Хатын-рабат (Массон, 1941. С. 77, 78; Пугаченкова, Ремпель, 1960. С. 63) и Тепаи-шах (Литвинский, Седов, 1983. С. 51, 52). Статуэтка из Хатын-рабата, хранящаяся в Термезском археологическом музее, изображает бодисатву Аволокитешвару. Это «прямо стоящий персонаж с руками, опущенными вдоль корпуса в вараде мудре, одетый в юбку антаравасака, с волосами, собранными в пучок под левым виском. Вдоль всей его фигуры с левой стороны тянется стебель лотоса, который бодисатва придерживает рукой» (Ганевская, Заславская, 1977. С. 91).

Статуэтку с городища Тепаи-шах характеризует фронтальное расположение фигуры, доминирование головы, широкие плечи, довольно узкие талия и бедра, а также то, что ладонь правой руки обращена к зрителю (Литвинский, Седов, 1983. С. 51).

По поводу датировки рассматриваемой группы находок исследователи отмечали, что, исходя из иконографических признаков гуптского искусства, разработанных для Индии, их следует отнести к IV–VI вв. Однако вышеописанные произведения коропластики возникли «на почве Бактрии, где, по-видимому, аналогичные гуптским явления имели место раньше. С учетом всего комплекса следует думать о IV и начале V в. н.э., как вероятной (притом наиболее поздней из возможных, если исходить из комплекса) дате» (Литвинский, Седов, 1983. С. 51, 52).

Таким образом, с определенной долей вероятности можно говорить, что терракотовая статуэтка с городища Дабилькурган изображает бодисатву, но определить его имя не представляется возможным из-за частичной сохранности представленного образа. Исходя из стратиграфии кушано-сасанидского культурного слоя, ее можно датировать в пределах второй половины IV в. н.э.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-01-18004е «Археологические памятники Пашхурдской долины на юге Узбекистана».

Ганевская Э.В., Заславская Ф.А. Атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. СПб., 2008.

Литвинский Б.А. Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм. М., 1972.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.

Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение // Труды Узбекстанского филиала АН СССР. Термезская археологическая комплексная экспедиция. Вып. 2. Ташкент, 1941.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.

Соловьев В.С. Материалы для изучения стратиграфии городища Дабилькурган // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 9. Елец, 2012.

Соловьев В.С., Шейко К.А. Археологические исследования на Дабиль-Кургане в 2010 г. // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 8. Самарканд, 2012.

Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.

К.В. Мызгин

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, myzgin@mail.ru

РИМСКАЯ ВЛАСТЬ И ВАРВАРСКАЯ ЗНАТЬ: НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Отношения римской власти и варварской знати крайне редко становятся предметом специального изучения, основная причина чему – крайняя скудость имеющихся в распоряжении исследователей «выходных данных» (свидетельств древних авторов, отдельных артефактов или комплексов). Определенный свет на эту проблему может пролить такая особая категория римского импорта, как монеты, которые являются массовыми находками на территории Барбарикума. Отметим, что монеты, обнаруженные в его восточной части (на территории черняховской культуры), практически не подвергались анализу, и их возможности при решении вопроса о контактах верхушки варварского общества с Империей остаются не до конца выясненными. Настоящая работа является первым шагом в этом направлении.

Свидетельства древних авторов содержат только краткую информацию о том, что римские деньги выступают посредником в отношениях между римской властью и варварской верхушкой. Так, Тацит писал, что римляне приучили вождей древних германцев принимать деньги (Тас. Germ. XV). О получении германскими вождями крупных денежных сумм от римлян писал Дион Кассий (Dio Cassio LXXVII, 14). Однако, во-первых, эти сообщения касаются германских

племен, обитавших в первой четверти I тыс. н.э. между Рейном и Вислой, а во-вторых, в них идет речь о людях, живших в непосредственной близости от лимеса. Для позднеримского же времени и начала эпохи Великого переселения народов сведения источников о поступлении римских монет к варварам на территории всего Барбарикума вообще крайне скудны и противоречивы (Bursche, 1996. P. 103).

Наиболее достоверную информацию в контексте решения поставленного вопроса предоставляют материалы из закрытых комплексов, из погребений знати и племенных вождей. Согласно Ф. Бирбрауэру, захоронения восточногерманской знати характеризуются погребальными сооружениями сложных конструкций и определенным набором престижных вещей (изделий из золота, бронзовой посуды) (Bierbrauer, 1989. S. 71). **Б.В. Магомедов в рамках культуры Черняхов–Сынтана-де-Муреш** в качестве критерия для выявления погребений представителей высшего социального слоя предложил рассматривать только размеры могил и их особое положение на некрополе (Магомедов, 1997; Магомедов, 2001. С. 31). По утверждению Х. Штоера, для погребений германской варварской знати характерны подвески из золотых монет (Steuer, 1999. S. 386). В ареале черняховской культуры известны только три комплекса с такими артефактами: погребение 265 могильника Чернелив-Русский содержало подвеску из ауреуса Отацилии Северы (244-249 гг.) (Гопкало, Тылищак, 2010. С. 80), в погребениях 501 и 507 могильника Бырлад-Вале Сякэ находилось по одному золотому солиду Констанция II (337-361 гг.) (Palade, 2004. Fig. 265, 269). По мнению Я. Бемманна, основная цель ношения золотой монеты-подвески состояла в том, чтобы подчеркнуть особый статус ее обладателя. При этом должны были соблюдаться два основных условия: время превращения монеты в подвеску должно соответствовать времени правления императора, выпускавшего монету, и отверстие на монете должно пробиваться над изображением головы правителя, при ношении демонстрируя особое отношение обладателя подвески к императорской власти и Риму (Bemmann, 2005. S. 31). **Таким образом, подвески из монет, содержащиеся в знатных черняховских погребениях, вполне могли иметь донативные функции или подчеркивали особые отношения владельца к римской власти.** К слову, подобными функциями могли обладать и серебряные монеты с отверстиями над головой правителя (Мызгин, 2010. С. 97).

Безусловно, самым ярким свидетельством контактов римской власти и варварской верхушки являются находки медальонов. Считается, что медальонами император либо отмечал возвращающихся домой командующих вспомогательными войсками, либо дарил их варварским вождям в дипломатических целях (Bemmann, 2005. S. 30). Вместе с тем общепризнанно, что такие вещи являлись символами престижа и власти германской знати (Bursche, 2001). **Подробнейшему изучению медальонов с территории Барбарикума посвящена монография А. Бурше (Bursche, 1998).** В Восточноевропейском Барбарикуме известно лишь несколько подобных находок на Вольтыне (Ласков, Борочицы, Верховня) и в Среднем Поднестровье (Хотин) (Bursche, 1998. Kat. № 3, 4, 10, 30, 32). Они отмечают восточную границу территории распространения золотых медальонов. Основной же ареал этих изделий – Центральная и, частично, Северная Европа (Bursche, 1998. Мара 1). **Отсутствие находок медальонов в остальной части черняховского ареала может объясняться** либо тем, что черняховская племенная верхушка принимала в дар от римской власти иные знаки отличия (например, определенные предметы роскоши), либо общим невысоким уровнем исследованности этого вопроса.

Изучение находок медальонов и золотых монет позволяет также проследить динамику развития отношений варварской знати и римской власти. Увеличение в Барбарикуме количества медальонов, чеканенных, начиная с третьего десятилетия IV в., свидетельствует о стабилизации римско-варварских контактов в это время. Для III в. в большей степени характерны находки (в том числе единичные) подвесок из ауреусов, что, возможно, говорит о нестабильности указанных отношений.

Таким образом, нумизматические данные могут частично осветить проблему отношений черняховской племенной верхушки с римской властью. В первую очередь в этом контексте важны находки подвесок из римских монет в закрытых комплексах и медальонов. Особого внимания требуют также единичные находки серебряных и, прежде всего, золотых монет-подвесок III–IV вв. чеканки.

Гопкало О.В., Тылищак В.С. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // *Germania-Sarmatia II*. Калининград; Курск, 2010.

Магомедов Б.В. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві // *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*. Київ; Львів, 1997.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

- Мызгин К.В.* Подвески из римских монет в ареале черняховской культуры восточнее р. Прут // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2. Тула, 2010.
- Bermann J.* Zur Münz- und Münzersatzbeigabe in Gräbern der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit des mittel- und nordeuropäischen Barbaricums // Neue Forschungsergebnisse zur nordwesteuropäischen Frühgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der altsächsischen Kultur im heutigen Niedersachsen. Oldenburg, 2005.
- Bierbrauer V.* Ostgermanische Oberschichtgraber der römischen Kaiserzeit und des fünften Mittelalters // *Archeologia Baltica*. 1989. № 8.
- Bursche A.* Later Roman-Barbarian Contacts in Central Europe. Numismatic Evidence // *Studien zu Fundmünzen der Antike*. Vol. 11. Berlin, 1996.
- Bursche A.* Złote medaliony rzymskie w Barbaricum. Symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskich u schyłku starożytności. Warszawa, 1998.
- Bursche A.* Roman gold medallions as power symbols of Germanic elite // *Roman Gold and the Development of the Early Germanic Kingdoms*. Stockholm, 2001.
- Palade V.* Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă. București, 2004.
- Steuer H.* Fürstengräber der Römischen Kaiserzeit in Germanien – Bestattungen von Grenzgängern // *Grenzgänger zwischen Kulturen*. Würzburg, 1999.

О.А. Хомякова

Институт археологии РАН, Москва, olga_homsy@mail.ru

КОМПЛЕКС ДЕТАЛЕЙ ОЖЕРЕЛИЙ (ПОДВЕСОК) КУЛЬТУРЫ ДОЛЛЪКАЙМ-КОВРОВО (САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ) РИМСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЕЕ КОНТАКТОВ

В комплекс деталей ожерелий из материалов могильников Калининградского полуострова первых веков н.э. помимо бус входят подвески, пронизи и некоторые другие предметы. Они заслуживают специального рассмотрения, поскольку, в отличие от предметов из стекла как категории массового импорта, являются изделиями местного производства. Этот источник важен при изучении направлений культурных импульсов и некоторых нюансов, связанных с культурной и групповой идентичностью населения обозначенной территории.

Набор металлических деталей ожерелий культуры Доллькайм-Коврово характеризуется следующими предметами: перстневидными бусами, пронизями, подвесками из стеклянных бус в оплетке, изделиями кольцевидной формы, бубенчиковидными и ведерковидными украшениями. Особое место занимают редкие категории вещей, среди которых выделяются гроздевидные подвески, изделия спицевидной формы, а также украшения с профилированными полями, змеевидные держатели ожерелий и монеты-подвески.

Около трети изделий относятся к концу I – второй половине II и самому началу III в. н.э. (раннеримскому периоду, или фазам B2 и B2/C1–C1a центральноевропейской хронологии). В III–IV вв. н.э. (позднеримский период, фазы C1–C2, C2/Д) количество металлических элементов в составе ожерелий возрастает почти вдвое. Стоит отметить, что для разных периодов характерны разные типы предметов. Если в наборе украшений ранних фаз присутствуют, главным образом, различные виды перстневидных металлических бус, отдельные гроздевидные подвески, то в начале III в. его начинают характеризовать ведерковидные изделия и пронизи. Наиболее разнообразным комплекс деталей ожерелий выглядит в середине III – начале IV в., когда вместе с рассмотренными вещами начинают бытовать бубенчиковидные подвески, бусы в оплетке, монеты-подвески. В конце III – начале IV в. появляются кольцевидные изделия с концами, закрученными в спираль, которые можно считать наиболее характерным металлическим элементом ожерелий IV в.

Представленная картина отражает эволюцию набора изделий и характеризует их комплекс в целом. С одной стороны, этот комплекс выглядит, как сложившийся под влиянием внешних факторов. Ни один из составляющих его элементов не имеет прямой связи с традициями культуры западно-балтийских курганов раннего железного века, находя аналогии на северо-европейских и восточногерманских территориях. Набор металлических деталей ожерелий был сформирован под влиянием так называемого северо-европейского филигранного стиля и «борокко», характерного для польского Поморья и регионов в нижнем течении р. Вислы. Между тем, на указанных территориях известны лишь прототипы, которые, попав в среду носителей культуры Доллькайм-Коврово, были видоизменены и воспроизведены как иные типы изделий. Часть из них в дальнейшем получили собственные линии развития и аналогии в других культурах западнобалтского круга.

Такие локальные украшения, которые и могут отражать некую групповую и культурную идентичность населения Калининградского полуострова первых веков н.э.: перстневидные бусы, пронизи, бубечиковидные подвески, – составляют больше половины рассматриваемых изделий. Вещей же общеевропейских типов – лишь четверть от общего массива. Например, такая знаковая для определения культурной идентичности категория предметов, как ведерковидные подвески, составляет лишь десятую часть всего материала. Скромно и место импортных украшений, среди которых – типы, характерные для Мазурского Поозерья и бассейна Нижней Вислы (около 3–5% от общего количества).

Набор металлических деталей ожерелий наряду со стеклянными бусами отражает своеобразие локального комплекса украшений и деталей одежды, демонстрирует сложность процесса его формирования, наличие множества заимствований из инокультурной среды германского варварского мира, переработанных в соответствии с местными традициями, и отражает многокомпонентность характера культуры Доллькайм-Коврово в целом.

ЧЕЛОВЕК В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВ И ТЕРРИТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Н.А. Плавинский

*Национальный исторический музей Республики Беларусь, Минск,
plavinsky_arc@mail.ru*

ХРОНОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДВИНЬЯ И ДВИНСКО-НЕМАНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ КОНЦА I ТЫС. Н.Э.: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В конце I тыс. н.э. в Среднем Подвинье и Двинско-Неманском междуречье наблюдались активные культурно-генетические трансформации, связанные с продвижением в регион новых волн славянского населения с юга и их взаимодействием с местными обитателями, этническая принадлежность которых до сих пор активно дискутируется. Кроме того, именно на данный период в Среднем Подвинье приходятся процессы сложения раннегосударственного образования с центром в Полоцке и формирования трансконтинентальных торгово-военных коммуникаций.

Адекватное понимание хода перечисленных процессов возможно только при условии максимального точного датирования определенных археологических культур, групп памятников и отдельных комплексов. Однако на данный момент степень разработки хронологии древностей конца I тыс. н.э. в Среднем Подвинье и Двинско-Неманском междуречье может быть определена как крайне слабая. На сегодняшний день практически отсутствуют специальные исследования по определению времени завершения функционирования памятников банцеровской культуры и культуры псковских длинных курганов (КПДК) (в белорусской историографии традиционно называется культурой ранних длинных курганов). Также остается нерешенным вопрос о времени появления и хронологических особенностях распространения памятников культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) в Среднем Подвинье и Двинско-Неманском междуречье.

Сложение описанной ситуации в изучении хронологии археологических памятников региона имеет ряд объективных предпосылок. К их числу следует отнести отсутствие в основных раннегородских центрах Среднего Подвинья, таких, как Полоцк, Витебск, Лукомль, «мокрого» культурного слоя с хорошо сохранившимися деревянными конструкциями конца I тыс. н.э. Кроме того, характер культурных напластований этих городов и состояние их сохранности имеют свои особенности. Главная из них – слабая стратифицированность слоев с лепной керамикой, а часто их сильная перемешанность и поврежденность вышележащими напластованиями.

Особенностью погребальных памятников региона является их относительная малоинвентарность. В первую очередь это касается погребений КПДК, где наиболее широко распространены инвентарь – слабопрофилированная керамика баночных форм. Другие артефакты редки и зачастую сильно повреждены огнем. Погребальный инвентарь КСПДК несколько более разнообразен за счет большего количества украшений и ряда бытовых предметов. Однако, насколько можно судить по имеющимся данным, наиболее богатыми являются поздние погребальные комплексы КСПДК, предшествующие эпохе формирования древнерусской материальной культуры и синхронные ей.

В таких условиях большинство белорусских исследователей стремится дистанцироваться от рассмотрения вопросов хронологии, концентрируя внимание на проблемах этно-культурной атрибуции археологических памятников региона. Однако без создания «работающей» хронологической шкалы древностей Среднего Подвинья и Двинско-Неманского междуречья такие исследования не могут принести удовлетворительных результатов.

В этой ситуации возникает правомерный вопрос: каким образом могут быть разрешены существующие «хронологические проблемы»?

На современном этапе исследований первоочередной задачей представляется разработка хронологической колонки для погребальных памятников региона. Данная работа может быть осуществлена путем выделения всех выявленных в погребениях импортов: от монетных находок и бус до предметов вооружения. Перспективность подобного подхода очевидна на примере определения времени появления погребальных памятников КСПДК в Смоленском Поднепровье по салтовским импортам, осуществленного В.С. Нефёдовым.

Используя полученные хронологические маркеры, можно выделить наиболее устойчивые наборы инвентаря и формы обрядности и разработать их относительную хронологию. Вполне

вероятно, что в результате такой работы могут быть выявлены артефакты, которые являются хроноиндикаторами, но до сих пор в таком качестве не рассматривались.

Построенная подобным образом хронология погребального обряда и инвентаря может быть верифицирована путем создания радиоуглеродной колонки. Перспективность использования больших серий радиоуглеродных дат для решения вопросов хронологии погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. подтверждена исследованиями на Северо-Западе России.

Определенную роль в разработке хронологической шкалы древностей Среднего Подвинья и Двинско-Неманского междуречья могут сыграть клады, в первую очередь монетно-вещевые. Особенно это касается периода конца IX–X в. Очевидно, что при анализе таких комплексов необходимо учитывать массу факторов – время и обстоятельства формирования и сокрытия депозита, его характер и размер. Но, в любом случае, потенциал использования монетно-вещевых кладов в работе по созданию и верификации региональной хронологической шкалы представляется достаточно большим.

Кроме того, несмотря на отмеченные проблемы с хронологической идентификацией культурных слоев, материалы раннегородских центров могут быть более активно использованы в разработке хронологии древностей Среднего Подвинья и Двинско-Неманского междуречья. Давно назрела необходимость изменить методику полевых исследований городов, а именно перейти от раскопок по условным пластам к раскопкам по стратиграфическим горизонтам с изучением всех микрослоев, прослоек и отдельных объектов. Не менее актуальна промывка в ходе раскопок городского культурного слоя, что позволит значительно увеличить объем мелких артефактов, в первую очередь бус, которые являются одними из наиболее ценных хронологических маркеров эпохи раннего Средневековья.

С.С. Зозуля

Государственный исторический музей, Москва, sergi_z@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ 100 И 459 ИЗ ТИМЕРЕВА. К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ КАМЕРНОГО ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Процесс смены трупосожжений труположениями на территории Древней Руси в эпоху образования государства давно привлекает внимание исследователей. Очевидно, что подобные коренные перемены столь консервативного ритуала, как погребальный обряд, проходили в разных районах страны по-разному и, конечно, не синхронно. И все же определенные закономерности существуют.

Одним из интереснейших феноменов этого периода являются камерные захоронения, обнаруженные во всех крупных «дружинных» некрополях древнерусского государства. Регион Ярославского Поволжья не является исключением. На территории Тимеревского некрополя, известного широкому кругу специалистов, зафиксировано пять погребений, совершенных по обряду труположения в камере.

Первое из них было обнаружено в 1974 г., спустя более 100 лет с начала исследования могильника. Курган 100 (диаметр 13–14 м, высота до 1 м) содержал, вероятно, два захоронения. В центральной части насыпи была зафиксирована крупная яма с оплывшими краями; на разной глубине были обнаружены ладейные болты и фрагмент кольчужного плетения. По нашему мнению, курган мог содержать кроме камерного еще одно погребение, скорее всего, ингумацию. Этот комплекс мог быть разрушено либо неудачными работами в конце XIX – начале XX в., либо грабительскими раскопками.

На материке были выявлены очертания значительной по размерам камеры (5,20 x 3,75 м). Особое внимание хотелось бы обратить на ее глубину – всего 0,3 м. Из деревянных конструкций, свойственных захоронениям этого типа, зафиксированы, по мнению авторов раскопок, только пять плах перекрытий потолка. Однако в могилу кроме мужчины и женщины были положены туши двух коней и двух особей крупного рогатого скота. Очевидно, что глубины могильной ямы в 0,3 м просто не могло хватить для сокрытия туш. Возможно, верхнее перекрытие камеры стоит реконструировать как некую коньковую конструкцию.

Инвентарь погребения неоднократно описан, что позволяет не останавливаться на его характеристике. Датировка комплекса основывается на находке в камере шести дирхемов, младший из которых чеканен в 976 г. в аш-Шаше. На этом основании погребение относится к последней четверти X в. (Фехнер, Янина, 1978; Недошивина, Фехнер, 1985. С. 108; Фехнер, Недошивина, 1987. Рис. 1, 3, 5. Таб. 4; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 183, 184. Рис. 3–6).

Курган № 459 был исследован в 1977 г. Как и в предыдущем случае, центральная часть насыпи уничтожена крупной ямой. В ее заполнении обнаружены жженные и нежженные кости, фрагмент дужки ведра, фрагменты керамики, отдельные угольки и зола. Необходимо добавить, что в насыпи кургана, в части, не поврежденной ямой, были также найдены в нескольких скоплениях фрагменты керамики, угольки, глиняное грузило, ушко ведра. Вероятно, не стоит отвергать возможность того, что ямой было разрушено погребение (по обряду ингумации или трупосожжения на стороне?).

Под курганной насыпью выявлен контур камеры размером 3,75 x 3 м. Никаких следов деревянных конструкций (перекрытий потолка, облицовки стен, пола) обнаружено не было. Глубина ямы достигала 0,75 м.

Скелет не сохранился, но расположение предметов на дне камеры позволяет достаточно убедительно реконструировать ориентировку погребенной. Инвентарь захоронения представлен значительным количеством категорий предметов, материал из кургана неоднократно публиковался. Основой для датировки стала в том числе монета, из которой был вырезан крест. Она чеканена в 969/970 гг., что и позволяет отнести погребение к последним трем десятилетиям X в., или, грубее, к последней четверти этого столетия (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 108; Фехнер, Недошивина, 1987. Рис. 6; 7. Таб. 4; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 187. Рис. 10; 11).

Все остальные камерные захоронения также неоднократно рассмотрены в работах московских и Санкт-Петербургских исследователей (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110; Дубов, Седых, 1993; Михайлов, 2001. С. 168, 169, 173; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 183–187; Зозуля, 2012). Относительно датировки этих захоронений существуют разные мнения. Позволим себе изложить свое.

Инвентарь всех пяти камерных погребений в Тимереве содержит четкие скандинавские индикаторы. Во всех случаях длина и ширина ям соответствуют метрическим показателям, выделенным в качестве признака камерных погребений. В двух курганах умерший был захоронен в сидячем положении. Исследователями, однако, не учитывалась глубина могильной ямы. Так, наиболее глубокие камеры из Тимерева (курганы 459 и 284 – 0,75 м) соответствуют по этому показателю наименее глубоким из Гнёздова. Глубина камер из курганов 100 и 297 – соответственно 0,3 и от 0,13 до 0,25 м. Здесь, видимо, конструкции перекрытий были более сложные, чем в большинстве случаев. В курганах 348 и 459 перекрытие потолка может быть воссоздано гипотетически. В кургане 100 зафиксировано только оно. Реконструкция погребальных сооружений в курганах 284 и 297 требует дополнительных исследований.

Все камеры относятся как минимум ко второй половине X в. Наблюдения над обрядом захоронений заставляют думать, что до Ярославского Поволжья эта традиция дошла в измененном виде, что, в свою очередь, наводит на мысль о появлении камер в Тимереве несколько позже, чем, скажем, в Гнёздове или Киеве. Подобная точка зрения подтверждается и составом погребального инвентаря. Позволим себе предположить, что камерные погребения в Тимереве относятся к последней четверти X – началу XI в.

Дубов И.В., Седых В.Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография. Вып. 4. СПб., 1993.

Зозуля С.С. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимеревского некрополя // РА. 2012. № 4.

Михайлов К.А. Древнерусские камерные погребения в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001.

Недошивина Н.Г., Зозуля С.С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд тимерева могильника // СА. 1985. № 2.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика тимерева могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.

Фехнер М.В., Янина С.А. Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы. М., 1978.

М.И. Степанова

Белорусский государственный университет, Минск, mary1067@mail.ru

БУСЫ В МУЖСКИХ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ: ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ

Уже довольно давно было замечено, что бусы не являются принадлежностью исключительно женского погребального инвентаря (Татур, 1892. С. 53, 124; Фехнер, 1959. С. 150; Мугуревич, 1965. С. 76). Хотя и значительно реже, но они могут быть найдены в мужских погребениях. Следует

отметить, что в данном случае под мужскими мы понимаем захоронения, сопровождаемые «мужским» набором инвентаря, в состав которого входят специфические элементы костюма и оружие.

На территории Полоцкой земли на сегодняшний день известно четыре мужских погребения, в инвентаре которых кроме прочих предметов зафиксированы бусы. Это курганы 3 и 5 могильника Новосёлки Мядельского р-на, курган 28 могильника Избище Логойского р-на, а также погребение 1 в кургане 5 могильника Погоща Браславского р-на (Плавинскі М.А., Плавинскі А.М., 2002. С. 180, 181; Штыхаў, 2008. С. 9; Плавинский, 2012. С. 10). Список находок невелик, но позволяет сделать некоторые наблюдения о возможных функциях данной категории артефактов и их месте в погребальном инвентаре.

Все перечисленные захоронения совершены по обряду ингумации. У погребенного в кургане 3 могильника Новосёлки две серебростеклянные бочонковидные бусины, которые впоследствии рассыпались, были найдены в области шеи. Из типично «мужского» инвентаря его сопровождал топор типа IV (по А.Н. Кирпичникову). В кургане 5 могильника Новосёлки зонная трехчастная пронизка синего стекла была обнаружена справа от черепа погребенного. Мужчина также имел при себе топор типа IV. В кургане 28 могильника Избище возле шеи умершего было собрано около 30 штук бисера глухого стекла, а также один целый экземпляр и один фрагмент треугольной бусины темно-коричневого стекла с желтыми глухими вставками. Возле левой ноги у него также найден топор типа IV. Погребение 1 из кургана 5 могильника Погоща богатое, оно содержало самый представительный на сегодняшний день торговый инвентарь на территории Беларуси. В нем отмечена четырнадцатигранная сердоликовая бусина, которая вместе с весами, набором гирек и другими артефактами была помещена в деревянный сундучок. Здесь также были найдены топор IV типа и наконечник копья типа III (по А.Н. Кирпичникову) (Плавинский, 2012. С. 10).

В первых двух случаях бусы, вероятно, использовались для застегивания ворота рубахи (в кургане 5 в Новосёлках бусина могла откатиться к черепу после разложения органических тканей). В пользу этого свидетельствует их расположение, довольно крупные размеры, удобные для такого применения, и немногочисленность – они не могли составить ожерелья. Идея об использовании бус в качестве пуговиц высказывалась еще М.В. Фехнер (1959. С. 150). Подобное назначение их может быть реконструировано по материалам погребения 20 грунтового могильника Милино II, где у умершего по центру груди была найдена одна синяя ягдовидная бусина (Зайцева, Макаров, 2007), а также погребения в кургане 62 Заольшанской курганной группы в Гнёздово (Каменецкая, 1991. С. 151, 172).

Бусы из кургана 28 могильника Избище, вероятно, представляют собой заупокойный дар. Обычай «одаривать» умершего женскими украшениями, в состав которых иногда входили и бусы, зафиксирован у латгалов (Радиньш, 2001. С. 113), которые могли делать подобные «подарки» не только мужчинам, но и женщинам. В том же могильнике Избище (курган 89) известен случай приношения «в дар» покойнице нитки бисера глухого стекла.

Находки единичных бус или даже целых ниток известны в богатых мужских погребениях, в том числе с торговым инвентарем и монетами, на территории Древней Руси и в соседних с ней землях. Это, а также многочисленные этнографические параллели привели исследователей к мысли об использовании бус в качестве эквивалентов мелких платежных единиц (Фехнер, 1959. С. 150, 151; Янин, 1956. С. 179; Кулешов, 2012. С. 67; Мугуревич, 1965. С. 76; Хвошинская, 2004. С. 213; Коваленко и др., 2012. С. 329; Каргер, 1958. С. 193, 194). Вероятно, таковой была функция сердоликовой бусины из погребения 1 кургана 5 в Погоще.

Таким образом, бусы в мужских погребениях на территории Полоцкой земли могли использоваться в качестве деталей костюма – пуговиц, погребальных «даров», эквивалентов мелких платежных единиц.

Зайцева И.Е., Макаров Н.А. Могильник Милино II. Описание погребальных комплексов // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1. М., 2007.

Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М., 1991.

Каргер М.К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т.1. Л.; М., 1958.

Коваленко В., Моця А., Сытый Ю. Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы // Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris, 2012.

Кулешов В.С. Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И.И. Ляпушкина. СПб., 2012.

Мугуревич Э.В. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

- Плавінскі М.А., Плавінскі А.М.* Курганны могільнік Навасёлкі Мядзельскага р-на (даследаванні 1961, 1962 гг.) // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* Вып. 5. Мінск, 2002.
- Плавінскі Н.А.* Находкі весоў і гирек-разновесоў на тэрыторыі Полоцкай зямлі (канец IX–XI в.) // *Банкаўскі веснік.* № 7. Мінск, 2012.
- Радиньш А.* Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10-13 веков // *Archaeologia Lituana.* 2001. № 2.
- Татур Г.Х.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. Мінск, 1892.
- Хвоцинская Н.В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове) // *Труды ИИМК РАН.* Т. VI. СПб., 2004.
- Штыхаў Г.В.* Курганны могільнік Ізбшча-Дзвінаса // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* Вып. 16. Мінск, 2008.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Д.Н. Линденков

ГІКУ «Гомельскі дворцова-парковы ансамбль», merklasc@yandex.by

КЕРАМИКА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА X–XI ВВ. НА ЮГО-ВОСТОКЕ БЕЛАРУСИ

Моховский могильник вместе с городищем и поселением входит в состав комплекса археологических памятников, относящихся к эпохе становления древнерусской государственности на землях Юго-Восточной Беларуси. Он расположен на правом берегу Днепра недалеко от г. Лоева Гомельской обл. Общая площадь памятника – около 25 га. В конце XIX в. некрополь насчитывал свыше 600 насыпей, к настоящему времени сохранилось более 300, включая разрушенные хозяйственной деятельностью, кладоискателями и ранее раскопанные В.З. Завитневичем.

С 2003 г. изучение памятников у д. Мохов проводит экспедиция Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины под руководством О.А. Макушника. По состоянию на 2011 г. исследовано 39 курганных насыпей, из которых происходит свыше 2000 единиц керамики (за одну статистическую единицу принято наименование одного целого – венчик, стенка, донце, горшок, развал и неполный развал). Исследованные курганы по характеру инвентаря и погребальному обряду относятся к концу IX(X) – первой половине XI в., причем основная масса комплексов, вероятно, датируется второй половиной X – первой половиной XI в. В это же время существовали поселение и городище. На некоторых участках поселения встречены материалы XII–XIII вв., но они редки (Макушников, 2009. С. 79, 86, 87). В большинстве своем керамика из курганов представлена круговыми сосудами и их обломками. Лепная посуда происходит из переотложенных слоев эпохи неолита, бронзового и железного веков, и к курганам отношения не имеет.

В выборку для исследования вошли 34 кургана. В них отмечены сходные структурные элементы, фиксируемые методами стратиграфии и планиграфии: дерново-почвенный горизонт, насыпь, зольно-угольный горизонт (или просто горизонт), ровик и погребение. С учетом видов и типов погребального обряда курганы были разделены на шесть групп. В первую вошли насыпи с одиночными погребениями по обряду кремации, их 12. Ко второй группе отнесена одна неполная кремация. Третья группа представлена одиночными ингумациями – 12 курганов. Четвертая группа – одна парная кремация. В пятую группу вошли три насыпи, в которых сочетались обряды кремации и ингумации. К шестой группе отнесено пять курганов, под которыми были парные ингумации (в одном случае – две ямные). Во всех группах учтено 43 погребения – 17 по обряду кремации, одна неполная кремация и 25 ингумаций.

Фрагменты керамики зафиксированы во всех структурных элементах насыпей всех групп (табл. 1). В курганах с одиночными погребениями по обряду кремации и ингумации (группы 1 и 3) встречаемость керамики примерно одинакова – соответственно 29,5 и 32,6 %. Однако в 1-ой группе она преобладает в дерновом горизонте (в 2 раза), ровиках (в 2 раза) и погребениях (в 7,4 раза). Высокая встречаемость в погребениях связана с тем, что в курганах 3-й группы обнаружены лишь развалы и неполные развалы сосудов, тогда как в комплексах 1-й группы зафиксировано и много отдельных фрагментов керамики. В курганах группы 3 керамика преобладает примерно в таких же пропорциях, но в других структурных элементах – насыпи (в 2,7 раза) и зольно-угольном горизонте (в 2,7 раза). Несколько иная ситуация наблюдается при рассмотрении целых горшков и их развалов (табл. 2). Здесь доминирующую позицию занимают курганы 1-й группы, с ними связана почти половина сосудов (47,5%), которые преобладают в дерново-почвенном слое, ровиках и погребениях. По количеству горшков в зольно-угольном слое насыпи группы 1 уступают лишь

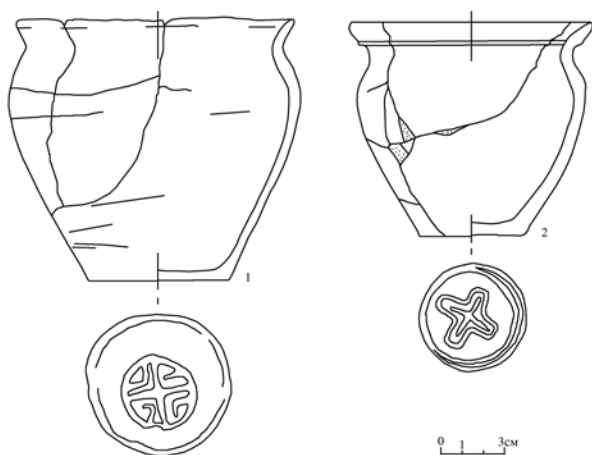

Рис. 1. Керамика из курганов Мохова 1-ой группы.

горизонтах, насыпи или ровиках. (Интересно заметить, что в одном из курганов с кремацией в ровике были найдены два неполных развала горшков, характерных для XI в., а в погребении зафиксированы фрагменты двух сосудов, которые по профилировке венчиков относятся к X в.) В-третьих, это погребальные урны. В Мохове к подобной категории достоверно можно отнести только один сосуд. Это небольшой горшочек с намеренно отбитым венчиком и костями внутри. В погребении он располагался дном вверх, кости были очищены от угля и золы. Важно отметить, что функции керамики в погребальном обряде изменяются со временем. Горшки в целом или разбитом виде чаще встречаются в курганах и захоронениях с кремациями, чем с ингумациями. В 17 кремациях зафиксировано 18 горшков и их развалов, в 25 ингумациях – всего 14. При погребении по обряду кремации без учета фрагментов керамики во всей структуре насыпи встречается от одного до трех горшков, в ингумациях – от одного до четырех. Причем в двух курганах с трупоположениями было найдено три и четыре сосуда, в обоих комплексах среди прочего инвентаря встречены наконечники стрел.

Большинство горшков Моховского некрополя имеет форму, характерную для «восточнославянской» традиции. Их определяет плавно отогнутый наружу венчик, разной степени выраженные плечики и постепенно сужающееся ко дну тулово. В гораздо меньшем количестве представлены сосуды с вертикальной горловиной. Венчики чаще оформлены в виде так называемого манжета, но есть и простые косо срезанные или закругленные (рис. 1). Керамика с венчиками, оформленными в виде «манжета», или керамика «курганного типа», характерна для Среднего Поднепровья, где она датируется X–XI вв. (Кучера, 1986. С. 448, 449; Петрашенко, 2003. С. 128–130). На многих сосудах встречаются клейма различной сложности, реже – орнамент.

Таким образом, изучение керамики из Моховского некрополя позволило определить ее основные функции в погребальном обряде, проследить распределение горшков и их фрагментов в структуре насыпи курганов и наметить некоторые хронологические изменения в выполняемых ею функциях. Нерешенными остаются, однако, такие задачи, как классификация, типология и хронология «погребальной» посуды и ее сравнение с керамикой поселения.

Табл. 1. Общее количество керамических единиц в пространственной структуре насыпей курганов Моховского могильника.

Группа и количество курганов	Под дерном / в дерне	Насыпь	Зольно-угольный горизонт/горизонт	Ровик	Погребение	Всего единиц (%)
1	2	3	4	5	6	7
Группа 1 (12)	194	110	68	148	74	594 (29,5%)
Группа 2 (1)	14	3	-	1	-	18 (0,9%)
Группа 3 (12)	96	298	183	71	10	658 (32,6%)
Группа 4 (1)	3	17	-	6	10	36 (1,8%)
Группа 5 (3)	96	8	33	30	99	266 (13,2%)
Группа 6 (5)	70	76	146	139	13	444 (22%)
Всего единиц (%)	473 (23,5%)	512 (25,4%)	430 (21,3%)	395 (19,6%)	206 (10,2%)	2016 (100%)

Табл. 2. Количественное распределение развалов и неполных развалов в пространственной структуре насыпей курганов Моховского могильника.

Группа и количество курганов	Под дерном / в дерне	Насыпь	Зольно-угольный горизонт/горизонт	Ровик	Погребение	Всего единиц (%)
1	2	3	4	5	6	7
Группа 1 (12)	3	2	2	6	15	28 (47,5%)
Группа 2 (1)	-	-	-	-	-	-
Группа 3 (12)	-	-	3	1	10	14 (23,7%)
Группа 4 (1)	-	-	-	-	1	1 (1,7%)
Группа 5 (3)	2	-	-	1	2	5 (8,5%)
Группа 6 (5)	2	2	2	1	4	11 (18,6%)
Всего единиц (%)	7 (11,9%)	4 (6,8%)	7 (11,9%)	9 (15,2)	32 (54,2%)	59 (100%)

Кучера М.П. Керамика // Археология Украинской ССР в 3-х томах. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986.

Макушинков О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009.

Петрашенко В.О. Хронологія та походження середньодніпровської кружалної кераміки VIII – початку XI ст. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII – XI ст. Чернівці, 2003.

А.А. Кудрявцев

Институт археологии РАН, Москва, migel1988@mail.ru

ЗАМКИ И КЛЮЧИ ИЗ КУРГАНОВ ГНЁЗДОВА

Замки и ключи, выявленные по материалам археологических исследований древнерусских торгово-ремесленных поселений, характеризуются рядом черт (мерные признаки, качество изделия), которые отличают их от аналогичных изделий, найденных при раскопках древнерусских городов. Отдельный аспект исследования данного массива вещей – анализ находок замков и ключей в древнерусских курганных могильниках. Наиболее ранние погребения с такими изделиями относятся к первой половине X в.

В настоящий момент наиболее полно охарактеризованы только находки рассматриваемой категории предметов в могильниках Ярославского Поволжья – 6 замков и 22 ключа (Недошина, 1963. С. 51–53). Материалы Гнёздовского комплекса археологических памятников до сих пор специально не рассматривались.

В курганах Гнёздова было найдено 5 замков и 23 ключа. Четыре замка – висячие (Л-25, Л-271, Ц-254), их характеризует призматический корпус, усеченные края, наличие Т-образной поперечной прорези для ключа в корпусе. Они имеют размеры 1,8-2,4 x 1,5-2 см. Подобные замки, по типологии Я.-Е. Томтлунда, разработанной по материалам раскопок Хельго, относятся к типу 2. (Tomtlund, 1978. P. 6. Fig. 5, b). Они были особенно широко распространены в эпоху викингов (середина VIII – середина XI в.). В кургане Ц-149 были обнаружены фрагменты нутряного замка (пружина и накладка).

Ключей от висячих замков найдено 13. Все они представляют собой ключи с плоской лопастью, обозначенные в историографии как ключи-лопаточки. Их можно разделить на две подгруппы: 1) ключи-лопаточки с незавершенным периметром лопасти – 5 экз.; 2) ключи-лопаточки с завершенным периметром лопасти – 8 экз.

Образцы первой подгруппы – это более ранний вариант ключей от призматических замков (Путь из варяг в греки..., 1996. С. 69. 495). Всего их выявлено 5 экз. В Новгороде подобные изделия неизвестны, поэтому можно предположить, что они более характерны для первой половины X в.

Ключей второй подгруппы 8 экз., они относятся к типу А по типологии Б.А. Колчина и в Новгороде появляются с момента возникновения города во второй четверти X в. (Колчин, 1959. С. 83). Размер их составляет 4-7 см, у некоторых присутствует на стержне бронзовая обоймица, что особенно характерно для аналогичных ключей из Бирки.

Ключей от нутряных замков было найдено 10, все они железные, за исключением одного экземпляра. Их можно разделить на 4 группы.

1. Коленчатые ключи от деревянных замков с двумя зубцами (Ширинский, 1999. Рис. 19. I. 50) – 5 экз.

2. Стержневые ключи с бородкой от нутряных замков – 2 экз. Длина одного ключа (Ц-208) составляет 9,8 см, он украшен точечным и линейным орнаментом (Путь из варяг в греки..., С. 69. 501). Другой ключ (Ц-313) небольшого размера (4,4 см) без орнамента. На территории Древней Руси аналогии им найти не удалось. Наиболее близкие параллели гнёздовским находкам отмечены в нескольких курганах Бирки, относящихся к ее ранней фазе, 775-875 гг. Все они изготовлены из медного сплава и относятся к группе 1 по классификации А. Уильхильм (Ulfhielm, 1989. Р. 124. Abb. 24, 1).

3. Ключ с бородкой и втульчатым стержнем (Поль-42). Его длина – 6,2 см (Каменецкая, 1991. С. 145. Рис. 10, 1). По типологии Б.А. Колчина подобные ключи относятся к нутряным комбинированным замкам 1 варианта (Колчин, 1959. С. 90). Начало их бытования в Новгороде приходится на вторую половину X в.

4. Бронзовый ключ с бородкой (Абр.-17). Принадлежит византийскому кругу древностей (Спицын, 1906. С. 188. Рис. 42). По классификации замков и ключей Херсонеса относится к типу 2 (Третеский, 1911. С. 129. Табл. VII, 56–58).

В Гнёздово исследовано более 1300 курганов (Пушкина и др., 2012. С. 245), замки и ключи найдены в 24 из них. Доля погребений с ключами, таким образом, составляет примерно 1,8%. В Бирке 92 ключа были обнаружены в 75 захоронениях, что составляет 7% от общего числа исследованных комплексов (Ulfhielm, 1989. Р. 122).

В Гнёздовских курганах ключи и замки зафиксированы в мужских и женских погребениях, что характерно и для некрополя Бирки, и для курганных могильников Ярославского Поволжья. Эти изделия встречаются как в захоронениях с невыразительным и довольно бедным инвентарем, так и вместе с изделиями, характеризующими высокий социальный статус умершего. Доля погребений, где ключи были зафиксированы вместе с вещами скандинавского круга древностей, незначительна.

Выражаю глубокую признательность Т.А. Пушкиной за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы раскопок Смоленской археологической экспедиции МГУ.

Каменецкая Е.А. Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М., 1991.

Колчин Б.А. Железоделательное ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Недошивина Н.Г. Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье в X–XI вв. М., 1963.

Путь из варяг в греки и из грек... Каталог вставки ГИМ. М., 1996.

Пушкина Т.А., Мурашѣва В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Древняя Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. Вологда; М., 2012.

Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губернии // Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1. СПб., 1906.

Третеский Н.И. О древних херсонесских замках и ключах // ИАК. 1911. Вып. 42.

Ширинский С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881-1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874-1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. М., 1999.

Tomtlund J.-E. Locks and keys. Excavations at Helgö. V: I. Stockholm, 1978.

Ulfhielm A. Schlüssel // Birka. II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1989.

А.М. Красникова

Государственный исторический музей, Москва, annakrasnik@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ШЕКШОВО 9)*

История изучения курганных могильников Суздальского Ополья достаточно подробно изложена М.В. Седовой (1997. С. 35-43) и дополнена коллективной статьей, подводящей итоги 10-летних полевых работ Суздальской экспедиции ИА РАН, направленных, в том числе, на изучение погребальных древностей (Макаров и др., 2009). Настоящее исследование посвящено расположенному на р. Урде (Ивановская обл.) курганному могильнику Шекшово, раскопки которого проводились в 1852 г. под руководством А.С. Уварова и К.Н. Тихонравова. Особый интерес к памятнику вызван тем, что он был одним из крупнейших в ближайшей округе Суздаля и состоял из 244 курганов. Более 35% погребений было совершено по обряду кремации. В составе вещевых комплексов встречено оружие, предметы снаряжения коня и всадника, поясные наборы, шумящие украшения, весы, гирьки, предметы импорта, денарии и дирхемы. Практически полная депаспортизация коллекции из раскопок «Владимирских курганов», хранящейся в ГИМ, позволяет идентифицировать лишь отдельные предметы, происходящие из Шекшовских комплексов (Лапшин, 1985). На основании архивных данных об особенностях обряда и инвентаре могильник можно датировать X–XII вв.

Новое обращение к памятнику, считавшемуся до недавнего времени полностью раскопанным, было обусловлено выявлением заметной диспропорции между количеством средневековых могильников и поселений (Макаров и др., 2009). Особенно это заметно на примере Шекшовского микрорегиона, где суммарная площадь близлежащих селищ превышает 40 га, (Красникова, Федорина, 2012), но известно только два некрополя – описанный выше курганный и грунтовый могильник на поселении Шекшово 2.

В 2011 г. полностью сnivelированный курганный могильник был локализован в результате полевых работ совместной Суздальской археологической экспедиции ИА РАН и ГИМ. Были открыты остатки двух курганных насыпей, одна из которых исследована. В центре округлой площадки размером 17 x 18 м, окруженной кольцевым ровиком, на уровне материка расчищен топор с серебряной инкрустацией в виде креста на одной стороне, и знака Рюриковичей на другой, и серебряная подковообразная фибула. Очевидно, эти вещи, указывающие на высокий статус погребенного, сопровождали мужское захоронение, костные остатки которого не сохранились (Макаров и др., в печати).

В результате сбора вещей с поверхности памятника, из распашки, была составлена коллекция более чем из 120 предметов, среди которых – фрагменты женских украшений, детали поясной гарнитуры, дирхемы. Набор вещей и их сохранность – а на большинстве предметов присутствуют следы пребывания в огне – характерны для погребального инвентаря X–XI вв. В одной из зон концентрации находок в 2012 г. был заложен раскоп, где выявлены по меньшей мере еще два полных основания курганных насыпей и серия окружающих их ровиков. На одной из курганных площадок открыто погребение подростка. Среди сопровождающего инвентаря – бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися концами, широкосрединные перстни с завязанными концами, нож, два лепных сосуда и фрагмент саманидского дирхема X в. Погребение во втором кургане полностью разрушено современной распашкой, однако собранный антропологический и вещевой материал позволяет предположить, что это была кремация, которая также может датироваться в пределах X–XI вв.

В ровиках расчищены развалы лепных и круговых, в том числе позднесредневековых, сосудов. Особенности стратиграфии заполнения части ровиков, сделанные в них находки, среди которых была бронзовая пластинчатая подвеска-петушок «владимирского» типа (группа I, тип IV по Е.А. Рябинину), позволяют говорить об использовании этого участка во второй половине XII – первой половине XIII в., возможно, приведшем к разрушению ранних насыпей и засыпке их ровиков. В заполнении одного из них наряду с лепной керамикой обнаружены четыре стеклянные навитые бусины темно-оливкового цвета с белым пластичным декором, янтарная кольцевидная бусина, навитая рифленая полупрозрачная синяя бусина. Набор бус, их достаточно компактное размещение позволяют предположить, что они представляют собой остатки погребального инвентаря разрушенного погребения XII – начала XIII в., вероятно, совершенного в межкурганном пространстве. Следует отметить, что следов раскопок, которые можно было бы связывать с деятельностью А.С. Уварова, на этом участке не обнаружено.

Таким образом, мы можем говорить по крайней мере о двух этапах использования исследованной площадки в качестве могильника в эпоху средневековья: в конце X – начале XI в. и, вероятно, в XII – начале XIII в. Массовый материал и отдельные находки свидетельствуют о достаточно высокой сельскохозяйственной активности в этой зоне в позднесредневековое время, вероятно, приведшей к нивелировке части насыпей.

Уточнение датировки могильника, информация о присутствии в нем крупных курганных насыпей с престижным погребальным инвентарем и сочетание различных погребальных обрядов на раннем этапе функционирования Шекшовского некрополя расширяют наши представления о развитии погребальной практики на территории северо-востока Руси в эпоху средневековья.

* Работы выполнялись при поддержке грантов РГНФ № 11-01-18047е, 12-01-18052е.

Красникова А.М., Федорина А.Н. Начальные этапы освоения центральных территорий Северо-Восточной Руси на примере памятников Шекшовского микрорегиона // Русь в IX-X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл. Междунар. науч. конф. М., 2012.

Лапшин А.В. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв. (по археологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпухин А.А. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя. В печати.

Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997.

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ КРЮКОВСКО-КУЖНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Крюковско-Кужновский могильник расположен на территории Тамбовской обл., на левом берегу р. Цны. Памятник был открыт и исследован П.П. Ивановым в 1927-1936 гг. В ходе раскопок вскрыто 586 погребений. Исследователь датировал могильник IX – XI вв., указав, что отдельные погребения восходят к VIII в. Он сравнивал этот памятник с Лядинским и Томниковским могильниками, относя их к древнемордовской культуре (Материалы по истории мордвы..., 1952. С. 9).

Основная цель данной работы заключается в введении в научный оборот и комплексном изучении стеклянных бус из Крюковско-Кужновского могильника. Всего в нем насчитывается 19 349 бусин из стекла, которые происходят из 214 погребений. Бисер составляет большую часть коллекции, но в значительном количестве встречаются также мозаичные, глазчатые, одночастные и многочастные одноцветные бусы.

Основой для типологизации послужили такие признаки, как техника изготовления бус, форма, цвет и степень прозрачности. Наиболее значимым признаком систематизации сочтена техника изготовления. Для ее описания использовалась классификация, разработанная З.А. Львовой (1979; 1980).

Бусы из Крюковско-Кужновского могильника изготовлены с использованием шести технологических схем: 1) из тянутой трубочки; 2) из тянутой однослойной палочки; 3) из многослойной тянутой палочки; 4) путем однократного обертывания стеклянной массы вокруг инструмента; 5) путем сварки нескольких кусков стекла на инструменте; 6) путем навивки стеклянной массы на инструмент.

Систематизация стеклянных бус Крюковско-Кужновского могильника выявила количественную несопоставимость их типов, что требует особого внимания при проведении хронологического анализа. Для бус распространенных типов представляется возможным применить статистические методы, в данном случае метод сериации. Он позволяет построить относительно-хронологическую систему, для абсолютного датирования привлекается разработанная хронология предметов из металла. Для бус редких типов применение статистических методов невозможно вследствие большого их разнообразия, поэтому для определения периодов бытования подобных изделий используются данные об их совстречаемости с бусами распространенных типов.

На основе сериации бус Крюковско-Кужновского могильника было выделено три группы – А, В, С.

Группа А представлена одноцветными бусами из тянутых палочек; глазчатыми концентрическими бусами из тянутых палочек; продольно-полосатыми бусами из тянутых палочек; поперечно-полосатыми бусами из тянутых палочек; поперечно-полосатыми с плоскими глазками бусами из многослойных палочек; крапчато-полосатыми бусами из многослойных палочек; бусами с ресничными глазками, изготовленными методом сварки; бусами с концентрическими глазками, изготовленными методом сварки. Анализ сопутствующего инвентаря позволяет определить время бытования бус группы А в пределах VIII – IX вв., что соответствует стадии В среднецнинских могильников по О.В. Зеленцовой (1998).

Группа В включает одноцветные бусы из тянутых трубочек; ребристые одноцветные бусы из тянутых трубочек; бусы с металлической прокладкой; продольно-полосатые бусы из тянутых трубочек. Металлический погребальный инвентарь, сопутствующий бусам группы В, четко разделяется на две большие хронологические группы. Первая в целом соответствует стадии В (VIII – IX вв.) существования среднецнинских могильников, вторая – стадии С (X – XI вв.). По всей вероятности, бусы группы В появляются в Крюковско-Кужновском могильнике в первой половине VIII в. и, сосуществуя на протяжении IX–X вв. с бусами из однослойных и многослойных палочек, изготовленных методами сварки и однократного обертывания, постепенно вытесняют их из обихода. К XI в. наблюдается абсолютное преобладание бус из тянутых трубочек.

К группе С относятся глазчатые ресничные бусы из тянутых палочек; полосатые бусы, изготовленные методом сварки; глазчатые концентрические бусы, изготовленные методом навивки; глазчатые ресничные бусы, изготовленные методом навивки. Их можно датировать X – XI вв.

В связи с тем, что изучение химического состава стекла позволяет ответить на ряд вопросов, важнейший из которых касается определения центров производства, находки из Крюковско-Кужновского могильника были подвергнуты эмиссионно-спектральному анализу. Он проводился в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН к.т.н. А.Н. Егорьевым. Был проанализирован 21 образец бус различных типов. Для интерпретации химического состава их стекла использована методика В.А. Галибина (2001).

Так как традиции стекловарения определяются, в первую очередь, характером сырья (золы или соды), изделия выделенных технологических групп были проанализированы на соотношение основных стеклообразующих элементов – щелочных (натрия и калия) и щелочноземельных (кальция и магния). Оказалось, что бусы всех групп представлены зольными стеклами. Лишь среди экземпляров, изготовленных из тянутых трубочек, выделяется несколько образцов с неоднородным составом, у которых соотношение Na/K соответствует содовым стеклам, а соотношение Ca/Mg – зольным. По мнению В.А. Галибина, это могут быть содовые стекла, но изготовленные не на натуральной соде, а на полученной путем выщелачивания золы (2001. С. 76).

В пределах как технологических, так и хронологических групп бус из Крюковско-Кужновского могильника наблюдается определенная однородность химического состава стекла на уровне основных стеклообразующих элементов. Самыми распространенными химическими подтипами оказались $Na(K) - Ca(Mg)$ и $Na(K) - Ca, Mg$. Они характерны для всех периодов существования могильника и встречаются у бус всех технологических схем. Украшения этих типов изготовлены из стекла, сваренного на золе солончаковых растений ближневосточного происхождения.

Таким образом, проведенная работа позволила систематизировать стеклянные бусы из Крюковско-Кужновского могильника, выделить хронологические этапы их бытования и определить районы производства стекла, из которого они изготавливались.

Автор выражает благодарность А.Н. Егорькову за проделанную работу

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.

Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднеценнинских могильников древней мордвы. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. 1979. Вып. 20.

Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. 1980. Вып. 21.

Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Моршанск, 1952.

О.П. Доброва

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
russa-dolya@mail.ru*

БУСЫ ИЗ РАСКОПОК ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОРОДИЩА ГНЁЗДОВА 2004-2012 ГГ.

В результате раскопок 2008-2012 гг. коллекция мелких находок, в том числе бус, Центрального городища Гнёздова значительно увеличилась. Это связано с изменением методики раскопок памятника, в частности, промывкой культурного слоя. Всего коллекция бус сейчас насчитывает 3104 экз.

Основную долю среди стеклянных бус (3008 экз.) составляют одноцветные, изготовленные из тянутой трубочки: рубленый бисер (2369 экз.), лимонобразные бусы и пронизки (288 экз.). Значительна также доля крученых бус различных типов: кольцевидных, зонных. Небольшой серией представлены бусы, изготовленные из тянутой палочки.

Среди декорированных бус больше всего изделий с серебряной фольгой (121 экз.). Они представлены лимонками (61 ед.) и пронизками (59 ед.). В зависимости от внешнего слоя стекла – кантарели – можно выделить бусы с голубой (2 ед.), бесцветной (55 ед.), желтой или янтарно-коричневой (58 ед.) кантарелью. Еще у семи экземпляров цвет внешнего слоя стекла определить не удалось.

Бусы, декорированные разноцветным стеклом, немногочисленны (63 экз.). Их можно сгруппировать в несколько крупных блоков.

Мозаичные бусы (7 ед.) изготовлены путем различной обработки стеклянной палочки.

Глазчатые бусы (53 ед.) достаточно разнообразны по морфологии. По характеру декора и сочетанию его элементов можно выделить следующие разновидности: бусы с гладкими и выпуклыми концентрическими, мозаичными и одноцветными глазками.

Бусы из тянутой трубочки продольно-полосатые (16 экз.).

Бусы с линейно-зигзагообразным декором (15 экз.). По технике производства принадлежат к крученым бусам, тело которых, как правило, изготовлено из синего или черного стекла. Далее на тело бус наносились накладные линии, волны или зигзаги, которые могли располагаться параллельно или пересекаться. Цвет накладных нитей может быть печеночно-красным, бледно-желтым или белым.

Буса из навитой ленты стекла (1 экз.) изготовлена из навитой темно-синей прозрачной (визуально черной) ленты, вдоль которой нанесены тонкие белые непрозрачные нити стекла. Толщина ленты около 0,5 см.

Кроме стеклянных в коллекции представлены также бусы из металла, горного хрусталя, янтаря, сердолика и фаянса.

Таким образом, доля декорированных бус на XXVI раскопе невелика (около 6%). Для сравнения доля полихромных бус и бус с металлической фольгой в Старой Ладоге составляет не менее 12% (Львова, 1968), а для селища в пойме р. Днепр Гнёздовского археологического комплекса это значение возрастает до 18,1% (Френкель, 2007).

В отношении нижней хронологической границы Гнёздовского городища, необходимо отметить следующее. По материалам XXVI раскопа можно сделать вывод, что наибольшее количество типов бус бытовало в IX–XI вв., однако пик их распространения приходится на X в. Примером таких типов может служить рубленый бисер как «классического», так и позднего варианта, серебростеклянные лимонки, продольно-полосатые сине-белые пронизки и ряд других. В коллекции присутствуют и типы бус, которые могут быть датированы XII–XIII вв., но их количество крайне мало. Указанное обстоятельство делает необходимым более детальное сопоставление данных по стратиграфии городища с данными по типам бус, происходящим из тех или иных горизонтов. Также перспективным направлением дальнейшей работы было бы сравнение бус городища с бусами из раскопок селища в пойме р. Днепр.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 10. Л., 1968.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника. М., 2007.

С.А. Стефутин

Государственный исторический музей, Москва, s.stefutin@newmail.ru

КОЛЛЕКЦИЯ КОСТЯНЫХ И РОГОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК БОЛЬШОГО ГОРНАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Большое Горнальское городище – один из наиболее известных и хорошо изученных памятников роменской культуры. Оно находится между селами Гuevo и Горналь Суджанского р-на Курской обл., занимает высокий мыс правого коренного берега р. Псел.

Первые исследования здесь были проведены А. Дмитриюковым, который в 1829 г. осмотрел и описал городище. Он же осуществил раскопки на курганном могильнике. В 1870-х годах могильник и городище исследовал Д.Я. Самоквасов. В 1948 г. памятник был обследован И.И. Ляпушкиным, а в 1968 г. – С.С. Ширинским.

В 1971–1973 гг. на городище проводились стационарные раскопки под руководством А.В. Кузы, А.А. Узянова, Г.Ф. Соловьевой. Всего вскрыто 1500 кв. м. Работы велись на высоком методическом уровне, с фиксацией большого количества разрезов и выделением различных объектов (жилища, хозяйственные постройки, ямы-хранилища и погребя), и дали значительные количества материала.

Настоящее исследование посвящено первым итогам обработки коллекции предметов из кости и рога. Благодаря особенностям грунта кость и рог на Большом Горнальском городище имеют хорошую сохранность. Всего анализируемая коллекция насчитывает порядка 450 изделий. Большой частью это несложные в изготовлении вещи, не требующие специальных инструментов и особых профессиональных навыков.

Остеологическое определение было выполнено для 191 предмета (Антипина Е.Е.)

Костяные и роговые изделия представлены следующими категориями.

1. Проколки (51,5%) – орудия с заостренным краем, видимо, имели универсальное назначение. В изучаемой коллекции представлены довольно вариативно. Проколки можно разделить на группы в соответствии с сырьем, из которого они изготовлены.

Самая многочисленная группа представлена экземплярами из диафизов трубчатых костей. Иногда они сохраняют эпифиз, а иногда сделаны из осколков трубки и не имеют удобного упора. Именно в этой группе зафиксированы как самые тонкие и острые, так и самые массивные, с очень тупым углом острия.

Вторая группа – проколки, изготовленные из кости предплечья. Они имеют хорошо выраженный острый край с явными следами обработки, иногда сильно сработанный. Эпифиз (часто сглаженный) и выемка под плечевой сустав образуют очень удобную рукоять. Подобный инструмент, позволяющий приложить значительные усилия, мог быть использован при работе с плотным материалом.

Третья группа – мелкие и целикомые боковые метаподиальные кости, они от природы обладают удобной формой. В научной литературе такие предметы имеют множество названий и вариантов интерпретации. На данном этапе исследования автор считает возможным отнести их к категории проколов, исходя из единственного яркого признака: заостренного конца. Не исключено при этом, что в дальнейшем будет разработана более подробная и четкая типология.

2. Астрагалы (32,8%) – таранные кости разных видов животных. У большинства экземпляров этой группы зафиксированы отверстия, как единичные, так и множественные, прорезанные острым инструментом (возможно, ножом). Лишь в одном случае отверстие просверлено. Часть астрагалов имеют выровненные грани (чаще всего одна или несколько сторон стесаны и заполированы).

Практически половина всех астрагалов орнаментирована. Орнаменты можно разделить на группы. *Резной орнамент* представляет собой разнообразные сочетания прямых и косых линий, составляющих сложные геометрические узоры. Отдельной подгруппой стоит выделить *«рунический» орнамент* – резы-линии, образующие подобию отдельных рун-символов (возможно, что это надписи, но, по высказанному в устной беседе заключению И.Л. Кызласова, «...к степным рунам они отношения не имеют»). *Точечный орнамент* состоит из сочетаний неглубоких множественных отверстий. В единственном случае зафиксирован *циркульный орнамент*.

Иногда астрагалы найдены по несколько экземпляров в одном объекте, но говорить о комплектах без более детального изучения стратиграфической картины преждевременно.

3. Амулеты (возможно, части украшений) (5,5%). Это изделия, выполненные из костей, позвонков рыб и клыков с проделанными в них отверстиями.

4. Рукояти инструментов (3,5%). Все они выполнены из массива рога, в коллекции есть как законченные рукояти, так и их заготовки.

5. Единичными экземплярами представлены: псалий, концевая и срединная накладки на лук, наконечник стрелы, кистень, неопределимые предметы, заготовки и отходы производства.

На данном этапе исследования можно сделать следующие выводы.

1. Большая часть костей, в том числе тех, из которых были выполнены различные изделия, принадлежат диким видам животных, из чего следует, что охота у жителей городища превалировала над животноводством. Охотничий промысел был направлен как на добычу мяса, так и на получение пушнины.

2. Разделка туш происходила по возвращении с охоты, так как кости, найденные на памятнике, принадлежат не только животным, употребляемым в пищу, но и пушному зверю.

3. Специальный отбор костей для изготовления проколов не производился, использовался наиболее доступный материал.

4. К сложным в технологическом отношении предметам можно отнести застёжку и два битрапециодных пряслица. Для производства подобных вещей необходимы более сложные инструменты и профессиональные навыки, но говорить о специальном косторезном ремесле на данном этапе исследования преждевременно.

Коллекцию костяных и роговых изделий из раскопок Горнальского городища можно назвать эталонной для роменской культуры. Она является одной из наиболее крупных и репрезентативных, к тому же исследованная часть охватывает практически половину памятника – центральную, краевую зоны и часть вала. Дальнейшее изучение коллекции предметов из кости и рога может расширить представления о быте роменского населения.

П.П. Колосницын

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, kpp82@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ БИРКИ ИЗ РАСКОПОК В СТАРОЙ РУССЕ: ХРОНОЛОГИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ФУНКЦИИ

Деревянные бирки (нем. *Kerbhölzer*, фр. *bâton de comptage*, англ. *tally sticks*), представляющие собой палочки с зарубками, фиксируются на территории Европы еще со времен Античности. В Средневековье и Новое время они получили повсеместное распространение и являлись одним из неотъемлемых элементов повседневной жизни (Apostolou, Crumbley, 2008 P. 60-62). Бирки, несмотря на свою простоту, исполняли множество важных функций: от способа записи простых подсчетов до эквивалента безналичных денег. В течение XIX в. деревянные бирки постепенно вышли из широкого употребления, но в сельской местности они использовались вплоть до XX в.

Судя по археологическим находкам в Старой Ладогге, Новгороде, Пскове, Старой Руссе, Торжке, Твери, Ростове, Белоозере и других средневековых городах, масштаб распространения и использования деревянных бирок на территории Руси близок к европейскому. Об этом свидетельствуют и упоминания деревянных бирок (др.-рус. *жеребии* или *дъцкы*) в Новгородской первой летописи (1207 г.), статьях Псковской судной грамоты (конец XV – начало XVI в.), духовных грамотах (конец XIV – XV в.), новгородских берестяных грамотах, а также в более поздних письменных документах. Кроме того, широкое использование деревянных бирок в крестьянской среде зафиксировано этнографами в XIX – начале XX в.

В настоящее время в отечественной историографии существуют два подхода к классификации бирок. Первый представлен в работах Р.К. Ковалева (2002. С. 38–49; 2003а. С. 28–35; 2003б. С. 36–56; 2009. С. 314–318), который рассмотрел материалы из Новгорода на фоне широкого круга аналогий. Он выделил три типа бирок (счетные, долговые и бирки-этикетки), разделяющиеся на виды в соответствии с морфологическими признаками. Кроме того, им была предложена классификация системы счета зарубок. Иной взгляд на проблему демонстрируют М.И. Кутер и К.А. Кузнецов, рассматривающие бирки не как категорию археологических находок, а как источник по истории становления бухгалтерского дела в России (2009. С. 48–53; 2010. С. 77–81). Предложенная ими систематизация основана на функциональном «бухгалтерском» назначении таких предметов. Все они объединены в две группы: налоговые бирки (служившие свидетельствами уплаты налогов) и учетные (разделяющиеся на калькуляционные, инвентарные, контокоррентные и платежные). Работы других исследователей не затрагивают вопросы систематизации и посвящены отдельным предметам или обзору находок, происходящих с территории конкретного памятника (Тихомирова, 2010. С. 46–52).

Новые перспективы в изучении интересующей нас категории изделий связаны с введением в научный оборот нового материала и открывающимися в связи с этим возможностями выявить хронологические рамки и ареалы распространения определенных типов.

Коллекция средневековых деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе насчитывает в настоящий момент свыше 600 экз. (для сравнения, по подсчетам Р.К. Ковалева, на 2006 г. в Новгороде было обнаружено более 630 ед.) и является одной из крупнейших. По-новому оценить этот массив позволяет использование электронных баз данных. Такой ресурс был создан коллективом Старорусской археологической экспедиции Новгородского университета и открыт для удаленного доступа (URL: <http://www.novsu.ru/archeology>).

В качестве эталонных материалов для систематизации бирок из Старой Руссы принята коллекция Пятницкого-I раскопа. В 2002–2012 гг. здесь были изучены культурные напластования XI–XV вв. мощностью около 6 м. Впервые для Старой Руссы получена полная дендрохронологическая колонка, что в сочетании с тщательной фиксацией стратиграфии открывает возможности узкого датирования находок. Важно, что раскопками были исследованы территории двух усадеб, расположенных в историческом центре города и не менявших границы на протяжении всего указанного периода. Характер застройки и комплекса материальной культуры свидетельствует о довольно высоком статусе, активной производственной и экономической деятельности жителей данных усадеб.

Полученные данные соотнесены с результатами анализа материалов других раскопов в Старой Руссе, прежде всего с насчитывающей более 250 экз. коллекцией бирок из напластований XI–XII вв. Борисоглебского раскопа. Все вместе это позволило уточнить существующие классификации, выявить особенности распределения бирок по территориям усадеб и определить время бытования различных их типов.

Ковалев Р.К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. 2002. № 1.

Ковалев Р.К. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкур в средневековом Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). Великий Новгород, 2003а.

Ковалев Р.К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). Великий Новгород, 2003б.

Ковалев Р.К. Деревянная счетная бирка-сорочок второй половины XI века из Старой Руссы // Хорошие дни...: памяти А.С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009.

Кутер М.И., Кузнецов А.В. Значение бирок в исследовании исторического развития бухгалтерского учета // Вестник СамГУПС. Т. 2. № 5. Самара, 2009.

Кутер М.И., Кузнецов А.В. Европейская история бирок: взгляд с позиций современной теории бухгалтерского учета // Сибирская финансовая школа. №1 (78). Новосибирск, 2010.

Тихомирова А.А. Деревянные бирки на поселениях Верхнего Поволжья X–XV вв. // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.

Apostolou N., Crumley D.L. The Tally Stick: the First Internal Control? // The Forensic Examiner. Vol. 17. № 1. Springfield, 2008.

БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ И ЮВЕЛИРНОЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ

Результаты раскопок последних лет (с 1999 г. по настоящее время), проводимых Староладожской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством А.Н. Кирпичникова вдоль южного вала Земляного городища Старой Ладogi, расширили и уточнили сложившиеся представления о технологических умениях и навыках ладожских кузнецов и ювелиров IX-X вв. Пополнилась также коллекция находок, отражающих их ремесленно-производственные возможности. Среди находок представлены инструменты, средства и предметы производства, производственное сырье, отходы, а также бракованные изделия.

В культурном слое встречены материалы, подтверждающие существование в Старой Ладогe гончарного, косторезного и деревообрабатывающего, а также бронзолитейного производств. Несмотря на то, что не было обнаружено ни одной специализированной постройки-мастерской, широко представлены косвенные свидетельства знакомства ладожских мастеров с ювелирным ремеслом, в частности, многочисленные фрагменты тиглей, льячек, литейных форм, отходов производства в виде обрезков и бесформенных фрагментов металла, бракованных изделий и полуфабрикатов.

В самых ранних на исследованной территории слоях IX в. (горизонт E1) было обнаружено 136 украшений из свинцово-оловянных сплавов разного типа (подвески и бляшки). Встречены не только сами вещи, но и формочки для их изготовления, полуфабрикаты и бракованные изделия. В большом количестве представлены сырьевые слитки свинцово-оловянного сплава, разнообразные по форме и размерам. Здесь же найдены бронзовые украшения, залитые с оборотной стороны оловянистым сплавом. Многочисленны бронзовые подвески трапециевидной формы, орнаментированные и без орнамента. В большинстве своем эти украшения не встречаются позднее конца IX в.

В заполнении одной из построек второй половины IX в. были обнаружены два латунных стержневидных слитка. Отсюда происходят еще бронзовый стержень со следами расковки, а также заготовка для изготовления подковообразной спиралеконечной фибулы в виде кованого стержня с уплощенными концами.

Керамические тигли и их фрагменты встречаются во всей толще культурных напластований. Представлены экземпляры цилиндрической и конусообразной формы, а также блюдцеобразные тигли-«купели». Всего собрано 418 фрагментов тиглей разных форм. Рентгено-флюоресцентный и спектральный анализы позволили обнаружить на их стенках остатки таких металлов, как серебро, свинец, золото, медь, цинк и мышьяк, на стенках некоторых фрагментов визуальнo фиксируются застывшие капли металла желтого цвета. Находки тиглей и их фрагментов распределяются по всей площади раскопа, несколько штук происходят из заполнения построек. Особый интерес вызывает комплекс первой половины – середины X в. (горизонт Д), обнаруженный в 2008 г. в раскопе 4. Вероятно, в период его формирования данный участок пустовал и использовался для утилизации производственных отходов. Здесь было обнаружено более 200 фрагментов керамических тиглей, большая часть которых относилась к категории блюдцевидных или так называемых тиглей-купелей. Отсюда же происходят фрагменты глиняных формочек для отливки украшений из бронзы, включая круглые подвески «гнездовского типа», и каменная изложница для изготовления металлических слитков, в том числе слитка, напоминающего по форме молоточек Тора. Это уже вторая каменная форма для отливки слитков в материалах Земляного городища. Близость мест нахождения этих предметов позволяет предположить, что изначально оба они относились к одному комплексу.

В слоях более позднего времени, XI – первой половины XIII в. (горизонт Г), обнаружены несколько бронзовых матриц, предназначенных для изготовления тисненых фигурных украшений.

Приведенные материалы свидетельствуют о длительности существования в Ладогe традиции производства украшений из свинцово-оловянных сплавов, а также о развитом бронзолитейном и ювелирном производстве, сложение навыков которого в среде местного населения стоит связывать с деятельностью мастеров – выходцев из Скандинавии.

ОБРАБОТКА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В БАССЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИСТОЧНИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ювелирное искусство финно-угорских этнических образований эпохи средневековья представлено исключительным разнообразием форм украшений, которые введены в научный оборот во многих обобщающих работах (Финно-угры и балты..., 1987; Финно-угры Поволжья и Приуралья, 1999; и др.). Но проблемы техники изготовления ювелирных изделий и состава их металлов разрабатываются лишь с недавних пор. Необходимость более глубокого изучения данной проблематики особенно ярко проявляется на фоне уже имеющихся комплексных исследований ювелирного дела Древней Руси (Зайцева, Сарачева, 2011).

Научными археологическими центрами Поволжья и Урала накоплены значительные фонды источников, позволяющих существенно расширить знания в этой области. Одним из регионов, откуда происходит исключительно богатый материал эпохи средневековья, является бассейн р. Чепцы. Культурный слой городищ (Иднакар, Вельякар, Гурьякар, Маловенижское городище, Уччакар и др.) насыщен разнообразными предметами, свидетельствующими о развитой обработке цветных металлов (Иванова, 1998. С. 134). Многочисленные обломки тиглей, льячки, литейные формы, бронзовые пластины и их обрезки, куски бронзовой проволоки и волочила, отливки бус в глиняных литейных формах, специальные заготовки бронзы, матрицы, а также сами изделия, клады бронзовых и серебряных украшений открывают широкие возможности для комплексного изучения ювелирного дела.

Представительный массив источников получен на одном из наиболее исследованных и значительных памятников финно-угорского средневековья – древнеудмуртском городище Иднакар IX–XIII вв. В последние десятилетия в связи с активным внедрением современных методик, ориентированных на более тщательную фиксацию материалов в процессе раскопок, открылись возможности цифрового картографирования и более скрупулезного изучения стратиграфического и планиграфического распределения огромной массы вещевого материала, дифференциации жилых и производственных зон (Иванова, Степанова, 2004. С. 240).

Городище состоит из трех структурных частей, ограниченных внутренней, средней, внешней линиями укреплений. Предварительный анализ распределения инструментария (тигли, литейные формы, льячки) по пластам и горизонтам показывает, что наиболее выразительные материалы получены во внутренней части городища. Отмечено, что тигли и литейные формы обнаружены на всей изученной территории, однако их концентрация значительно выше в южной части внутренней площадки, где располагались производственные сооружения по обработке черного металла. Слитки бронзы и формы для их изготовления фиксируются на внутренней части площадки, а отливки бус обнаружены в жилищах, что позволило высказать предположение об использовании кузниц для объемных литейных работ и изготовлении небольших предметов в домашних условиях (Иванова, 1998. С. 138).

Значительная коллекция предметов, связанных с литьем цветных металлов, получена при исследовании средней части городища. Отсюда происходят массовые находки шлаков, целых тиглей и их фрагментов, литейных форм, кусков бронзовых слитков и пластин, волочила и проволоки, заготовок перстней, отливок. Концентрация таких находок в районе сооружений, расположенных непосредственно за внутренней линией укреплений, указывает на их производственное назначение.

На внешней площадке городища, которая функционировала в XI–XIII вв. и на которой отложился значительно меньший по мощности слой, выразительные комплексы инвентаря и другие признаки средоточия высокоразвитого ремесла отсутствуют. При этом шлаки и обломки тиглей конической формы встречаются на всей площади раскопа и концентрируются в пределах сооружений и в отдельных ямах.

Картографирование находок, связанных с обработкой цветных металлов, позволяет утверждать, что тигли, литейные формы и шлаки встречаются во всех структурных частях памятника. Их концентрация значительно выше в южной части внутренней площадки и в средней части – в районе сооружений, расположенных непосредственно за внутренней линией укреплений городища. По всей вероятности, с расширением поселения сооружения перемещались в защищенные от пожаров и удаленные от жилых построек части. Но для локализации мест производства требу-

ется детальный анализ планиграфического распределения инструментария и ассортимента изделий в разных хронологических горизонтах, а также привлечение материалов других поселений. Это – задача дальнейших исследований.

Разработка данной тематики направлена на изучение не только технико-технологических аспектов ремесленного производства (определение способов изготовления украшений, выявление особенностей сырьевой базы ювелиров и возможных источников поступления металла), но и культурно-исторических контактов населения бассейна р. Чепцы в контексте производственных традиций Восточной Европы.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М., 2011.

Иванова М.Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Матер. Всерос. науч. конф. Ижевск, 2004.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Финно-угры Поволжья и Приуралья. Ижевск, 1999.

В.Н. Кузнецова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
valentkuznets@mail.ru*

О СТИЛЕ БРОНЗОВЫХ ПОДВЕСОК ПРИКАМЬЯ НАЧАЛА II ТЫС. Н.Э.

В начале II тыс. н.э. в стилистическом оформлении бронзовых украшений Прикамья происходят значительные изменения. Получают распространение подвески, украшенные ложной зернью и сканью, многочисленными жгутами с насечками и дополненные цепочками на щитковых звеньях. Эти изменения, безусловно, фиксировались исследователями региона. М.В. Талицкий писал, что камские вещи «болгарского периода» выполняются «особой филигранной техникой» (1951. С. 57). Впрочем, при изготовлении многих украшений наборная техника лишь имитировалась. Однако этнокультурная принадлежность ряда находок получила различную интерпретацию.

Одни и те же категории изделий (арочные, треугольные, полые орнитоморфные подвески и др.), считающиеся исследователями Приуралья волжско-финскими, будучи выявленными на памятниках Верхнего Поволжья и северо-запада Руси, определяются как импорт из Прикамья. Таким образом Е.А. Рябинин интерпретировал орнитоморфные подвески с петлями для привесок в передней части корпуса, обнаруженные в Костромском Поволжье (1981. С. 38). Вслед за ним аналогичную трактовку предложили Ю.В. Степанова для материалов из Тверского Поволжья (2011), а Л.В. Покровская – для подвески из Великого Новгорода (2010. С. 264).

Ключевым различием между прикамскими и поволжскими полыми орнитоморфными подвесками XI–XIII вв. помимо обилия декоративных элементов (жгутов и насечек) становится расположение петель в передней части корпуса. Наиболее ранние находки позволяют проследить постепенное перемещение петель с боковых сторон. В Предуралье свойственная волжско-финской изобразительной традиции схематичность достигает своего апогея: на некоторых подвесках головы коней и птичек переданы лишь крючком.

Маркером происхождения изделий зачастую является манера оформления привесок. Широкое распространение в украшениях населения Предуралья и Зауралья в XII–XIV вв. получают щитковые звенья цепочек. Однако проследить их развитие позволяют материалы Северо-Восточной Руси. К примеру, из костромских курганов, могильника Нефедьево, Мининского археологического комплекса и других пунктов происходят подвески с цепочками, звено которых состоит из двух перпендикулярных колечек, между последними расположены две-три перемычки (рис. 1, 1). Впоследствии эти перемычки дополняются насечками и трансформируются в щиток (рис. 1, 2, 3). Примечательно, что на некоторых звеньях восьмерковидной формы также появляется орнамент в виде насечек. По всей вероятности, в основе крепления при помощи щитковых звеньев лежит волжско-финская традиция, проявившаяся в так называемых коньках владимирского или мерянского типа.

В целом у подвесок Прикамья начала II тыс. н.э. постепенно нарастает количество декоративных элементов, действительно, имеющих различное этнокультурное происхождение.

Многие украшения оформляются ложной зернью. Схожий декор хоть и встречался на изделиях волжских финнов, но не был столь частым. В материалах XI–XIII вв. он присутствует на

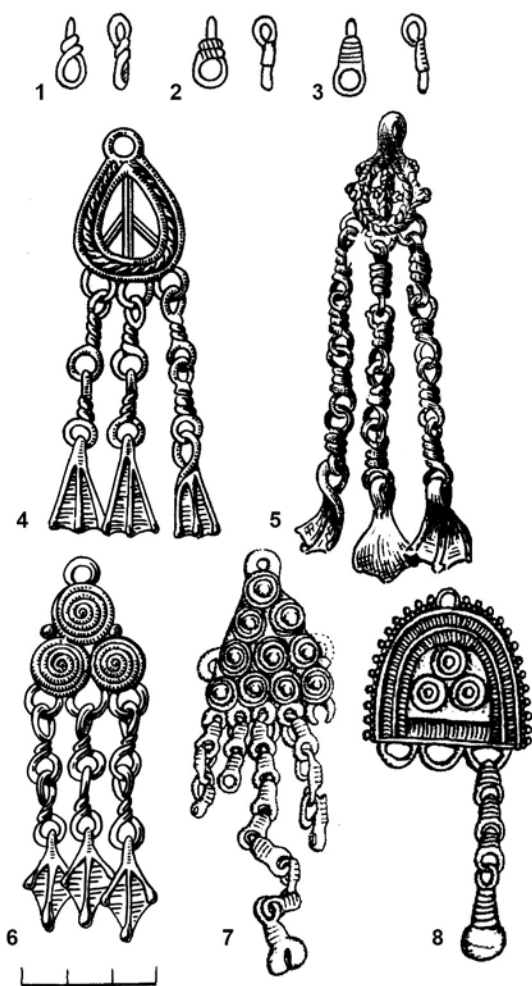

Рис. 1. Звенья цепочек (1–3) и подвески (4–8). 4, 6 – Костромские курганы (по: Рябинин, 1986. Таб. V: 2, 11); 5 – могильник Мыдлань-Шай (по: Генинг, 1962. Таб. VI: 15); 7 – Анюшкар; 8 – Чердынь (по: Белавин, 2000. Рис. 78: 17; 80: 6).

треугольных подвесок (рис. 1, 7). Характерные волжско-финские мотивы также соединяются с формами, бытовавшими на территории Прикамья: на внутренней поверхности арочных подвесок появляются описанные выше волюты (рис. 1, 8).

В целом в начале II тыс. н.э. в Прикамье формируется синкретическая изобразительная традиция. Копируются и адаптируются к местным вкусам волжско-финские, древнерусские, болгарские стилистические приемы, о чем говорят схематизация зооморфного образа, изменение техники изготовления и орнаментики (в сторону декоративности) украшений.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Валиулина С.И. Международная торговля Биляра по археологическим материалам // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999.

Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск, 1962.

Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.

Покровская Л.В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Степанова Ю.В. Шумящие украшения мерянского типа на территории Верхневолжья // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. М.; СПб., 2011.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22.

арочных, треугольных и даже полых орнитоморфных подвесках, что, вероятно, связано со стилистическим влиянием Волжской Булгарии. Как полагают исследователи, некоторые изделия даже изготавливались болгарскими мастерами «специально на экспорт с учетом вкусов торговых партнеров» (Валиулина, 1999. С. 143). Подобным образом С.И. Валиулина интерпретировала подтреугольную подвеску из Биляра, а А.М. Белавин – подвески-лапки из Зауралья (2000. С. 176).

При классификации треугольных подвесок Л.А. Голубева V тип соотнесла с изделиями чепецкой культуры (рис. 1, 5). При этом она писала об изменении техники изготовления вещей: «наборная техника была вытеснена литьем» (Голубева, 1982. С. 119). Такие подвески характеризуют не только памятники чепецкой, но и родановской культуры, и перми вычегодской. При сопоставлении с поволжскими материалами можно заключить, что эти украшения представляют стилистическую эволюцию подвесок из Костромского Поволжья (рис. 1, 4). В пользу копирования костромских изделий в Прикамье говорит также смена технологии, что, впрочем, касается и других находок, выполненных в «филигранной» технике.

Изменениям подвергаются и волютообразные подвески (рис. 1, 6): исчезает S-образный завиток, иногда волюты напоминают скорее концентрические круги. При этом они перестают быть плоскостным декором, а принимают форму конусов, т.е. приобретают сходство с распространившимися в Прикамье в X–XI вв. умбововидными подвесками, с той лишь разницей, что элемент уменьшается в размере и становится составной частью преимущественно

НАБОР УКРАШЕНИЙ XI – НАЧАЛА XII В. СЕВЕРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ (ПО ОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

До недавнего времени материалы XI в. на территории Верхнего Поочья были практически неизвестны. В течение последних 20 лет в результате археологических работ ситуация изменилась (Григорьев, 2005; Грудинкин, 2005; Лопатина, 2003; Прошкин, 2011; Фролов, Прошкин, 2011; и др.). Наибольшая концентрация памятников XI в. наблюдается на севере Верхнего Поочья по притокам р. Оки – Протве, Скнижке, Тарусе, Упе и др. Материалы с этих памятников разнообразны и включают в том числе украшения. Среди них можно выделить такие категории изделий, как височные кольца, серьги, перстни, бусины, привески, бубенчики, детали поясного набора, фибулы и пр. Известно более 140 вещей с 16 памятников.

Деление данного массива материала на группы произведено согласно принципам, приведенным в коллективной работе «Морфология украшений» (Щапова и др., 2007. С. 12–14), но с рядом поправок. В частности, предложенный Н.В. Жилиной принцип выделения групп украшений по ярусам нам видится более удачным. Предметы убора в широком смысле делятся на группы по назначению (украшения, детали одежды, общая группа). В свою очередь, в группе «украшения» целесообразно выделить ярусы (головной, украшения рук, универсальные).

Украшения головного яруса включают височные кольца и серьги. Для XI в. характерны височные кольца типа «Сельцо» (I типа по Т.В. Равдиной), лучевые III и V типа по Е.А. Шинакову. Последние представлены единичными экземплярами (Кривское 3, Сободевка 2 и др.), а пяти- и семилопастных образцов типа «Сельцо» насчитывается не менее 26 (Бутиково, Таруса 1, Лысая гора, Кривское 3, Романовка и др.). Для рубежа XI–XII вв. характерно распространение типично вятичских лопастных колец II–IV типов по Т.В. Равдиной (Таруса 1, Доброе, Слевидово и др.). Известна пара трехбусинных височных колец с бусинами с узелковым завязанным каркасом (по Н.В. Жилиной) из кургана 2 могильника у д. Слевидово. Также известны простые провололочные серьги (гор. Тимофеевка), датирующиеся концом X – рубежом XI–XII вв.

Украшения рук представлены перстнями. Среди них можно выделить узкопластинчатые несомкнутые типа 1а по Т.Г. Сарачевой с растительным орнаментом и в виде косички (Кривское 3, Тимофеевка), узкопластинчатые несомкнутые с литым зерненным орнаментом (Бутиково), пластинчатые закраинные с пуансонным орнаментом (Таруса 1), ложновитые (Тимофеевка, Бутиково). Все они не выходят за пределы XI в. Четыре ложновитых перстня из кургана 24 могильника у с. Доброе датируются рубежом XI–XII вв.

К универсальным относятся те украшения, которые не имеют фиксированного места ношения, или установить его в конкретном случае не удастся. Это разнообразные привески в виде бытовых предметов, широко распространенные на Северо-Востоке и Северо-Западе Руси в XI – первой половине XII в.: в виде топорика, ножен, ложки, крестовидная привеска «скандинавского» типа, монетовидная привеска, лунницы (Таруса 1, Левшино, Бутиково и др.). Также сюда можно отнести находки бус: белая глухого стекла, бипирамидальные сердоликовые и янтарная, бочонковидные золотостеклянные, шарообразная из прозрачного зеленоватого стекла, шарообразные хрустальные (Красный поселок 3, Тимофеевка, Доброе, Слевидово и др.).

Категории предметов, у которых «украшательская» функция второстепенна, а утилитарное назначение доминирует, объединены в группу «детали одежды». Сюда входят фибулы, накладки, наконечники ремня, поясные крючки, пряжки. Три бронзовые подковообразные фибулы известны на селище Бутиково. Все они фрагментированы, однотипны, хотя и разных размеров, имеют выпукло-вогнутое сечение дуги и полые внутри головки, покрытые орнаментом.

Пряжки представлены различными вариациями лировидных – тип 1 по Т.В. Равдиной (Таруса 1, Бутиково, Красный поселок 3 и др.) – которые были характерны для обширной территории Руси в XI в. Интерес представляет экземпляр с селища Бутиково, у которого прослеживаются финно-угорские традиции в орнаментации. Известные накладки (Таруса 1, Бутиково) характерны для древнерусской культуры XI в. Среди них выделяется экземпляр, выполненный в технике бронзового литья с лужением и чернью. В этой же технике изготовлен один из ремennых наконечником (Бутиково), плетеный орнамент которого имеет корни в скандинавской среде. Бронзовый наконечник с растительным орнаментом – позднее подражание салтовским предметам (Бутиково). Также известны поясные крючки (Таруса 1, Исканское, Бутиково), датирующиеся по аналогиям концом X – XI в.

В общую группу включены полифункциональные вещи, игравшие роль и украшений, и деталей одежды, а также те, которые нельзя отнести ни к одной группе. Это грушевидные и шаровидные крестопрорезные бубенчики, широко бытовавшие на всей территории Руси. Сюда же относится орнаментированная бронзовая оковка рукояти, возможно, ножа (Бутиково).

Таким образом, почти все рассмотренные украшения XI – начала XII в. относятся к общерусским типам (выделяются на этом фоне, например, височные кольца типа «Сельцо»). Такой набор принципиально отличается от комплекса IX – X вв. предшествующей роменской культуры, но абсолютно схож с набором украшений Москворечья XI – начала XII в. С начала XII в. здесь распространяются уже типично вятичские изделия.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.

Грудинкин Б.В. Новые памятники археологии Козельского района Калужской области // История. Культура. Духовность. Козельские краеведческие чтения. Калуга, 2005.

Лопатина О.А. Новые данные о раскопках с. Кривское-3 // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005.

Прошкин О.Л. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга, 2011.

Фролов А.С., Прошкин О.Л. Таруса в X – XIV вв. Калуга, 2011.

Щапова Ю.Л., Лихтер, Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология украшений. М., 2007.

А.А. Остапенко

Институт археологии РАН, Москва, ostapovka@gmail.com

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕЛКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПЛАСТИКИ В РОССИИ

Первый период изучения древнерусской мелкой христианской пластики приходится на вторую половину XIX – первые три десятилетия XX в. Его результаты сводятся к следующему.

1. Благодаря обширным публикациям частных и музейных собраний стало ясно, что традиция нагрудных крестов и икон в древнерусской культуре имела существенное значение, отражала определенные особенности миропонимания и нуждается во всестороннем внимании исследователей. Н.В. Покровский отмечал: «Огромное разнообразие форм древних крестов и образков показывает, что это был один из важнейших видов русской мастеровой производительности» (1909. С. XXI). Еще красноречивее высказался Н.Ф. Беляшевский в связи с раскопками на Княжей Горе: «Судя по числу найденных как раньше, так и во время наших раскопок, образков и крестов, нужно признать твердо установившимся обычай ношения таковых» (1892. С. 24, 25). «Вообще образки и кресты заслуживают полного внимания и всестороннего изучения» (Беляшевский, 1892. С. 27).

2. Наблюдения над техникой производства, стилем и иконографией изделий позволили наметить тенденции развития традиции. Н.И. Петров разделил кресты и иконы из собрания В.И. и Б.Н. Ханенко на «корсунские», «киевские» и «московские» (Собрание..., 1899. С. 1–7). Принципы разграничения первых двух групп не совсем ясны, но с определением некоторых признаков второй и третьей групп мы можем согласиться и сейчас: «киевское» литье, по Петрову, отличается применением «бронзы, переходящей к концу периода в медь» и «отчетливостью и крупностью рисунка», в то время как в московском литье «бронза совершенно заменяется медью» и «проявляется склонность к изображению сложных, миниатюрных композиций, с мелкими, трудно разбираемыми или даже вовсе не разбираемыми надписями». Очевидно, что Н.И. Петров хорошо понимал направление стилистической эволюции крестов от средневизантийской классицизирующей статуйности к позднемосковской дробности и вычурности. Н.В. Покровский также указывал, что для изделий XII – XIV вв. характерна «первобытная бронза», XV – XVII вв. – красная медь, вытесняемая в XVII в. желтой медью (1909. С. XXIII).

3. Осуществлены первые попытки классификации предметов. Большей частью это интуитивные схемы, как, к примеру, у Н.И. Петрова в вышеупомянутом издании коллекции Ханенко, где он выделил каменные и металлические кресты-тельники, энколпионы и каменные, керамические и металлические иконы. С другой стороны, были предприняты попытки классификации предметов по формальным признакам, в частности, в работе А.К. Жизневского, упорядочившего кресты из собрания Тверского музея (1888. С. 72–104). Исследователь вначале разделил их, исходя из наличия или отсутствия «изображений христианских», а затем по форме углов средокрестия и концов. Форма концов была также положена Н.П. Кондаковым в основу классификации энколпионов из собрания А.С. Уварова (Каталог..., 1908. С. 170–193).

4. Так как кресты и иконы были обнаружены в славянских курганах, они стали источником для изучения христианизации и попали в поле зрения не только историков искусства, но и историков-медиевистов и антропологов. А.С. Уваров при публикации материалов владимирских курганов рассматривал соотношение крестов с языческими элементами погребального обряда (1872. С. 62–66). Этот вопрос рассматривал и Д.И. Анучин (1896. С. 318–321; 1899. С. 22, 23).

Первый период в изучении мелкой пластики завершается статьей В.Н. Перетца (1933). Автор сформулированы принципы, которыми необходимо руководствоваться при датировке медного литья и вообще при его исследовании. Эти принципы – учет эпиграфики, палеографии, иконографии, археологического контекста, стиля, техники и материала – должны учитываться и современными исследователями. В.Н. Перетц также выделил три этапа в развитии медного литья. Для первого (XI–XIV вв.) характерны абстрактность формы, отсутствие эмоциональности, всякого «узорочья», фронтальность изображений, выпуклость и скульптурность. На втором этапе (XV–XVII вв.) место скульптурной пластики занимает живописная, возрастает количество сюжетов, появляются новые формы орнамента, меняется техника производства. Третий этап (XVIII–XIX вв.) не приносит ничего нового, кроме иконографии немногих святых, канонизированных в это время, более тщательной обработки деталей и «орнамента ремесленного характера». Как показывает работа с археологическими коллекциями, схема В.Н. Перетца, хотя и нуждается в уточнении, по сути, верно отражает объективные особенности, заложенные в материале.

Анучин Д.И. О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России // Археологические известия и заметки. № 9–10. М., 1896.

Анучин Д.И. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. М., 1899.

Беляшевский Н.Ф. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киев, 1892.

Жизневский А.К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.

Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. Отд. VIII – XI. М., 1908.

Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья // Изв. ГАИМК. Вып. 73. Л., 1933.

Покровский Н.В. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. 1879-1909. СПб., 1909.

Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899.

Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

Н.А. Кокорина

*Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник, Владимир,
nataly.maler16@gmail.com*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАГРУДНЫХ КРЕСТОВ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Задачей данной работы является рассмотрение основных этапов развития нагрудных крестов, а также попытка определить, насколько полно этот процесс отражен в археологических коллекциях Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (ГВСМЗ), насчитывающих порядка 180 таких экспонатов.

Русь принимает крещение от Византии. Оттуда поступают к нам и первые предметы христианского культа, в том числе кресты. Однако достаточно быстро греческие модели начинают перерабатываться русскими мастерами, и появляются изделия, обладающие местными особенностями.

Кресты домонгольского времени можно разделить на две большие группы: кресты-энколпионы и монолитные кресты-тельники.

Все энколпионы, бытовавшие на территории Древней Руси, по классификации Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой делятся на четыре группы, исходя из техники изготовления: гравированные, рельефные, черневые и рельефно-черневые (Корзухина, Пескова, 2003). Самые древние – гравированные кресты – в археологических коллекциях музея не представлены. Черневых энколпионов в собрании 8, рельефных – 11, рельефно-черневых – 4.

Вопрос о том, кто и как мог носить кресты-энколпионы, по-прежнему до конца не решен. Вполне вероятно, что они предназначались для открытого ношения. Этот факт подтверждается и археологическими данными (Хойновский, 1893. С. 32, 33). Вместе с тем не исключено, что энколпионы, особенно мелкие, могли надевать под одежду. В литературе встречается утверждение, что

кресты-энколпионы являлись неперменным атрибутом императоров и епископов в Византии, и эта традиция была воспринята на Руси (Федоров, 2000. С. 15–21). Однако первые письменные указания на крест как обязательную принадлежность греческого архиерея относятся лишь к XV в. Иконографические данные также не подтверждают официальное вхождение энколпиона в состав епископского облачения в более раннее время. На изображениях святителей вплоть до XVII в. нагрудные кресты отсутствуют. Факт ношения энколпионов мирскими людьми имеет лишь одно иконографическое подтверждение, однако в пользу этого говорит численность данного вида находок, а также обнаружение многих из них в землянках ремесленников.

Отличительными чертами тельников домонгольского времени являются свойственные им пропорции греческого креста и практически полное отсутствие изображений и надписей. В собрании ГВСМЗ представлено порядка 80 нательных крестов этого времени. Среди них можно выделить 11 типов, различающихся формой ветвей и средокрестия.

Вопрос о практике ношения нательных крестов стоит иначе, нежели в случае с энколпионами. Вероятно, чаще их носили под одеждой, но известны находки тельников и в составе ожерелий, носимых открыто (Седова, 1974. С. 194). То, что носить такой крест имел право любой, не вызывает сомнений. Но было ли ношение нательного креста в Древней Руси обязательным? По правилам Русской Церкви при совершении Таинства Крещения на человека возлагается крест. Однако во многих других Православных Церквях такой практики нет. Никак не закреплена она и в Третьей книге, содержащей чинопоследования таинств. Когда именно возникла эта неписаная традиция, сказать сложно.

В XIV в. происходят значительные изменения в древнерусском искусстве. Новые тенденции в первую очередь отразились на внешнем облике крестов-мощевиков. В собрании ГВСМЗ два предмета иллюстрируют распространенный тип переходного периода. С энколпионов начинают отливать монолитные кресты довольно больших размеров. Со временем начинается самостоятельное развитие этого вида ставрографической пластики. Пять таких образцов в фонде археологии ГВСМЗ представляют один из типов, характерных для XV – XVI вв.

Среди нательных крестов XIV – XVI вв. можно выделить два основных направления. Одно из них продолжает традиции предшествующей эпохи и представлено крестиками греческих пропорций без изображений. К концу рассматриваемого периода подобные тельники почти совсем выходят из употребления. В коллекциях ГВСМЗ таких находок пять. Другое направление связано с повторением в уменьшенном виде облика крупных крестов. Данная группа в фонде археологии ГВСМЗ насчитывает 12 предметов.

В XVII в. широкое распространение получают кресты с символическими изображениями. Форма их чрезвычайно усложняется, изображения, напротив, упрощаются до минимума. Роль надписей заметно возрастает. Выработанные в XVII в. образцы продолжают тиражироваться вплоть до XX в., что существенно осложняет определение хронологии конкретных памятников. Большинство крестов этой разновидности датируется широко, в пределах XVII – XIX вв. В коллекциях ГВСМЗ таких крестов с символическими изображениями 61 экз. Для их систематизации в основном используется типология Э.П. Винокуровой (1999. С. 326–329). Из восьми имеющихся в собрании типов наибольшим числом представлен первый, с прямоугольным завершением лопастей креста.

Разумеется, в коллекции археологии ГВСМЗ представлено далеко не все многообразие крестов, существовавших в России в Новое время. С этого периода начинается влияние западноевропейского реализма и больших художественных стилей на внешний облик рассматриваемых изделий. На крестах XIX в. можно нередко встретить западную иконографию и аллегорические изображения. Со второй половины столетия на обороте тельников появляется надпись «спаси и сохрани». В фонде археологии ГВСМЗ всего два экземпляра можно связать именно с XIX в. Отдельно стоит упомянуть фрагмент деревянного параманного креста второй половины XVIII – начала XIX в. Это единственный пример креста подобного назначения в археологических коллекциях музея.

Подводя итог, можно сказать, что коллекция нагрудных крестов из археологических фондов ГВСМЗ довольно разнообразна. В ней отражены все основные этапы развития этого вида культовой пластики в России, но отражены они неравномерно, с явным перевесом в сторону домонгольского времени.

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X – XIII вв. СПб., 2003.

Седова М.В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Федоров Ю.А. Образ креста. История и символика православных нагрудных крестов. СПб., 2000.

Хойновский И.А. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Киев, 1893.

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛОЕВ ФАНАГОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК «ВЕРХНЕГО ГОРОДА» В 2008-2012 ГГ.)

Фанагория является крупнейшим и наиболее значимым в археологическом отношении древнегреческим памятником на территории современной России. Основанная в середине VI в. до н.э. выходцами из ионийского города Теоса, пережив периоды независимости и римского владычества, она просуществовала до начала X в. н.э. В орбиту внимания русских ученых Фанагория попала практически сразу после присоединения Таманского полуострова к России в конце XVIII в. Вскоре после этого были произведены первые раскопки на фанагорийском некрополе, однако в XIX в. они носили ненаучный, а подчас и варварский характер (Блаватский, 1940. С. 288). Начало планомерных научных исследований городища и его некрополя относится к 1936 г. и связано с именем В.Д. Блаватского.

Несмотря на длительную историю изучения Фанагории, памятник по-прежнему остается малоисследованным. Во многом это связано с тем, что археологические изыскания здесь, как правило, не носили масштабного характера. В общей сложности, начиная с 1936 г., изучено всего около 2% от общей площади городища (Кузнецов, 2010. С. 190). Естественно, слои средневекового времени не составляют в этом плане исключения. К настоящему моменту относящиеся к средневековью культурные напластования и строительные остатки исследованы на трех участках городища: в прибрежной части (раскопы «Северный берег», «Север-Восточный», «Береговой стратиграфический»); центральной части нижнего плато (раскоп «Центральный»); на холме Г, который фланкирует с востока большую ложину, соединяющую верхнее и нижнее плато городища.

В результате этих раскопок сложилось мнение, согласно которому территория средневековой Фанагории значительно сократилась по сравнению с античным временем, и город занимал только нижнее плато и местами склоны холмов верхнего (А.Г. Атавин, С.А. Плетнева). Однако работы, проводимые в последние несколько лет, позволяют говорить, что в средневековье Фанагория занимала гораздо большую площадь (Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 393.). Именно изучению средневековых слоев памятника посвящена данная работа.

В настоящее время исследования городских слоев Фанагории сосредоточены на холме, расположенном в центральной части городища, на краю верхнего плато. В античное время здесь располагался акрополь. Впервые научные раскопки на холме были проведены в 1975 г. но они носили ограниченный характер. Только в 1995 г. начались полномасштабные работы на обширной площади в 900 кв. м (раскоп «Верхний город»), расширенной до 1750, а затем и до 2200 кв. м. На протяжении сезонов 2008-2012 гг. были открыты остатки средневековой жилой застройки, на большей части раскопа представленной разрозненными, плохо сохранившимися фундаментами, позволяющими, тем не менее, делать выводы о планировке жилого сектора города.

В 2007 г. был заложен северо-восточный участок раскопа «Верхний город» (его площадь 400 кв. м), где выявлены остатки фундаментов нескольких домов с характерной для хазарского времени кладкой «елочкой», средневековый колодец, сложенный из сырцовых кирпичей, фрагменты зернотерок, средневековых пифосов (один из которых оказался целым), относящихся к хозяйственной системе одного из домов. Массовый керамический материал однороден, что позволяет рассматривать его как единый комплекс. Подавляющее большинство находок в открытых домах составляли фрагменты амфор, за которыми, несмотря на значительные иногда различия, закрепилось общее название амфор причерноморского типа (Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 412). Они датируются VIII в. н.э.

В 2010 г. в северной части раскопа «Верхний город» 1995-2008 гг., вниз по склону холма, был разбит новый участок, условно названный «Северный». Его площадь составила 350 кв. м. Здесь были выявлены фрагменты фундаментов двух стен хазарских домов, которые также являются остатками единовременной квартальной застройки, синхронной ранее обнаруженным на соседнем, северо-восточном, участке фундаментам средневековых жилых сооружений. Сложность работы с массовым керамическим материалом из верхних слоев участка «Северный» состоит в том, что через всю исследуемую площадь с юго-запада на северо-восток проходят две траншеи XIX в., нарушающие целостность культурного слоя. Напластования VIII-IX вв., таким образом, оказываются перемешаны с отвалами траншей XIX в. и перекрывающимся их отвалом раскопа «Верхний город». Поэтому наряду с часто встречаемыми здесь датируемыми амфорами причер-

номорского типа мы наблюдаем и более ранний керамический материал. Это практически общая тенденция для всех участков раскопа «Верхний город», исследования на которых проводились в последние несколько лет. Она обусловлена тем, что весь холм, на котором в древности располагался акрополь Фанагории, прорезан траншеями – следами раскопок XIX в., которые в большинстве случаев безвозвратно разрушили верхние слои городища, содержащие ценную информацию о времени проживания в Фанагории хазар.

В 2011 г. в северной части холма, вниз по склону, был разбит еще один участок раскопа площадью 350 кв. м, который исследуется единой площадью с участком «Северный». Здесь также были обнаружены остатки фундаментов средневековых домов, фрагменты пифосов, зернотерок, средневековой черепицы причерноморского производства.

В 2012 г. все три участка раскопа «Верхний город», на которых в 2008-2012 гг. исследовались слои средневекового времени, были выведены под единый нивелировочный уровень, и исследования более ранних слоев были продолжены на общей площади 1100 кв. м.

Раскопки на верхнем плато городища в сезонах 2008-2012 гг. значительно расширили границы средневековой Фанагории, показав, что в хазарское время городские кварталы занимали не только нижнее плато, как считалось ранее (Плетнева, 1981. С. 67), но и верхнее. Причем здесь располагалась отнюдь не окраина города, а полноценный городской район с редкими для Фанагории большими четырех- и трехкомнатными постройками.

Состав находок в домах, открытых как на нижнем, так и на верхнем плато, свидетельствует, что до последнего момента своего существования Фанагория оставалась активно функционирующим городом, поддерживавшим интенсивные торговые связи с близлежащими регионами, в первую очередь, с Крымом.

Таким образом, материалы, полученные в результате исследований средневековых слоев Фанагории на раскопе «Верхний город», проводившихся в 2008-2012 гг., дают возможность заполнить лакуны в наших знаниях о важном периоде жизни Фанагории, завершающем этапе его многовековой истории.

Блаватский В.Д. Раскопки Фанагории в 1938-1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3/4.

Кузнецов В.Д. Новейшие исследования Фанагории // Новые археологические открытия 1991–2004 гг. М., 2010.

Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. М., 2010.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. Археология СССР. М., 1981.

О.В. Григорьева

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,
sigrid@yandex.ru*

О «БОГАТЫХ ЖИЛЫХ ДОМАХ» ДРЕВНЕЙ РУСИ

В литературе, посвященной постройкам древнерусских городов, довольно часто фигурируют так называемые богатые жилые дома. Подобные постройки зачастую расценивались как жилища «феодала», «боярина» или «князя». Признаки, по которым их выделяют, существуют негласно, исследователи не оговаривают для них какого-либо определенного термина.

Первым попытался выделить признаки богатых жилищ Ю.П. Спегальский, но он делал это с точки зрения развития домостроительства и не рассматривал подробно комплексы находок, ссылаясь на мнение других исследователей (Спегальский, 1972). По Ю.П. Спегальскому, признаками богатого жилища были «относящиеся к ним комплексы находок, нередко обильные по количеству предметов и достаточно выразительные по их составу. Об этом же говорит обширность и солидность срубов этих построек и ... особая тщательность рубки, необычная добротность полов» (Спегальский, 1972. С. 96). В определении выразительности комплекса находок Ю.П. Спегальский ссылается на мнение П.И. Засурцева (Засурцев, 1963. С. 162–165); правда, перечень находок, приведенный П.И. Засурцевым, большей частью состоит из предметов, традиционных для обычного древнерусского жилища.

Пытаясь определить состав находок, характеризующих экономический статус владельцев «богатых жилых домов», мы проанализировали материалы ряда жилых комплексов, определенных в публикациях как «богатые», из нескольких хорошо изученных древнерусских городов —

Великого Новгорода, Рюрикова Городища, Старой Рязани, Суздаля и Новогрудка (Колчин и др., 1981. С. 59–80; Носов и др., 2005. С. 33–46; Даркевич, 1974. С. 19–55; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 168–204; Седова, 1997. С. 62–145; Гуревич, 1981. С. 18–101; Янин, 2004. С. 26–30). Выяснилось, что в этих постройках помимо обычного набора предметов, традиционных для любого древнерусского жилого комплекса, найдены также: *оконные и витражные стекла* (Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *поливные плитки* (Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *фрагменты хоросов* (Старая Рязань, Новогрудок); *куски листового свинца* (Старая Рязань); *фрагменты фресковых росписей* (Новогрудок); *амфоры* (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *поливная, стеклянная, фаянсовая и металлическая посуда* (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *предметы снаряжения воина и боевого коня* (Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *печати и пломбы* (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль); *орудия письма, детали книжных переплетов, эпиграфические памятники* (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *фрагменты дорожных тканей* (Новгород, Новогрудок); *шахматные фигурки* (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань); *предметы из драгоценных металлов* (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *европейские и восточные монеты, денежные гривны* (Новгород, Рюриково городище, Суздаль); *детали весов и гири* (Новгород, Старая Рязань, Суздаль); *предметы личного благочестия высокой ценности* — энколпионы, каменные иконки, привозные каменные крестики (Новгород, Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *предметы высокой художественной ценности* (Рюриково городище, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок); *клады* (Старая Рязань, Суздаль); *инвентарь мастера-живописца* (Новгород); *инвентарь златокузнецов* (Новгород, Старая Рязань, Суздаль, Новогрудок).

Все перечисленные предметы происходят из построек, жилая площадь которых превышает 50 кв. м, достигая порой 100 кв. м и более. Это позволяет в дальнейшем с особым вниманием относиться к подобным сооружениям, даже если находки из них и не дают оснований характеризовать комплексы как «богатые жилища». Кроме того, рассмотренный набор находок, зафиксированный компактно в нестратифицированном сухом слое, может указывать на местоположение «богатого жилого дома».

подавляющее большинство перечисленных категорий предметов представлено в комплексах не менее чем в двух, а чаще — в трех-четыре из пяти вышеупомянутых поселений. Исключение составляют куски листового свинца, фрагменты фресковых росписей и инвентарь мастера-живописца, обнаруженные соответственно в Старой Рязани, Новогрудке и Новгороде. Эти находки можно было бы считать уникальными, т.е. не дающими оснований для обобщений. Заметим, однако, что мельчайшие фрагменты раскрашенной штукатурки и обрезки листового (т.е. кровельного) свинца могли остаться за пределами публикаций. Что же касается инвентаря мастеров-живописцев, то находки на усадьбе Олисея Гречина в Новгороде на самом деле не являются уникальными. Напомним про инвентарь мастера-живописца в одной из построек Киева. Правда, М.К. Каргер считал эту постройку «полуземлянкой ремесленника», а не «богатым жилищем», однако по составу находок (амфоры, поливная посуда, предметы из драгоценных металлов, предметы снаряжения воина и боевого коня, предметы личного благочестия высокой ценности, инвентарь мастера-живописца) киевская «полуземлянка ремесленника» практически ничем не отличается от «богатых жилищ» Новгорода, Суздаля, Новогрудка и др. (Каргер, 1958. С. 310–316).

Вопрос о том, как соотносится экономическое положение владельцев интересующих нас построек с их социальным статусом, мы пока оставляем открытым. Заметим только, что жилище Олисея Гречина в Новгороде, владелец которого, безусловно, обладал высоким социальным статусом (кандидат на новгородскую владычную кафедру), по составу находок относится к числу «богатых жилых домов».

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.

Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Засурцев П.И. Усадьба и постройки Древнего Новгорода // МИА. 1963. № 23.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя: Новые материалы и исследования. СПб., 2005.

Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. М., 1997.

Спегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.

Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСТРОЙКИ БЕЛООЗЕРА: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Проблемы реконструкции внешнего облика, конструктивных особенностей и внутреннего устройства средневековых построек до сегодняшнего дня остаются предметом оживленных дискуссий.

Причины такого положения дел вполне понятны и определяются самим характером археологических материалов – от деревянных сооружений в лучшем случае сохраняются лишь несколько нижних венцов. Это позволяет составить представление о планиграфии объекта, описать устройство фундамента (если таковой присутствует), выяснить устройство пола и печи (если они существовали). Однако по мере движения от нижних частей построек к верхним количество возникающих вопросов и проблем лавинообразно нарастает. При этом сама возможность реконструкции и уровень ее достоверности напрямую зависят от степени сохранности дерева в культурном слое того или иного поселения. Недаром подавляющее большинство известных реконструкций выполнено на материалах Новгорода, ставшего основным источником для изучения древнерусского домостроительства.

Фундамент (при его наличии) мог быть представлен площадкой, состоящей из сплошной вымостки, окруженной бревенчатой обвязкой. Для уплотнения почвы могли также использовать остатки предшествующих сооружений. В большинстве же случаев сруб ставился прямо на землю. При отсутствии фундамента под стены дома могли подводиться нивелировочные подкладки, представляющие собой обрубки бревен или досок. Одновременно с вопросом реконструкции фундамента возникает вопрос этажности постройки.

Завалинки, галереи или основы подполья? Спорными являются некоторые моменты реконструкции построек, состоящих из внутреннего и внешнего сруба, в ситуации, когда сени выделены за счет увеличения одной из сторон внешнего сруба. Решением данного вопроса в своих трудах занимались П.И. Засурцев, Ю.П. Спегальский, Н.Н. Фараджева.

Во многих постройках существовал пол, но если от постройки сохранился только нижний венец, его реконструкция затруднена, так как лаги часто врубались между вторым и третьим венцами. Осложняет реконструкцию этого элемента и местоположение печи, которое влияет на особенности устройства пола.

При реконструкции стен постройки также возникают спорные моменты. Во-первых, не всегда понятно расположение входа в сооружение, так как нижний венец не перерубался в месте, где делали вход. В некоторых случаях приходится устанавливать его местонахождение, опираясь только на планиграфию двора. Во-вторых, при сохранности в один-три венца непросто установить наличие и местоположение окон. Однако общеизвестно, что при отоплении по-черному дым выходил через волоковые окна.

О наличии и конструкции потолков очень сложно судить, поскольку во время археологических исследований были обнаружены лишь некоторые их элементы: обломки жердей, досок, плах.

Огромное поле для размышлений открывается при воссоздании образа крыши постройки. В Новгороде во время работ на Неревском и Троицком раскопах были зафиксированы многочисленные фрагменты «куриц», которые вторично использовались в качестве нивелировочных подкладок. Кроме «куриц» также найдены тес, драница, желоба, лемех, луб и пр. Существует мнение, что наибольшее распространение имели двухскатные крыши на самцах.

Для решения спорных вопросов реконструкции потолков и крыш часто прибегают к этнографическим материалам, объясняя это сохранением традиций домостроительства. Однако существуют иные точки зрения, согласно которым техника строительства претерпела существенные изменения уже в изучаемый период – в X–XIII вв.

Подчеркнем, что это перечень далеко не всех проблем, возникающих при попытке реконструкции средневековых построек.

Предлагаемая работа посвящена средневековым постройкам Белоозера, на территории которого под руководством Л.А. Голубевой в течение 12 лет проводились масштабные раскопки. Одним из результатов исследований стало выявление влажного культурного слоя, аналогичного новгородскому, по степени сохранности дерева. Благодаря этому удалось изучить большое количество – 52 – деревянных постройки X–XIII вв. В числе выявленных конструкций присутствуют и жилые дома, и хозяйственные постройки: клетки, амбары, хлева и др. Прослежено деление на усадьбы, обнесенные частоколом и связанные между собой системой мостовых.

За многие годы археологических исследований Северо-Запада Европейской части России накопился огромный объем фактического материала, посвященного деревянному домостроительству на Руси в X – XIII вв. Наиболее известны работы П.А. Раппопорта, Ю.П. Спегальского, Г.В. Борисевича. Однако результаты этих исследований зачастую воплощены в созданных профессиональными художниками двухмерных рисунках, отражающих в большинстве случаев лишь один из возможных для каждой постройки вариантов реконструкции. При этом внесение каких-либо изменений или дополнений в предложенный вариант оказывается практически невозможным без полной переделки изображения.

Между тем, благодаря значительному развитию компьютерных технологий за последние десятилетия у нас появляется возможность существенным образом упростить процесс визуализации результатов проделанной работы. Использование двух- и трёхмерных систем автоматизированного проектирования и черчения позволяет не только создавать 3D модели построек, но и предлагать на основе собранных данных различные варианты реконструкций и, быстро изменяя любые размерные и количественные параметры, добиваться наибольшей научной достоверности. Кроме того, в последнее время расширилась область возможного применения результатов работ по реконструкции построек. Если раньше их создание преследовало в первую очередь научные задачи, то сейчас они оказываются востребованными при строительстве музеев-заповедников и туристических комплексов. Это, в свою очередь, требует иного подхода к проработке и детальной чертежей и разрезов, необходимых для выполнения реконструкций в натуральную величину.

С.И. Милованов

Институт археологии РАН, Москва, milovan@bk.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ИВАНОВСКОГО ВАЛА ПЕЧЕРНЕГО ГОРОДА ВЛАДИМИРА НА КЛЯЗЬМЕ: СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ*

Впервые исследования Ивановского вала – оборонительных укреплений, ограничивающих с восточной стороны центральную часть древнего Владимира, так называемый Печерный город – проводились в 1953 г. Н.Н. Ворониным. В результате этих работ были сделаны следующие выводы относительно стратиграфии и хронологии памятника: 1) укрепления были сооружены на культурном слое, насыпь вала без внутренних деревянных конструкций возводилась в два строительных приема, относящихся к одному строительному периоду; 2) в XV – начале XVI в. с тыльной стороны укреплений была произведена досыпка грунта с целью расширения их верхней площадки (Воронин, Раппопорт, 1953). Н.Н. Воронин относил возведение оборонительных сооружений Печерного города к 1098-1108 гг. (1961. С. 39–44).

В 2010-2011 гг. экспедицией Института археологии РАН проводились охранные археологические исследования на территории, где ранее находилась насыпь Ивановского вала. В результате перепланировки в конце XVIII – начале XIX в. в этой части города укрепления были скрыты, поэтому изучена только их нижняя часть, сохранившихся на максимальную высоту около 3,5 м. Общая вскрытая площадь составила около 325 кв. м. Участок работ располагался в 95 м к юго-востоку от раскопа 1953 г.

В результате исследований выделено семь этапов истории освоения данной части города и возведения оборонительных укреплений.

На **первом этапе** рассматриваемая территория использовалась под сельскохозяйственные нужды. Непосредственно на материке зафиксирован пахотный горизонт, представленный слоем плотного сильно гумусированного суглинка темно-коричневого цвета мощностью 6 – 24 см с небольшим количеством древесного угля и малочисленными мелкими фрагментами гончарных глиняных сосудов древнерусского времени.

На **втором этапе** в данной части города существовал неукрепленный посад. Культурные напластования, содержащие остатки жилой застройки, зафиксированы на древней пашне. Их общая мощность невелика и достигает 4-5 см. С этим горизонтом связаны заглубленные в материк ямы хозяйственного назначения и две наземные срубные жилые постройки. Этап датируется серединой – второй половиной XII в.

На жилом горизонте было начато возведение оборонительных укреплений (**третий этап**). Наблюдения над стратиграфией заполнения ям, сохранностью деревянных конструкций, характером слоя, отложившегося на пахотном горизонте, позволяют говорить, что изученные в раскопе постройки (усадебя), функционировавшие здесь до начала возведения оборонительных сооруже-

ний, не погибли в пожаре, а были разобраны, и фактически сразу же на освободившейся территории начали возводить укрепления. Максимальная сохранившаяся высота первоначальной насыпи вала составляла 0,9-1,1 м. Предположительно оборонительные укрепления были скрыты, и в дальнейшем исследуемая территория использована под усадьбную застройку. Первоначальные оборонительные сооружения были возведены во второй половине XII в.

Четвертый этап в истории освоения участка связан с существованием на рассматриваемой территории усадьбной застройки. Были раскопаны подполья жилых и хозяйственных построек, одна наземная постройка с печью, линия частокола, ограничивающего усадьбу (или усадьбы?) со стороны древнего оврага. Обнаружены материалы (обломки глиняных тиглей, фрагменты медных котлов, вероятно использовавшихся в качестве сырья), свидетельствующие о существовании здесь ювелирной мастерской.

Постройки и объекты, связанные с данным жилым горизонтом, погибли в результате пожара. В дальнейшем застройка здесь не возобновилась. На основании стратиграфических наблюдений, анализа керамического материала, индивидуальных находок и результатов радиоуглеродного датирования время существования жилой застройки определяется в рамках второй половины XII – первой четверти/середины XIII в.

Слой пожара был разровнен, и на нем возведена насыпь вала второго строительного горизонта оборонительных укреплений (**пятый этап**). Длительного перерыва (на который указывали бы формирование почвенного горизонта, слой погребенного дерна и проработанность верхней границы предшествующего жилого горизонта корнями растений) между пожаром и началом возведения оборонительных сооружений не зафиксировано. Можно утверждать, что возведение вала началось спустя короткий промежуток времени после гибели построек. Вал второго строительного горизонта был насыпан не ранее первой четверти – середины XIII в.

С напольной стороны вала на насыпи второго строительного горизонта прослежен довольно мощный почвенный слой (до 30 см) (**шестой этап**). В нем выявлены фрагменты гончарных сосудов древнерусского периода и Нового времени. Керамический материал и мощность почвенного горизонта свидетельствуют о длительном, с момента сооружения оборонительных укреплений и до XVI – XVII вв., периоде его формирования на поверхности вала. На почвенном горизонте зафиксированы слои, свидетельствующие о ремонте оборонительных укреплений в Новое время (**седьмой этап**). Также в нем прослежены остатки вбитых колов от крепежной стены, которая предохраняла насыпь вала от сползания в овраг.

Таким образом, исследования Ивановского вала в 2010-2011 гг. позволили получить новые данные по его стратиграфии и хронологии.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-31-01212 «Оборонительные укрепления Печерного города Владимира-на-Клязьме: топография, конструкции, этапы формирования».

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т.1. М., 1961.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Отчет об археологических разведках во Владимире летом 1953 г. // Архив Государственного историко-архитектурного и художественного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. 1953. № 50.

В.В. Скинкайтис

Воронежский государственный университет, skinkaitis.vintsas@yandex.ru

КЕРАМИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ СЕМИЛУКСКОГО ГОРОДИЩА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Семилукское городище находится в черте г. Семилуки Воронежской обл. Оно расположено на мысу правого берега р. Дон высотой более 45 м. Площадка городища вытянута в длину до 200 м и ширину – до 65-70 м. Его укрепленная площадь превышает 1 га. С напольной стороны городище имеет вал и ров. Высота вала до 1,2 м, ширина 5 м. Ров имеет ширину до 10 м, глубину – до 3 м (Пряхин, Цыбин, 1991. С. 93). Вскрытая площадь на поселении составляет 3340 кв. м.

Городище было открыто сотрудниками воронежского краеведческого музея в 1920-е годы. В 1981 г. отрядом экспедиции В.И. Беседина исследованы остатки гончарного горна (Беседин, Беседина, 1983. С. 77). Систематическое изучение Семилукского городища проводилось в 1984–1993 гг. под руководством А.Д. Пряхина и М.В. Цыбина. В ходе исследований выявлено 18 построек древнерусского времени. Был сделан вывод, что городище имеет один строитель-

Типы венчиков				
Тип 23 	15 (57%)	9 (34%)	2 (7%)	—
Тип 21 	36 (84%)	6 (14%)	—	1 (2%)
Тип 28 	4 (15%)	18 (69%)	3 (11%)	1 (4%)
Тип 18 	10 (40%)	9 (36%)	4 (16%)	2 (8%)
Тип 41 	20 (91%)	—	2 (9%)	—
Тип 3 	4 (15%)	14 (54%)	8 (30,7%)	—

Рис. 1. Типы венчиков и орнамента сосудов Семилукского городища.

С гончарным ремеслом связаны три горна, которые образовывали производственно-ремесленный комплекс, располагавшийся за пределами укрепленной части городища.

Для анализа керамики было выбрано 18 построек, из которых происходит керамическая серия общим объемом свыше 2 тыс. фрагментов. Большая часть сооружений имеют и иной датирующий материал. Во всех постройках фиксировалась керамика, изготовленная в рамках одной технологической (отошители, режимы обжига и др.) и морфологической традиции, характерной для Рязанской земли в первой половине XIII в. (Ростиславль-Рязанский, Старая Рязань).

Во всех комплексах присутствовала керамика, изготовленная из двух типов формовочных масс. Доминировала масса с примесью песка (72,5% от всей керамики). Второй по численности тип – масса без визуально фиксируемых примесей (27,5%). При этом из беложгущихся (неожелезненных) глин было изготовлено 20% всей керамики, из красножгущихся (ожелезненных) – 10,4%, преобладала же керамика переходного типа (из слабоожелезненных глин) – 62,5%. К керамике восстановительного обжига принадлежало 7% исследованных образцов. Для уточнения состава примесей и качества глин был проведен петрографический анализ, в результате которого были выявлены естественные примеси в глине: железняк и охра.

Среди верхних профильных частей (венчиков) горшков доминирующими типами оказались 23, 28 и 18 (40% всех венчиков), которые характерны для домонгольского времени. Подобные венчики в литературе называют «эсвидными», а их появление объясняют решением узкофункциональных задач (приспособление сосуда для закрытия его крышкой). В.В. Черкасов связывает это с необходимостью увеличить прочность керамики и срок ее эксплуатации (2005. С. 310, 311).

Что касается днищ, то в серии более чем в 300 фрагментов были выявлены днища на подсыпке песка (34%) и золы (66%).

Проведенный анализ керамических комплексов подтвердил однородность керамических наборов, использовавшихся населением Семилукского городища, что может свидетельствовать о товарности керамического производства. На это указывают доминирующие типы венчиков и повторяющийся орнамент (рис.1).

Изучение древнерусской керамики Семилукского городища в дальнейшем позволит выявить наиболее характерные традиции изготовления посуды не только для данного памятника, но и для поселений всего этого региона.

Беседин В.И., Беседина В.В. Семилукское городище на Дону // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 9. М., 1996.

ный горизонт и возникло в период феодальной раздробленности на чернигово-рязанском порубежье как сторожевая крепость и центр складывающейся сельской округи. Хронологические рамки памятника были определены концом XII – первой половиной XIII в. (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 29–62).

При анализе керамики мною использовалась методика статистической фиксации В.Ю. Ковалья (1996; 1997; 2000; 2004), поскольку она позволяет давать количественные характеристики не только признакам морфологии сосудов, но также техники их изготовления и декора. Статистическая обработка по этой методике предполагает разделение керамики на типы по ряду признаков, в том числе наличию или отсутствию обработки поверхности, наборам примесей к формовочной массе и режимам обжига (окислительный и восстановительный), а также группировать керамику по степени ожелезненности глины. Группировка днищ проводилась по различным подсыпкам, отпечатки которых фиксируются на их нижней плоскости. При определении разновидностей венчиков горшков в качестве типобразующих признаков использовалось сочетание их конструктивной схемы и способа формовки края.

- Коваль В.Ю.* Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
- Коваль В.Ю.* К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 10. М., 2000.
- Коваль В.Ю.* Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. М., 2004.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В.* Древнерусское Семилукское городище XII-XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В.* Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987-1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996.
- Черкасов В.В.* Домонгольские традиции гончарного производства (на примере керамики Коломны 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII в.) // Великое княжество Рязанское. М., 2005.

И.А. Нерушин

Самарский государственный университет, nerushin@gmail.com

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Раннесредневековая проблематика традиционно занимает важное место в исследованиях, посвященных Среднему Поволжью. Введены в научный оборот многочисленные погребальные памятники конца VII–X в. (Казаков, 1992). В последние годы плодотворно развивается и направление по выявлению поселенческих памятников хазарского времени Средневожского региона.

К данной тематике неоднократно обращались Ю.А. Семькин (1996; 2006), Г.И. Матвеева, уделившая этой проблеме особенно много внимания (2003; 2005), Д.А. Сташенков (2010; 2011) и другие исследователи. В итоге их работ список памятников, содержащих материалы VIII–X вв., в регионе пополнился. Географически выделены несколько их групп: в Ульяновском Поволжье (Абрамовское селище, городища «Чертов городок» и Новослободское, селище и городище Новая Беденьга); на Самарском левобережье Волги (Пролетарское городище, селище Власть Труда); на территории Самарской Луки (Себрякаевское II, Малая Рязань VII, Осиновское V и Жигулевское селища). Материалы этого времени есть на селищах Кармалинском и Ош-Пандо-Нерь (Сташенков, 2010. С. 119).

Среди исследователей существует несколько мнений относительно культурной интерпретации выявленных памятников. Так, Г.И. Матвеева и Ю.А. Семькин склонны видеть в обитателях этих поселений осевших под влиянием сохранившейся части именьковского населения кочевников (Семькин, 1996; 2006; Матвеева, 2005). Д.А. Сташенков, констатируя неоднородность материалов, часть их связывает с оседло-земледельческим населением, переселенным с территории Хазарского каганата (2010. С. 119).

На настоящем этапе исследования можно говорить о необходимости детальной культурно-хронологической интерпретации выявленных древностей, в частности, путем изучения отдельных категорий предметов. Малое количество узкодатирующих вещей заставляет обратиться к анализу основной массы находок – керамическому материалу.

Керамике поселений хазарского времени Среднего Поволжья уделялось внимание при публикации результатов раскопок Себрякаевского (Матвеева, 2003; Матвеева, Скарбовенко, 2005) и Малорязанского (Вязов, Нерушин, 2010) селищ. Первая работа, в которой сделана попытка рассмотреть всю совокупность этого материала, принадлежит Д.А. Сташенкову. Он кратко охарактеризовал керамический комплекс памятников ранее выделенных территориальных групп (Сташенков, 2011). В целом, однако, интересующая нас категория находок изучена недостаточно подробно.

Фрагменты лепной посуды составляют подавляющее большинство керамики на поселениях. Преобладают сосуды горшковидной формы, хотя присутствуют и кувшиновидные, большинство которых орнаментировано насечками и вдавлениями по краю венчика. Отдельную категорию посуды составляют сковороды с невысокими бортиками, края которых в большинстве случаев также украшены вдавлениями.

Керамика, изготовленная с применением гончарного круга, гораздо малочисленнее лепной. Лишь на Малорязанском VII селище она составляет почти четверть всего материала, при этом особенностью памятника является наличие кружальных горшковидных сосудов с линейно-волнистым орнаментом по тулову (Вязов, Нерушин, 2010. С. 135. Таб. 1). На большинстве других поселений эта категория керамики представлена фрагментами кувшиновидных сосудов «салтовского» типа, покрытых сетчатым лощением.

Как отдельная категория выделяются красноглиняные амфоры, присутствующие на всех поселениях Самарского Поволжья. Они представлены как отдельными небольшими фрагментами, так и очень крупными частями (селище Севрюкаево).

Керамический комплекс памятников хазарского времени неоднороден. Так, для левобережья Волги и Ульяновского Поволжья характерно наличие орнаментированных сосудов с округлым или уплощенным дном, имеющих прикамско-приуральские истоки. Подобная керамика не встречается на исследованных поселениях Самарской Луки, за исключением верхнего слоя селища Ош-Пандо-Нерь (Вязов, Нерушин, 2010. С. 133).

Таким образом, общим для керамического комплекса рассматриваемых памятников является наличие фрагментов груболепной посуды (горшков и сковород с насечками по краю венчика) и присутствие в разном процентном соотношении сосудов, изготовленных с применением круга («салтовская» керамика), а также фрагментов красноглиняных амфор.

Аналогии рассматриваемому материалу можно указать пока самые общие. Древности Самарской Луки демонстрируют сходство с памятниками как новинковского типа, так и хазарского времени Татарстана (Большетарханский могильник) и Подонья. В составе керамического комплекса других территориальных групп присутствуют изделия восточного происхождения (Сташенков, 2011. С. 101, 102).

Дальнейшее исследование керамического материала поселений, его сравнение с посудой из погребальных памятников Среднего Поволжья, технико-технологический анализ сосудов будут способствовать выявлению культурно-хронологических групп населения хазарского времени, определению регионов его происхождения и исторической судьбы.

Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг. // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межкультурного взаимодействия)*. Самара, 2010.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации волжских болгар // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова*. Матер. конф. М., 2003.

Матвеева Г.И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // *Из археологии Поволжья и Приуралья*. Казань, 2003.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // *Краеведческие записки*. Вып. 12. Самара, 2006.

Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 1996.

Семыкин Ю.А. Археологические данные о контактах раннеболгарских и именьковских племен на территории Среднего Поволжья // *Этнокультурное взаимодействие в эпоху Великого переселения народов*. Ижевск, 2006.

Сташенков Д.А. О группах поселений хазарского времени в Самаро-Симбирском Поволжье // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межкультурного взаимодействия)*. Самара, 2010.

Сташенков Д.А. Керамический комплекс поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // *Междунар. науч. семинар «Керамика Хазарского каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжья»*. Тез. докл. Симферополь, 2011.

А.В. Никитина

Самарский государственный университет, galadriell-xiv@yandex.ru

КЕРАМИКА ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКОГО ОБЛИКА НА ПАМЯТНИКАХ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ЛУКИ

Селище Ош-Пандо-Нерь расположено к северо-западу от с. Шелехметь Волжского р-на Самарской обл.: оно начинается в 600 м северо-западнее села, тянется в направлении с востока на запад на расстояние 800 м вдоль южного подножия горы Ош-Пандо-Нерь и занимает далее почти всю территорию межгорной долины Холодный овраг.

Селище открыто в 1922 г. В.В. Гольмстен. Оно неоднократно подвергалось раскопкам: за 1970, 1980 и 1981 гг. общая вскрытая площадь составила 500 кв. м (Скарбовенко, 1995. С. 3). В 1993–1996 гг. памятник исследовался М.С. Седовой, в 1994 г. – Р.С. Багаутдиновым, в 1994–1995 гг. – В.А. Скарбовенко. Материалы последних исследований не опубликованы.

В краткой публикации результатов полевых исследований 1981 г. памятник датирован VI–VII вв. и отнесен к именьковской культуре (Ключникова, Матвеева, 1985. С. 131, 143). Однако

раскопки 1990-х годов выявили незначительное число сосудов, по внешним признакам существенно отличающихся как от основного керамического массива селища, так и от керамики именковской культуры в целом. Материалы подобного облика ранее на поселениях Самарской Луки известны не были. Цель настоящего исследования – выяснить происхождение, датировку и место подобной посуды в культурном комплексе поселения.

Количество привлеченного к анализу материала с селища Ош-Пандо-Нерь составило 23 сосуда. По форме среди них встречаются шестичастные и семичастные структурные конструкции с резким переходом от верхней части к плечу. Все сосуды округлодонные, небольших размеров: диаметр по венчику составляет 10-12 см, высота – 12 см, максимальная ширина тулова 16-17 см. Вместимость сосудов – не более 1 л. Часть изделий имеют прямую невысокую шею (3-4 см), остальные завершаются небольшим отогнутым венчиком. Все, за исключением одного, сосуды изготовлены из ожелезненной глины. Одна часть посуды – с примесью раковины в тесте, достаточно тонкая, с рыхлым, слоистым изломом черепка и грубой шершавой поверхностью, другая – более плотная с примесью (вероятно, естественной) песка в тесте и тщательно заглаженной поверхностью. Орнамент по способу нанесения разделен на три вида: прочерченный, штампованный и резной. В большинстве случаев он локализован на плече и нижней части горла сосуда и морфологически представляет собой простейшие, ритмически повторяющиеся мотивы, чаще всего так называемый елочный орнамент (11 сосудов).

Наиболее близкие по облику сосуды известны на раннесредневековых памятниках Татарстана: Больше-Тарханском (Генинг, Халиков, 1964. С. 2008), Больше-Тиганском (Финно-угры и балты..., 1987. С. 352) и Танкеевском (Khalikova, Kazakov, 1977. P. 200) могильниках.

Большая часть угорской и залегающей с ней салтовской керамики локализуется в непосредственной близости от наиболее позднего из исследованных в раскопе сооружений – жилища с нехарактерной для именковской культуры подквадратной формой, малыми размерами и столбовой ямкой в центре. Интересующая нас керамика зафиксирована после гибели жилища – над слоем пожарища.

Аналогичная постройка встречена на селище Подгоры. В пользу ее финно-угорской атрибуции свидетельствует зафиксированное в ней изобилие керамики полумско-чепецкого типа (Иванов, 1998. С. 217) и характерное заполнение с включением большого количества костей и чешуи рыб и раковин. Посуда данного комплекса морфологически схожа с описанной выше с селища Ош-Пандо-Нерь, однако здесь в тесте уже всех сосудов присутствует дробленая раковина, все они имеют тонкие стенки (около 0,4 см) и рыхлую слоистую фактуру разломов. Появляется керамика с веревочным орнаментом по верхней части – признак, указывающий на хронологическую близость ко времени появления памятников Волжской Болгарии. Кроме того, в материалах Подгорского селища отсутствует керамика салтовского круга.

В 2001-2002 гг. недалеко от селищ исследовались погребения, содержащие приуральскую керамику. Основываясь на расположении захоронений относительно современной поверхности и различиях с погребальным обрядом новинковского типа, авторы раскопок делают вывод о приходе угорского населения уже после прекращения новинковских традиций и датируют памятник IX-XI вв. (Лифанов, Седова, 2003. С. 306). Однако, судя по характеру поселенческих материалов, мы можем согласиться с этим тезисом только в отношении селища Подгоры. На селище Ош-Пандо-Нерь присутствие угорского населения очень непродолжительно, и, видимо, приходится на вторую половину VIII в. Это подтверждают датирующие находки и почвенно-морфологический анализ: между гибелью сооружения 14 и новым заселением участка зафиксирован незначительный перерыв (около 5 лет); на последнем этапе функционирования памятника салтовские и приуральские гончарные традиции сосуществовали здесь в рамках одной многокомпонентной общности.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск, 1998.

Ключникова Р.М., Матвеева Г.И. Селище Ош-Пандо-Нерь // Древности Самарского Поволжья. Куйбышев, 1985.

Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология Восточноевропейской степи. Пенза, 2003.

Скарбовенко В.А. Отчет о раскопках селища Ош-Пандо-Нерь I/II у с. Шелехмети в Волжском районе Самарской области в 1994 г. // Архив Археологической лаборатории СамГУ. Самара, 1995.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Studia Archaeologica. № 6. Budapest, 1977.

КРЫМСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ В МАТЕРИАЛАХ СЕЛИЩА-1 У С. АРХАНГЕЛЬСКОЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В сентябре-октябре 2007 г. археологической экспедицией Белгородского государственного университета под руководством В.А. Сарапулкина проводились раскопки селища-1 у с. Архангельское Шебекинского р-на Белгородской обл. Памятник выявлен И.И. Ляпушкиным в 1948 г. (1948), обследован С.А. Плетневой в 1957 г. (1957). Селище расположено на правом берегу р. Северский Донец, в 0,9 км к северо-северо-востоку от северной окраины с. Архангельское, в 2,4 км к востоку-северо-востоку от восточной окраины с. Коровино, занимает площадку коренного берега. В ходе раскопок было вскрыто 92 кв. м.

Наиболее многочисленная категория находок представлена керамическим материалом. Несомненное преобладание имеет амфорная тара, являющаяся предметом крымского импорта. Для памятников поселенческого типа салтово-маяцкой культуры амфоры являются типичной группой находок. Как правило, они фрагментированы.

К исследованию было привлечено 700 фрагментов амфорной керамики из материалов селища-1 у с. Архангельское, среди которых 685 фрагментов стенок, 6 фрагментов венчиков, 6 фрагментов ручек и 3 фрагмента доньев. Все шесть венчиков следует отнести к одной морфологической вариации. Они плавно отогнуты наружу и плоско срезаны по верху. Один венчик слегка загибается внутрь и имеет внутреннюю западину в виде неглубокого желобка. Амфорные ручки овальные в сечении, их ширина колеблется в пределах 2,8-3,5 см. На четырех из них прослежен полукруглый валик, расположенный на внешней стороне и делящий ручку пополам по продольной оси. Две ручки овально-уплощенные и не имеют заметных выступов на поверхности. На 53 фрагментах стенок прослежено мелкое зональное рифление, характерное для причерноморских амфор, которое выполнено мелкозубчатым гребешком. Один фрагмент несет следы вертикального штрихового рифления, довольно редкого для рассматриваемого типа сосудов, которое, по всей видимости, выполнено вилкообразным приспособлением.

Некоторые фрагменты стенок амфор имеют следы граффити. На одном из них удалось проследить процарапанное по глине изображение в виде двух прямых пересекающихся линий, напоминающее латинскую X. На другом фрагменте зафиксированы две сходящиеся под углом линии, напоминающие латинскую V.

В результате технологического анализа керамики удалось выделить четыре варианта состава глиняного теста. Самую большую группу образуют амфоры, имеющие плотный черепок, с многочисленными включениями мелких карбонатов (известь, толченая морская ракушка). Они характеризуются сквозным обжигом и темно-красным либо оранжевым цветом черепка в изломе. Толщина стенок исследованных фрагментов в среднем составляет 0,5–0,7 мм, внутренняя поверхность не заглажена, у большинства экземпляров прослежена пористая структура. Другие выделенные варианты теста демонстрируют значительные отличия от рассмотренного выше как по качеству формовочной массы, так и по наличию различных включений.

Всего же амфорная тара составляет 36% от общей массы керамики, выявленной при раскопках памятника. В материалах расположенного ниже по течению Северского Донца Нетайловского селища крымский керамический импорт составляет 70%. Для поселений, известных в долине р. Оскол, аналогичные показатели гораздо ниже. Например, на селище-1 у х. Шпенгарев доля амфор составляет лишь 6% от общей массы керамического материала. Приведенные цифры свидетельствуют о значительной роли населения Верхнего Подонцовья, на территории которого, по всей видимости, располагались крупнейшие торговые площадки, в осуществлении торговых связей Северного Причерноморья и Доно-Донецкой лесостепи.

Вероятно, на всем протяжении существования селища оставившее его салтовское население имело интенсивные торговые контакты с Северным Причерноморьем. Судя по амфорному материалу, данный период предположительно включает в себя время со второй половины VIII по середину IX в. Об этом свидетельствует наличие на относительно небольшой вскрытой площади памятника разных по составу теста амфор. Выделенные варианты теста отражают как направления торговых контактов, так и их относительную хронологию. Наиболее многочисленные изделия, изготовленные из теста вариантов 1 и 2, соотносятся по этому показателю с находками из погребальных комплексов Ржевского грунтового могильника салтово-маяцкой культуры, где

такие сосуды были встречены с арабскими дирхемами заключительной трети VIII в. (Сарапулкин, 2005). Учитывая, что дирхемы находились в погребениях в качестве украшений, а также тот факт, что с момента их чеканки до попадания к населению, оставившему могильник, должно было пройти некоторое время, датировать интересующие нас амфоры следует не ранее, чем концом VIII в. Амфоры остальных вариантов являются продукцией более низкого качества, изготовленной на территории Керченского полуострова. По-видимому, они представляют собой попытку повторить изделия, следовавшие транзитом из центров юго-восточного побережья Крыма через боспорский рынок в Азовское море и далее в Доно-Донецкий регион. Таким образом, если продукция групп 1 и 2 соотносится с концом VIII – началом IX в., то восточно-крымские подражания, очевидно, имеют более позднюю датировку, и на селище-1 у с. Архангельское они могли попасть не ранее начала IX в.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 263.

Плетнева С.А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1446.

Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 г. // Архив кабинета археологии НИУ БелГУ. Белгород, 2005.

А.Р. Нуретдинова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
alsu.nuretdinova@rambler.ru*

ТЕХНИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ УСАДЬБЫ РЕМЕСЛЕННИКОВ-КУЗНЕЦОВ (РАСКОП V) БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

Тигли и сфероконические сосуды – самые многочисленные инструменты ремесленников на Билярском городище. Для исследования болгарского ремесла наибольший интерес и возможности источниковедческого плана представляет техническая керамика, найденная в пределах ремесленных мастерских.

Одним из ранних производственных комплексов в Биляре являются обнаруженные А.Х. Халиковым в 1967-1968 гг. остатки усадьбы кузнецов-металлургов (раскоп V). **Альфредом Хасановичем** было выявлено 12 горнов и прослежено их функционирование от начала формирования культурного слоя до момента гибели города, в пределах X – начала XIII в. Характер объектов и находки дали возможность определить обнаруженные производственные комплексы как мастерскую или несколько мастерских, изготавливавших железные цилиндрические замки. На раскопе площадью 184 кв. м за два полевых сезона зафиксировано, судя по полевой описи, 80 тиглей и более 300 сфероконических сосудов. На сегодняшний день материалы разделены на две части: большая хранится в фондах археологии Национального музея Республики Татарстан, меньшая – в Музее археологии Академии наук Республики Татарстан. Частично материалы опубликованы в обобщающей статье А.Х. Халикова (1976). Позднее тигли были систематизированы по морфологическим признакам в обзорных работах С.В. Кузьминых (1985; 2005), однако детально эта категория находок не рассматривалась.

На сегодняшний день накоплен большой опыт по изучению технической керамики в рамках комплексного подхода, сочетающего традиционные археологические (сравнительно-типологический, морфологический, стратиграфический) и естественнонаучные методы.

В результате исследования тиглей установлено, что устойчиво доминируют открытые цилиндрические круглодонные сосудики высотой от 2,7 до 8,2 см, диаметром 2,2–2,8 см и с толщиной стенок от 0,1 до 0,6 см, что свидетельствует о стандартизации данной категории технической керамики. Сфероконические сосуды представлены сероглиняными среднеазиатскими и закавказскими экземплярами.

Морфологическое изучение технической керамики сочеталось с анализом формовочной массы. Для этого 5 тиглей и 20 сфероконических сосудов были исследованы несколькими взаимодополняющими физическими методами: рентгенографическим, рентгенофлюоресцентным спектральным анализом (XRF), сканирующей электронной микроскопией (SEM) в лаборатории Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета. Характеристики глины и отошителей позволяют определить регион производства тиглей и сфероконических сосудов. Если все тигли изготовлены из местных глин, то большая часть сфероконических сосудов (98%) соотносится с сырьевой базой Средней Азии.

Кузьминых С.В. Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985.

Кузьминых С.В. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2005.

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города. М., 1976.

П.С. Успенский

Институт археологии РАН, Москва, uspenskiy07@mail.ru

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОБРЯДУ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ VIII–XIII ВВ. НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В эпоху средневековья обряд кремирования умерших на Северо-Западном Кавказе был распространен в течение длительного времени, поэтому хронологический анализ таких погребений имеет важнейшее значение. В исследованиях Е.П. Алексеевой, А.В. Пьянкова, В.А. Тарабанова, Е.А. Армарчук захоронения по обряду кремации разделены на два больших временных горизонта: комплексы хазарского (VIII–IX вв.) и домонгольского (X–XIII вв.) времени. Хронологические определения проводились с помощью традиционного метода датирования по аналогиям. Так, разнообразные предметы материальной культуры из погребений хазарского времени имеют широкие параллели в памятниках салтово-маяцкой культуры. Отсюда трупосожжения Северо-Западного Кавказа датировались в пределах устоявшихся для этой культуры хронологических рамок (VIII–IX вв.) без попыток выделения более дробных этапов. Подобная ситуация складывалась и относительно кремаций домонгольского периода. Только недавно было намечено разделение таких погребений на комплексы XI–XII вв. и XII – начала XIII в.

Разработка хронологии автором проходила в несколько этапов. На первом этапе была создана база данных, объединившая информацию о погребальном обряде и инвентаре 725 комплексов. Второй этап – отбор признаков, которые гипотетически могут играть роль хронологических маркеров. На третьем этапе проводилась компьютерная обработка отобранных признаков методами многомерного статистического анализа. На четвертом этапе к выделенным группам признаков были привязаны абсолютные даты. В результате весь исследуемый массив удалось объединить в три группы, отражающие относительную хронологию изучаемых погребальных комплексов.

Первая группа объединяет захоронения с деталями поясных наборов, такими, как щитковые пряжки, пряжки с двойной симметричной рамкой, трапециевиднорамчатые бесщитковые пряжки, наконечники поясов, ременные разделители и накладки. В этих комплексах также присутствуют составные серьги, подвески и фибулы с завитком на конце, короткие слабоизогнутые сабли с прямыми пластинчатыми перекрестиями или перекрестиями с дисковидными окончаниями, наконечники копий с удлинено-треугольным или пиковидным пером и боевые топоры. Конская упряжь представлена удлинено-арочными стремянами, грушевидными стремянами с небольшой петлей округлой формы, удилами с S-видными и стержневидными псалиями. В первую группу входят вещи из погребений могильников Борисово, Дюрсо, 8-я щель, Молдовановский, Казазово II, Псекупский, Общественный II.

Вторая группа объединяет погребения с двусоставными однокольчатыми удилами с крыловидными псалиями, подобными удилами без псалиев, кольцевидными стремянами. Сабли в этих комплексах короткие и длинные слабоизогнутые с прямыми перекрестиями с раструбными окончаниями и перекрестиями с грибовидными окончаниями без бокового щитка. Среди наверший рукоятей выделяются грушевидные и в виде колпачка с сужением в средней части гладкого или граненого тулова. Преобладают простые проволочные серьги, появляются сплошные литые височные кольца. Ко второй группе принадлежат погребения могильников Андреевская щель, Абрау-Дюрсо, Ленинохавль, Циплиевский кут, Псекупский, Черноклен, Абинский 4, Ахтырский лиман.

Третья группа составляют погребения с арочными стремянами различной конфигурации, двусоставными однокольчатыми удилами, длинными слабоизогнутыми саблями. Перекрестия сабель с грибовидными окончаниями без бокового щитка и со щитком, навершия рукоятей уплощенно-цилиндрической формы с боковыми щитками. Редко встречаются наконечники копий с пером удлинено-треугольной формы. Среди серег выделяются проволочные экземпляры с несомкнутыми окончаниями, сплошные височные кольца, серьги, изготовленные из полой трубочки и с напускной бусиной. К третьей группе относятся погребения из могильников Цемдолинский, на г. Сапун, Кабардинка (Кедровая роща), Васильевка 4, Южноозереевский, Борисовский курганный, Лобанова щель, Чайка, Жане, Шебш 1 и 2, Шизе IV.

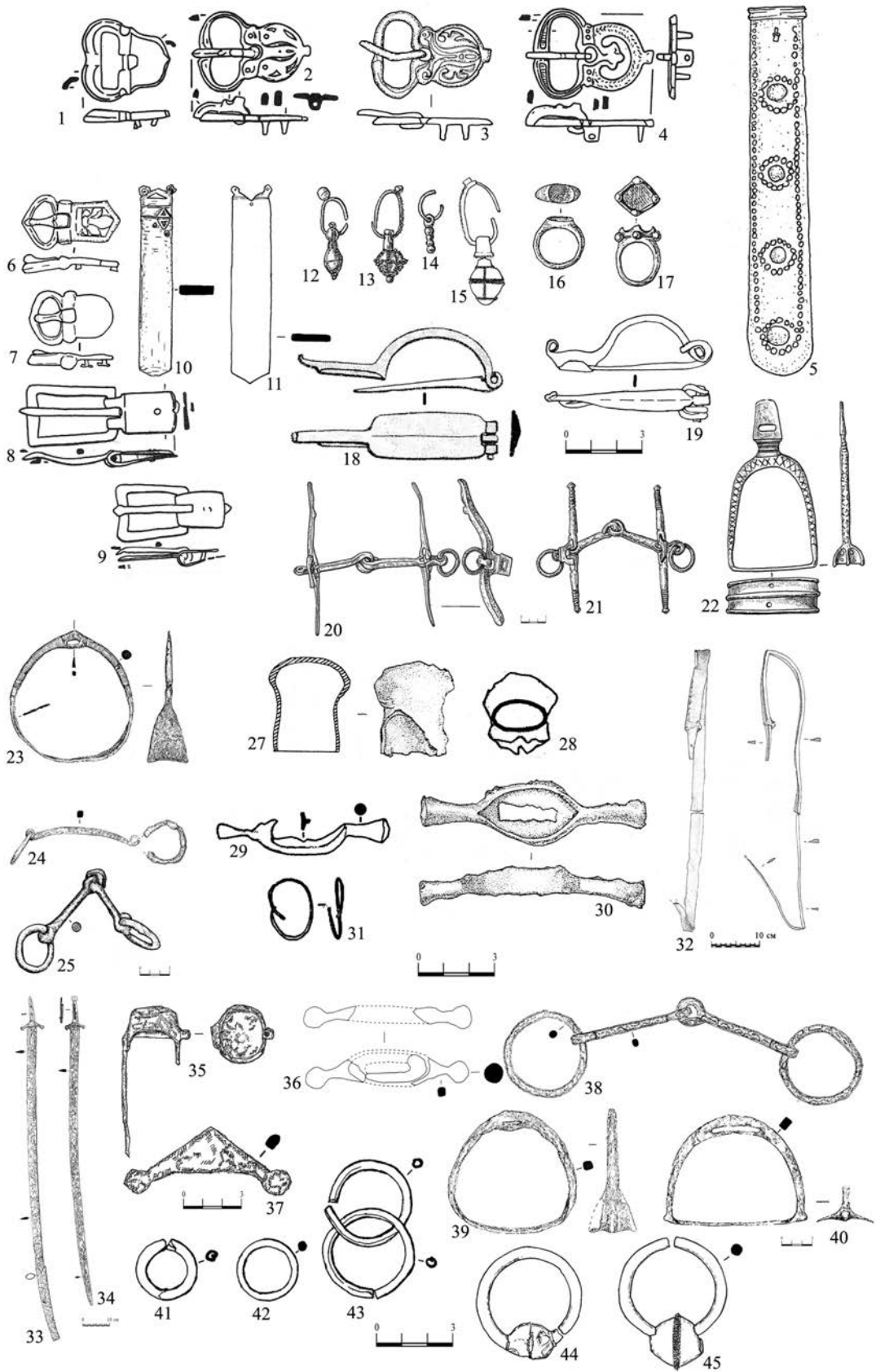

Рис. 1. Инвентарь погребений. 1-5 – VII – первая половина VIII в.; 6-22 – вторая половина VIII – IX в.; 23-32 – X–XII вв.; 33-45 – конец XII – XIII в.; Могильники: 1, 2, 4, 8, 9 – Борисовский, 3-7, 10-22 – Дюрсо; 23, 24, 39 – Южноозереевский; 25, 31 – Черноклан; 27, 30, 32 – Циплиевский кут; 28, 29 – Абинский 4; 33-38, 41-43 – Шизе IV; 40 – Сапун; 44, 45 – Цемдолинский.

Наиболее ранние погребальные комплексы в исследуемой выборке могут быть датированы VII – первой половиной VIII в., однако их немного и характерны они в основном для побережья (рис. 1, 1-5). Увеличение числа погребений происходит во второй половине VIII в. Подавляющее большинство трупосожжений первого этапа по элементам поясной гарнитуры, деталям одежды и украшениям, предметам конской упряжи, а также на основании синхронизации с монетами могут быть датированы второй половиной VIII–IX в. (рис. 1, 6-22).

Судя по инвентарю, наиболее ранние погребения второго хронологического этапа были совершены в X в., но они немногочисленны. Большинство вещей, характеризующих комплексы этой группы, относится уже к XI–XII вв. **Наиболее поздние захоронения датируются второй половиной – концом XII в.** (рис. 1, 23-32).

Хронологические рамки третьего этапа – вторая половина XII–XIII в. (рис. 1, 33-45). Однако в погребальном инвентаре большого количества комплексов обнаружены предметы, характерные для времени после монгольского нашествия (наконечники стрел, специфические типы серег). По-видимому, их появление стоит связывать не ранее чем с первой половиной XIII в., что позволяет ограничить датировку содержащих их захоронений только XIII в. Анализ материала не позволяет относить верхнюю временную границу памятников третьего периода, а следовательно, и существования обряда кремации на Северо-Западном Кавказе, только к первой половине XIII в. Находки в погребениях Цемдолинского могильника серег с биконической бусиной, серег, изготовленных из полой трубочки, характерных для золотоордынского времени, свидетельствуют о продолжении традиции трупосожжения в регионе во второй половине XIII столетия.

Разработанная хронология является важной основой для дальнейшего изучения кремационных и биритуальных некрополей и динамики развития погребального обряда на Северо-Западном Кавказе.

А.А. Мельникова

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,
lastivka.19@mail.ru*

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ В ЛАДЬЕВИДНЫХ КОЛОДАХ

В среде поздних кочевников известны погребения, при совершении которых в качестве гроба использовались выдолбленные колоды. На территории восточноевропейских степей обряд погребения в колоде тяготеет к лесостепной зоне. Это понятно, учитывая наличие необходимых лесных ресурсов именно там. Большое распространение рассматриваемый обряд получил на территории среднего течения Северского Донца. Для изготовления гробов местное население использовало дуб, ясень или березу. Размеры колод в основном соответствуют параметрам покойника: длина – 1,8-2,4, ширина – 0,5-0,6, высота – 0,35-0,5 м. Иногда в головах гроб был шире, чем в ногах (Городцов, 1905. С. 174–514; 1907. С. 211–365; Трифильев, 1905. С. 141–144).

Интересно, что в некоторых случаях колода имела вид ладьи. Г.А. Федоров-Давыдов даже выделил их в отдельный тип (1966. С. 130), хотя такие находки единичны. В бассейне среднего течения Северского Донца их известно несколько.

Ладьевидные колоды были обнаружены в погребениях 1 и 2 кургана 3 вблизи с. Николаевка Изюмского р-на Харьковской обл. (Городцов, 1905. С. 228, 229). В погребении 1 целый скелет коня, который, к тому же, лежал на животе с поджатыми ногами, указывает, что захоронение могло быть осуществлено в половецкий период (середина XI – первая половина XIII в.) (Федоров-Давыдов, 1966. С. 145). Об этом же говорит и бронзовая модель котла в виде ведерка с железной дужкой. М.Л. Швецов погребения с котлами датирует XII – первой половиной XIII в. (1980. С. 192–202). И человек, и лошадь были ориентированы на запад. Западная ориентировка, по мнению С.А. Плетневой, присуща печенегам (Степи Евразии..., 1981. С. 218), однако не следует забывать, что население степей в указанный период было значительно смешанным в этническом плане.

В погребении 2 целый скелет коня, уложенный на животе с поджатыми ногами, опять же, является индикатором половецкого периода. Кольчуга, найденная в комплексе, в восточноевропейских степях также появляется довольно поздно, в XII–XIII вв. (Степи Евразии..., 1981. С. 215). Вертикальное размещение человека и коня (скелет коня выше скелета человека), по мнению некоторых исследователей, было присуще торкам (Круглов, 2001. С. 399). Однако в нашем случае скелет коня находился не прямо над могилой, а несколько правее. Человек, как и в предыдущем погребении, был ориентирован на запад, однако конь – на восток.

Еще одно захоронение в колоде, формой напоминающей ладью, обнаружено на Луганщине возле с. Смела Славяносербского р-на, на водоразделе правого берега Северского Донца (Швецов, 1984. С. 264–271). Оно было совершено в подбое, покойник ориентирован на северо-восток. Погребения в подбое, по Г.А. Федорову-Давыдову, характерны для золотоордынского периода (1966. С. 157). Авторы раскопок датировали комплекс XII – первой половиной XIII в.

Возможно, ладья использовалась как символ транспортного средства, предназначенного довести умершего в потусторонний мир. Напрашиваются аналогии с кочевническими повозками, в которых зафиксированы некоторые погребения. Например, остатки повозки были обнаружены в одном из позднекочевнических захоронений в Томаковском р-не Днепропетровской обл. (Черденченко и др., 1976. С. 404, 405). Не исключено, что именно при помощи таких транспортных средств осуществлялась перевозка покойника к месту захоронения. И на Харьковщине, и в Луганской области погребения с гробами в виде ладьи были обнаружены возле р. Северский Донец, но, что характерно, все они сопровождались костяком коня.

Возможно также, что для населения данной территории большое значение имело рыболовство, поэтому и в последний путь своего представителя оно провожало в гробу, сделанном в виде лодки. Кочевники, которые двигались вдоль естественных водоемов, активно занимались рыболовством, несмотря на то, что этот вид хозяйственной деятельности имел второстепенное значение по сравнению со скотоводством. Так, «Дело о рыболовстве в Киргизской степи» за 1852–1856 гг. сообщает о сотнях пудов рыбы, которую казахи вылавливали практически во всех озерах и реках края (Масанов, 1989. С. 77). Северский Донец в X–XIII вв. был достаточно богат рыбой, что показали исследования на Донецком городище. Здесь были обнаружены кости осетра, щуки, плотвы, красноперки, леща, линя, синяка, карася, сазана, сома, окуня и др. (Шрамко, Цепкин, 1963. С. 74–84). На то, что население данной территории занималось рыболовством, указывает также костяной шип рыбы, найденный в вышеупомянутом захоронении возле с. Смела. Об использовании местными жителями лодок-долбленок свидетельствует находка такой лодки XIII в. на берегу р. Орель в Царичанском р-не Днепропетровской обл. (Шаповалов, 2002. С. 223, 224).

К сожалению, на основе имеющегося материала конкретные выводы относительно погребений в ладьевидных колодах делать рано. Однако данный феномен достаточно интересен и требует дальнейшего исследования.

- Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905.
- Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 года; Дневник археологических исследований // Труды XIII Археологического съезда. Т. 1. М., 1907.
- Круглов Е.В.* Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Масанов Н.Э.* Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Трифилев Е.П.* Курганы с каменными бабами Купянского уезда // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Черденченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.И., Бунятян Е.П., Козловский А.А.* Работы Стрюковского отряда Верхне-Тарасовской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.
- Шаповалов Г.И.* Човен-довбанка XIII ст. з басейну р. Оріль // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002.
- Швецов М.Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2.
- Швецов М.Л.* Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце // СА. 1984. № 1.
- Шрамко Б.А., Цепкин Е.А.* Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII – XIII вв. // СА. 1963. № 2.

И.В. Матюшко

*Оренбургский государственный педагогический университет,
irina_dojnikova@mail.ru*

СОЦИАЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ XIII–XIV ВВ. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ)*

Южный Урал был составной частью монгольской империи, поэтому особенности государственной жизни и военного деления населения в Золотой Орде распространялись и на данный регион. Для реконструкции социальной структуры и имущественной (экономической) дифферен-

циации в настоящем исследовании были использованы материалы базы данных по 278 погребениям XII-XIV вв. На первом этапе были проанализированы 174 признака погребального обряда, позволяющие суммарно охарактеризовать изучаемые памятники. Затем на основе взаимострачаемости были выделены комплексы связанных признаков. Они отразили гендерные характеристики: различия мужских и женских погребений. Набор вещей, включающий предметы вооружения (сабля, колчан, петля на колчан, наконечники стрел, накладки на лук), конскую упряжь (удила, стремяна, седло), накладки и петлю на пояс, очевидно, показателен для мужских захоронений. В комплекс вещей, характеризующий женские захоронения, вошли зеркало, ножницы, гребень, бокка, бусы, нож (Матюшко, 2007. С. 515-525). Детские погребения были выделены на основе антропологических данных. Оставшиеся в базе данных захоронения, в которых не было вещей, предварительно отнесены в группу неопределенных. Из 278 погребений XII-XIV вв. к женским были отнесены 58 (20, 9%), к мужским – 121 (43,5%), к детским – 22 (7,9%), не определены 77 (35,7%).

На Южном Урале изучение погребального обряда и погребального инвентаря позволило выделить два периода существования Золотой Орды. Первый – языческий (конец XIII – первая треть XIV в.), когда в могилы клали конскую сбрую и предметы вооружения. Второй – мусульманский (середина XIV – начало XV в.), когда из погребений исчезают конская сбруя и оружие, появляются безынвентарные захоронения (Иванов, Кригер, 1988. С. 29-39). Итак, распространение безынвентарных захоронений обусловлено принятием ислама в Золотой Орде. В то же время изучение детских комплексов показало, что и в языческий период безынвентарные погребения достаточно часты (их 16 из 22).

Кроме того, было установлено, что существуют погребения с женским комплексом вещей из бокки, зеркала, которые сопровождаются останками лошадей и деталями конской упряжи. О том, что верховой ездой прекрасно владели как мужчины, так и женщины, свидетельствуют многие средневековые письменные источники (Плетнева, 1958. С. 204). Также и в женских, и в мужских погребениях встречаются серебряные сосуды.

В 38 из 121 мужского погребения зафиксированы наконечники стрел, в 70 были накладки на колчан, пояс, удила, стремяна, в 10 встречены копья или сабля, в 3 – защитные доспехи (кольчуга или панцирь). Критериями для выделения социально-имущественных подгрупп внутри мужских комплексов послужили признаки погребального обряда, выделенные С.А. Плетневой (1958. С. 188) и уточненные по памятникам Южного Урала В.А. Ивановым и В.А. Кригером (1988. С. 29-40). Для богатых захоронений это наличие разных видов вооружения (копье, сабля) и останков лошади, дорогих вещей (кольчуга, панцирь или серебряный сосуд). Для средних – небольшое количество принадлежностей конской сбруи и оружия (удила, стрелы, накладки на лук) с останками лошадей. Бедные захоронения – почти без вещей и без костей коня.

Анализ массива из 121 погребения показывает, что среди кочевников-мужчин XII-XIV вв. на Южном Урале можно выделить две социально-имущественные группы. Первая включает бедные и средние захоронения простых воинов, вооруженных стрелами и луками, без доспехов. Вторую составляют богатые погребения представители военной элиты, вооруженных для ведения ближнего и дальнего боя, в защитных доспехах, захороненных с серебряными сосудами или шелковыми тканями, золотыми украшениями. В дальнейшем, вероятно, группу средних и бедных мужских комплексов удастся разделить.

Таким образом, мужские захоронения кочевников Южного Урала XII-XIV вв. принадлежат представителям двух социально-имущественных групп: рядовым кочевникам и предводителям. Женские погребения также свидетельствуют о существовании двух социально-имущественных групп: в одних захоронены представительницы богатой, в других – средней прослойки населения. Богатые женские погребения характеризуются наличием останков коня или деталями конской упряжи при сохранении комплекса женских предметов.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963, тема научно-исследовательской работы: «Роль государств эпохи Средневековья и Нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья».

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.

Матюшко И.В. Кочевнические культуры Южного Урала эпохи средневековья (по данным анализа взаимострачаемости признаков погребального обряда) // Изв. Самарского НЦ РАН. Т. 9. № 2. Самара, 2007.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА. № 62. М.; Л., 1958.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ЗНАТНОГО ВОИНА ИЗ II ШУМАЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Война, боевые столкновения как с целью защиты, так и нападения – неотъемлемая часть жизни и культуры кочевников. Нередко воины-кочевники погибали на чужой территории, поэтому возникала необходимость транспортировки останков к месту захоронения. Один из таких случаев – погребение забальзамированного воина (погребение 5) из кургана 7 II Шумаевского курганного могильника (Моргунова и др., 2003).

Сопровождающий захоронение богатый для кочевников инвентарь, включающий набор оружия и двух лошадей со сбруей, свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного. Комплекс принято датировать XIII–XIV вв. на основании сложного погребального обряда, в котором переплетаются влияния городской и кочевой культур. Это могло произойти лишь с развитием Золотоордынского государства, когда городской и степной уклады начинают тесное взаимодействие как в материальной, так и в духовной сфере (Магюшко, 2008. С. 141). По нашему мнению, погребение следует относить к домонгольскому времени, что мы и попытаемся доказать.

Комплекс вооружения из погребения 5 кургана 7 II Шумаевского могильника представлен оружием дистанционного (дротики и сложносоставной лук) и ближнего (палаш) боя. Кроме того, среди инвентаря присутствуют защитное вооружение (кольчуга) и поясной набор.

Во II Шумаевском курганном могильнике найдена единственная целая кольчуга в степях Приуралья. Она была сложена, сильно коррозирована, поэтому невозможно восстановить ее внешний вид. Материалом для ее изготовления служила железная круглая в сечении проволока, которую сгибали в кольца диаметром около 1 см. Способ плетения кольчуги – одно кольцо держит два кольца верхнего ряда и два кольца нижнего ряда (рис. 1, 1).

Клинковое оружие занимает особое место в арсенале вооружения кочевников, являясь своеобразным показателем принадлежности мужчины к числу профессиональных воинов. Шумаевский палаш представляет собой железный однолезвийный прямой клинок с прямым перекрестием, прямой рукоятью с коническим навершием, в деревянных ножнах с наконечником. Его общая длина 122 см, ширина лезвия 3,6 см. Перекрестие прямое, длиной 8,7 см, длина рукояти 8 см. Ножны были изготовлены из дуба, а сверху обмотаны лентами бересты. Кольца для крепления ножен к поясному набору отсутствовали (рис. 1, 2). Прямых аналогов этому образцу пока не найдено. В степях Приуралья известны находки палашей, отличительной особенностью которых является отсутствие прямых перекрестий, наверший на рукояти и окончаний на ножнах (Иванов, 1987. С. 185).

В погребении найдены два наконечника дротиков. Наконечник № 1 принадлежит легкому метательному копьё с остроугольным острием, длинным узким пером трехгранной формы, прямыми плечиками и длинной конической втулкой. Его длина 12,8 см, ширина пера 2,1, длина втулки 9,0 см (рис. 1, 3). Наконечник № 2 представлял собой сильно коррозированные железные фрагменты и не поддается типологизации. Наконечники дротиков были насажены на округлые в сечении древки диаметром 2,1 см, их сохранившаяся длина около 112 см. Таким образом, общая длина дротиков была около 125 см. По-видимому, метательные копьё применялись лишь в ходе конного боя на близком расстоянии, когда невозможно было пользоваться луком или клинковым оружием. Однако в XIII–XIV вв. данный вид вооружения золотоордынскими воинами использовался редко (Худяков, 1991. С. 136).

Лук – сложносоставной, сигмаобразной формы. Его реконструируемая длина около 100 см. От него сохранились фрагменты деревянной основы, которая была сверху обмотана лентами бересты. Хорошую сохранность имеют пара боковых и пара срединных фронтальных костяных накладок. По внешнему краю накладок нанесены бессистемные косые насечки для лучшего склеивания с берестой (рис. 1, 4). Подобные луки имели широкое распространение в степной зоне среди тюркоязычных кочевников эпохи развитого средневековья.

Колчаны для ношения и хранения стрел были необходимым видом воинского снаряжения средневекового всадника-лучника. Колчан представлял собой берестяной футляр, сшитый из древесной коры. Его устье в два раза уже, чем дно, длина 50 см, ширина устья 10 см, ширина дна 18 см. По форме он относится к I типу: с цилиндрическим приемником, узким верхом и широким дном (Худяков, 1986. С. 112). Содержал семь наконечников стрел, помещенных остриями вверх.

Наконечники стрел из колчана принадлежат к классу железных, отделу черешковых, по сечению пера плоские, асимметрично ромбической формы с ярко выраженным упором (рис. 1, 5). Острые грани наконечников имели следы заточки. По типологии Г.А. Федорова-Давыдова такие стрелы относятся к отделу В, типам В 2, В 3, В 4, В 5 и имеют аналогии в степях Приуралья, которые датируются XII–XIII вв. (Иванов, Кригер, 1988. С. 40).

Удила типа Г 2 отличаются большим хронологическим диапазоном. Стремена типов Д 2, Д 3 датируются Г.А. Федоровым-Давыдовым XII–XIII вв. (1966. С. 13-20) (рис. 1, 6, 7).

Таким образом, комплекс вооружения, представленный в погребении, мог принадлежать

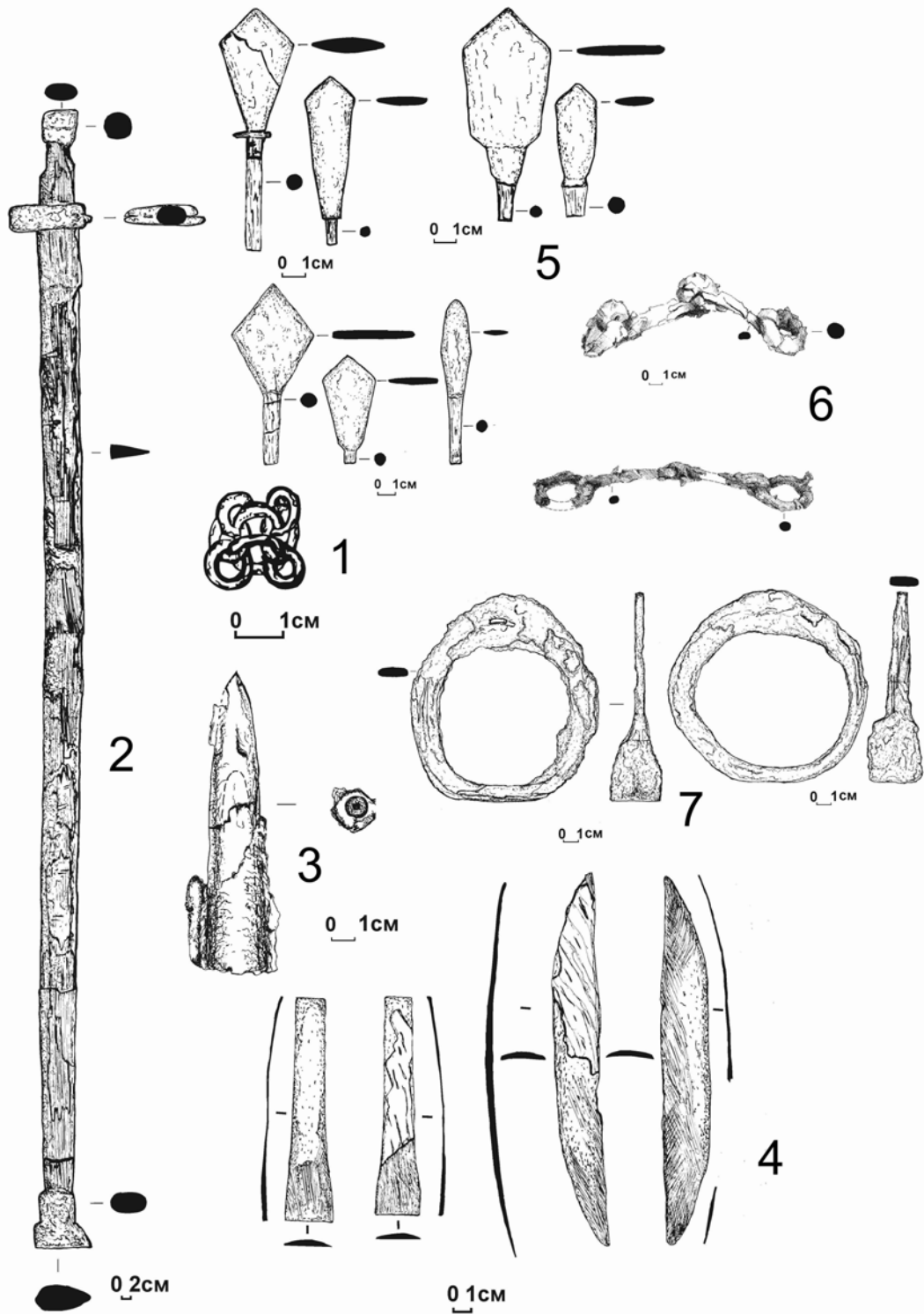

Рис. 1. Шумаевский II курганный могильник, курган 7, погребение 5. 1 – фрагмент плетения кольчуги; 2 – палаш; 3 – дротик; 4 – костяные накладки на лук; 5 – наконечники стрел; 6 – удила; 7 – стремяна.

тяжеловооруженному тюркскому воину-всаднику. По классификации С.А. Плетневой это погребение может относиться к третьему типу мужских захоронений, содержащих останки знатных воинов (1956. С. 197). Можно предположить, что смерть наступила в жаркое время года, что и обусловило необходимость бальзамирования. Мягкие ткани были удалены хирургическим путем, функции консерванта выполняла шерстяная ткань, пропитанная соединениями ртути и красным минеральным веществом и обмазанная глиняным раствором. Ближайшим местом, где возможно было провести подобную операцию, являлось государство хорезмшахов в Средней Азии, медицина которого достигла высокого уровня развития в домонгольское время (Сорокина, 2009. С. 68). На протяжении второй половины XII – начала XIII в. кочевники играли важную роль в войнах как на стороне Хорезмийского государства, так и против него (Бартольд, 1963. С. 413). Возможно, умерший был наемником на службе хорезмшахов. Перечисленные факты и предметы из состава погребального инвентаря позволяют отнести рассматриваемое захоронение ко второй половине XII – первой половине XIII в.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.

Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.). М., 1987.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.

Матюшко И.В. Захоронение забальзамированного воина XIII–XIV вв. на левобережье Иртека. Донецк, 2008.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. М., 1956.

Сорокина Т.С. История медицины. Т. 1. М., 2009.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

В.А. Плавинский

Белорусский государственный университет, Минск, plavinsky_v@mail.ru

О ВРЕМЕНИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АРБАЛЕТА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Вопрос о времени и путях распространения арбалетного вооружения на территории современной Беларуси в настоящее время открыт. Первое упоминание самострела на Руси относится к 1159 г., однако в отношении земель Западной Руси говорить о раннем распространении арбалета проблематично. Наиболее ранние артефакты на территории Беларуси представлены находками 79 арбалетных наконечников стрел (болтов) с памятников Белорусского Подвинья и Понеманья. Все они делятся на втульчатые и черешковые. В приведенном ниже перечне находки определены по классификации А.Ф. Медведева, в скобках указаны типы по Г. Рацкевичюсу (Медведев, 1966. С. 94–96; Rakevičius, 2002. P. 285, 286).

Тип 1 (1) – втульчатые пирамидальные болты квадратного сечения с шейкой (7 экз.). Найдены в Волковыске, Новогрудке, Прудниках.

Тип 8 (9) – лавролистные ромбического сечения (4 экз.). По одному наконечнику найдено на Верхнем Замке в Полоцке, Нижнем Замке в Витебске, в слоях XIII–XIV вв. Друцкого детинца, на городище Прудники.

Тип 9 (7) – конические. Один наконечник найден на городище в Полоцке.

Типы 14, 15, 16 (15, 14, 18) – квадратного и ромбического сечения с ромбовидной гранью (57 экз.). Болты этих трех типов близки между собой, имеют схожие параметры, датировки и ареалы. Найдены в Браславе, Витебске, Друцке, Лукомле, Масковичах, Полоцке, Прудниках, Волковыске, Гродно, Новогрудке.

Тип 16 по Г. Рацкевичюсу – бипирамидальные квадратного сечения с квадратной шейкой (10 экз.). Все находки происходят с территории Белорусского Подвинья.

Таким образом, абсолютное большинство наконечников XIII–XIV вв. с территории Беларуси относятся к типам 14–16. Традиционно считается, что подобные болты были на вооружении у крестоносцев. Стрелы именно этих типов часто находят в Литве, Латвии, Польше, на территориях, попавших в непосредственную сферу интересов ордена, на которых либо происходили военные операции, либо размещались его базы.

Анализ топографии находок подтверждает гипотезу о проникновении арбалета с запада.

Большинство имеющихся в нашем распоряжении болтов, 46 экземпляров, происходят из Браславского Поозерья, запада Белорусского Подвинья – территории, которая на протяжении нескольких столетий являлась западным пограничьем Полоцкого княжества. Наиболее интересна коллекция наконечников с городища и селища Прудники Миорского р-на Витебской обл. Изучение морфологии болтов и особенностей их планиграфического распределения позволяет сделать вывод, что арбалетные стрелы попали в напластования памятника в результате военного нападения крестоносцев, вероятнее всего, во второй половине XIII в. (Плавинский, 2011. С. 210–224). Соседнее с Прудниками городище Масковичи, на котором также найдены три арбалетных наконечника (типы 14 и 16), было покинуто жителями в конце XIII – начале XIV в. Средний слой городища «Замковая гора» в Браславе, где встречен болт типа 14, датируется XIII в. Типологическая близость всех артефактов из рассматриваемого региона может быть объяснена именно тем, что их принесли сюда рыцари. Единичные находки арбалетных стрел в напластованиях крупнейших центров Белорусского Подвинья – Полоцка, Витебска, Друцка, Лукомля – относятся к первой половине XIV в. и связаны с активизацией деятельности крестоносцев в регионе. Этим временем датируются и экземпляры из Белорусского Понеманья – из Гродно, Новогрудка, Волковыска, жители которых также испытали на себе военную мощь ордена.

Немногочисленность находок болтов типов 14–16 в крупнейших центрах, жители которых непосредственно сталкивались с крестоносцами, отсутствие таких наконечников на других памятниках свидетельствуют о незначительном распространении арбалета на территории Беларуси.

Можно допустить, что единичные случаи проникновения арбалетов на запад Белорусского Подвинья в результате первых контактов с крестоносцами относятся к началу XIII в. Однако как изучение морфологии болтов, так и анализ общей исторической ситуации свидетельствуют, что более активно этот вид оружия начал проникать в рассматриваемый регион вследствие участвовавших контактов с рыцарями со второй половины XIII в. и распространился на территории Полоцкой земли между серединой XIII – серединой XIV в. Находки болтов в напластованиях крупнейших центров Белорусского Понеманья связаны с деятельностью членов ордена в первой половине XIV в. Малое количество арбалетных стрел в Полоцкой земле и Белорусском Понеманье в сочетании с большим количеством стрел лука самых разнообразных типов объясняется, вероятно, тем, что интересующий нас вид вооружения на территории Беларуси в целом широкого распространения не получил. Местные воины, вероятно, перешли от луков к огнестрельному оружию, миновав стадию использования арбалета, доминировавшего в комплексе оружия дальнего боя в Западной Европе XIII – XIV вв. **Рассмотренные выше единичные находки болтов на памятниках Белорусского Подвинья и Понеманья являются, скорее, следствием частных случаев использования здесь арбалета со второй половины XIII в., которые стали результатом действий ордена в регионе.**

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М., 1966.

Плавинский В.А. О времени появления арбалета на западе Белорусского Подвинья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Матер. 57-го заседания. М.; Псков, 2011.

Rackevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius, 2002.

У.Р. Халмунинов

*Институт истории АН Республики Узбекистан, Ташкент,
ula82-86@mail.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ИЛАКА

Целью предложенной работы является введение в научный оборот новых данных, полученных в результате археологического изучения городища Тункет. Этот древнейший городской центр, ставший впоследствии столицей средневекового государства Илак, расположен в одной из богатейших историко-культурных областей Узбекистана – Ташкентском оазисе, в долине реки Ангрэн (рис. 1).

На территории Ташкентского оазиса с IX по III в. до н.э. существовала земледельческо-скотоводческая бургулюкская культура; на смену ей пришла каунчинская, первый памятник которой

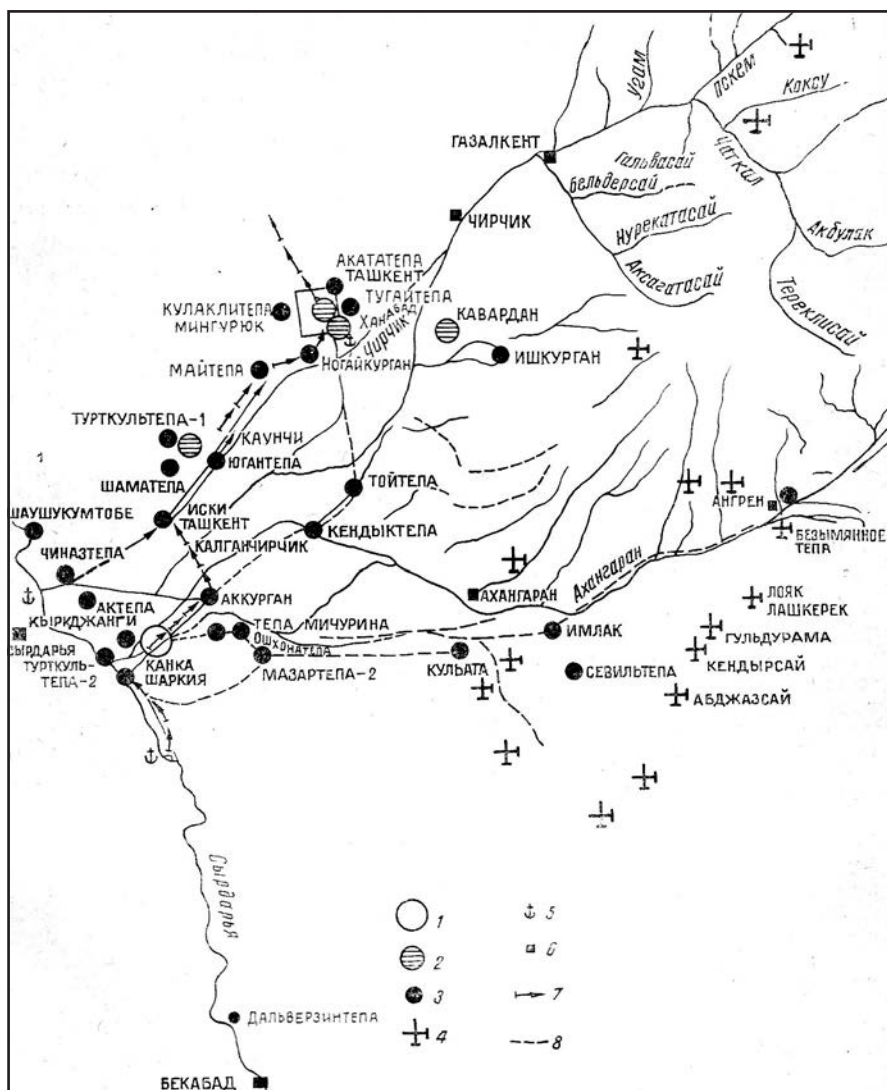

Рис. 1. Города и поселения Ташкентского оазиса в VI–VIII вв. н.э.: 1 – крупный город; 2 – средний город; 3 – малый город; 4 – рудник; 5 – пункт переправы; 6 – современный город; 7 – транзитный путь; 8 – внутренний путь.

был открыт в 1934 г. Г.В. Григорьевым. Рассматривая проблемы датировки каунчинской культуры и ее отдельных этапов, Г.В. Григорьев отнес Каунчи I к концу II – началу I тыс. до н.э., Каунчи II он датировал серединой I тыс. до н.э. (Григорьев, 1940. С. 38, 39).

В последующие годы эта система была пересмотрена и предложены следующие даты: Каунчи I – от II в. до н.э. до II в. н.э., Каунчи II – II–IV вв. н.э., Каунчи III – IV – первая половина VI в. н.э. (Буряков, 1982. С. 79). Материальная культура Ташкентского оазиса в рассматриваемую эпоху характеризовалась в основном взаимодействием кочевнических традиций и влиянием земледельческих культур Согда. Однако Ю.Ф. Буряковым было отмечено, что воспринимать население Ташкентского оазиса только как объект влияния согдийской культуры было бы неправильно. Социально-политические и экономические процессы, происходившие здесь во время существования каунчинской культуры, самым активным образом воздействовали на общественное развитие Согда. Изменение этнической ситуации, перегруппировка племен на рассматриваемой территории совпадает по времени с переходом от бургулюкской культуры к каунчинской. Так, некоторые китайские источники, освещая историю Ташкентского оазиса в первые века до н.э., описывают столкновения хуннов с юечжами и последующие передвижения племен (Бичурин, 1950. С. 186).

Особенности физико-географических условий региона (зона со сложным рельефом, включающим степные районы, плодородные речные долины, предгорья и высокогорья) в значительной степени влияли на способы хозяйствования местного населения. Богарно-лиманное земледелие с использованием естественных протоков и ирригационных сооружений, сочетавшееся с оседлым и отгонным скотоводством, являлось основой для формирования социально-экономической структуры Илака. На развитие экономического потенциала рассматриваемой территории влияет

также начало освоения ряда пунктов по добыче золота и серебра (Буряков, 1975. С. 101, 102). В эпоху каунчи в Чаткало-Кураминской горно-металлургической зоне археологическими исследованиями выявлено более 60 горнорудных и металлургических объектов (Буряков, 1974. С. 93.). Важнейшими компонентами развития металлодобывающего производства являлись интенсивная разработка сырьевых ресурсов и активные торгово-экономические связи населения предгорной и горной зон.

Урбанизация в районе Ташкентского оазиса также связана с эпохой существования каунчинской культуры. Время становления местных городов относится к первым векам до н.э. и рубежу эр (Буряков, 1975. С. 187). Для этого периода выявлено 97 поселений, из которых 13 принадлежат к разряду городских. Изучение исторической топографии показало, что в каунчинскую эпоху происходит дальнейшее расширение освоенной человеком территории. Ранние поселения располагались в низовьях рек, но в более поздние периоды начался переход к освоению долин Чирчика и Ангрена и отдельных участков на их притоках (Буряков, 1982. С. 114).

Определению первоначальных этапов развития городских структур в предгорных и горных зонах Ташкентского оазиса, в том числе на городище Тункет, были посвящены труды ряда исследователей в XIX и начале XX в. (Бартольд, 1963. С. 114–237). Городище расположено у подножия северо-западных склонов Кураминского хребта, в окрестностях современного г. Алмалыка, между южными притоками р. Ангрэн Совукбулакская и Отчапарская (Узунсай). На основании размеров памятника и мощных скоплений металлургических шлаков С.М. Машковцев определил его как столицу Илака – городище Тункет (1926. С. 67). В 1929 и 1934 гг. М.Е. Массон подтвердил это предположение и снял топоплан городища (1953. С. 70–93.) В 1959–1961 гг. здесь под руководством Ю.Ф. Бурякова были проведены археологические исследования, которые показали, что город зародился как специализированное поселение металлургов.

В последние годы на городище Тункет были найдены характерные для периода Каунчи I хумы яйцевидной формы с выделенной горловиной и профилированным венчиком. Наряду с сосудами, у которых диаметр дна равен диаметру венчика и донная часть формируется на матерчатом шаблоне, появляется посуда более стройных пропорций, изготовленная ленточным способом и комбинированно, с частичным применением гончарного круга. Венчики в основном клювовидные, с утолщением бережка, но встречаются и подтреугольные в сечении. Тулово покрыто коричневой или черной краской внаплеск, что характерно для периода Каунчи I. Комплекс керамики значительно отличается от изделий позднего этапа, на котором распространяются формы с массивным венчиком, украшенным снаружи вертикальными пальцевыми вдавлениями.

Таким образом, результаты исследований нижних горизонтов Тункета позволяют охарактеризовать ранние периоды формирования городского центра предгорной и горной зоны Ташкентского оазиса.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I. М., 1963.

Бичурин Н.Я. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.

Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.

Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Григорьев Г.В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.) Ташкент, 1940.

Массон М.Е. Ахангеран: археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

Машковцев С.Ф. Загадочный рудник Кухисим // Геологический вестник. Т. V (1–3). Л., 1926.

П.К. Ломов

Новосибирский государственный университет, lomov90@mail.ru

ОБРАЗ КОНЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕЛКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКЕ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Особое место в изучении раннесредневековых культур Обь-Иртышья занимают предметы мелкой глиняной пластики. Этот массив материала с Западно-Сибирской равнины уникален, он включает сложные в образном и технологическом исполнении произведения средневекового искусства (Мошинская, 1976. С 20).

Особый интерес вызывает коллекция глиняных статуэток из Барабинской лесостепи (Кама 4, Кама-3, Туруновка-3, Сопка-1). Авторы находок разделили их на две группы: к первой отнесены

изображения лося; вторую составили изображения лошади (Елагин, Молодин, 1991. С. 82). Они представляют собой глиняные изделия, выполненные с использованием общих технических приемов в реалистичной манере с передачей деталей. Степень сохранности различная, имеются обломки голов, крупа, туловища (Елагин, Молодин, 1991. С. 84). Глиняные фигурки, стилистически схожие с барабинскими, обнаружены на городище Потчеваш (Мошинская, 1953. С. 210), а также на поселении Паново-2 в Среднем Прииртышье (Конилов, 2007. С. 44). Они отнесены к одной культуре и имеют сходные датировки. Назначение предметов мелкой глиняной пластики дискуссионно. В литературе устоялись две их интерпретации: 1) детская игрушка (Мошинская, 1974. С. 83); 2) предмет, связанный с культовой практикой (Молодин, 1992. С. 134). Как нам кажется, решение данной проблемы нужно искать в семантике обрядовой деятельности и мифологических и религиозных представлениях. Так, перспективным видится исследование образа коня в представлениях коренных народов Сибири, вероятных приемников культурных традиций раннесредневекового населения Обь-Иртышья. Большинство ученых считает, что носители потчевашских традиций приняли значительное участие в этногенезе обских угров (Молодин, 1995).

Образ коня является одним из популярных в искусстве сибирских народов с эпохи бронзы до этнографической современности. Конь представлен в навершиях бронзовых ножей, культовом бронзовом литье, предметах глиняной пластики, деревянных и костяных изделиях. Он фигурирует в хантыйском фольклоре, отражая коневодческие традиции и особое отношение к этим животным. Например, в мифе «Огненный потоп» Нуми-Торум за человеческое неповиновение требует принести в жертву лучших коней (Мифы..., 1990. С. 75). В сказке «Плешивая голова» действуют три коня, которые помогают главному герою, принося молоко от «большого коня на небе» (Легенды..., 1973. С. 72). В хантыйском эпосе конь выступает и как самостоятельное существо, умеющее разговаривать, предопределять события, и как образ, в котором человек-дух приходит к людям – «Камень Семпыр» (Мифы..., 1990. С. 125). Особое значение в хантыйской мифологии имеет неразрывная связь этого животного с одним из почитаемых божеств Мир-сусне-хумом. Благодаря добытому из-под земли «крылатому» коню он выиграл состязание с братьями. Мир-сусне-хум – главный герой Среднего мира, «смотрящий за миром человек», священная лошадь которого могла опуститься на землю, лишь встав на четыре медных котла или тарелки (Гондатти, 1888. С. 60). В мифах предназначение «мирового надзирателя» определено Мир-сусне-хуму наставлениями Нуми-Торума: «На спине твоего священного зверя (лошади), пестрого, как месяц, круглый свет, обведенный обручем, ты объезжай» (Викторова, 2008. С. 9).

Особое место конь занимает и в мансийской мифологии, где он наделен множеством волшебных свойств, например связывать «верхний» и «нижний» миры. В мифах им владели многие божества: Нум-Торум в «верхнем» мире (Викторова, 2008. С. 8); на трех конях перемещалась старуха-солнце; также на нарте, запряженной лошадьми, передвигается золотой и блестящий Щалых-Торум, обрушивая на землю дождь и молнии (Источники..., 1987. С. 157).

Отдельно стоит сказать о ритуальных действиях с участием коня у обских угров. Например, на медвежьем празднике фигурки из теста (лошадей, птиц, оленей, лосей) выставляли перед шкурой медведя. Их разбивали палицей, имитируя убийство животных, а кусочки раздавали присутствующим (Иванов, 1970. С. 50). Подобный обряд встречается и у алтайских народов: вылепленные из глины и теста фигурки расставлялись по лесу и на жертвенниках, что, возможно, следует интерпретировать как принесение в жертву (Иванов, 1979. С. 77). Примечательно, что большинство глиняных статуэток из Обь-Иртышья были расколоты, что вполне можно объяснить «умерщвлением» вещи, заменяющим жертвоприношение. В литературе описываются обряды, связанные с принесением в жертву и самого животного – лошади – для задабривания божеств (с целью удачной охоты, исцеления от болезней, прироста поголовья). При этом отмечается, что лошадь иногда заменялась берестяными и глиняными фигурками (Викторова, 2008. С. 10).

Отдельно следует подчеркнуть, что глина в мифологии представляет собой материал Верховного творца. Так, в мифе о происхождении человека Нуми-Торум создает человека из глины, наполняя его воздухом (Мифы..., 1990. С. 41).

Как мы можем видеть, образ коня устойчив в этнографии и археологии Западно-Сибирской равнины, в том числе у народов, не имеющих развитого коневодства (ханты и манси). По мнению многих авторов, это свидетельствует о наличии коневодства в прошлом (Елагин, Молодин, 1991. С. 86). В отношении функциональной принадлежности предметов мелкой глиняной пластики, на наш взгляд, более обоснована точка зрения М.Ф. Косарева, согласно которой «любое скульптурное изображение зверя неизбежно приобретало магический, нередко ритуальный характер», со временем заменив жертвенные приношения (Косарев, 1984. С. 197).

- Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург, 2008.
- Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у манси // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XLVIII. Вып. 2. М., 1888.
- Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск, 1991.
- Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
- Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII – вторая четверть XX в. Л., 1979.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
- Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Легенды и сказки хантов. Томск, 1973.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск, 1992.
- Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск, 1995.
- Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

Н.С. Баранова

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
nataliabaranovalb@gmail.com*

НАХОДКИ УКРАШЕНИЙ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧЕРТАЛЫ-III В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Группа археологических памятников близ д. Черталы была обнаружена и частично исследована сотрудником Омского государственного университета Б.В. Мельниковым в 1988-1991 гг. (Мельников, 1989). В ней были выделены следующие памятники: поселение Черталы-I (XVIII–XIX вв.), курганно-грунтовый могильник Черталы-III (XVII–XIX вв.) и два курганных могильника Черталы-II, IV (развитого средневековья). С 2010 г. по настоящее время исследования здесь проводят сотрудники Омского филиала ИАЭТ СО РАН в составе Нижнетарского отряда Барабинско-Тарской археолого-этнографической экспедиции под руководством М.А. Корусенко*.

Комплекс памятников Черталы расположен на севере Омской обл., в Муромцевском р-не, в 4 км к северо-западу от д. Черталы, в 4,8 км к северо-востоку от р.п. Муромцево, на краю правобережной террасы р. Тара.

В ходе работ на могильнике Черталы-III в 2010–2012 гг. был получен датирующий материал – две монеты, копейки Алексея Михайловича (1629-1676 гг.), обнаруженные в могилах 215А (2011 г.) и 219Б (2012 г.)**. Таким образом, обследованную часть памятника с большой долей вероятности можно отнести к XVII – началу XVIII в. Более поздние захоронения, относящиеся, по нашему предположению, к XIX в., на данный момент не исследованы.

Только в 4 из 15 раскопанных на могильнике Черталы-III погребений обнаружены украшения. Это могилы 210 и 213Б (2010 г.), 214А, Б (2011 г.).

Самый многочисленный комплекс украшений происходит из *могилы 210* (рис. 1, 1). Она имеет размеры 125 x 65-72 см, ориентирована по линии СЗ3-ЮВВ. При ее разборе зафиксирована надмогильная конструкция, остатки которой представлены деревянной плашкой. В могиле был расчищен скелет человека, вытянутого на спине, головой на СЗ. Сохранился череп, раскроенный по шву, позвоночник, кости рук и ног, ребра и таз. Кости лежат в анатомическом порядке, мелкие кости конечностей отсутствуют. Сопроводительный инвентарь составили обнаруженные в районе правого локтя два бронзовых браслета и четыре гиревидные подвески, изготовленные предположительно из оловянно-свинцового сплава. В районе правой ушной раковины расчищена бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 1, 2-3, 4-7, 8). Небольшой размер ямы, а также характер сопроводительного инвентаря позволяют с большой долей вероятности предположить, что здесь был захоронен ребенок (девочка).

В процессе выборки насыпи 213 расчищены остатки деревянного надмогильного сооружения, после снятия которого зафиксированы две могильные ямы, получившие обозначения 213А и 213Б. В погребении 213А костяк и сопроводительный инвентарь отсутствуют. В *могиле 213Б* расчищен скелет подростка (?), погребенного вытянуто на спине, головой на СЗ. Сохранность скелета хорошая, отсутствуют мелкие кости кистей и стоп. С ним обнаружены два серебряных проволоочных кольца (рис. 1, 9-10). Первое располагалось у нижней челюсти в области грудной клетки. Оно сломано, имеет близкие к овалу очертания. Второе кольцо находилось между фаланг правой кисти.

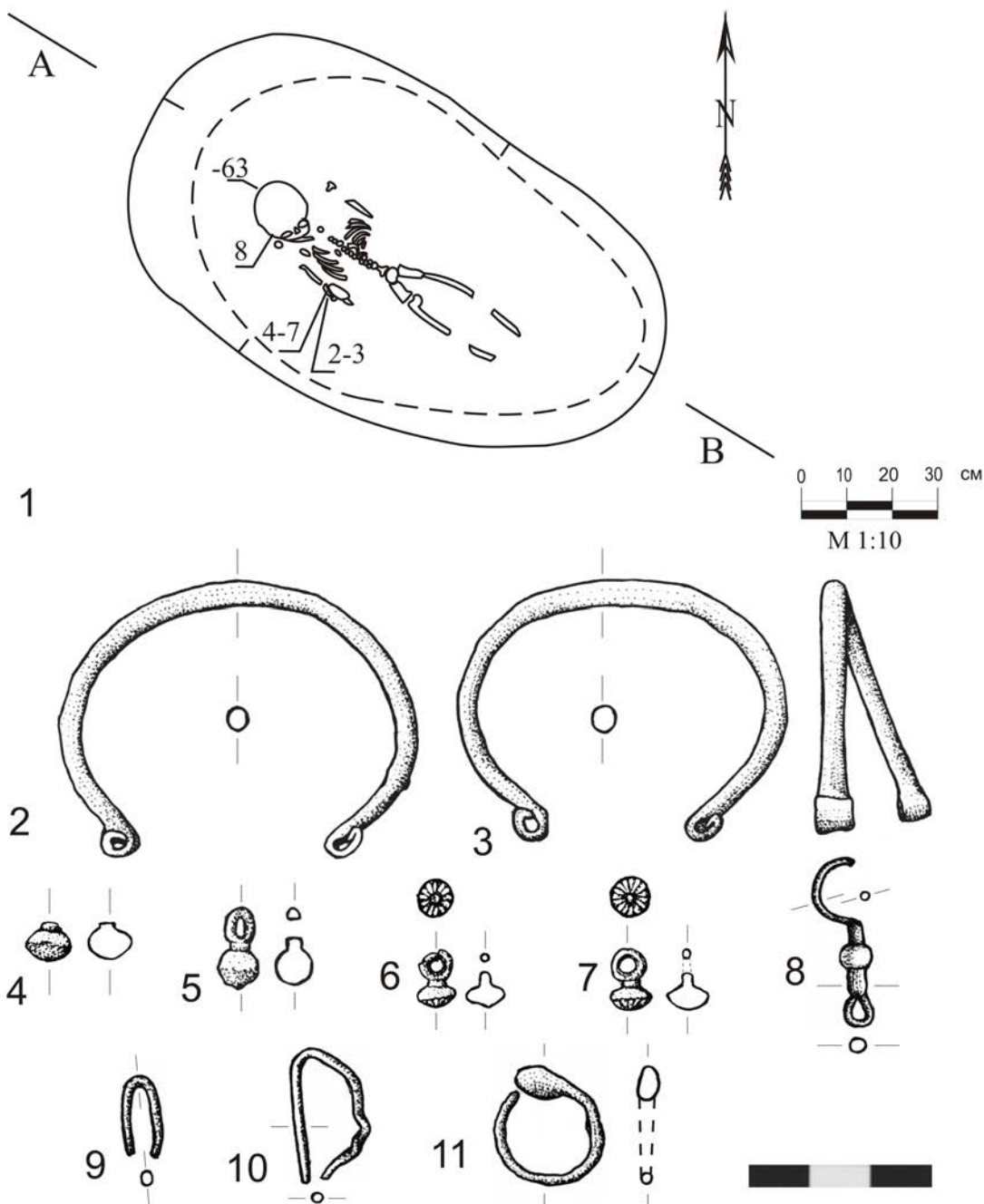

Рис. 1. Могильник Черталы-III. 1-8 – могила 210 (1 – план могилы; 2, 3 – бронзовые браслеты; 4-7 – подвески из оловянисто-свинцового сплава; 8 – бронзовая серьга); 9, 10 – могила 213Б, серебряные колечки; 11 – могила 214А, бронзовая серьга.

Могила 214 содержала захоронения трех человек. *Погребение 214А* прослежено к северо-востоку от могильной ямы 214Б. Возможно, умерший был захоронен в теле насыпи. Размеры могилы: 135 x 41-47 см. Расчищен скелет подростка (?), погребенного вытянуто на спине, головой на СЗ. Кости лежали в анатомическом порядке. При снятии скелета под черепом была обнаружена бронзовая проволочная округлых очертаний серьга со следами органики (рис. 1, II).

Могила 214Б представляла собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии СЗ-ЮВ, размерами 59 x 17-25 см. В ее заполнении встречены мелкие фрагменты керамики эпохи бронзы, каменный отщеп, а также стеклянная бусина серо-голубого цвета, которая предположительно относится к инвентарю могилы. Кости лежат не в анатомическом порядке, антропологический материал представлен двумя черепами взрослых (?) индивидов, фрагментами конечностей, ребер, нижней челюстью. При зачистке дна могилы обнаружены железный черешковый нож и три кости.

Украшения, обнаруженные в могильнике Черталы-III, имеют аналогии на территории Западной Сибири. Браслеты, близкие украшениям из могилы 210, происходят из некрополей Кыштовка II (Молодин, 1979. С. 92), Бергамак II (Татауров, Тихонов, 1996. С. 79), могильников группы Тургай и Балагачево (Дульзон, 1953. С. 245, 246). Гиревидные круглые подвески с петелькой и рельефным орнаментом на лицевой стороне хорошо известны по многим средневековым комплексам Прииртышья и Приобья. Их часто делали из сплава свинца и олова (Мельников, Холостных, 1994. С. 211). Серьги в форме знака вопроса и их фрагменты встречены среди средневековых материалов Тарского Прииртышья (Окунево VII), Нарымского (Тискинский могильник, Бедеровский Бор II) и Томского (Козюлинский могильник) Приобья и др. (Матюшенко, Полеводов, 1994. С. 107). Проволочные колечки (зачастую сломанные) найдены в Окуневском средневековом комплексе (Матюшенко, Полеводов, 1994. С. 95, 96). Стекланные бусы были повсеместно распространены на территории Западной Сибири в XVII в. (Довгалюк, 1994. С. 213).

В заключение можно сказать, что введенные в научный оборот новые материалы, полученные при исследовании могильника Черталы-III, находят аналогии на территории Западной Сибири, дополняя общую картину погребального обряда (в частности, данными по погребальному костюму). Полученные результаты будут использованы нами в реконструкции костюма аборигенного населения Тарского Прииртышья в позднем средневековье по данным археологии и этнографии.

* Автор выражает благодарность М.А. Корусенко за возможность использовать при подготовке статьи неопубликованные материалы.

** Нумерация могил, исследованных Барабинско-Тарской археолого-этнографической экспедицией на протяжении 2010–2012 гг., продолжает нумерацию погребений на могильниках Черталы-II, III, IV, данную при проведении инструментальной съемки археологического комплекса (инструментальный план выполнен М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимовым, М.Ю. Здором, К.Н. Тихомировым в 2011 г.)

Довгалюк Н.П. Стекланные бусы Окуневского микрорайона // Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблемы происхождения чулымских татар // Уч. Зап. ТГПИ. Томск, 1953.

Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.

Мельников Б.В. Отчет о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 62-1. Омск, 1989.

Мельников В.В., Холостных Г.В. Украшения позднего комплекса Окуневского могильника Ом VII // Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 1: Культура тарских татар. Новосибирск, 1996.

В.В. Ахметов

Новосибирский государственный университет, akhmetovvladimir@yandex.ru

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОХАЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Государство Бохай существовало с 698 по 926 г. на территории современных Китая, России, Северной Кореи. В отечественной историографии приятно считать, что оно было первым государством тунгусо-маньчжуров, а именно – племен сумо-мохэ. На это указывают как письменные, так и археологические источники. Однако помимо сумо-мохэ определенную роль в создании государства играли выходцы из других племен или государственных объединений. Этнический состав бохайского государства был довольно пестрым. На его территории проживали шивэйцы, уйгуры, кидани, когурёсцы и т.д. Некоторые исследователи считают, что бохайские правящие слои состояли в основном из когурёсцев, а сам Бохай был преемником павшего государства Когурё (Сон Кихо, 2011. С. 304). Китайские авторы, указывая на значительное распространение китайской культуры в среде элиты, трактуют это как признак зависимости Бохая от империи Тан (Сунь Цзиньцзи и др., 2000. С. 107). Изучение погребальной обрядности правящей элиты бохайского государства может помочь понять, из кого, собственно, эта элита состояла, прояснить степень

влияния культуры Когурё и танского Китая.

В письменных источниках содержатся лишь отрывочные свидетельства по погребальной обрядности бохайской знати. Например, есть краткое сообщение о том, как был захоронен Ли Цзиньсин, сын вождя сумо-мохэ, мигрировавших на территории, подконтрольные китайским династиям (Ивлиев, 2003. С. 312).

Весьма важны для изучения погребальной обрядности бохайской элиты эпиграфические данные. Самыми ценными из них являются эпитафии на могильных стелах из погребений Чжэнь Хуэй и Чжэнь Сяо (Чхэ Хвэзук, 1988. С. 20). Согласно тексту надписи, Чжэнь Хуэй была погребена по прошествии трех лет после смерти. Именно трехгодичный траур был характерен и для Китая, и для Когурё. В случае с Чжэнь Сяо промежуток между смертью и погребением составил пять месяцев, относительная непродолжительность траура, скорее всего, была вызвана внутриполитическими причинами. Ссылки на то, что у племен пуё траур также был пятимесячным, выглядят сомнительно.

Некоторые из известных на данный момент бохайских могил выделяются по масштабности погребального сооружения и богатству сопроводительного инвентаря. Так, на могильнике Людиншань помимо захоронения Чжэнь Хуэй имеются другие крупные каменные склепы, например, погребение № 6 на первом участке захоронений (Song Kiho, 2007. P. 32). Как «элитарная» рассматривается могила в Хэнаньтуни, где обнаружены золотые поясные украшения, золотой браслет. Комплексами представителей высших слоев, возможно, членов правящей династии, считаются погребения № 1 и 2 в Саньлинтуни (Чан Чхольман, 2009. С. 172). В горах Лунтоушань известно несколько могильников: Шиго, Лунху, Лунхай. Отдельно стоит остановиться на некрополе Лунхай, где в том числе располагается могила Чжэнь Сяо (Ли Цян, 2009). Этот памятник примечателен тем, что, опираясь на результаты раскопок, его можно назвать местом упокоения членов правящего бохайского рода. В 2004–2005 гг. здесь было исследовано 14 погребальных комплексов. С учетом могилы Чжэнь Сяо их общее число – 15. Некрополь делится на восемь участков захоронений. Согласно гипсометрическому плану, выше всех расположен участок № 5, на котором раскопаны могила Чжэнь Сяо (№ 1), могилы № 2, 3, 11, 12. Найденные в комплексах № 3 и 12 стелы с эпитафиями свидетельствуют, что здесь захоронены соответственно Сяо И, супруга 3-го правителя Бохая Вэнь-вана, и Шунь Му, супруга 9-го правителя Бохая Цзянь-вана. Согласно плану могильника, в паре с могилой № 3 расположена могила № 2, в паре с могилой № 12 – могила № 11. Погребения № 13 и 14 расположены таким же образом – в паре, рядом друг с другом, причем в первом из них авторы раскопок усматривают женское захоронение, а во втором – мужское. В могиле Чжэнь Сяо обнаружены останки и женщины, и мужчины. Таким образом, можно предположить, что в могилах № 2 и 11 погребены правители Бохая.

Большинство захоронений бохайской элиты объединяют следующие особенности: 1) сооружение погребальной камеры и могильного коридора из кирпича или из камня, формой напоминающего кирпич; 2) расположение камеры ниже уровня древней дневной поверхности; 3) расположение на возвышенности в горах (Лунтоушань, Людиншань). Все это отличает их от когурёских погребений и сближает с танскими. Правящие слои Бохая испытывали влияние культуры танского Китая, как и остальные периферийные государства, но это никак не сказывалось на политической самостоятельности Бохая. Когурёские черты присущи лишь отдельным комплексам, например погребению Чжэнь Хуэй. Когурёское влияние прослеживается на бохайских памятниках в керамике, оружии, черепице, что говорит, скорее, о переходе ремесленников павшего Когурё под власть мохэских вождей. Таким образом, вероятнее всего, высшая элита бохайского государства состояла в основном из сумо-мохэ, однако нельзя исключать того, что в нее входили отдельные представители других племен.

Ивлиев А.Л. Китайские летописи об образовании мохэского государства Чжэнь // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003.

Ли Цян. Результаты работ на могильнике правящей династии Бохая Лунхай г. Хэлун пров. Цилинь // Каогу. 2009. № 6 (на кит. языке).

Сон Киho. Изучение общества и культуры Бохая. Сеул, 2011 (на кор. языке).

Сунь Цзиньцзи, Ай Шэнью, Чжуан Янь. Этническое происхождение бохайцев // История и археология Дальнего Востока. Владивосток, 2000.

Чан Чхольман. Бохайские могилы. Квачхон, 2009 (на кор. языке).

Чхэ Хвэзук. Бохайские гробницы принцесс Чжэнь Хуэй и Чжэнь Сяо // Чосонгоёнгю. 1988. № 4 (на кор. языке).

Song Kiho. Facts and premises: on the old tombs of Balhae // Journal of Northeast Asian History. №. 4(2). Seoul, 2007.

НА СТЫКЕ НАУК: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

В.С. Панов¹, А.В. Петрожицкий^{1,2}, Н.Н. Сушенцева¹, Е.А. Усламин^{1,3}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН,

³Новосибирский государственный университет,

pvs7@yandex.ru

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ МЕТОДОМ УСКОРИТЕЛЬНОЙ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ В ЦКП «ГЕОХРОНОЛОГИЯ КАЙНОЗОЯ»: НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Радиоуглеродный анализ – метод определения возраста объекта по концентрации космогенного изотопа ^{14}C (радиоуглерода) в ископаемых образцах. Первоначально существовал лишь один метод определения концентрации ^{14}C – регистрация радиоактивности образца (счет сцинтилляций в жидкой фазе, LSC). В 1 мг углерода из современного образца происходит примерно один распад радиоуглерода в час. Для получения требуемой точности датирования статистическая ошибка измерений концентрации ^{14}C не должна превышать 1%, т.е. число зарегистрированных событий не должно быть меньше 10000. Такое число распадов за час можно получить лишь увеличением массы измеряемого образца в 10000 раз, т.е. до 10 г углерода. Если в исследуемом образце содержание углерода составляет 1%, то требуемая для анализа масса реального объекта составит 1 кг (при 100% эффективности регистрации распадов за час измерения). Такой метод датирования неприемлем для объектов, представляющих культурную или историческую ценность, поскольку существенная часть объекта (или объект полностью) уничтожается при датировании.

Ускорительная масс-спектрометрия (УМС, в англоязычной аббревиатуре AMS) – это современный метод сверхчувствительного датирования археологических и геологических объектов по содержанию космогенного изотопа ^{14}C . Уникальная чувствительность УМС по изотопу ^{14}C позволяет работать с малыми по массе углеродными образцами графита (~1-3 мг). Чувствительность УМС-анализа в десятки тысяч раз и более превосходит чувствительность метода определения концентрации ^{14}C подсчетом числа распадов (сцинтилляционный счетчик), применяемого в России и за рубежом для датирования объектов. Столь высокая чувствительность УМС достигается за счет прямого поштучного измерения ионов ^{14}C в исследуемом объекте.

УМС-комплексы работают в настоящее время в нескольких десятках лабораторий мира. Уже сейчас, при уникально малой массе исследуемого образца, результаты УМС датировок превосходят достижения классического метода подсчета числа распадов ^{14}C и эффективно используются для рутинного датирования археологических и геологических объектов. Однако УМС-методика еще находится в процессе развития, и практически каждый параметр датирования (масса образца, время датирования, точность измерения возраста объекта, максимальный возраст объекта, доступный датировке) может быть существенно улучшен (Алиновский и др., 2009а; Rastigeev et al., 2010. P. 309).

УМС в ЦКП «Геохронология кайнозоя» – первый (и пока единственный) в России и СНГ комплекс ускорительной масс-спектрометрии (Алиновский и др., 2009а; Parkhomchuk, Rastigeev, 2011. P. 1068–1072). В концепцию созданного в ИЯФ УМС заложены дополнительные (в сравнении с зарубежными УМС-комплексами) стадии селекции ионов радиоуглерода, позволяющие надежно идентифицировать ^{14}C и существенно понизить ионный фон, что необходимо для дальнейшего совершенствования УМС-методики (Алиновский и др., 2009а; 2009б. С. 90–93; Пархомчук и др., 2011).

Разработанные методики экстракции органического вещества из натуральных образцов позволяют выделить необходимое количество углерода для проведения УМС-анализа. Нами были проведены первые эксперименты по экстракции коллагена из образцов костной ткани мамонта возрастом более 50 тыс. лет (определен стратиграфией). Концентрация радиоуглерода в образцах не превышала 0.007 ± 0.002 (exp-12), что эквивалентно пределу датирования в 41-45 тыс. лет. Такой результат демонстрирует чистоту и полноту экстракции органического вещества.

В настоящее время чувствительность российского комплекса УМС составляет 2-3%, что эквивалентно ошибке определения возраста +/-250 лет для образцов возрастом до 5000 лет. Эта величина довольно велика, однако в процессе модификации оборудования она постепенно снижается.

Эксперименты на первом российском УМС проводились при финансовой поддержке СО РАН в рамках интеграционного проекта МИ.2 – № 14.

Коллектив авторов выражает благодарность сотрудникам ИАЭТ СО РАН и ИЯФ СО РАН за помощь в подборе образцов и экспериментальных измерениях на УМС.

Алиновский Н.И., Гончаров А.Д., Клюев В.Ф. и др. Ускорительный масс-спектрометр СО РАН // Журнал технической физики. СПб., 2009а. № 79 (9).

Алиновский Н.И., Константинов Е.С., Пархомчук В.В. и др. Времяпролетный детектор ионов малой энергии для ускорительного масс-спектрометра // Приборы и техника эксперимента. М., 2009б. № 2.

Пархомчук В.В., Петрожицкий А.В., Растигеев С.А. Тонкопленочный детектор для регистрации ионов на ускорительном масс-спектрометре // IX Международный семинар по проблемам ускорителей заряженных частиц. Дубна, 2011.

Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. Accelerator Mass Spectrometer of the Center for Collective Use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences // *Journal of Surface Investigation. X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques*. 2011. Vol. 5. № 6.

Rastigeev S.A., Frolov A.R., Goncharov A.D. et al. First radiocarbon measurements at binp ams // *Proceedings of RuPAC 2010*. Sep. 27 – Oct. 01, Protvino. Novosibirsk, 2010.

Н.Н. Сушенцева, В.С. Панов, Е.А. Усламин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
navicula@yandex.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИЕТЫ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА МЕТОДОМ ИЗОТОПНОЙ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ

Еще совсем недавно выводы об особенностях и составе питания древнего человека делались на основании косвенных данных. Основными источниками информации о диете были наборы орудий труда, состав промысловой фауны региона или находки растительных остатков на территории стоянок. С развитием во второй половине XX в. инструментальных методов анализа стала возможна изотопная реконструкция пищевых цепей, нашедшая широкое применение в археологии (Peterson, Fry, 1987. P. 293–320; Trimble, Macko, 1997. P. 137–142; Richards et al., 2008. P. 179–185; Thompson et al., 2005. P. 451–463). Выводы о структуре питания популяции делаются на основании исследования соотношения стабильных изотопов углерода (^{13}C , ^{12}C) и азота (^{15}N , ^{14}N) в коллагене, выделенном из костей отдельных особей. Известно, что разные изотопы одного и того же химического элемента по-разному ведут себя в биохимических реакциях, в результате чего происходит изотопное фракционирование элемента. При продвижении вверх по трофической цепочке с каждым новым уровнем значение $\delta^{13}\text{C}$ повышается незначительно (1-2‰), значение $\delta^{15}\text{N}$ – на 2-5‰ (De Niro, Epstein, 1987. P. 182–351; De Niro, 1987. P. 182–191). Значение $\delta^{13}\text{C}$ сильно варьирует в зависимости от способа фиксации атмосферного CO_2 продуцентами. Растения с различными типами фотосинтеза (C_3 либо C_4) в разной степени фракционируют изотопы углерода, в результате чего характерное значение $\delta^{13}\text{C}$ для растений с C_4 фотосинтезом составляет -12,5‰, для растений с C_3 фотосинтезом – около -26‰ (De Niro, Epstein, 1978. P. 495–506; 1981. P. 341–351).

Особое внимание уделяется пробоподготовке – выделению коллагена из костной матрицы. После отмывки исходного образца от видимых загрязнений он подвергается механическому измельчению. Измельченный образец обрабатывается хлористым метиленом для удаления жиров. Затем кость обрабатывается по классической ААА-методике (Bronk et al., 2004. P. 155–163). Для проверки качества экстракции коллагена производится анализ процентного содержания азота и углерода в готовом образце. Характерным для коллагена считается содержание углерода на уровне 26-44% и азота в пределах 11-16%. Изотопный состав азота и углерода определялся в режиме непрерывного потока на изотопном масс-спектрометре **Delta V advantage (Thermo Scientific, USA)** в лаборатории УМС-пробоподготовки ИАЭТ СО РАН.

В настоящей работе представлены результаты изучения костных останков из погребений эпохи ранней бронзы на территории Барабинской лесостепи. Помимо человеческих исследовались останки травоядных животных и рыб из тех же захоронений. Семнадцать образцов были

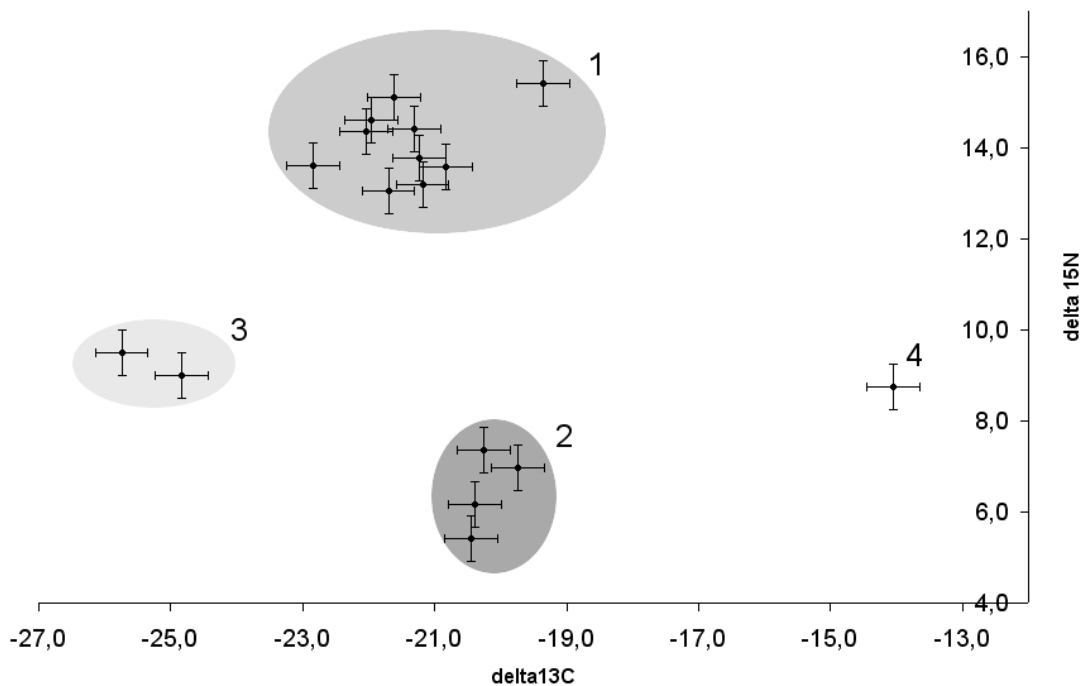

Рис. 1. Объединение в группы по типу питания особей разных родов на основании изотопного состава коллагена, экстрагированного из костных останков. 1 – человек; 2 – травоядные; 3 – рыбы хищные и всеядные; 4 – рыба растительная.

подвергнуты стандартной процедуре экстракции коллагена с последующим определением изотопного состава азота и углерода. Полученные значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ при размещении на диаграмме (рис. 1) образуют отчетливо выраженные кластеры, положение которых отражает тип диеты тех или иных особей. Для типичных травоядных, принадлежащих к родам *Ovis*, *Bos* и *Equus* (кластер 2), как и для любых консументов первого порядка, характерно низкое значение $\delta^{15}\text{N}$, а значение $\delta^{13}\text{C}$ отражает общий изотопный состав флоры региона. В кластер 3 объединяются хищные и всеядные пресноводные рыбы из родов *Esox* и *Leuciscus*. Рыба рода *Carassius* (кластер 4) выделяется высоким значением $\delta^{13}\text{C}$, что может быть следствием преобладания в рационе некоторых видов речной растительности. Для *Homo sapiens* (кластер 1) значения изотопного состава коллагена костей позволяют предположить наличие смешанного типа питания с высокой долей продуктов животного происхождения и, возможно, рыбы, о чем свидетельствует высокое значение $\delta^{15}\text{N}$ относительно промысловых видов данного региона для всех особей.

На основании проделанной работы можно сделать вывод, что тип питания *Homo sapiens* на территории Барабинской лесостепи в период ранней бронзы был смешанным со значительной долей животного белка.

Bronk R.C., Higham T., Bowles A., Hedges R. Improvements to the pretreatment of bone at Oxford // Radiocarbon. 2004. № 46.

De Niro M.J. Stable Isotopy and Archaeology // American Scientist Research. 1987. № 75.

De Niro M.J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of carbon isotopes in animals // Geochim. Cosmochim. Acta. 1978. № 42.

De Niro M.J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals // Geochim. Cosmochim. Acta. 1981. № 45.

Peterson B.J., Fry B. Stable Isotopes in Ecosystem Studies // Annual Review of Ecology and Systematic. 1987. № 18.

Richards M.P., Taylor G., Steele T. et al. Isotopic dietary analysis of a Neanderthal and associated fauna from the site of Jonzac (Charente-Maritime), France // Journal of Human Evolution. 2008. № 55.

Thompson A.H., Richards M.P., Shortland A., Zakrzewski S.R. Isotopic palaeodiet studies of Ancient Egyptian fauna and humans // Journal of Archaeological Science. 2005. № 32.

Trimble C.C., Macko S.A. Stable Isotope Analysis of Human Remains: A Tool for Cave Archaeology // Journal of Cave and Karst Studies. 1997. № 59 (3).

МОРСКИЕ ЗВЕРОБОИ ЧУКОТКИ И БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ: ИСТОРИЯ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ*

Отношение древних охотников к соседствующим с ними крупным хищникам всегда было особенным: с одной стороны, борьба за ресурсы делала человека и зверя конкурентами, а с другой, страх перед столь мощным соперником создавал вокруг него мистический ореол.

Морские зверобои, населявшие побережье Чукотки в течение как минимум последних двух с половиной тысяч лет, известны как искусные охотники на морского зверя. Фаунистический анализ материалов нескольких древних поселений показал, что промысел тюленей и моржей играл первоочередную роль в жизни берегового населения. В то же время и сухопутная охота была хотя и второстепенным, но постоянным аспектом их деятельности (Динесман и др., 1996; Горлова, 2012; Csonka, 2003). Преследуя тюленей на льду или на воде, люди неизбежно должны были сталкиваться с самым крупным хищником арктического региона – белым медведем, а охотясь в тундре на песцов и зайцев, встречаться с не менее опасным наземным хищником – бурым медведем. В результате изучения культуры и быта береговых жителей Чукотки был сделан вывод, что медведи входили в число промысловых видов (Динесман, Савинецкий, 2003), но их доля в общей добыче очень мала. Изучение же погребальных комплексов (Артюнов, Сергеев, 1969; 1975) показало, что крупный хищник, по всей вероятности, почитался морскими зверобоями наравне с морским зверем.

Автором был изучен остеологический материал одного из древних поселений на берегу Берингова пролива (рядом с заброшенным пос. Дежнево). Исследованные выборки получены из двух структур принципиально различного генезиса, отличающихся как скоростью накопления, так и особенностями наполнения. Первую составили находки из заполнения жилища, вторую – материал из многовекового отложения «кухонных отходов». Согласно калиброванным радиоуглеродным датировкам, формирование культурного слоя поселения происходило 2300-200 лет назад.

В процессе работы было исследовано около 13,5 тыс. костей млекопитающих (доля определимых составила 53–78%). Большая часть определимых фрагментов принадлежала кольчатой нерпе, на втором месте по численности в добыче были лахтак и морж, и всего 57 костей из этого гигантского массива принадлежали медведям. Следует отметить, что определение видовой принадлежности медвежьих по большинству фрагментов посткраниального скелета вызывает трудности, поэтому до сих пор не было известно соотношение остатков белого и бурого медведей в древних чукотских памятниках. Для решения этой проблемы и точной видовой диагностики автором был использован анализ стабильных изотопов. Результаты исследования оказались более чем неожиданны: они показали, что все обнаруженные костные фрагменты принадлежали исключительно белому медведю. Причины отсутствия останков бурого медведя в слоях поселения остаются загадкой. В современных прибрежных экосистемах Чукотки бурый медведь является постоянно присутствующим видом, тогда как белый появляется на материке, как правило, только в зимнее время. Однако активность бурого медведя приходится на летние и осенние месяцы – период, когда аборигенное население не испытывало дефицита в пище. Напротив, середина и конец зимы были самыми тяжелыми и голодными месяцами, а именно в это время белые медведи часто встречаются у материкового побережья, тогда как бурые залегают в берлогах. Это, возможно, является одной из причин доминирования белого медведя в добыче аборигенов. Кроме того, присутствие остатков только белого медведя еще раз подчеркивает ведущую роль моря и его обитателей в жизни берегового населения.

Доля белого медведя по сравнению с другими промысловыми видами морских млекопитающих, например тюленями, очень мала (0,2-0,5%). Вероятно, хищник не был основным объектом охоты коренного населения побережья Чукотки. Его добыча сопутствовала морскому промыслу, преследовала оборонительные цели или была свидетельством выдающейся охотничьей ловкости. На последнее указывают находки из эквенского могильника (Артюнов, Сергеев, 1975), в которых медвежьи кости присутствуют в погребениях только особо отличившихся охотников.

Детальный осмотр костей показал, что на половине из них присутствуют следы разделки. Этот факт, а также само место обнаружения большинства костей (среди кухонных отходов) позволяют предположить, что мясо белого медведя использовалось в пищу, тем более, что сюжеты его поедания распространены в современном эскимосском эпосе (Эскимосские сказки и мифы, 1988). Однако соотношение скелетных элементов наводит на мысль, что в добыче белого медведя

его роль как источника мяса, возможно, не была основной или, по крайней мере, единственной. Около 70% всех находок составляют кости стоп и кистей, которые оставляют при снятии шкуры. Остальные же представлены различными элементами скелета, но все – с очевидными следами дробления. Все это свидетельствует в пользу следующего сценария: добытого медведя освеживали и разделывали на месте; особенно ценилась шкура, которую снимали целиком, с обрубками лап, а выделывали и кроили уже в жилище, что объясняет обнаруженный в нем элементный состав находок.

Таким образом, наблюдаемый низкий процент костей медведей в общей выборке может объясняться как минимум тремя различными причинами: 1) следствием нерегулярной и редкой добычи; 2) тем, что остатки белого медведя не выбрасывались наравне с остальными промысловыми животными, а использовались в ритуальных целях, для амулетов, поделок и пр.; 3) как в случае со многими крупными животными, разделка туш происходила на месте добычи, поэтому доля костных фрагментов, обнаруженных на поселении, занижает реальный вклад вида в общий объем добычи.

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 12-04-31010 и 12-04-00655.

Артюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.

Артюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Экенский могильник) М., 1975.

Горлова Е.Н. Промысел кольчатой нерпы (*Pusa hispida*) морскими зверобоями Чукотки в позднем голоцене // РА. 2012. № 3.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. М., 1996.

Динесман Л.Г., Савинецкий А.Б. Количественный учет костей в культурных слоях древних поселений людей // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003.

Эскимосские сказки и мифы. М., 1988.

Csonka Y. Ekven – a prehistoric whale hunters' settlement on the Asian shore of Bering strait // Indigenous ways to the present: native whaling in the Western Arctic. Salt Lake City, 2003.

А.Н. Бабенко, Н.К. Киселева

*Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва,
mnetosina_a@mail.ru*

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ДИНАМИКИ АРИДНЫХ ЭКОСИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗООГЕННОГО ОТЛОЖЕНИЯ АЦМАУТ, ПУСТЫНЯ НЕГЕВ, ИЗРАИЛЬ)*

В последние десятилетия в связи с развитием методов исторической экологии все чаще применяется комплексное изучение динамики древних экосистем, что дает возможность наиболее полно реконструировать изменения климата и растительности и установить особенности использования территории человеком. Особенно актуален такой подход при изучении аридных территорий, где количество источников палеоинформации ограничено.

Зоогенное отложение Ацмаут сформировалось в скальной нише в результате использования ее диким горным козлом (*Capra ibex*) и домашним мелким рогатым скотом (Rosen et al., 2005). Цель исследования – реконструкция динамики экосистемы Центрального Негева. Задачи: 1) установление режима использования ниши животными, 2) реконструкция динамики растительного покрова и 3) климата Центрального Негева и получение информации о влиянии выпаса скота на растительность.

Послойно отобранный материал из отложения Ацмаут изучен с использованием радиоуглеродного, спорово-пыльцевого, фитолитного и изотопного ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) анализов. Для выявления палиноморф-индикаторов климатических условий и влияния выпаса на растительность пустыни использовались статистические методы анализа пыльцевых данных.

Зоогенное отложение Ацмаут накапливалось с конца V тыс. до н.э. до сер. XX в. н.э. (Babenko, Khassanov, 2007). Согласно результатам спорово-пыльцевого анализа, доминирующими таксонами растительности пустыни были маревые и полынь, за исключением периода доминирования злаков в начале XXIII – середине XXII в. до н.э. (Бабенко и др., 2007).

Основные факторы изменения растительности – климатический и антропогенный. На основании статистических данных можно сказать, что доля злаков представляет собой довольно чувствительный палинотип-индикатор климатических изменений. Выделенные по увеличению доли пыльцы злаков периоды: начало XXIII – середина XXII в. до н.э., конец II тыс. до н.э., середина

III–VIII вв. и XII – конец XVI в. – практически полностью совпадают с влажными периодами, выделенными на основе палеоклиматических данных (Migowski et al., 2006).

Впервые для территории пустыни Негев проведен изотопный анализ углерода ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) и азота ($^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) зоогенного отложения. Изменение в профиле содержания ^{13}C практически полностью соответствует периодам увеличения доли злаков в пыльцевых спектрах и описанным в литературе периодам увеличения и уменьшения количества осадков в регионе. Величина $\delta^{15}\text{N}$ помета является менее чувствительным индикатором динамики климата и отражает лишь наиболее значимые изменения увлажненности в регионе.

Основу населения центральной части пустыни Негев с конца VII – начала VI тыс. до н.э. составляли скотоводческие племена, за исключением периода развития земледелия в первой половине I тыс. н.э. (Rosen, 1994; Rosen et al., 2005). Заселенность Центрального Негева не была постоянной, следовательно, можно выделить периоды усиления антропогенной нагрузки на растительность пустыни.

Пыльцевые спектры с высокой долей пыльцы зимне-весеннецветущих энтомофильных видов крестоцветных, лилейных и сложноцветных и отсутствие в составе фитолитных спектров дендровидных форм кремневых тел, формирующихся в колосковых чешуйках, указывают на зимне-весеннее использование пастбищ в окрестностях ниши Ацмаут. Анализ строения отложения и археологических данных позволяет установить, что с конца V тыс. до середины XXII в. до н.э., в начале II тыс. до н.э. и с XVII – XVIII вв. н.э. до настоящего времени ниша Ацмаут использовалась в зимне-весенний период преимущественно пастухами для укрытия домашнего скота. В остальное время она использовалась преимущественно дикими копытными круглый год (Бабенко, 2012).

Установлено, что доля пыльцы видов *Plantago* и *Thymelaea* в пыльцевых спектрах является хорошим индикатором пастбищной нагрузки на растительность пустыни. Увеличение доли этих палинотипов совпадает с периодами более интенсивного использования территории Центрального Негева пастухами (Бабенко, 2012).

Таким образом, зоогенное отложение Ацмаут является уникальным источником палеоинформации. Его комплексное изучение позволило провести реконструкцию динамики климата и растительного покрова Центрального Негева, установить влияние выпаса на растительность пустыни и преимущественно зимне-весеннее использование ниши Ацмаут домашним скотом.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (12-04-00655, 12-04-31015) и Программы Президиума РАН «Проблемы происхождения жизни и становления биосферы».

Бабенко А.Н. Влияние выпаса скота на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене: по палинологическим и археологическим данным // РА. 2012. № 3.

Бабенко А.Н., Киселева Н.К., Плахт И., и др. Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут // Экология. 2007. № 6.

Babenko A.N., Khassanov B.F. The absolute chronology of the zoogenic deposits from the Negev Desert (Israel) // Geochronometria. 2007. № 28.

Haiman M. Early Bronze Age IV Settlement Pattern of the Negev and Sinai Deserts: View from Small Marginal Temporary Sites // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. № 303. New York, 1996.

Migowski C., Stein M., Prasad S. et al. Holocene climate variability and cultural evolution in the Near East from the Dead Sea sedimentary record // Quaternary Research. 2006. № 66 (3).

Rosen S.A. The Israel antiquities authority. The archeological survey of Israel. Jerusalem, 1994.

Rosen S.A., Savinetsky A.B., Plakht Y. et al. Dung in the Desert: Preliminary Results of the Negev Holocene Ecology Project // Current Anthropology. № 46 (2). Chicago, 2005.

Д.А. Кириченко

*Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку,
sirkokozak@rambler.ru*

ОБЫЧАЙ ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПА НА ТЕРРИТОРИИ КАВКАЗА И АНАТОЛИИ (ЭНЕОЛИТ – ЭПОХА БРОНЗЫ)

Феномен трепанации черепа древнего человека давно уже привлекает многих исследователей. По этому поводу существует обширная литература (обзор см.: Медникова, 2001).

Среди работ, посвященных трепанации черепа на Кавказе в эпохи энеолита – бронзы, следует отметить статью А.Л. Нечитайло (2007) и краткую заметку Дж. Грески и Н. Березиной (Gresky,

Berezina, 2012), которые касаются находок на Северном Кавказе. Материалы Южного Кавказа освещаются в статье Р.М. Касимовой (Qasımova, 1988), а также сообщениях Д.А. Кириченко о случаях трепанации на территории Азербайджана (2007) и П.М. Пирпилашвили – на территории Грузии (Кесаманлы, 1999. С. 138). Кроме того, в работе М.Б. Медниковой говорится о случае трепанации черепа на территории Армении (Медникова, 2001). Анатолийским материалам посвящена обширная литература на турецком языке (Açikkol et al., 2009; Tuğcu, 2010; и др.), о проблеме трепанации в Анатолии со ссылкой на М. Шульца упоминает также М.Б. Медникова (2001).

Цель данной работы – суммировать имеющийся палеоантропологический материал эпох энеолита – бронзы со следами трепанации черепа из кавказского и анатолийского регионов и попытаться выяснить возможное происхождение этого феномена.

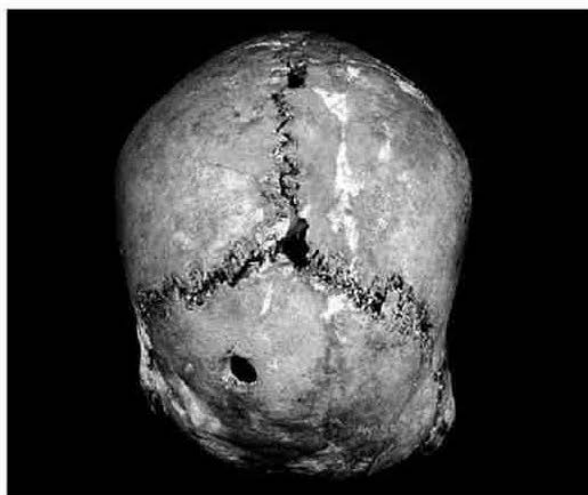
Череп со следами трепанации эпохи энеолита были обнаружены на территории Северного Кавказа у ст. Суворовской (Нечитайло, 2007) и с. Красногвардейское (Gresky, Berezina, 2012) Ставропольского края, а также у с. Комарово в Северной Осетии (Нечитайло, 2007). А.Л. Нечитайло приходит к выводу, что традиция трепанации черепов уходит своими корнями в степные культуры неолита Надпорожья–Приазовья, не противоречит этому, по ее мнению, и антропологический тип, который определяется как протоевропеоидный.

1

2

3

Рис. 1. Череп со следами трепанации. 1 – энеолитическое погребение Чалагантепе; 2 – женский череп из Дашкесанского р-на; 3 – женский череп с поселения Ашиглы Гуюк.

Случаи трепанации в эпоху бронзы на территории Южного Кавказа зафиксированы в Грузии (Самтаврский могильник) – об этом упоминает П.М. Пирпилашвили – и Армении (могильник Акунк). Наиболее интересны находки с территории Азербайджана. Здесь известен один череп со следами трепанации, относящийся к эпохе энеолита (Чалагантепе), и три черепа, датируемые эпохой бронзы (Дашкесанский р-он Азербайджана).

Чалагантепе. Череп из энеолитического погребения (рис. 1, 1) был обнаружен в ходе археологической экспедиции под руководством И.Г. Нариманова. Исследован Р.М. Касимовой (Qasimova, 1988). Трепанация была произведена путем сверления и прорезания. Операция прошла успешно, об этом свидетельствуют следы заживления (Кириченко, 2007. С. 64).

Дашкесанский район. Здесь было найдено два черепа со следами трепанации, относящихся к эпохе бронзы: мужской и женский. Женский череп из Дашкесанского района (рис. 1, 2) имеет трепанационное отверстие, расположенное в центре лобной кости. Вероятно, операция была произведена металлическим предметом, скорее всего, бронзовым ножом (Кесаманлы, 1999. С. 139). В данном случае, судя по всему, речь идет о ритуальной (символической) трепанации. О третьем черепе со следами трепанации из Дашкесанского района Азербайджана имеется упоминание в монографии Г.П. Кесаманлы со ссылкой на Э. Реслера. Он был обнаружен в 1901 г. близ с. Балчылы в кургане № 4 – «Пашатепе». Череп сохранился лишь наполовину, имел три круглых, величиной с обыкновенный орех, отверстия над височной областью и левым глазом, из них два были заполнены белой известковой массой (Кесаманлы, 1999. С. 140). В этом случае мы имеем дело, вероятно, не только с ритуальной трепанацией, но и с древним обычаем моделирования черепов, хорошо известным на Ближнем Востоке и в Европе.

В свое время Р.М. Касимова предположила, что трепанация из Чалагантепе сходна с трепанацией эпохи неолита из Вовниг (Украина) и что данный способ операции был принесен на территорию Азербайджана с территории южнорусских степей и Украины. Это в какой-то мере может подтвердить предположение о появлении трепанации на Северном Кавказе в эпоху энеолита со степными культурами из Надпорожья–Приазовья.

Мы можем присоединиться к идее о распространении рассматриваемого обычая в энеолите путем передачи древними врачами и хирургами знаний и навыков друг другу и даже выдвинуть предположение о так называемых врачах-специалистах, которые могли передавать свой опыт путем перемещения с места на место от одного народа к другому. Однако территорию, откуда пришли эти врачи-специалисты, нужно искать не на севере, как предполагала Р.М. Касимова, а совсем в другой стороне.

Следует отметить, что черепа со следами трепанации были обнаружены несколько южнее и западнее Кавказа – на Ближнем Востоке и в Анатолии. На территории Анатолии эта практика существовала еще в эпоху неолита. Так, на поселении Ашиглы Гуяк был обнаружен датирующийся неолитическим временем женский череп (рис. 1, 3) со следами трепанации, произведенной, как и в Вовнигах и Чалангантепе, при помощи сверления. Вообще в анатолийском регионе находки трепанированных черепов эпох неолита–бронзы достаточно многочисленны. Вероятнее всего, рассматриваемый обычай проник сюда с юга, а именно из Палестины.

На протяжении неолита и эпохи бронзы на территории Анатолии преобладает трепанация, выполненная методом сверления (англ. *drilling*). Этот метод сохраняется и в более позднее время, в сочетании с методом прорезывания (англ. *cutting*) доминирует в эпоху раннего железа и доживает вплоть до османского периода. Таким образом, мы можем предположить, что трепанация черепа при помощи сверления была характерна для врачей Анатолии, и именно отсюда данная практика проникла на территорию Кавказа.

Кесаманлы Г.П. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа Дашкесанского района. Баку, 1999.

Кириченко Д.А. О трепанации черепа в древности // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası*. № 1. Bakı, 2007.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.

Нечитайло А.Л. «Трепанационный феномен» эпохи энеолита // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 7. М., 2007.

Açikkol A., Günay İ., Akpolat E., Güleç E. A middle bronze age case of trephination from Central Anatolia, Turkey // *Bulletin of the International Association for Paleodontology*. № 3. Zagreb, 2009.

Gresky J., Berezina N. Ya. Two cases of trepanation in eneolithic burials from Progress 2 and Vonjuchka 1 // XXVII Крупновские чтения. Матер. Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012.

Qasimova R.M. Paleantropoloji materiallarda ibtidai «cəhfhfiyyə» izləri // *Elm və həyat*. 1988. № 4.

Tuğcu B. First trepanation in Living Human in Anatolia: An Aşıklı Höyük Human // *Türk Nöröşirürji Dergisi*. 2010. № 20 (2).

Н.Я. Березина

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, berezina.natalia@gmail.com

И.К. Решетова

Институт археологии РАН, Москва, reshetovairina@yandex.ru

НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

История изучения салтово-маяцкой культуры насчитывает уже более ста лет. За это время были открыты и частично исследованы многие памятники и выдвинуты гипотезы о возможной этнической принадлежности народов, их оставивших. Накопление краниологического материала имеет существенное значение для подтверждения или корректировки существующих данных.

В рамках настоящей работы были исследованы краниологические материалы из пяти раннесредневековых памятников Среднего Подонья и некрополя Мамисондон (Северная Осетия). Основное время существования данного некрополя – VIII век, отдельные погребения могут относиться к концу VII или началу IX в. (Албегова и др., 2010). Для краниологического анализа (проведенного Н.Я. Березиной) оказалось доступно 28 черепов, в том числе 19 мужских и 9 женских. Антропологические материалы переданы на хранение в остеологический фонд НИИ и Музея антропологии МГУ.

Памятники Среднего Подонья представляют собой группу некрополей с территории современной Украины. Все краниологические исследования этих материалов были проведены И.К. Решетовой. Могильник Верхний Салтов-IV датируется IX в. (Аксенов, 2006). В коллекции Харьковского исторического музея были изучены 22 черепа взрослых индивидов (13 мужских и 9 женских). Новые материалы из археологического комплекса Дмитриевка были получены в ходе работ экспедиции Белгородского государственного университета (БелГУ) под руководством В.А. Сарапулкина. Применение краниометрических методик стало возможно к 19 взрослым индивидам (11 мужчинам и 8 женщинам). Материал хранится в фондах БелГУ. Могильник Ржевский исследовался той же экспедицией. Он относится к салтово-маяцкой культуре, время его функционирования – VIII–IX вв. (Сарапулкин, 2006). Для краниометрических измерений оказались пригодными 17 черепов (7 мужских и 10 женских). Экспедицией Липецкого государственного университета под руководством В.А. Сарапулкина были начаты работы на Мандровском могильнике (Винников, Сарапулкин, 2008). Краниологические измерения 9 индивидов (5 мужчин и 4 женщины) были проведены на базе БелГУ. Раскопки Лысогоровского могильника проводились экспедицией Луганского национального университета под руководством К.И. Красильникова. Памятник датируется серединой – второй половиной IX в. (Красильников, 2006). Исследованная краниологическая серия составила 34 черепа взрослых индивидов: 15 мужских и 19 женских.

В общей сложности в представленной работе использованы и введены в научный оборот краниометрические данные для 129 черепов взрослых индивидов.

Для определения пола и возраста проводилось комплексное изучение черепа и посткраниального скелета по программам, принятым в современной науке. Для краниологического анализа материалов использовалась стандартная методика Р. Мартина и дополнительные размеры Т. Бай в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца (Алексеев, Дебец, 1964). Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программы *Statistica 6.0* и авторской программы В.Е. Дерябина «*Canoclas*».

Был проведен внутригрупповой анализ материалов могильника Мамисондон и межгрупповой анализ новых материалов с учетом данных из синхронных памятников Северо-Западного, Северо-Восточного и Центрального Кавказа и Закавказья, Нижнего Поволжья и Подонья. Наиболее близкие аналогии для изученной серии Мамисондон обнаруживаются среди серий черепов салтово-маяцкой культуры. Межгрупповой анализ по данным лицевой части скелета четко разделяет кавказские и болгарские группы населения. Сравнение краниологических материалов из могильника Мамисондон с современным населением Северной Осетии не выявляет близкого морфологического сходства. Новые материалы, полученные из могильников Подонья, в целом соответствуют классическим краниологическим характеристикам представителей салтово-маяцкой культуры. Расширение числа выборок из таких известных комплексов, как Верхний Салтов, Маяцкое и Дмитриевка, подтвердило выявленную ранее тенденцию формирования населения салтово-маяцкой культуры на базе нескольких антропологических вариантов, но в целом это население долихо- и мезоморфное.

Таким образом, новые краниологические материалы подтвердили существующее представление о важной роли миграционных процессов раннего средневековья в сложении облика населения Восточной Европы. Данные, полученные при изучении серии Мамисондон, позволяют проследить связь населения салтово-маяцкой культуры и северокавказского региона, которое характеризуется преимущественной долихокранией с большим продольным, малым и средним поперечными диаметрами. Наиболее важным результатом проделанной работы можно считать фиксацию нарушения тенденции взаимосвязи погребального обряда с определенным антропологическим типом (ямные и катакомбные погребения и, соответственно, брахикранные и долихокранные антропологические типы) в Лысогорском и Ржевском могильниках.

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского IV катакомбного могильника в 2005 году. Харьков, 2006.

Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС // Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. М., 2010.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Винников А.З., Сарпулкин В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж, 2008.

Красильников К.И. Новое к этнической теме Степного варианта салтовской культуры // Материалы та дослідження з археології Східної України. Вип. 5. Луганськ, 2006.

Сарпулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.

И.К. Решетова

Институт археологии РАН, Москва, reshetovairina@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКОВ У С. МАЯКИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

Раннесредневековый грунтовый могильник Маяки расположен в среднем течении р. Северский Донец, на высоком выступе правого берега. Еще в середине XIX в. на территории памятника обнаруживались отдельные находки. Первая попытка изучения комплекса Маяки была предпринята в третьей четверти XIX в. отцом Спесивцевым. Найденные им вещи поступили в Эрмитаж. В 1890 г. памятник был осмотрен Д.И. Багалеем, в 1901-1902 гг. – В.А. Городцовым. Первые интерпретации имевшихся материалов отнесли Маяки к числу памятников салтово-маяцкого круга.

В 1956 г. комплекс исследовался Советско-болгаро-венгерской экспедицией АН ССР под руководством С.А. Плетневой. Новый этап в изучении памятника связан с работами В.К. Михеева в 1963-1968, 1971 гг. на городище и могильнике. Автор указывал на типологическую близость Маяцких погребений со Зливкинскими. По мнению В.К. Михеева, на памятнике прослеживаются четыре обособленных могильника: «Захоронения в могильниках относятся не только к разным, сменяющим друг друга хронологическим периодам, но и с обрядом разных конфессиональных групп и разных антропологических типов погребенных» (Михеев, 1985. С. 16-18)

В связи с разрушением памятника промышленной застройкой работы были продолжены Донецкой Средневековой археологической экспедицией, возглавляемой М.Л. Шведовым. Они велись в 1989-1991 гг. Антропологические материалы могильника Маяки не были введены в научный оборот. В связи с этим основной целью данной работы явилась их характеристика с применением широкого спектра методик.

Коллекция материалов из раскопок могильника находится на хранении в Донецком центре Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины. Сохранность скелетов различная.

В основу работы положен принцип комплексности биоархеологического исследования. Были проведены: комплексная половозрастная диагностика на основании описания черепа и посткраниального скелета, исследование серии по классическим программам краниометрии и остеометрии, а также фиксация маркеров физиологического стресса и травматических нарушений, приняты первые шаги по изучению изотопного состава коллагена костной ткани для этой серии.

Общий объем выборки составляет 102 индивида: 38 мужчин, 40 женщин, 23 ребенка, пол 1 индивида не определен ввиду плохой сохранности костей. Средняя продолжительность жизни взрослых составила 33,6 года: 36,4 для мужчин, 31,4 для женщин. Соотношение мужчин и женщин в выборке примерно паритетное: 48,7% первых, 51,3% вторых. Дети составляют 22,5% от общего числа индивидов.

Для женской выборки из некрополя Маяки характерна периодичность в показателях кривой дожития. Высокие показатели в 15-19 лет снижаются в период 20-25 лет, за которым следует первый пик женской смертности – 25-30 лет. Далее продолжительность жизни резко возрастает – период 30-40 лет характеризуется относительно низким, стабильным уровнем смертности, затем следует второй пик смертности – 40-45 лет, после которого показатели вновь снижаются. Для мужской выборки характерно плавное увеличение смертности до возрастного интервала 40-45 лет, за которым следует снижение ее уровня.

Краниологическая серия включала 17 черепов: 15 мужских, 2 женских. Женская выборка непредставительна, поэтому ограничимся описанием характеристик мужской. Продольный диаметр находится на границе малых и средних значений, поперечный диаметр средний, лоб среднеширокий. Лицо среднеширокое, низкое и среднеширокое. Нос среднеширокий, средневисокий, глазницы низкие и среднеширокие. Назомалярный угол в пределах малых и средних величин, зигомасиллярный угол средний.

Измерения посткраниального скелета позволили реконструировать продольные размеры тела. Средние величины варьируют в пределах 164-166 см. Основываясь на результатах широких сопоставлений с данными по средневековому населению, приведенными в работе М.Б. Медниковой, можно подтвердить мнение о том, что исследованные серии относятся к средне- и низкорослым и близки таким группам, как выборки Большетарханского и Дмитриевского могильников (Медникова, 2002. С. 140).

В группе были отмечены различные маркеры стресса и патологии развития, в особенности зубочелюстной системы. Выявлены случаи кариеса, в большей степени затронувшего мужскую выборку (21%), так же как и показатели присутствия зубного камня (28,95%). Воспалительные процессы зубочелюстной системы отразились, главным образом, на женской группе – 22,5%, в то время как среди мужчин этот фактор проявился только в 5,26% случаев. По одному случаю кариеса и зубного камня приходится на детскую группу. Во всех выборках прослеживаются свидетельства перенесенного в детстве нарушения витаминно-минерального обмена: показатели *cribra orbitalia* для мужчин/женщин/детей соответственно равны 18,42/20,0/21,74%.

Оценка показателя травматизма позволяет судить об активности населения и по возможности дифференцировать группы, обладающие различным профессиоанальным и социальным статусом. Уровень травматизма можно оценить как невысокий.

Таблица 1. Результаты изотопного анализа образцов из могильника Маяки.

Шифр	Образец	$\delta^{13}C, ‰$	$\delta^{15}N, ‰$
P1 п4	М	-15,7	8,5
P1 п8	М	-16,8	9,4
P1 п21	М	-14,9	10,7
P1 п23	М	-15,3	9,7
P2 п2	М	-18,8	11,3
P2 п5	М	-14	8,4
P2 п6	М	-14,5	10
Останец п1	М	-14,2	9,8
Останец2 п8	М	-14,4	8,7
	Среднее	-15,4	9,60
P1 п8	F	-17,2	10,3
P1 п36	F	-13,4	9,7
P2 п1	F	-18,9	10,3
P2 п7	F	-15	10,1
P2 п9	F	-16,7	10,5
Траншея п1	F	-14,7	9,5
Останец 2 п9	F	-15,8	10,6
Останец 2 п10	F	-14	10,2
Останец 2 п10	F	-15,2	10,1
	Среднее	-15,7	10,1
P1 п4	животное	-21	7,2

можно оценить как невысокий. На черепах мужчин зафиксировано пять случаев повреждений – это зажившие переломы (3), предположительно, от удара тупым предметом, и переломы носовых костей (2). На посткраниальном скелете отмечены три случая травм (переломы ребер и длинных костей). В женской группе ситуация схожая – три зажившие травмы на костях черепа, три перелома носовых костей, три перелома на посткраниальном скелете. Также отмечены травмы черепа в детской группе – два перелома без следов заживления, вероятно, послужившие причиной смерти. Основываясь на низком уровне травматизма и, соответственно, агрессии в группе, можно предположить, что население, оставившее могильник, не участвовало в боевых действиях.

Был проведен изотопный анализ 18 образцов костной ткани взрослых индивидов (табл. 1). Полученные данные по стабильному изотопу углерода очень вариативны. Обращает на себя внимание совмещение в одном погребении взрослых индивидов, характеризующихся различными показателями по углеродным сигмам. Всякий раз более низкое значение определено для индивида женского пола. Важно отметить, что ни в одной из групп не отмечены статистически достоверные различия в изотопных показателях мужчин и женщин, поэтому делать заключения о единообразии их пищевых рационов преждевременно. Можно предположить, что эти женщины последние годы своей жизни провели в более умеренных климатических условиях, но других подтверждений указанной закономерности пока не имеется.

Сравнительный анализ краниологических данных позволяет поместить Маяки в один ряд с другими ямными некрополями (Лысогоровка, Желтое) как по результатам кластерного анализа, так и на основании многомерного статистического исследования методом главных компонент. Как и остальные ямные могильники, Маяцкий характеризуется значительным краниологическим разнообразием, но в то же время дифференцируется от аналогичных краниологических характеристик индивидов из катакомбных некрополей.

Могильник Маяки выделяется на фоне других грунтовых некрополей салтово-маяцкой культуры. Своеобразие памятника заключается в более «спокойном», стабильном и единообразном образе жизни населения, оставившего его. Это отразилось в более низких показателях маркеров стресса (за исключением *cribra orbitalia*), в уровне травматизма. Демографические характеристики приближают серию из Маяков к сериям из катакомбных некрополей салтово-маяцкой культуры.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Медникова М.Б. Особенности скелетной конституции погребенных // Новохарьковский могильник эпохи Золотой орды. Воронеж, 2002.

Е.А. Клещенко

Институт археологии РАН, Москва, malzeva-ekaterina@mail.ru

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЧАГОДА I: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной науке изучению кремированных костных останков уделяется все больше внимания. Это связано, в первую очередь, с тем, что создана, апробирована и показала свою эффективность методика работы с подобным материалом. В настоящей статье представлены результаты исследования кремированных костных останков из могильника Чагода I. Целью исследования являлось определение специфики кремирования тела и депонирования останков в землю для различных погребальных традиций, фиксируемых на данном памятнике.

Могильник Чагода I расположен на западе современной Вологодской обл., в 2 км к западу от п. Чагода, на правом берегу р. Песь при впадении ее в р. Чагодоцу (приток р. Мологи). Памятник был открыт в 1984 г. Н.А. Башенькиным. В 1986–1987 гг. и в 1992–1993 гг. под руководством Н.А. Башенькина и М.Г. Васениной проводились планомерные раскопки могильника (Башенькин, 1987; 1993; Васенина, 1992). Общая исследованная за четыре полевых сезона площадь составила 1560 кв. м (Башенькин, Васенина, 2011. С. 8). По археологическим материалам памятник датирован исследователями в широких рамках: от IV–III вв. до н.э. до IV–V вв. н.э. (ранний железный век). Этому не противоречит полученная в лаборатории Геологического института РАН серия радиоуглеродных определений (Башенькин, Васенина, 2011. С. 8): доверительный интервал в две сигмы для восьми дат из грунтовых комплексов составляет 410 BC – 390 AD (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), единственное же определение материалов из кургана дало интервал 430–650 AD.

Погребения могильника – это остатки трупосожжений, имеющие различия в традиции предания земле кремированных останков. Это погребения в грунтовых ямках, деревянных сооружениях («домиках мертвых»), курганах, а также погребения – россыпи на поверхности (Башенькин, Васенина, 2011. С. 8).

Методика работы с кремациями представляет собой синтез антропологических методик исследования останков, методики судебно-медицинской экспертизы с привлечением новых данных о влиянии огня и высоких температур на костную ткань, полученных путем экспериментальных сожжений (Scott, 2005; Walker, Miller, 2005; Добровольская, 2010). Методика адаптирована под археологические задачи и позволяет получить сведения об особенностях погребального обряда.

Аналізу подверглись все кремірованніе останки могильника Чагода I общей массой более 10 кг. Учитывались количество фрагментов, их цветность, вес, наличие деформационных трещин. Вся информация занесена в специально разработанные для этого базы данных. Большая часть кремірованных фрагментов костей имеют размеры менее 1 см и не обладают определенными признаками, в связи с чем они были отнесены к категории неопределимых, составившей около 44% от общего массива материала. Небольшое количество останков (около 8%) принадлежит представителям фауны. Самая же значительная часть (около 48% от общей массы) – кости человека. Их серия составляет более 2000 анатомически определенных фрагментов.

Особо стоит отметить незначительную (менее 1% от общей массы кремірованных останков), но важную с археологической точки зрения группу материала, которую удалось обнаружить только при тщательной работе с кремациями. Это небольшие фрагменты костяных изделий, относящихся, вероятно, к категории украшений (рис. 1).

Удалось выявить некоторые особенности обряда, по которому были совершены захоронения в «домиках мертвых» и грунтовые погребения. Так, кремірованные останки из «домиков мертвых» представляют собой крупные фрагменты костей с незначительными деформациями и диапазоном цветности от R:183 G:184 B:180 до R:77 G:75 B:75 (согласно аддитивной цветовой модели RGB, принятой для описания цвета на мониторе ПК). Анатомические определения фрагментов костей свидетельствуют о наличии в одном погребении («домике мертвых») останков индивидов всех половозрастных групп. Таким образом, цветовая и размерная вариативность костных останков, а также локализация скоплений с одинаковыми половозрастными показателями в различ-

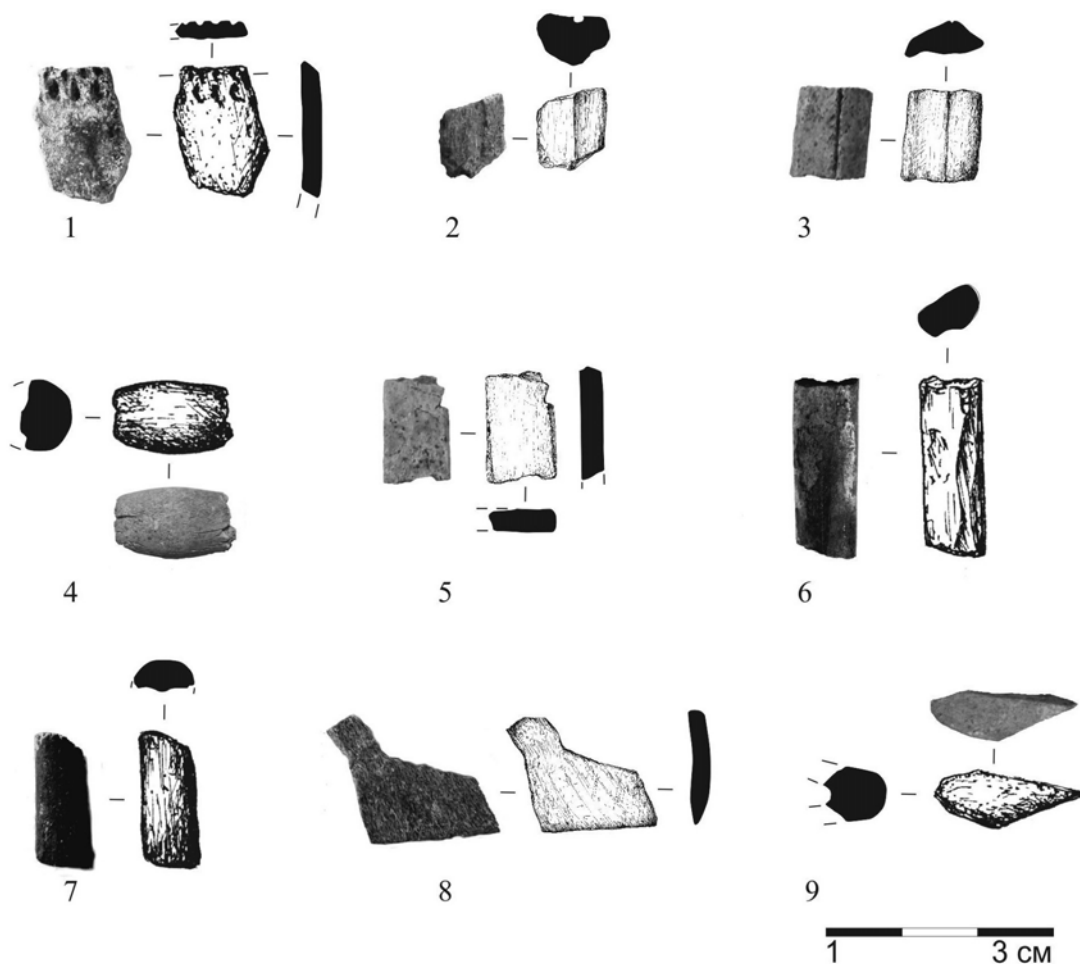

Рис. 1. Фрагменты костяных изделий из могильника Чагода I. 1 – фрагмент костяной пластины с орнаментом (раскоп VI, кв. Б-3, 1992 г.); 2 – фрагмент костяной пластины (накладки?) (раскоп VII, кв.Г-Д-4-5, 1993 г.); 3 – фрагмент костяной пластины (накладки?) (раскоп IX, кв. Д-Е-2-3, 1993 г.); 4 – фрагмент изделия (бусины?) (раскоп VII, кв. В-3-10-15, 1993 г.); 5 – фрагмент костяной пластины со следами обработки (раскоп IX, кв. Д-Е-2-3, 1993 г.); 6 – фрагмент костяной пластины со следами обработки (раскоп VI, 1992 г.); 7 – фрагмент изделия цилиндрической формы (раскоп VI, 1992 г.); 8 – фрагмент костяной пластины с заостренным краем (раскоп IX, кв.Е-3, 1993 г.); 9 – фрагмент изделия с обоюдоострым краем (раскоп IX, кв. Д-3, 1993 г.).

ных частях захоронения свидетельствуют о функционировании «домика мертвых» как открытого погребения, дополнявшегося костными останками в течение длительного времени.

Грунтовые погребения содержали мелкие фрагменты костных останков, по большей части неопределимые, имеющие светло-серый, практически белый оттенок. Фрагменты анатомически определимых костей принадлежат индивидам различных половозрастных групп. В то же время концентрация останков с одинаковыми половозрастными показателями в пределах одной погребальной грунтовой ямы или одного квадрата раскопа с определенной долей вероятности указывает на единовременность и закрытость данных комплексов.

Количество фрагментов костей животных в погребениях каждого из представленных на могильнике типов незначительно (от 5 до 8% от общего массива материала), что свидетельствует, вероятно, об их культовых функциях – возможно, это остатки поминальной трезны.

Башенькин А.Н. Отчет о работах Северорусской экспедиции в Вологодской области, 1987 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-І. № 12400.

Башенькин А.Н. Отчет о раскопках могильника Чагода I Чагодощенского района и поселения Куреваниха XVI Устюженского района и разведках в Бабаевском, Устюженском и Чагодощенском районах Вологодской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1993. Р-І. № 17714.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Могильник Чагода I и его место в кругу древностей раннего железного века // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.

Васенина М.Г. Отчет о раскопках могильника Чагода I в Чагодощенском районе и селища Куреваниха XIII в Устюженском районе и об археологических разведках в Чагодощенском и Устюженском районах Вологодской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-І. № 17019.

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. № 224.

Scott I.F. Forensic cremation. Recovery and analysis. Boca Raton, 2008.

Walker R.L., Miller K.R. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. Hoboken, 2005. № 40.

С.Н. Чаукин

Институт археологии РАН, Москва, schaukin@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В БАССЕЙНЕ МОСКВЫ-РЕКИ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Структура расселения в бассейне Москвы-реки в железном веке является одной из сложных тем в изучении дьяковской культуры. Очевидно, для решения этого вопроса требуется более точная фиксация памятников такого типа в пространстве.

С помощью программы *ArcGIS Desktop* был создан проект, позволяющий провести пространственный анализ объектов дьяковской археологической культуры.

По данным на 2012 г. в Москворечье известен 281 памятник железного века. Это городища и селища дьякова типа, хронологические рамки которых определены в границах VIII в. до н.э. – VII в. н.э. (рис. 1).

Городища представляют собой небольшие по площади укрепленные поселения, редко превышающие 3000 кв. м.; с напольной стороны практически на всех четко фиксируются валы в количестве от одного до трех. Городища расположены вблизи рек на возвышенных участках рельефа, занимая либо узкий мыс, либо останец, как правило, находящийся между оврагами или небольшими речками и ручьями (Смирнов, 1974. С. 7–17).

Ландшафт Московского региона отличается большим разнообразием. Здесь пересекаются несколько физико-географических провинций, таких, как Верхне-Волжская и Мещерская низменности, Смоленско-Московская возвышенность, Москворецкая равнина. Появление городищ дьяковской культуры в данном регионе фиксируется в конце суббореального климатического периода, который характеризуется более холодным по сравнению с предшествующим временем климатом и сменой широколиственных лесов еловыми. Этот период продолжается до 500-х гг. до н.э. и охватывает первый этап жизни на городищах. Следующий климатический период, субатлантический, характеризуется еще большим похолоданием и увлажнением климата. Его начало приходится на второй и третий этапы жизни на городищах (Кренке, 2011. С. 238–240).

Памятники дьяковской культуры были распределены по трем хронологическим группам, выделенным Н.А. Кренке: VIII-VI вв. до н.э., V-II вв. до н.э. и I в. до н.э. – VII в. н.э. (Кренке, 2011).

В Московском регионе известно 82 городища. Все они приурочены к руслу р. Москвы и ее крупным притокам: Пахре, Истре, Рузе, Северке, Коломенке. Многие располагаются непосред-

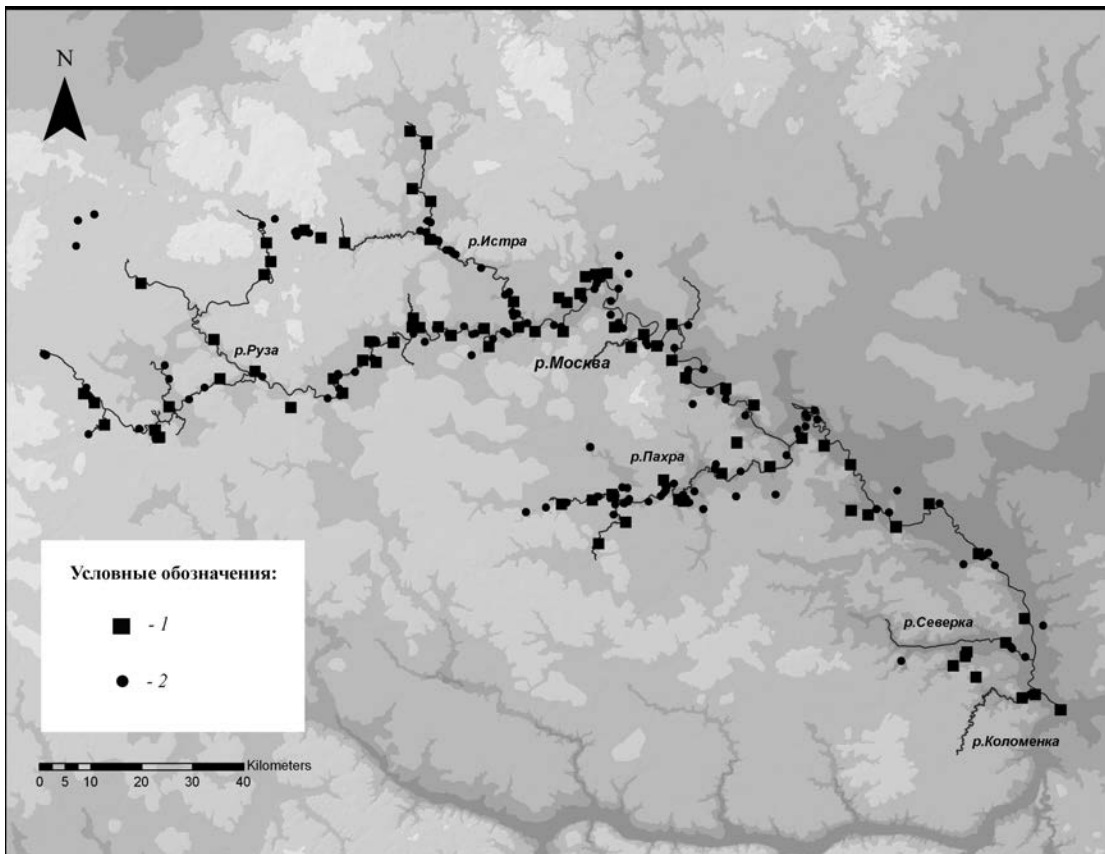

Рис. 1. Распространение памятников дьяковской культуры в бассейне Москвы-реки в VIII в. до н.э. – VII в. н.э. 1 – городища; 2 – селища.

ственно в долине реки. Максимально удаленными от русла р. Москвы (до 4000 м) являются городища Тучково, Селецкое, Коробово. Наибольшая плотность памятников зафиксирована в среднем течении р. Москвы, а наименьшая – в нижнем. Структура расселения населения дьяковской культуры на сегодняшний день представляется линейной (Важенин, 1997; Шупер, 1998).

На первом этапе (VIII–VI вв. до н.э.) число известных городищ составляет 29. Все они расположены в среднем течении р. Москвы, лишь единичные памятники со слоями VII–VI вв. до н.э. встречены в ее верхнем и нижнем течении и на правом притоке – р. Пахре.

Применение метода анализа прямого линейного расстояния с дистанцией в 4500 м позволило получить следующие результаты: наиболее подходящим радиусом для построения буферных зон является значение от 4 до 5 км. Городища, расположенные по течению р. Москвы ниже современного г. Москвы до впадения в нее Пахры, наиболее полно соответствуют этому показателю.

Также выделяются участки, где плотность городищ очень высокая: в черте г. Москвы (Кунцевское, Матвеевское, Мамоново, на месте Архангельского собора в Кремле), в черте г. Звенигорода (Связист, Саввино-Сторожевское и Дютьково) и в районе Тушино.

На втором этапе (V–II вв. до н.э.) количество городищ заметно увеличивается – теперь их насчитывается 67. Зона распространения памятников расширяется: помимо среднего течения городища появляются в нижнем, верхнем течении р. Москвы и на всех ее крупных притоках. Анализ прямого линейного расстояния и построение буферных зон привели к результатам, схожим с полученными для первого периода: радиус буферной зоны вокруг городища варьируется в пределах 4–5 км. Цепочка городищ прослеживается снова по течению р. Москвы ниже г. Москвы и продолжается до Воскресенска, на Пахре появляются памятники, также имеющие буферную зону в 5 км. К западу от Москвы, выше по течению, самым густонаселенным становится Звенигородский участок; для этого отрезка были построены полигоны Тиссена. Распределение по площади показывает, что на указанном отрезке присутствуют два крупных городища – Успенское и Улитино, площадь каждого из которых более 4000 кв. м. По-прежнему преобладают небольшие городища площадью не более 2000 кв. м, но увеличивается количество средних городищ с площадью в интервале от 2000 до 3500 кв. м.

На третьем этапе (I в. до н.э. – VII вв. н.э.) существенных изменений в количественном отношении не происходит. Некоторые городища прекращают существование, но это единичные при-

меры. Также сохраняется ситуация с реконструируемыми ресурсными зонами, когда городища нижнего течения имеют радиус зон в 5 км, а городища верхнего течения – 4 км и менее. Вероятно, причина этого отличия – в ландшафтных особенностях рассматриваемых участков. Поселения нижнего течения р. Москвы располагаются в пределах Мещерской низменности, где высотные отметки колеблются от 100 до 150 м, а поселения верхнего течения – в зоне Москворецко-Окской равнины с высотными отметками 180-250 м и Московской возвышенности с отметками 230-300 м (Сыроватко, 2009).

Изучение системы расселения населения Москворечья в железном веке возможно только на основе комплексного подхода. Используя археологические данные, полученные в ходе раскопок и разведок, применяя геоинформационные системы и теоретические экономико-географические модели, возможно проследить структуру расселения и выявить ее закономерности. Для представленного региона характерно линейное расположение городищ вдоль русел рек Москвы, Пахры, Истры, Рузы. Расстояние между памятниками колеблется от 8-10 км в нижнем течении р. Москвы до 6 км и менее в верхнем. Наибольшая плотность памятников во все хронологические периоды наблюдается в среднем течении р. Москвы. Начиная со второго этапа, количество поселений резко увеличивается, они фиксируются не только по руслу Москвы-реки, но и на ее притоках. Большая часть селищ приурочена к городищам и располагается в пределах реконструируемых ресурсных зон.

Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-Реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.

Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.

Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.

Шупер В.А. Принцип дополнительности и теория центральных мест // Известия РАН. 1998. № 4.

Н.А. Федорова

Тверской государственный университет, fnaj@bk.ru

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

История заселения племенами дьяковской культуры в раннем железном веке лесной полосы Восточной Европы и, в частности, региона Верхней Волги является одной из наименее исследованных тем в историографии. Представляется, что первой ступенью ее изучения и дальнейшего создания социологических реконструкций должен стать пространственный анализ поселений с использованием количественных данных.

В литературе неоднократно предпринимались попытки выделения локальных групп в рамках ареала дьяковской культуры. Как правило, за основу принимался критерий территориальной обособленности скоплений памятников (Спицын, 1961). В дальнейшем исследователи все больше стали обращаться к проблеме культурного и хронологического единства внутри выделенных групп. Этот подход особенно важен, так как позволяет характеризовать реальные человеческие коллективы, обладавшие определенной замкнутостью и, следовательно, набором своих уникальных особенностей (Кренке, 1987; Исланова, 1998. С. 352–358; 2002. С. 451–460.; Сыроватко, 2009). Предпринимались и попытки классификации и количественного анализа всей совокупности городищ дьяковской культуры, в результате чего были получены обобщенные данные по внешним признакам памятников, не затрагивающие систему расселения (Гусаков, 2004. С. 98–107). В настоящий момент наиболее перспективным является изучение небольших по количеству памятников и относительно территориально обособленных локальных вариантов дьяковской культуры. Для удобства их выделения и дальнейшей работы с информацией целесообразно создание базы данных с использованием программного пакета *Quantum GIS*, которая объединяла бы памятники на уровне культурного микрорегиона, а также позволяла учитывать показатели, необходимые для пространственного анализа (размещение объектов в их географической среде, взаиморасположение, плотность и степень близости объектов), и применять статистические методы.

В настоящей работе проанализированы данные по 137 памятникам археологии раннего железного века (61 городищу и 76 селищам). Все поселения расположены в верхнем течении р. Волга в границах современных Ржевского, Зубцовского, Старицкого, Калининского, Конаковского, Кимрского, Кашинского и Калязинского р-в Тверской обл. На этой территории наблюдается обособленное скопление

памятников раннего железного века, что уже позволяло исследователям говорить о существовании здесь отдельного микрорегиона в рамках дьяковской культуры (Исланова, 2002. С. 451–460; Максимов, 1998. С. 355–365). Раскопками исследовано около 25% вышеупомянутых поселений.

В работу были включены памятники, относящиеся как к раннему, так и к позднему этапам дьяковской культуры. При этом следует учитывать, что датировка значительного числа объектов затруднена вследствие их слабой изученности, и возможна только на уровне установления наличия либо отсутствия сетчатой керамики. По предварительным данным, 13 из 61 городища имеют слои только раннедьяковского времени, 30 существуют как на раннем, так и на позднем этапах, на 18 имеются напластования только позднего этапа дьяковской культуры. Из 76 селищ раннедьяковских – 17, относящихся к обоим периодам – 33, позднедьяковских – 26.

В ходе работы все памятники были картированы в *Quantum GIS*. Анализ плотности и степени близости объектов показал, что сеть поселений была достаточно густой по обоим берегам р. Волги и ее притокам первого порядка относительно притоков второго порядка. Однако, если сравнивать изучаемую территорию с другими регионами (Москворечьем), расстояния между памятниками оказываются довольно значительными. Там, где количество объектов наиболее значительно, городища в среднем располагаются на одинаковом расстоянии друг от друга: по Старицкому течению р. Волги – 2,5 км, по Зубцовскому – 8 км, по Кимрскому – 5–10 км. В некоторых случаях можно говорить о «кустах» городищ (Третьяков, 1941). Так, в Кимрском, Калязинском и Зубцовском р-нах городища находятся достаточно близко друг к другу (около 400 м).

По размеру площадки можно выделить три группы городищ (рис. 1): с площадью до 1000 кв. м (19 объектов), от 1000 до 2500 кв. м (22 объекта) и более 2500 кв. м (14 объектов). Доля небольших городищ значительна в Старицком (7 из 19) и Зубцовском (5 из 19) р-нах. Среди наиболее крупных памятников выделяется ряд городищ Калининского и Кимрского р-нов.

Наиболее часто встречаемой формой площадки является овальная. Она зафиксирована на 28 из 61 городища. Треугольная площадка была выделена на 18 памятниках, 6 из которых находятся в Зубцовском р-не. Характерно, что высота над уровнем воды здесь довольно значительна (до 30 м).

Количественный анализ фортификационных сооружений на изучаемых памятниках показывает, что повсеместно преобладает простая система обороны (один-два вала и один-два рва). Кроме того, встречаются городища с тремя, четырьмя и восемью валами. В настоящее время высота валов в большинстве случаев не превышает 3 м, но на отдельных памятниках может достигать и 5 м. Глубина рвов, как правило, менее 1 м. Очевидно, при столкновениях небольших коллективов такая система обороны могла быть эффективной.

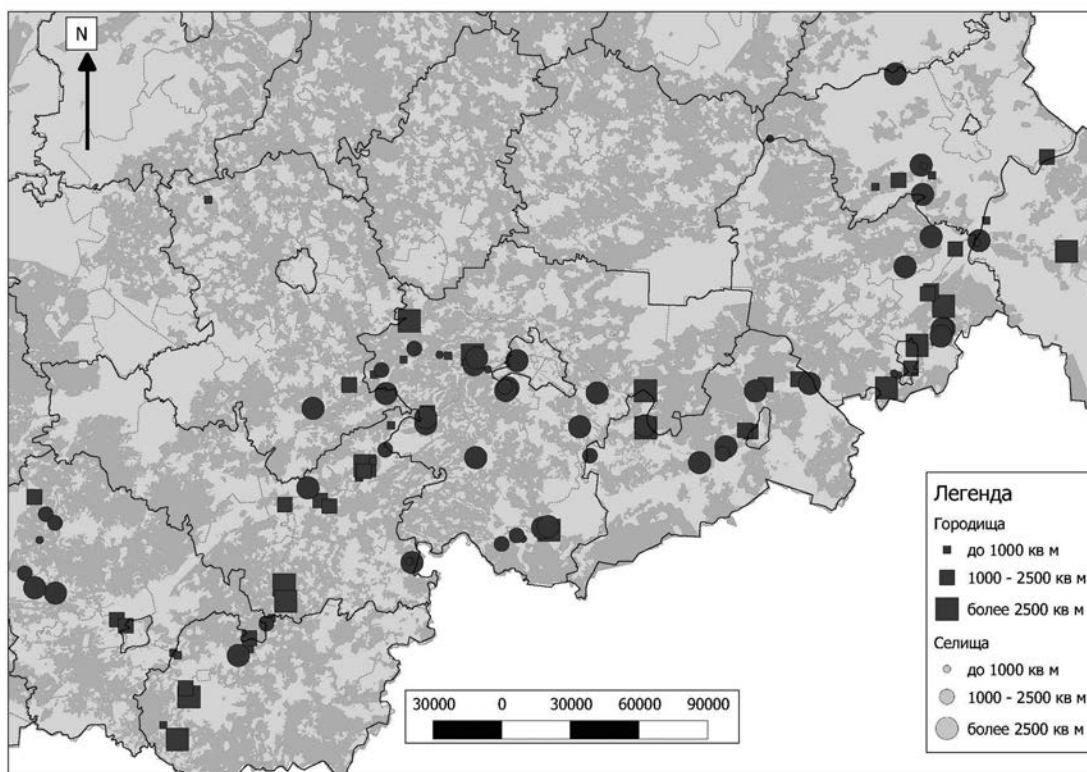

Рис. 1 Карта-схема расположения городищ и селищ раннего железного века на Верхней Волге.

Анализ размеров селищ показывает иную картину (рис. 1). Преобладают памятники площадью более 2500 кв. м (их 33 из 59 указанных), объектов площадью от 1000 до 2500 кв. м и менее 1000 кв. м по 13 (из 59). Основная часть селищ – многослойные.

Данные пространственного анализа и статистический подсчет показателей по выделенным признакам позволили выявить несколько участков концентрации памятников в Старицком, Калининском, Зубцовском и Кимрском р-нах Тверской обл. Можно предположить, что речь идет о локальных вариантах дьяковской культуры, оставленных относительно замкнутыми в культурном и хронологическом отношении субпопуляциями древнего населения.

Гусаков М.Г. Классификация городищ дьяковской культуры // Археология Подмосковья. М., 2004.

Исланова И.В. Городища Верхнего Помостья (опыт систематизации) // Тверской археологический сборник. № 3. Тверь, 1998.

Исланова И.В. О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник. № 5. Тверь, 2002.

Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-П. № 2392. М., 1987

Максимов А.Д. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. № 2. Тверь, 1998.

Спицын А.А. Новые сведения о городищах Дьякова типа // Записки Русского археологического общества. Т. VII. Вып. 1. СПб., 1905.

Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1941.

А.Н. Федорина

Институт археологии РАН, Москва, nasfed@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ГЕОФИЗИКИ

Для реконструкции облика отдельных средневековых поселений без вскрытия значительных площадей раскопками в последние десятилетия активно применяются геофизические методы. В 2007-2011 гг. цикл таких работ был проведен на средневековых памятниках округа г. Суздаля. Исследования крупных, узловых селищ региона позволили уверенно связывать основную категорию геомагнитных аномалий – «зоны магнитной пестроты» – с наиболее обжитыми участками (Федорина и др., 2008, Федорина, 2012). В то же время проявились определенные трудности в интерпретации геомагнитных карт долговременных памятников, связанные с изменением характера использования территории и планировочных структур во времени. Попыткой найти дополнительные возможности детализации геомагнитных планов стало обращение к изучению селищ площадью менее 2 га и, возможно, меньшей продолжительностью существования. На территории Суздальского Ополья геомагнитные измерения проведены на семи небольших селищах XI-XIII вв.

Раскопки на селище Большое Давыдовское 2 показали, что большая часть крупных материковых ям не отразилась на геомагнитном плане, а «зона магнитной пестроты» в целом совпадает с пространством, где концентрируется собранный в распахиваемом культурном слое археологический материал (Федорина, Красникова, 2012). Преимущественно приповерхностное расположение аномалий отражают и результаты точечных бурений. Так, на селище Тарбаево 1 исследовано 16 геомагнитных аномалий с повышенными значениями намагниченности. Общая мощность напластований до материка в девяти случаях (56%) не превышала значений, зафиксированных в точках контраста; в трех случаях в заполнении неглубоких кернов содержались фрагменты угля, пещины, в пяти фиксировалась повышенная гумусация слоя. По-видимому, именно эти характеристики и формируют значительную часть аномалий магнитного поля.

Для понимания соотношения геофизической и археологической картин важно, что интенсивная сельскохозяйственная активность не вызывает существенных искажений в планиграфическом распределении материала. Наглядной иллюстрацией этого является устойчивая корреляция на селище Большое Давыдовское 2 материковых объектов X-XI вв. и лепной керамики из пахотного горизонта, а также развитых форм круговой керамики с объектами, датированными XII-XIII вв. (Федорина Красникова, 2012). Незначительное перемещение находок в горизонтальной плоскости фиксируется для памятников Русского Севера (Археология севернорусской деревни..., 2007). Второй, не менее важный аспект проблемы – в том, что, выпадение в слой большинства нахо-

док отмечено в пределах и непосредственной близости от основных построек двора (Археология севернорусской деревни..., 2007. С. 96-117). Таким образом, не имея возможности локализовать микроэлементы застройки, мы можем попытаться проследить расположение отдельных дворов или их групп.

При анализе геофизических карт выделяются участки со значениями намагниченности ниже фоновых и близкими к ним. Особое внимание уделялось линейно ориентированным структурам, представлявшим собой зоны пониженной намагниченности в сочетании с тянущимися вдоль длинных сторон участками магнитной пестроты. Анализировались структуры, ориентировка которых отличается от направлений современной распашки или мерзлотных трещин (там, где они читались). Схожим образом на геомагнитных планах отражаются современные грунтовые дороги. Сопоставление такого рода аномалий, выявленных на селище Кистыш 3, с планом раскопанного участка позволяет предложить одну из возможных интерпретаций. Речь идет о частотных канавах, зафиксированных на памятнике. Схожие геомагнитные структуры выделяются на планах еще двух селищ.

На геомагнитном плане селища Скомово 2 читаются два крупных скопления аномалий повышенной намагниченности. Внутри основного скопления можно выделить «зону магнитной пестроты», вдоль границ которой читается серия «светлых аномалий». Вся система имеет подпрямоугольную форму, ее площадь около 5000 кв. м. Наложение точек выпадения предметов дополнительно очерчивает зафиксированную структуру: часть находок рассредоточены вдоль трассы «светлых аномалий» и границ скопления. Если говорить о категориальном составе находок, то это в первую очередь ключи, замки и универсальный бытовой инвентарь. Значительное количество материала тяготеет к южной части скопления; вероятно, именно здесь располагался центр поселения. В этой зоне помимо бытового инвентаря и различных скобяных изделий обнаружены книжная застежка, писало, свинцовая пломба. На северной границе рассматриваемого комплекса аномалий также фиксируется скопление находок. Учитывая более спокойный геомагнитный фон северного участка, можно полагать, что здесь была периферия хозяйственной зоны.

На площадке селища Кибол 11 выделяются несколько узких вытянутых зон с невысокими значениями намагниченности, где концентрация вещевого материала незначительна. Большая часть их окаймляет основное скопление находок (около 50% предметов), еще одна примыкает к нему с северо-запада. В целом подпрямоугольная «зона магнитной пестроты» с ограничивающими ее полосами низкой намагниченности напоминает ситуацию, фиксируемую на селище Скомово 2. Здесь также можно выделить два участка: на первом группируется большая часть предметов, второй менее насыщен. В отличие от Скомово 2, на селище Кибол 11 граница распространения вещей в слое чуть более размыта, на геомагнитном плане читаются несколько параллельных линейных структур, что может говорить о долговременности и устойчивости (с небольшими пространственными сдвигами) застройки этой части памятника. В северо-западной оконечности площадки, по-видимому, существовало свободное незастроенное пространство шириной около 3 м и длиной около 37 м (улица?), разделяющее не менее трех скоплений подъемного материала. Площадь каждого из этих скоплений около 700 кв. м., что соответствует средним размерам археологически исследованных усадебных дворов на сельских памятниках домонгольской Руси (Шполянский, 2003. С. 257).

При всей условности интерпретации линейно ориентированных структур как «межусадебных» пространств отметим, что высказанные предположения согласуются с наблюдениями о распространении находок в слоях средневекового Новгорода, где на территории межусадебного пространства, например улиц, концентрация керамического и вещевого материала минимальна (Петров, 2012).

Интерпретация больших «обособленных пространств» на селищах Кибол 11 и Скомово 2 затруднена. По-видимому, можно говорить не об отдельных усадьбах с визуально зафиксированными границами, а об обособлении значительной части поселения, так как максимальные размеры дворов, исследованных раскопками, составляют не более 2500 кв. м., а средние значения не превышают 1000 кв. м.

Археология севернорусской деревни X-XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1. М., 2007.

Петров М.И. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. 2012. Вып. 226.

Федорина А.Н. Средневековые сельские поселения Суздальской земли по данным археологии и геофизики. Исследования 2008 г. // КСИА. 2012. Вып. 226.

Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. 2012. № 4.

Федорина А.Н., Красникова А.М., Меснянкина С.В. Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием геофизики и археологии // Археология Владимирско-Суздальской земли. Матер. науч. семинара. Вып. 2. М., 2008.

Шполянский С.В. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмоскowie // Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003.

Е.А. Ланг

*Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
lang_evgenii@ukr.net*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ОЛЬВИЙСКОГО ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ ПЛАНОВ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Историческая топография имеет существенное значение для реконструкции облика памятника, его планировки и структуры, определения границ, в которых он существовал. На памятниках с большим количеством культурных напластований современная топография отличается от той, что существовала на момент начала и прекращения их функционирования. Ярким примером этого являются городище и некрополь Ольвии. Рельеф местности, где расположен памятник, значительно изменился вследствие выборок камня как строительного материала, проводившихся турками в XVII в. и местным населением в XIX-XX вв., раскопочных траншей XIX в., окопов времен Второй мировой войны, археологических исследований XIX-XX вв.

Для реконструкции исторической топографии памятника необходимо применение комплексного подхода: использование данных топосъемки, аэрофотосъемки, геологических разведок; анализ палеогеографических условий на данной территории; проведение археологических раскопок; изучение литературных и эпиграфических источников.

По мнению С.Д. Крыжицкого, при реконструкции исторической топографии Ольвии надо принимать во внимание в первую очередь «данные топосъемки, ...реконструкцию палеогеографических условий и раскопки в различных частях города» (1985. С. 35).

Состояние ольвийского городища и некрополя в разные временные периоды с начала XIX до конца XX в. отражено на достаточно большом количестве планов. Существует более 10 основных исторических топографических съемок памятника: планы П.И. Кеппена (1821 г.), И. Бларамберга (1822 г.), И. Муравьева-Апостола (1823 г.), А.С. Уварова (1851 г.), К. Прудюса (60-е годы XIX в.), А. Чиркова (1863 г.), С.С. Верлинга (конец XIX в.), В.И. Деренкина (1915 г.), А.М. Карасева (1947 г.), А.С. Скрипки (1958 г.). Последняя, «наиболее точная топосъемка городища и некрополя» (Крапивина, 2011. С. 74), сделана Д.Б. Беленьким в 1987-1989 гг.

На сегодняшний день большинство объектов, зафиксированных на старых планах, в натуральном виде уже не прослеживаются.

Вместе с тем, в настоящее время для реконструкции исторической топографии стало возможным применять современные технологии, главным образом, данные космической спутниковой съемки и GPS-навигации.

Использование данных дистанционного зондирования, размещенных на таких геопорталах, как **Google.Maps** и **Google.Earth**, для **визуального обследования местности и выявления различных археологических объектов** (курганов, древних дорог, фортификационных сооружений, следов межевания и т.п.) весьма результативно. Основным недостатком при этом является уровень детализации изображения, который позволяет находить только достаточно крупные объекты. Для создания так называемых скрин-шотов (сохранение и перенесение изображения с экрана) используется программа **Нурег спар**, при помощи которой необходимый участок фиксируется и выделяется на спутниковом снимке **Google.Maps**.

Соединение данных спутниковой съемки и GPS-навигации позволяет достоверно определить место расположения объекта и сделать привязку на местности, максимальная возможная погрешность при этом составляет 1-3 м. Определив при помощи GPS-навигатора координаты объекта, остается только сравнить полученные данные с географическими координатами на спутниковом снимке **Google.Maps**.

Сопоставление планов XIX-XX вв. с данными, полученными в результате применения выше-названных методов, позволяет сделать ряд предварительных выводов:

Планы XIX-XX вв. в целом достоверно отображают особенности рельефа местности и наиболее значительных археологических объектов.

Значительная часть зафиксированных на планах XIX в. объектов, в первую очередь древних дорог, курганов некрополя, в той или иной мере сохранились до сегодняшнего дня.

Современные технологии дают возможность проследить и идентифицировать на современной местности значительное количество нанесенных на старых планах объектов.

В результате использования данных космической спутниковой съемки кроме обозначенных на планах XIX в. курганов за пределами заповедника «Ольвия», в радиусе 10–15 км от него, были выявлены отдельно расположенные курганы и курганные группы. Скорее всего, они также относятся к ольвийскому некрополю. Отсутствие этих объектов на планах можно пояснить их периферийным расположением и вниманием исследователей прежде всего к ольвийскому городищу и находящемуся поблизости могильнику («Урочище Сто могил»).

Дальнейшее изучение исторической топографии Ольвийского городища, некрополя и поселений хоры с использованием современных технологий и методов позволит расширить наши представления об этом важнейшем античном памятнике.

Крапивина В.В. Методика полевых археологических исследований античных памятников (на примере Ольвии Понтийской) // Методика полевых археологических исследований. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. Вып. 4. М., 2011.

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985.

В.О. АКИМОВ

Институт археологии РАН, Москва, evpator@front.ru

САМОДЕЛЬНЫЙ АЭРОСТАТ В МАЛОВЫСОТНОЙ АЭРОФОТОСЪЕМКЕ (ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗВЕДКИ АКВАТОРИИ ФАНАГОРИИ)

24 мая 2012 г. на первой международной конференции «Археология и геоинформатика» был прочитан доклад М.О. Жуковского о маловысотной аэрофотосъемке в археологии. Докладчик отталкивался от опыта использования беспилотного летательного аппарата для фотосъемки в ходе раскопок на территории античной Фанагории. Он продемонстрировал снятые с воздуха кадры, обработанные методом фотограмметрии и привязанные к местности с помощью приемников GPS.

В тот же сезон, о котором шла речь в докладе, была произведена попытка аэрофоторазведки затопленной части города: совершен один пролет над мелководьем на разных высотах. По результатам этого пролета были сделаны выводы о высокой эффективности маловысотной аэрофоторазведки мелководья. Анализ фотографий позволил выявить несколько затопленных объектов, существование которых было затем подтверждено визуально. Эти объекты не были видны ни с берега, ни на космоснимках, ни на фотографиях, сделанных с самолетов и вертолетов. Однако подобные полеты больше не производились из-за большого риска потерять в ходе работ сам летательный аппарат. Дело в том, что регулярные сильные порывы ветра затрудняют управление им, и потеря контроля или любая незначительная авария приведут к падению в море и гибели дорогой электронной аппаратуры. Было принято решение искать другие пути.

В качестве одного из вариантов разрабатывалась идея использования аэростата в комбинации с водонепроницаемой фотокамерой. Предполагалось, что в безветренную погоду аэростат с закрепленной на нем камерой можно будет транспортировать по определенному маршруту, управляя его движением с помощью одной или двух нитей. Падение в воду данной комбинации не грозит гибелью результатов работ и самой техники.

Была сконструирована простая и дешевая модель аэростата (рис. 1), способная поднимать груз весом более 350 г на высоту 25 м и выше. Аэростат может заправляться гелием или кислородом (последний из-за повышенной взрывоопасности не рекомендуется к использованию). Для уменьшения сопротивления воздушным потокам форма корпуса создана более вытянутой по сравнению с метеорологическим зондом. В сочетании с аэростатом была использована автоматическая водонепроницаемая фотокамера pentax Optio WC80, обладающая функцией интервальной съемки. Вес камеры – 150 г. В эту комбинацию может быть добавлен помещенный в бокс GPS-приемник для привязки снимков к системе координат.

Полевые испытания аэростат прошел вначале в Подмосковье, а затем на месте раскопок Фанагории. Практическое использование в реальных условиях было затруднено постоянными

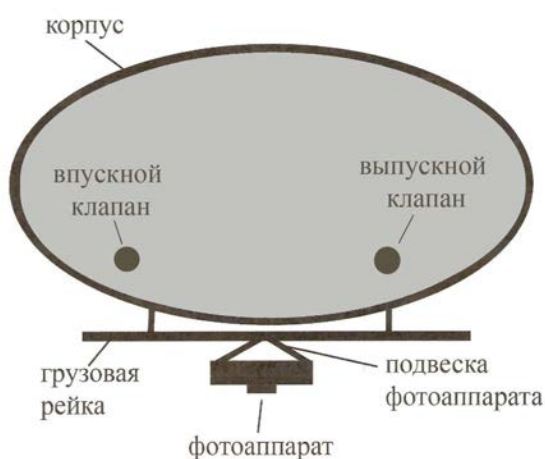

Рис. 1. Схема самодельного аэростата.

вентрами. Как оказалось, даже самый слабый ветер «кладет» аэростат на воду, если пытаться проводить его по маршруту, не совпадающему с направлением ветра. Вторым отрицательным моментом является сильная вибрация фотокамеры даже несмотря на амортизирующую подвеску, что приводит к малому проценту четких кадров. Тем не менее аэростат с фотокамерой хорошо набирает высоту и может выполнять работу, если его сопровождать «по ветру». Скорость сопровождающего должна равняться скорости полета аэростата. В противном случае сложно удержать аппарат на одной высоте. При отставании сопровождающего ветер «положит» шар на воду.

Недостатком рассматриваемого способа работ является сложность строгого планирования маршрута фоторазведки. Для охвата всей запланированной площади требуется несколько проходов аэростата. Участок должен быть размечен вешками либо буйками для последующей обработки кадров методом фотограмметрии и привязки к местности. Частота их расположения зависит от высоты съемки. В кадр должны попадать минимум шесть – восемь вешек. Вешки (или буйки) можно привязать к местности, сделав измерения тахеометром с берега или зафиксировав их координаты GPS-приемником.

Несмотря на указанные недостатки, описанный способ маловысотной аэрофотосъемки может быть применим для разведки мелководий и фотофиксации раскопов с воздуха. Существенными его достоинствами являются дешевизна и простота исполнения. Практически каждый исследователь может собрать такую конструкцию в поле. По сути – это клееный герметичный мешок из полиэтилена (или аналогичного материала) с двумя клапанами и рамкой для крепления фотокамеры. Обслуживание и ремонт подобного аэростата также просты и не требуют специальных знаний и навыков.

С.В. Ольховский

Институт археологии РАН, Москва, ptakkon@yandex.ru

М.О. Жуковский

Автономная некоммерческая организация «СОТАРИ»

ПРИМЕНЕНИЕ ФОТОГРАММЕТРИИ В ПОДВОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФАНАГОРИИ

В полевом сезоне 2012 г. в ходе подводно-археологических исследований в затопленной части Фанагории под полутораметровым слоем донных осадков был найден деревянный корабль высокой степени сохранности. Расчистка участка дна на площади более 120 кв. м позволила определить размеры корабля: 15 м в длину при 3 м ширины по миделю. Ввиду сложных погодных условий (штормовая погода, низкая прозрачность воды), скорого завершения полевого сезона и хрупкости деревянных деталей судового набора традиционные методики подводной фиксации, предполагающие большое количество ручных измерений, не подходили для масштабных обмеров корпуса.

Потребность в срочной фиксации деталей корабля привела к возникновению идеи применения подводной фотограмметрии, которая позволяет на основании массива фотографий вычислить расстояния между отдельными точками и скорректировать геометрию изображения.

На деталях корпуса и вокруг него была установлена опорная сеть из 200 маркерных точек, которые использовались специализированным программным обеспечением для пространственной ректификации изображений. Для фиксации корабля была применена зеркальная цифровая фотокамера, установленная на жесткой раме. Таким образом были получены более 600 перекрывающихся строго вертикальных фотографий с шагом точки съемки 0,5 м, а также около 200 кадров с боковых ракурсов, позволяющих устранить «слепые зоны» вертикальной съемки.

Для контроля точности результатов проведенной фотограмметрии маркерные точки были измерены с помощью тахеометра, установленного на берегу на расстоянии 150 м от объекта.

Полученные трехмерные координаты маркеров позволили придать масштаб геометрической ортокоррекции и получить точные геодезические координаты корабля.

В результате последующей обработки массива фотографий и тахеометрических измерений удалось получить трехмерный «цифровой слепок» корабля, на основании которого можно провести детальные обмеры всех визуально открытых деталей корпуса. Детализация геометрии созданной трехмерной модели составила около 650 тыс. полигонов. Представленная методика доказала свою эффективность для оперативной фиксации объектов *in situ*. **Первые попытки применения фотограмметрии в подводной археологии освещены в ряде работ** (Franke, 1999; Green et al, 2002; и др.).

Franke J. Applying PhotoModeler in maritime archaeology. A photogrammetric survey of the J3 submarine wreck // Report Australian National Centre of Excellence for Maritime Archaeology. Western Australian Maritime Museum. 1999. № 6.

Green J.N., Matthews S., Turanli T. Underwater archaeological surveying using PhotoModeler, VirtualMapper: different applications for different problems // The International Journal of Nautical Archaeology. 2002. Vol. 31. № 2.

Н.Д. Угулава

Институт археологии РАН, Москва, u.nani@mail.ru

КЕРАМИКА РАННЕАЛАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИК (ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

На территории Центрального Предкавказья во II–IV вв. н.э. распространяются так называемые земляные городища с характерной фортификацией и стандартным керамическим материалом (Arzhantseva etc., 2000. Fig. 245; Габуев, Малашев, 2009, С. 145). Основную массу находок на них составляют обломки глиняных сосудов. К таким памятникам относится и поселение Энергетик, расположенное под Пятигорском. В ходе раскопок там была зафиксирована как лепная, так и круговая посуда (рис. 1), которая может служить важным источником для изучения истории аланского населения.

В настоящей работе представлены результаты впервые проведенного исследования технико-технологических традиций местных гончаров на первой (подготовительной) стадии процесса изготовления керамики. Из общего массива для специального изучения были отобраны фрагменты 73 лепных и круговых сосудов. Анализ проводился по методике А.А. Бобринского (1978) с помощью микроскопа МБС-10 путем выделения технологических следов на поверхности и в изломах сосудов и сравнения их с экспериментальными образцами.

Подготовительная стадия технологического процесса в гончарстве включает отбор исходного сырья, его обработку и составление формовочных масс, из которых непосредственно делалась посуда. При анализе исходного пластичного сырья фиксировалась степень ожелезненности и запесоченности природной глины, а также состав содержащихся в ней естественных минеральных примесей. Степень запесоченности глины отражает прежде всего количество в ней мелкой фракции песка, с частицами размерами до 0,3 мм, так как именно эта характеристика оказывает влияние на пластичность (Лопатина, Каздым, 2010. С.46), которая была у древних гончаров одним из критериев отбора подходящего для работы сырья.

В результате проведенного анализа была выявлена керамика, сделанная из ожелезненной глины высокой (1%), средней (30%) и низкой (69%) степени запесоченности. Также были выявлены основные естественные минеральные примеси, встречающиеся в глинах: бурый железняк разного вида, известняк и песок.

Изучение традиций составления формовочных масс предполагает учет качественного состава искусственных минеральных и органических примесей, характера их подготовки, концентрации и размерности минеральных включений.

В качестве искусственных минеральных примесей были использованы песок, дресва и шамот. Кроме этого, при составлении формовочной массы применялись различные органические добавки: навоз животных в сухом измельченном состоянии и влажная органика неустойчивого характера (вероятно, органический раствор). В ряде случаев были отмечены также углистые включения растительного происхождения.

Обобщение полученных данных позволило сделать вывод о присутствии на поселении Энергетик изделий гончаров, использовавших, по крайней мере, десять разных традиций на подготовительной стадии технологического процесса, которые можно объединить в две группы:

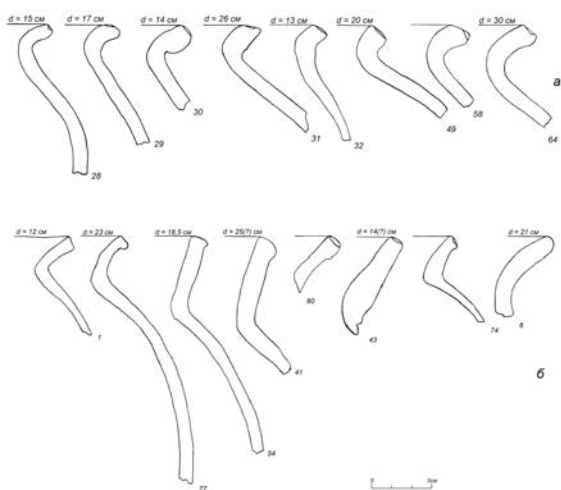

Рис. 1. Верхние части горшков из раскопок поселения Энергетик. а – горшки с примесью песка и/или дресвы, дополнительно обработанные на круге (группа I); б – полностью лепные горшки с примесью шамота (группа II).

степени запесоченности глины и концентрации шамота выделено четыре варианта: 1) слабоzapесоченная глина + шамот ($\leq 1:6$) + органика – 2 сосуда; 2) среднеzapесоченная глина + шамот ($\leq 1:6$) + органика – 5 сосудов; 3) среднеzapесоченная глина + шамот (1:4) + органика – 2 сосуда; 4) сильноzapесоченная глина + шамот (1:6) + органика – 1 сосуд.

Обобщая приведенные данные, следует отметить, что керамика группы I, несмотря на отмеченное разнообразие, характеризуется значительной близостью гончарных традиций. Это проявляется в стандартизации форм сосудов, изготовленных с частичным использованием гончарного круга, использовании одинаковых по степени запесоченности природных глин, одинаковой концентрации и размерности искусственных минеральных примесей.

Но выявленные различия в выборе минеральной примеси и технологии ее подготовки (использование дресвы и песка требует разных навыков труда) свидетельствуют о том, что в сложении этой общности принимали участие носители разных гончарных традиций. Хотя и это различие, по всей видимости, начинает нивелироваться, так как встречены сосуды смешанной традиции, где дресва и песок добавлялись одновременно.

Керамика группы II (с примесью шамота) характеризуется, во-первых, несколько большим разнообразием по степени запесоченности исходного сырья; во-вторых, заметно меньшей концентрацией минеральной примеси (шамота) в формовочной массе и более значительной концентрацией органики, на что указывает высокая пористость черепка и многочисленные следы выгоревшей органики в изломе; в-третьих, изготовлением сосудов только при помощи навыков скульптурной лепки, без гончарного круга.

Таким образом, у гончаров поселения Энергетик по изученным материалам зафиксированы две основные культурные традиции: одна – доминирующая, более массовая и сложная по своему составу (традиция группы I), другая – менее многочисленная, рецессивная и, возможно, уже исчезающая себя (традиция группы II). Важно подчеркнуть, с одной стороны, что каждая из этих традиций представлена сосудами, изготовленными не одним мастером, а группой гончаров, а с другой стороны, что носители обеих традиций обитали на поселении в одно и то же время.

Дальнейшие исследования раннеаланской гончарной технологии, проведенные с позиций историко-культурного подхода, позволят уточнить и детализировать эти данные.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.

Лопатина О.А., Каздым А.А. Естественная примесь песка в древней керамике // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М., 2010.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: an early alban proto-city of the first millennium A.D. on the boundary between step and hill country. Brill, 2000.

Группа I включает шесть традиций, для которых характерна добавка в глину минеральных примесей размером 0,15–3 мм в концентрации 1:2 – 1:4 и органики. В зависимости от вида искусственной минеральной примеси группа I разделена на три подгруппы.

I-A. Формовочные массы с примесью песка (68%): 1) слабоzapесоченная глина + песок + органика – 41 сосуд; 2) среднеzapесоченная глина + песок + органика – 9 сосудов.

I-B. Формовочные массы с примесью дресвы (15%): 3) слабоzapесоченная глина + дресва + органика – 6 сосудов; 4) среднеzapесоченная глина + дресва + органика – 5 сосудов.

I-B. Смешанные формовочные массы с примесью песка и дресвы (3%): 5) слабоzapесоченная глина + песок + дресва + органика – 1 сосуд; 6) среднеzapесоченная глина + песок + дресва + органика – 1 сосуд.

Группа II объединяет формовочные массы с примесью шамота и органики и составляет 14% изученных материалов. В зависимости от

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЗОЛОТЫХ УКРАШЕНИЙ ИЗ БЕСЛАНСКОГО (ЗИЛЬГИНСКОГО) МОГИЛЬНИКА III В. Н.Э.

Объектом данного исследования являются золотые украшения из коллекции Бесланского (Зильгинского) могильника III в. н.э. – одного из опорных памятников раннеаланской культуры Северного Кавказа. Могильник площадью 7 кв. км находится рядом с городищем Зильга II–VI вв. н.э. Изучением некрополя в различные годы занимались Ф.Э. Дзуцев, С.Б. Дзуцев и В.Л. Ростунов. В 2011 г. в связи со строительством дороги В.Ю. Малашев провел охранные раскопки 67 погребальных комплексов. Он предоставил в распоряжение автора часть коллекции для анализа химического состава металла украшений и реконструкции техники их изготовления.

Среди находок из погребений Бесланского могильника, исследованных в 2011 г., имеются украшения из сплавов на основе меди, серебра и золота. 13 золотых изделий происходят из 4 погребальных комплексов. В соответствии с морфологическими признаками они разделены на несколько категорий (нашивные бляшки, бусина, подвеска, серьга, золотая фольга). Изучение техники их изготовления проведено путем поверхностного осмотра на оптическом микроскопе (Zeiss Stemi, 2000) с увеличением от 10 до 500*. Сделанные наблюдения, зафиксированные с помощью макроснимков, позволили реконструировать технологические операции и приемы, использованные в процессе производства вещей. Химический состав металла исследован с помощью неразрушающего энергодисперсного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА)**. Для расчета концентраций элементов без применения стандартных образцов использован метод фундаментальных параметров.

К категории **нашивных бляшек** относится большая часть исследованной выборки – девять предметов. Все они изготовлены операциями пластической деформации – тиснения на тонкой золотой пластине с помощью различных пуансонов (с циркульным окончанием, с фигурным окончанием в виде цветка, пуансона-канфарника) на смоляной подушке с изнанки изделия. Края бляшек при этом остаются чуть загнутыми внутрь. Бляшки крепились на ткани с помощью пробитых круглых отверстий или припаянных на обороте миниатюрных петелек из уплощенной проволоки, согнутой в незамкнутое колечко. Три экземпляра из *погребения 707* имеют необычную форму и отличаются по технике исполнения: треугольники с загнутым «хвостиком»-крючком вырезаны зубильцем из основной заготовки после тиснения. По химическому составу металла все бляшки относятся к тройному сплаву Au-Ag-Cu. По концентрации компонентов их можно разделить на три группы: 1) высокопробное золото с низким содержанием серебра и меди (*погребение 706*); 2) золото (64-66%) с высоким содержанием серебра (30-33%) и медью в концентрации 1,31-3,13% (*погребения 707, 714*); 3) золото всех треугольных бляшек более высокой пробы (67,72-68,92%), концентрация серебра такая же, как в группе 2, содержание меди не более 1% (*погребение 707*). Вероятно, все эти однотипные украшения сделаны одновременно из одной заготовки – тонкого золотого листа.

Бусина из *погребения 714* изготовлена из двух полусферических половинок, тисненых с помощью анки – наковальни с углублениями и пуансона с шаровидным окончанием. Отверстия пробиты с лицевой стороны на плоских заготовках до тиснения; полусферы соединены пайкой. В отличие от металла накладок, сплав бусины содержит повышенную концентрацию меди – более 4%.

Сложносоставная **подвеска** в виде диска, прикрепленного цепочкой к цилиндрику, из *погребения 707*, изготовлена с помощью операций пластической деформации и пайки. Диск выбит из тонкой золотой пластины зубильцем. К нему с оборотной стороны припаяна петля, раскованная в каплевидную пластинку. Другой конец пластинки загнут в петлю и соединен с полый трубочкой, полученной из свернутой рифленой пластинки, края которой спаяны встык. По составу металл этого украшения практически не отличается от сплава, использованного для пяти нашивных бляшек разной формы из *погребений 707 и 714*.

Самым сложным по технике изготовления украшением является **серьга** из *погребения 744*. Она состоит из ковальной проволоочной дужки неравномерного круглого сечения с плоским раскованным концом, к которому припаяна гроздь из четырех полых шариков. Каждый из них декорирован мелкой зернью в виде пирамидки из четырех гранул, венчающей шарик. Кроме того, нитками зерни закрыты стыки между шариками. Состав металла сережки и бусины практически совпадает, в том числе по концентрации меди (выше 4 %). Аналогичные серьги происходят и из

других погребений Бесланского могильника, раскопанных в 1989, 2002 и 2003 гг. (Сокровища Алании, 2011. С. 149-151, 239).

Фрагменты фольги из погребения 707, сохранившиеся в сильно деформированном виде, вероятно, служили обкладкой какого-то предмета. Тончайший золотой лист получен в процессековки с промежуточными отжигами. По составу металла фольга принадлежит к одной группе с треугольными бляшками из этого же погребения.

Суммируя данные, можно заключить, что все предметы из проанализированной выборки произведены с помощью операций пластической деформации разной степени сложности. Мастера, изготовившие украшения для населения Зильгинского городища, владели техникой получения тончайшего листового золота, тиснением и пайкой. Они могли делать мелкие гранулы зерни и напаивать ее на сферическую поверхность. Для выполнения этих операций ювелиры использовали миниатюрные наковальни, зубила и молотки-ручники, матрицы-анки с полусферическими углублениями и пуансоны с шаровидным окончанием, различные виды чеканов и смоляные подушки. В выборке присутствуют украшения, различающиеся по сложности и качеству исполнения: серьга, подвеска, бусина, бляшки с петелькой на обороте – изделия мастера-виртуоза. Бляшки с пробитыми отверстиями и неровно обрезанными краями – вероятно, результат менее сложной работы, но для подтверждения этих выводов необходимо исследовать все золотые изделия Бесланского могильника.

Химический состав рассмотренных предметов достаточно однороден: это сплавы Au-Ag или Au-Ag-Cu. За исключением одного образца высокой пробы (Au>89%), содержание золота составляет 64-70%; серебро варьирует от 29 до 33%; медь – от 0,45 до 4%. По современной классификации такой сплав относится к желтому золоту, пригодному для всех видов обработки (Ковалева и др., 2000. С. 68, 70). Отсутствие свинца и других примесей позволяет предположить, что сырьем для изготовления украшений из Бесланского могильника был сплав естественного происхождения – электрум. Как полагают, самородное золото может содержать от 5 до 50% серебра и до 3% меди. Оно встречается в аллювиальном песке золотоносных рек или в кварцевых жилах рудных месторождений (Craddock, 1995. P. 111). Промывное аллювиальное золото добывалось, согласно письменным источникам, на территории Грузии в реках Риони, Ингури и Цхенис-Цхали и на территории Малой Азии в реке Пактол (Марфуни, 1987. С. 19). В настоящее время исследуется рудник Сакдрисси на территории Колхиды: золото из гидротермальных кварцевых жил разрабатывалось здесь с середины III тыс. до н.э. Содержание меди в образцах самородного золота из этого региона достигает 7% (Hauptmann et al., 2009). Однако для подтверждения предположения об использовании самородного золота и определения его происхождения необходимо исследовать химический и изотопный состав золотых изделий Бесланского могильника с помощью масс-спектрального анализа.

* Исследование проводилось на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством к.и.н. Н.В. Ениосовой.

** Анализ выполнен заведующим рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова к.г.-м.н. Р.А. Митояном.

Ковалева Л.А., Крайнов С.Н., Куманин В.И. Материалы ювелирной техники. М., 2000.

Марфуни А.С. История золота. М., 1987.

Сокровища Алании. М., 2011.

Craddock P. Early Metal Mining and Production. Edinburgh, 1995.

Hauptmann A., Klein S., Brey G. et al. Gold in Georgia, Caucasus: Analytical investigations of gold artefacts and native gold from Caucasus and Transcaucasus // *Aurum* 2009. Abstracts. Paris, 2009.

В.Л. Щербаков

Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Scherbakov-V-L@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СЕЛИЩА ВЕСЬ-5 В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

С 2001 г. Суздальской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Н.А. Макарова проводятся комплексные исследования археологических памятников в Суздальском Ополье.

В предлагаемой работе речь пойдет о технологических особенностях кузнечных изделий из коллекции одного из селищ указанного региона – Весь-5 (IX – X, вторая половина XII-XIII в.) (Макаров, 2008. С. 12, 13).

Нами была изучена коллекция предметов из черного металла, происходящих из комплексов (ям и сооружений) и непосредственно из культурного слоя, нарушенного многолетней распашкой (всего 94 экз.). Результаты металлографического анализа кратко представлены в таблице. Подробно остановимся только на наиболее массовой и информативной группе изделий – ножах.

Всего учтено 57 ножей. Их металлографическое изучение выявило ряд особенностей. Во-первых, сложные конструктивные схемы преобладают над простыми (соотношение 36/21). Во-вторых, среди сложных схем доминирует трехслойный пакет (22 ножа из 36), при этом за редким исключением (№ ан. 12593, 12603) имеет место «неклассический» трехслойный пакет (сочетание, отличное от формулы «фосфористое железо + качественная сталь + фосфористое железо»). В-третьих, из 36 ножей, откованных по сложным схемам, 35 были термически обработаны. Четвертая особенность заключается в высокой доле пакетирования среди простых технологических схем (12 из 21)*. Пятая особенность – невысокая доля термически обработанных изделий среди технологически «простых» ножей (8 из 20, в конструкции которых присутствует сталь).

Вслед за ведущими российскими специалистами (Завьялов и др., 2012. С. 17) при технологической характеристике мы учитывали следующие морфологические группы ножей: древнерусская (11 экз.), скандинавская (2 экз.) и финская (7 экз.). Основанием для такого деления служат пропорции клинка и характер перехода от клинка к черенку.

Ввиду небольшого количества изученных целых форм представляется возможным лишь наметить тенденцию к преобладанию сложных технологических схем над простыми в древнерусской морфологической группе и некоторое преобладание трехслойной конструкции над остальными в финской.

Таблица 1. Результаты металлографического анализа кузнечных изделий из коллекции селища Вель-5.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Всего
Ножи	2	6/3	1/1	12/4	2/2	22/21	3/3	1/1	8/8		57/43
Черенки ножей	2	1/0		1/0							4/0
Топоры				1/1			1/1 ¹			1/1 ¹	2/2
Шилья						1/0					1/0
Пробой				1 ¹¹							1
Ключи	1										1
Детали замков				1/0							1/0
Иглы	2	4/2									6/2
Накладки						1/0					1/0
Гвозди		1/0									1/0
Кресала					1/1						1/1
Язычки пряжек		2/1									2/1
Рамки пряжек		1/0									1/0
Косы		1/1									1/1
Сошники		1 ¹¹									1
Рыболовные крючки	1										1
Кудельные булавки		1/1									1/1
Долота						2/0 ¹¹					2/0
Струги					1/0						1/0
Заготовки ножей									1/0		1/0
Заготовки нако- нечников стрел	1										1
Пластины		3/1									3/1
Стержни	1	1/0									2/0
Бруски				1/1							1/1
Всего	10	22/9	1/1	17/6	4/3	26/21	3/3	1/1	9/8	1/1	94/53

I – целиком из железа; II – целиком из стали; III – цементация; IV – пакетирование; V – сварка из двух полос металла; VI – трехслойный пакет; VII – вварка; VIII – торцовая наварка; IX – косая боковая наварка; X – V-образная наварка; через «/» указано количество термически обработанных изделий; ¹ – топор числится в графах VII («вварка») и X («V-образная наварка»), так как после неудачной варки стальная вставка была раскована и наварена на железное лезвие; ¹¹ – долото, пробой и сошник не могли быть термически обработаны, так как содержание углерода в металле <0,2%.

К настоящему времени исследовано более 130 поковок с 5 селищ Суздальского Ополья, и только в выборке с селища Вешь-5 оказалась представлена такая категория вещей, как производственные заготовки**. Это соотносится с данными о производственном комплексе, связанном с получением или обработкой металла, который был выявлен в ходе геофизических исследований (пятна аномалий 34 и 35; Федорина и др., 2008. С. 28, 29). В изученной выборке с селища Вешь-5 помимо заготовок представлено достаточно много изделий, имеющих отклонения от оптимума в технологии производства, будь то перегрев металла, неудачная термообработка или нерациональный подбор сырья. Происхождение таких вещей может быть связано с функционировавшим в средневековье на территории этого поселения комплексом по обработке металла, не имеющим выраженной специализации по производству какого-то одного вида продукции. Подтверждением данной точки зрения может служить и большая доля ножей, изготовленных из пакетированного металла (12 из 21 экземпляра первой технологической группы). Ножи имеют небольшие размеры и массу, и использование при их производстве пакетированного сырья со случайным сочетанием полос металла не является наиболее удачным конструктивным решением. Полагаем, что в рассматриваемом случае речь может идти не о проявлении производственных традиций, а о локальной особенности местного производственного комплекса универсального характера, осуществлявшего ремонт инвентаря и изготовление необходимых изделий. Любые мелкие фрагменты металла при этом повторно использовались путем пакетирования. Обзор имеющихся в нашем распоряжении аналитических данных по кузнечным изделиям Суздальского Ополья позволяет утверждать, что столь высокая доля пакетированных ножей характерна только для выборки селища Вешь-5. Выдвинутое предположение о характере местного производственного комплекса, безусловно, требует дальнейшей проверки и корректировки.

* Сомнения вызывает лишь один случай, где три полосы имеют почти горизонтальную ориентировку, на лезвии и обушке оказалась сталь, а посередине – железо; данный нож отнесен к пакетированным условно, и результаты его изучения требуют дальнейшего осмысления.

** Материалы в публикации.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012.

Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: Новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Матер. науч. семинара. Вып. 2. М., 2008.

Федорина А.Н., Красникова А.М., Меснянкина С.В. Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Вешь-5 и Шекшово-2 с использованием методов геофизики и археологии // Археология Владимиро-Суздальской земли. Матер. науч. семинара. Вып. 2. М., 2008.

С.С. Ахмид

*Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова,
neferte@yandex.ua*

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ОХРАНЫ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Классическая (античная) археология, первой выделившаяся в самостоятельный раздел науки, неразрывно связана с другими разделами антиковедения – классической филологией, историей античности, историей искусств, материальной и духовной культуры (Тункина, 2003. С. 359). Начало формирования принципов сохранения античных древностей на территории Российской империи относится к XVIII в. В это время понятие «античные древности» толковалось довольно широко. Так, указом Петра I от 13 февраля 1718 г. предписывалось: «Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... старые надписи на камнях, железе или меди... такжь бы приносили, за что будет довольная дача» (Лебедев, 1992. С. 53; Полякова, 2006. С. 35). В опубликованном в царствование императора Николая I циркуляре Министерства внутренних дел от 31 декабря 1826 г. № 1068, направленном губернаторам, предписывалось доставлять сведения о памятниках-зданиях и воспрещалось разрушать их (Никольская, 2010).

В ряде документов, связанных с подготовкой специального закона об охране памятников старины того периода, археологические памятники еще не выделялись в особую группу, что свидетельствовало о некоторой размытости границ между археологией и архитектурой (Полякова, 2006. С. 35). Вместе с тем в 1822 г. было выпущено Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму» от 4 июля 1822 г. № 93, с которого началось систематическое изучение и учет археологических памятников Тавриды.

Этому предшествовало катастрофическое ухудшение сохранности археологических памятников Причерноморья – начиная с 90-х годов XVIII в. они становились объектами удовлетворения любопытства расквартированных в Крыму военных (Бойко, 2002. С. 12). Так, инженерный начальник Фанагорийской цитадели Фан дер Вейде не позднее 1793 г. проводил раскопки кургана близ станции Сенной (Ворошилова, 2010. С. 38); генерал-инженер и генерал-квартирмейстер П.К. Сухтелин (1801 г.) осуществлял раскопки в Ольвии (Формозов, 1975. С. 171; Латышев, 1887. С. 32); генерал С.Г. Гангелов (1811 г.) проводил раскопки близ Керчи (Формозов, 1975. С. 172; Дюбрюкс, 1889. С. 131); инженер-начальник Фанагорийской крепости, полковник Я.Л. Парокия (1817-1818 гг.) известен раскопками на Тамани (Формозов, 1975. С. 172; Ашик, 1848. С. 15), начальник транспортной флотилии Н.Ю. Патиниоти (1820-1821 гг.) – раскопками кургана в Керчи (Формозов, 1975. С. 172; Юргевич, 1889. С. 20). В результате было «добыто» множество сосудов и украшений, но зарисовка и обмер разрытых склепов и курганов, фиксация местонахождений предметов не проводились (Формозов, 1973. С. 175). Одним из самых негативных последствий подобных «раскопок» стало распространение слухов о находках большой материальной ценности, которые в свою очередь порождали еще большие разрушения памятников старины (Бойко, 2002. С. 12).

Ситуация в сфере сохранения археологических древностей стала столь угрожающей, что потребовалось принятие специальных государственных мер, направленных на ее улучшение. Это, в первую очередь, создание государственных собраний археологических находок из Причерноморья, таких, как Кабинет редкостей Черноморского Депо карт (1803 г., Николаев), Минцкабинет и Кабинет редкостей Харьковского университета (1805 г.), Феодосийский музей древностей (1811 г.), музеи в Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.) (Бойко, 2002. С. 12).

На смену генералам и полковникам пришли люди, ставившие получение научной информации выше поиска и добычи редкостей. Так, в 1811 г. началось научное исследование некрополя Пантикапея П.А. Дюбрюксом (Бич, 1959. С. 296–321). Была проведена топографическая съемка городищ Керченского полуострова, инициированная керченским градоначальником И.А. Стемпковским, составившим планы Мирмекия, Тиритаки, Аккры, Киммериона (Ашик, 1863. С. 907).

В 1823 г. И.А. Стемпковским была выработана и сформулирована первая исследовательская программа классической археологии Причерноморья: «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» (Стемпковский, 1827. С. 40–72). В ней впервые были названы стратегические цели и тактические задачи развития науки: фиксация и изучение всех без исключения памятников, проведение раскопок с научными целями, принятие мер по консервации, реставрации и охране древностей (Тункина, 2003. С. 365).

Начало археологических исследований в Причерноморье было положено людьми, в профессиональном отношении далекими от археологии. Главным результатом этих исследований было привлечение всеобщего внимания к археологическим древностям, необходимости их изучения и сохранения. Процесс становления охраны античных памятников Северо-Западного Причерноморья прошел нелегкий путь, «со взлетами и падениями», пик экспедиций пришелся на последнюю четверть XVIII в., но уже к началу XIX в. наметился переход от бессистемного поиска к планомерному научному исследованию древностей.

Ашик А.Б. Боспорское царство. Т. II. Одесса, 1848.

Ашик А.Б. И.А. Стемпковский // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863.

Бич О.И. Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса 1816–1817 гг. // МИА. 1959.

Бойко А.Л. В поисках древнего Танаиса. Ростов-на-Дону, 2002.

Ворошилова О.М. История исследования некрополя Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (29). М., 2010.

Дюбрюкс П.А. Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817–1818 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XV. Одесса, 1889.

Латышев В.В. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.

Никольская Т.М. Стратегия охраны памятников искусства, история и перспективы развития // Аналитика культурологии. Вып. 2 (17) [электронный ресурс] Тамбов, 2010. – Режим доступа: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/233-article_45.html, свободный (дата обращения 28.01.2013).

Полякова М.А. Культурное наследие: историческая динамика понятия // Обсервация культуры: журнал-обозрение. 2006. № 1.

Стемпковский И.А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. № 81. СПб., 1827.

Тункина И.В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья. СПб., 2003.

Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1.

Юргевич В.Н. Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей 1839-1889. Одесса, 1889.

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И РАЗНОЧТЕНИЯ В КОПИЯХ
ПЕТРОГЛИФОВ НИЖНЕГО АМУРА: ПО МАТЕРИАЛАМ Ф. № 1099 САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

В фонде А.П. Окладникова в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (ПФА РАН) хранится огромное количество различного рода документов, отдельный массив составляют полевые материалы. Среди них представлены копии петроглифов – прорисовки на кальках. А.П. Окладникову было свойственно стремление к оперативному введению источников в научный оборот, но, несмотря на это, среди многочисленных прорисовок удалось обнаружить как неопубликованные изображения, так и различные варианты одних и тех же фигур, представленные в копиях разных лет. Описание этих материалов дано ниже.

Кия (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 424).

Среди полевых материалов, относящихся к Дальневосточной археологической экспедиции (ДВАЭ), имеются калькированные копии петроглифов на р. Кия, притоке р. Уссури, помеченные 1974 г. Они выполнены карандашом, всего в деле девять листов, их размеры 87 x 142 – 21 x 35 см. Изображения, за исключением одного, не опубликованы. Каких-либо описательных материалов, связанных с этими кальками, обнаружить не удалось. В отчетах и полевых дневниках информация о работах в 1974 г. на р. Кия также не выявлена. Среди полевых документов за 1974 г. имеются только отчеты и материалы к ним о раскопках в бухте Саган-Заба.

Представлены следующие изображения.

Рисунок 1 (рис. 1, 1) – изображение животного в «скелетном» стиле. В задней части имеются повреждения, почти не затронувшие фигуру.

Рисунок 2 (рис. 1, 2) – изображение животного в движении. Задних ног нет, но имеется длинный хвост.

Рисунок 3 (рис. 1, 3) – изображение личины. У нее только один левый глаз, нос показан в виде угла, направленного вверх, рот в виде волути, его очерчивает широкая дуга.

Рисунок 4 (рис. 1, 4) – изображение личины. У нее двойной контур, глаза также обведены концентрическими кругами и спиралями.

Шереметьевское.

Копирование петроглифов у с. Шереметьевского проводилось в 1958, 1968 и 1970 гг. (Окладников, 1971), однако среди архивных материалов, относящихся к работам ДВАЭ, не удалось обнаружить отчетов или дневников, связанных с ними. Имеются кальки с изображениями, выполненными карандашом, относящиеся к 1958 г. (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 422) и 1970 г. (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 423). У с. Шереметьевского известно три пункта местонахождений петроглифов. А.П. Окладников приводит описание расположения второго пункта по Альфтану: «Одну версту дальше вниз (от пункта первого – А.О.), т.е. верстах в 2-3 от Шереметьевского, на правом берегу Уссури» (Окладников, 1971. С. 53). Представленные изображения относятся ко второму и третьему местонахождениям.

Рисунок 5 (рис. 1, 5, 6) – изображение личины. На кальке надпись – «камень № 2 № 11». На архивном варианте изображения слева нет широкой дуги с поперечными полосками.

Следующие две фигуры расположены в третьем пункте, находящемся в 4-4,5 км ниже второго (Окладников, 71. С. 57).

Рисунок 6 (рис. 1, 7, 8) – композиция из нескольких фигур. На кальке надпись: «Дальний утес, камень Ш». Изображена сердцевидная личина с глазами в виде спиралей, под ней справа – фигура птицы. На архивном варианте есть также изображение фигуры животного в «скелетном» стиле – в публикации показана только вертикальная полоса, которая является его передней частью.

Рисунок 7 (рис. 1, 9, 10) – изображение личины. В варианте 1958 г. у нее помимо радиально расходящихся лучей есть также уши (пометок на кальке нет). На копии 1970 г. представлен уже знакомый нам по публикации вариант. На нем есть надпись: «ДВАЭ. Шереметьево. Камень № 3. Рис. (композиция) № 3» и приклеен небольшой лист с первоначальной трактовкой личины, помеченный – «проверить».

Теперь рассмотрим неопубликованные изображения.

Рисунок 8 (рис. 1, 11) – «камень II. Рис. 3Б». Композиция из трех водоплавающих птиц.

Рисунок 9 (рис. 1, 12) – «...[неразборчиво] камень 2 № 12». Изображение личины, верхняя часть отбита.

Рисунок 10 (рис. 1, 13) – «Камень № 2. Рисунок № 13 слева от оленя». Изображение личины с V-образной линией на лбу и глазами в виде концентрических кругов.

Сакачи-Алян.

Петроглифы Сакачи-Аляна исследовались в 1935, 1958, 1963 гг., а в 1969 г. была осуществлена контрольная съемка изображений и проверка прежних калек. (Окладников, 1971. С. 13). В архиве имеются полевые материалы за 1963 г. (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 417), 1969 г. (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 419) и 1970 г. (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 420) и кальки разных лет (1963-1970) (ПФА РАН, Ф. 1099, Оп. 2, № 421). Среди перечисленных полевых материалов представлены только скалькированные петроглифы.

В Сакачи-Аляне известно шесть пунктов с петроглифами, они расположены вдоль правого берега Амура. Рассматриваемые нами изображения относятся к первому и второму местонахождениям. Пункт первый находится у нижнего конца Сакачи-Аляна (Окладников, 1971. С. 17), второй – у верхнего конца с. Сакачи-Алян, за речкой Ордой (Окладников, 1971. С. 24).

Рисунок 11 (рис. 1, 14-17) – поврежденное многослойное изображение, относящееся к пункту второму, – единственное, которое имеет такое количество вариантов, при этом два из них относятся к одному сезону 1963 г. Здесь можно рассмотреть фигуру сидящего человека, однако конечный – опубликованный – вариант демонстрирует другую интерпретацию. По мнению А.П. Окладникова, верхняя половина рисунка – это изображение быка (Окладников, 1971. С. 31). На всех копиях есть следующие подписи: рис. 1, 15 – «№ 40»; рис. 1, 16 – «Сикачи-Алян, 63. № 40. Дневник Фролова. Стр. 119»; рис. 1, 17 – «Сикачи-Алян-1969 г. Камень № 40 П 2».

Следует отметить, что дневник Фролова мной обнаружен не был. В монографии А.П. Окладникова камень с этим изображением значится под номером 43.

Рисунок 12 (рис. 1, 18) – изображение простой личины с длинным опоясывающим ее отростком. Вместе с ним хранится копия другого, опубликованного (Окладников, 1971. Табл. 27, 1) изображения. Они подписаны: табл. 27, 1 по А.П. Окладникову – «С-Алян. 2.XI.70 А»; рис. 1, 18: «В». Можно предположить, что на памятнике они расположены рядом – в пункте первом.

Рисунок 13 (рис. 1, 19) – скорее всего, перед нами фрагментированное изображение, возможно, остатки личины. Подпись на кальке: «2.XI. С.Алян, 1970».

Таким образом, удалось пополнить источниковую базу первобытного искусства неизвестными ранее изображениями, однако часть их, к сожалению, сильно повреждена, что осложняет интерпретацию. Возможно, именно по этой причине они не попали на страницы монографии А.П. Окладникова. Остается загадочной ситуация с петроглифами Кии – кроме самих изображений никаких дополнительных материалов выявить пока не удалось. Хотелось бы надеяться, что этот информационный пробел можно будет заполнить в будущем.

Из приведенного сопоставления и анализа различий в копиях одних и тех же изображений можно сделать вывод о сложности петроглифических комплексов, неоднозначности выбитых линий на камнях, образующих изображения, и тщательности подхода исследователей того времени, не единожды перепроверявших сделанные копии. Сложно с точностью сказать, какой из приведенных вариантов верный, для этого необходимы дополнительные полевые исследования.

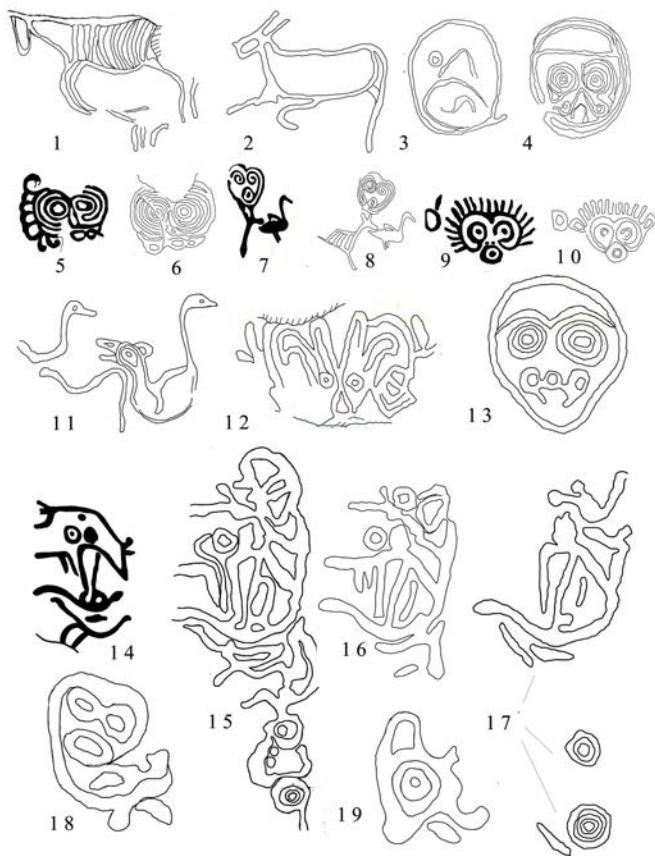

Рис. 1. Петроглифы Нижнего Амура. 1-4 – Кия; 5-13 – Шереметьевское; 14-19 – Сакачи-Алян; 5, 7, 9, 14 – по: Окладников, 1971.

Научное издание

Новые материалы и методы археологического исследования:
Материалы II Международной конференции молодых ученых

Редактор *В.Е. Родинкова*
Дизайн и верстка: *Д.И. Киселев*

Подписано в печать 12.03.2013. Формат 60 x 84 ¹/₈
Усл.печ.л. 23,7. Уч.-изд.л. 24,5. Тираж 230 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-146-2

9 785943 751462